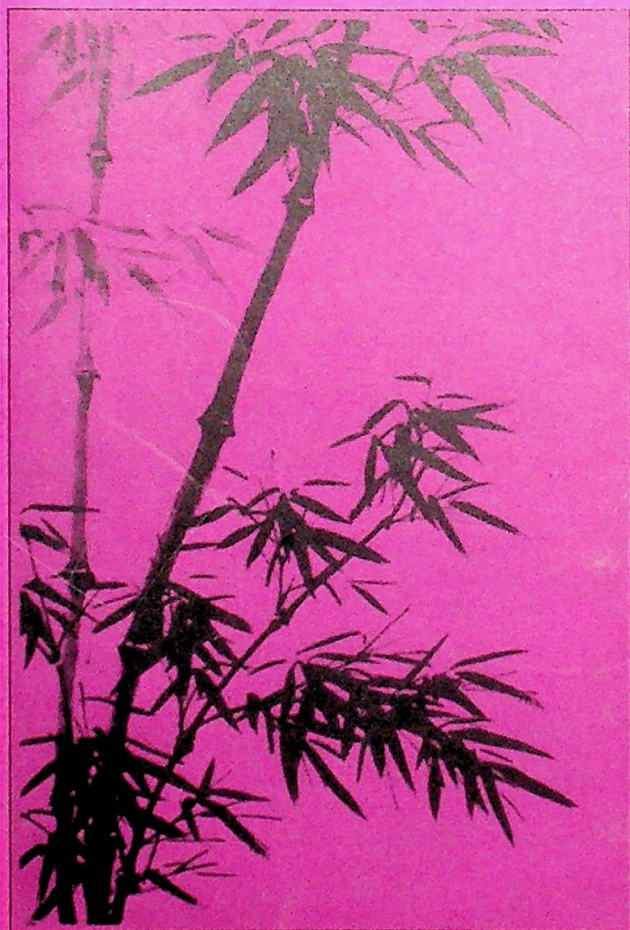

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/2016

ISSN 0131-2812

Круглый стол в ИДВ РАН:
Российско-китайские отношения
на современном этапе

Круглый стол в ЦДВ:
К 50-летию начала
«культурной революции» в Китае

Обновление властных структур
в КНДР

Российские консульства в Монголии
в начале XX века

Борьба с коррупцией в Индонезии

3-й жкз

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/2016

Июль — Август

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Я.М. Бергер, д.и.н., (*зам. главного редактора*), О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н., А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н., А.С. Давыдов, к.и.н. (*зам. главного редактора*), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф., А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (*ответственный секретарь*), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н., В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н., С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований (Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция), У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин, КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов *зав. отделом Кореи*
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова *экспедитор*
Е.А. Лапшина *зав. редакцией*
Г.П. Манчха *редактор*
Д.Б. Славинский *оператор ЭВМ*
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и философии
А.В. Шлындов *зав. отделом Японии*

© Российская академия наук, 2016

© ФГУП «Академиздатцентр «Наука», 2016

© Составление. Редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока», 2016.

3-й этаж

Содержание

От главного редактора	4
Круглый стол в ИДВ РАН Российско-китайские отношения на современном этапе. К 15-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР	5
ПОЛИТИКА <i>А.З. Жебин.</i> VII съезд Трудовой партии Кореи: предварительные итоги	44
<i>К.Р. Вода.</i> Содействие международному развитию и интересы безопасности в политике Японии	54
ЭКОНОМИКА <i>А.В. Афонасьева.</i> Роль зарубежных китайцев в развитии северной ветки Экономического пояса Шелкового пути	63
<i>Н.Н. Коледенкова.</i> Черная металлургия КНР в 12-й пятилетке и международное сотрудничество в производственной сфере	74
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ <i>И.В. Ушаков.</i> Загрязнение окружающей среды в Китае	81
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО <i>Н.А. Толмачёв.</i> Борьба с коррупцией в Индонезии на современном этапе	93
ИСТОРИЯ К 50-летию «культурной революции» в КНР (Круглый стол в ПДВ)	100
<i>А.А. Сизова.</i> Информационно-аналитическая деятельность российских консульств в Монголии в начале XX века	144
ФИЛОСОФИЯ <i>Л.Е. Янгутов.</i> Духовные истоки политической стратегии «мягкой силы» Китая	159
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ Институту экономических исследований Дальневосточного отделения РАН — 40 лет	168
XX научная конференция корееведов России и стран СНГ	169
Содержание журнала «Форум Северо-Восточной Азии» (Дунбэй Я луньтань) (КНР) за второе полугодие 2015 г.	176

РЕЦЕНЗИИ

Современный Вьетнам: Справочник.....178

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Мезенцев Дмитрий Федорович — Председатель Общества российско-китайской дружбы.....180

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Сергею Геннадьевичу Лузянину — 60 лет182

85 лет Вадиму Ивановичу Шабалину184

Contents186

Summary.....188

От главного редактора

25 июня 2016 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин посетил с официальным визитом Китайскую Народную Республику. Повестка нового российско-китайского саммита на высшем уровне ожидаемо оказалась чрезвычайно насыщенной. Лидерами двух стран и в их присутствии были одобрены в общей сложности 37 двусторонних документов. Наиболее объемный и комплексный из них — Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики, в котором дана высокая оценка Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя странами, подписанному 15 лет назад — 16 июня 2001 г. Отмечено, что данный Договор и практика его реализации демонстрируют всему миру «успешный пример выстраивания гармоничных, конструктивных, равноправных, доверительных и взаимовыгодных отношений между крупнейшими державами».

Были подписаны также совместные заявления Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности и о взаимодействии в области развития информационного пространства. Министры иностранных дел двух государств одобрили Декларацию РФ и КНР о повышении роли международного права.

Заслуживает упоминания и Совместное заявление Евразийской экономической комиссии и Министерства коммерции КНР об официальном запуске переговоров по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и Китайской Народной Республикой. Можно сказать, что данное заявление, одобренное в присутствии аккредитованных в Китае послов стран — членов Евразийского экономического союза, дало старт практической работе по сопряжению ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути.

А накануне, 23–24 июня 2016 г. в Ташкенте — столице Республики Узбекистан — состоялось 16-е заседание Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества, которая в июне отметила 15 лет со дня образования. В Ташкентской декларации 15-летия Шанхайской организации сотрудничества охарактеризованы ее основные достижения и намечены перспективы дальнейшего развития. В связи с подписанием в ходе Ташкентского саммита меморандумов об обязательствах Республики Индия и Исламской Республики Пакистан в целях получения статуса государства — члена ШОС отмечено, что получение Индией и Пакистаном статуса полноправного члена ШОС расширит потенциал Организации и будет способствовать дальнейшему повышению ее роли на международной арене.

Представляется, что итоги последней по времени российско-китайской встречи в верхах и 16-го саммита глав государств — членов ШОС станут предметом всестороннего изучения и анализа многих российских, китайских и зарубежных экспертов. Готовы опубликовать наиболее интересные аналитические материалы по данной проблематике в нашем журнале.

Владимир Портяков

Круглый стол в ИДВ РАН

Российско-китайские отношения на современном этапе

К 15-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР

27 мая 2016 года в Институте Дальнего Востока РАН состоялся круглый стол на тему «Российско-китайские отношения на современном этапе. К 15-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР», организованный Центром изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН. В обсуждении состояния и перспектив отношений между двумя странами приняли участие сотрудники Института Дальнего Востока, Института востоковедения РАН, других экспертно-аналитических учреждений. Ниже публикуется обзор выступлений участников круглого стола.

Большой российско-китайский договор: новая модель, юридическая основа, импульсы для отношений двух стран

С.В. Уянаев, к.и.н., заместитель директора Института Дальнего Востока РАН:

Нынешний год — знаменательный для российско-китайских отношений. Исполняется 15 лет с момента подписания между РФ и КНР Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, который заложил юридический фундамент отношений стратегического партнерства. Опыт полутора десятилетий после его подписания полностью подтвердил инновационный характер этого документа, поскольку миру была явлена новая модель двусторонних отношений — деидеологизированная модель прагматичного, равноправного, взаимовыгодного и добрососедского сотрудничества, тесного стратегического партнерского взаимодействия во имя продвижения сходных внутренних и международных интересов.

Думается, что наблюдаемое в последние годы продвижение Китаем тезиса о «новом типе межгосударственных отношений», в том числе междержавных отношений, имеет корни в положениях российско-китайского Договора от 2001 года. Практически каждая из его статей представляет собой фиксацию принципиально значимых для полноценного взаимодействия положений — от универсальных принципов равноправия, мирного способа ведения дел до совместных усилий по поддержанию глобального стратегического баланса и взаимных консультаций в случае угрозы безопасности и агрессии в отношении одной из договаривающихся сторон.

Юбилей, безусловно, хороший повод для обсуждения вопросов текущего этапа российско-китайских отношений. Во-первых, речь идет о партнере, чей экономический

вес и политическое влияние в последние три с лишним десятилетия выросли многократно. Достаточно сказать, что ВВП КНР в долларах США по текущему обменному курсу увеличился с 1980 по 2015 г. с показателя 300 млрд до 11 трлн, что, по данным МВФ, позволило КНР по итогам 2009 г. занять вторую строку в соответствующем рейтинге мировых лидеров. А по показателю ВВП, паритету покупательной способности национальных валют КНР уже в 2014 г. вышла на 1-е место в мире. Соответственно выросли ее политические амбиции, изменилась самооценка, которая ныне все чаще определяется стремлением не только отстаивать свои интересы в рамках собственных границ, но и полноценно участвовать в формировании и реализации мировой и региональной повестки дня в ее экономическом и политическом измерениях. Во-вторых, Китай — непосредственный сосед России, с которой его связывает не только одна из наиболее протяженных (4300 км) границ, но и четырехсотлетняя история отношений, в которых чаще бывали добрососедские, но все же разные периоды. В любом случае Китай — страна, состоящие связи с которой имеет для РФ повышенное значение.

На этом фоне тем более важно, что за последние более четверти века наши отношения объективно характеризуются устойчиво позитивной, восходящей тенденцией развития. Уместно напомнить, что за 13 лет после подписания т.н. Большого договора (2000–2014 гг.) товарооборот между двумя странами вырос более чем в 8 раз (с 10,7 до 88,4 млрд долл.). Причем даже в условиях его заметного сокращения в 2015 г. Китай продолжает сохранять обретенное несколько лет назад место главного торгового партнера РФ. Создан уникальный по масштабам и разветвленности механизм межгосударственного сотрудничества, тесным и многопрофильным характером отличается взаимодействие по вопросам международной жизни. Стороны оказывают поддержку друг другу по коренным вопросам суверенитета и территориальной целостности, уважают выбор каждой из них собственного пути развития.

Это, разумеется, не означает, что ситуация в российско-китайских отношениях безоблачна. Расхождения в подходах и взглядах по тем или иным вопросам — естественная часть связей двух стран, каждая из которых имеет собственную историю, свои взгляды на устройство внутренней жизни и на развитие международных процессов. Примеры хорошо известны. Это не без проблем ведущееся экономическое взаимодействие, это порою коренящиеся в полярных трактовках истории реликты недоверия и обид, это элементы текущей региональной конкуренции, способные актуализироваться, в частности, по мере реализации китайской инициативы ЭПШП, это особенности маневрирования обеих сторон в треугольнике КНР — РФ — США. Перечень можно продолжить.

В.С. Мясников, академик РАН, Институт востоковедения РАН:

Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи, подписанный 14 февраля 1950 г. и вступивший в действие 11 апреля того же года, был заключен на 30 лет. В 1979 г., за год до истечения срока действия договора, китайская сторона отказалась его продлить. И впервые за 290 лет существования договорно обусловленных связей двух стран в их межгосударственных отношениях образовался правовой вакуум. В течение 22 лет стороны шли к постепенному восстановлению договорно-правовых отношений.

Первый шаг был сделан, когда 16 мая 1991 г. в Москве министром иностранных дел СССР А.Бессмертных и министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем было подписано Соглашение между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее восточной части. Соглашение создавало возможность получить после завершения демаркационных работ полностью демаркированную и законодательно установленную границу России с Китаем. Текст Соглашения гласил: «Договаривающиеся Стороны согласились на основе договоров о нынешней советско-китайской границе, согласно общепринятым нормам международного права, в духе равноправных консультаций, взаимного понимания и взаимной уступчивости, а также на основе договоренностей, достигнутых в ходе советско-китайских переговоров по пограничным вопросам, справедливо и рациональ-

но разрешить оставшиеся от истории пограничные вопросы между СССР и КНР, уточнить и определить прохождение линии границы между обоими государствами» (ст. 1).

Соглашение практически сняло пограничную проблему, длительное время осложнявшую отношения СССР с КНР (обсуждение линии государственной границы у Хабаровска и в районе острова Большой на Аргуни было отложено). 13 февраля 1992 г. это Соглашение было ратифицировано Верховным Советом РФ, за него проголосовало 170 депутатов, против не было ни одного, воздержались — 6. 16 марта 1992 г. в Пекине состоялся обмен ратификационными грамотами, при этом было констатировано, что Россия приняла на себя в полном объеме предусмотренные в Соглашении права и обязательства. Соглашение вступило в силу. В подписанной 3 сентября 1994 г. главами государств России и Китая Совместной декларации обе стороны еще раз подтвердили обязательство строго соблюдать Соглашение 1991 г.

В апреле 1996 г. Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Таджикистан подписали в Шанхае Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Так было положено начало деятельности пяти держав, получивших название «Шанхайской пятёрки». Еще более масштабное Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе бывшей советско-китайской границы страны пятёрки подписали в Москве в 1997 г. Встречи лидеров этих государств в Алма-Ате в 1998 г. и Бишкеке в августе 1999 г. показали перспективность взаимодействия этих держав.

Наступил XXI век. Президентом России стал В.В. Путин. В КНР также намечалась смена руководства — председатель Цзян Цзэминь готовился передать бразды правления своему преемнику Ху Цзиньтао. 17–19 июля 2000 г. В.В. Путин нанес официальный визит в КНР. По итогам переговоров с Цзян Цзэмином 18 июля была принята Пекинская декларация РФ и КНР. В пункте X оба лидера подчеркнули: «Дружба народов двух стран, передающаяся из поколения в поколение, отвечает общим чаяниям народов России и Китая. Ее упрочение требует широкого участия и неустанных усилий как органов власти, так и народов двух стран». В свою очередь пункт XI этого исторического документа гласил: «Для утверждения долгосрочных и стабильных отношений между двумя государствами на основе добрососедства и дружбы, взаимного доверия и взаимной выгоды главы двух государств договорились о начале переговоров по разработке российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве».

16 июля 2001 г. был подписан Московский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В статье 1 этого Договора отмечалось: «Договаривающиеся Стороны на долгосрочной основе всесторонне развивают отношения добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования».

Особое значение имела Статья 6, которая гласила: «Договаривающиеся Стороны, с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия. Договаривающиеся Стороны руководствуются международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, неукоснительно соблюдают государственную границу между ними».

В Договоре были прописаны и действия в случае возникновения угроз: «В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сто-

рон, Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы».

Наконец, за полтора месяца до событий в Нью-Йорке РФ и КНР договорились о взаимодействии в борьбе с международным терроризмом (Статья 20): «Договаривающиеся Стороны в соответствии со своим национальным законодательством и международными обязательствами каждой из них активно сотрудничают в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью».

Договор вступил в силу 28 февраля 2002 г. Он действует до 28 февраля 2022 г. и автоматически продлевается на последующие пятилетние периоды. Ратифицирован Федеральным Собранием Российской Федерации (Федеральный закон от 25 января 2002 года № 9-ФЗ) и Председателем Китайской Народной Республики (Постановление ПК ВСНП от 27 октября 2001 года).

Этот договор имеет важное историческое значение не только для отношений нашей страны с ее великим дальневосточным соседом, но и для международных отношений наступившего XXI столетия в целом.

На чем же основывается такая характеристика этого «договора века», как назвал его Председатель КНР Цзян Цзэминь?

Во-первых, Московский договор восстановил международно-правовую, договорную основу российско-китайских отношений, которая существовала на протяжении трех с лишним веков.

Во-вторых, это восстановление произошло на качественно новой основе, в соответствии с принципами добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия между двумя государствами в XXI веке. В этом плане Московский договор не только подвел итог предыдущему десятилетию конструктивного развития добрососедских отношений России с Китаем, но и открыл новые пути их дальнейшего совершенствования и развития на длительную перспективу.

В-третьих, российско-китайские отношения давно уже во многом определяют общий климат международной жизни. И в данном случае Договор заложил основы региональной стабильности в Восточной и Центральной Азии.

И, наконец, это первый договорный акт такого масштаба в наступившем столетии. Подписав его, Россия и Китай внесли существенный вклад в построение складывающейся в наши дни новой системы международных отношений.

Договор носит системный, комплексный характер, он относится к той категории договоров, которые в прошлом назывались «трактатами». Московским договором определено, что Россия и Китай строят свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Стороны отказываются в своих взаимоотношениях от применения силы или угрозы силой, от иных методов давления и подтверждают обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, а также не нацеливать стратегические ядерные ракеты. Эти обязательства звучат особенно весомо в новых условиях, когда США в одностороннем порядке вышли из договора по ПРО.

Уважая выбор социально-политического, экономического и культурного развития каждой из сторон, Россия и Китай обеспечивают долговременное и стабильное развитие отношений между двумя государствами. Таким образом стороны освободили весь комплекс своих взаимосвязей от излишней идеологизированности, приводившей в прошлом к драматическим осложнениям. Ныне, основываясь на коренных национальных

интересах, Россия и Китай поддерживают друг друга в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности каждой из Сторон. Подлинная демократизация международной жизни заключается в признании того, что партнер по международным отношениям должен восприниматься таким, каков он есть, что каждое государство имеет право, исходя из своих конкретных условий, независимо и самостоятельно выбирать путь развития без вмешательства со стороны других государств. При этом различия в социальном строе, идеологиях, системах ценностей не должны становиться препятствием для развития нормальных межгосударственных отношений. Все страны, будь они большие или малые, богатые или бедные, являются равноправными членами международного сообщества. Ни одна страна не должна стремиться к гегемонии, проводить политику с позиции силы и монополизировать международные дела.

Новый международный порядок не должен навязываться принудительно, силой. Да и вообще, чтобы утвердить новую, всеобъемлющую концепцию безопасности, необходимо покончить с менталитетом холодной войны, реминисценциями блоковой политики.

Россия и Китай согласовывают свои планы по реализации таких крупнейших проектов XXI века, как развитие Восточной Сибири, создание экономической основы международных транспортных коридоров Великого шелкового пути, строительство трубопроводов для передачи углеводородного сырья из России в Китай. Все эти проекты непосредственно касаются огромного района Евразии.

Основные особенности внешней политики Китая на современном этапе и их влияние на российско-китайские отношения

А.В. Ломанов, д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН:

Весной 2016 г. китайские руководители неоднократно упоминали о приближающемся 15-летию заключения двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, всякий раз указывая на необходимость развития «практического сотрудничества» между двумя странами.

Новым контекстом для его углубления стали осложнение отношений между Россией и Западом, спад в российской экономике и сокращение стоимостных объемов российско-китайской торговли. На пресс-конференции 8 марта 2016 г., в период работы сессии ВСНП, глава МИД КНР Ван И заверял, что отношения двух стран являются крепкими и стабильными, могут «полностью выдержать испытание любой международной непогодой». Он подчеркивал, что «взаимное дополнение экономик Китая и России сильное, потребность в сотрудничестве большая, она обладает долгосрочным и стратегическим характером, некоторые временные факторы не влияют и не смогут повлиять на большую тенденцию углубления всестороннего сотрудничества Китая и России». Коснувшись темы 15-летия Договора, глава китайского дипломатического ведомства выразил надежду на «превращение высокого уровня политических отношений между двумя странами в еще большие результаты практического сотрудничества».

Тема сотрудничества с Россией была затронута и после завершения сессии ВСНП 16 марта 2016 г. на пресс-конференции премьера Ли Кэцзяна в ответе на вопрос о причинах недостаточного инвестирования Китая в российскую экономику. Премьер заверил, что Китай следует независимой суверенной внешней политике и потому отношения с Россией не подвержены влиянию изменений мировой обстановки и не испытывают давления со стороны третьих стран. Он отметил, что падение показателей торговли не отражает реальной ситуации. К примеру, физический объем закупленной в России нефти вырос, а размер товарооборота упал из-за снижения цен на сырье: «Хотя количество не сократилось, объем торговли пошел вниз. Но ответственность за это лежит не на нас».

Выступления Ли Кэцзяна и Ван И отражают китайское восприятие проблем в двустороннем экономическом сотрудничестве, обусловленных резким падением цен на

российские экспортные товары. Эти трудности являются временными, стороны не отвечают за сокращение торговли и, как следствие, за невозможность выполнить поставленные цели по наращиванию оборота до намеченных объемов к определенным датам. Китай проводит независимую политику и не станет ограничивать сотрудничество с Россией по причине западного давления.

В марте — мае 2016 г. в преддверии визита президента В.В. Путина в Китай состоялись три встречи Си Цзиньпина с высокопоставленными гостями из России. Судя по официальным китайским сообщениям об этих встречах, всякий раз годовщину Договора 2001 г. китайский лидер характеризовал как «шанс» для дальнейшего развития отношений.

25 марта 2016 г. в ходе встречи с руководителем Администрации президента РФ С.Б. Ивановым Си Цзиньпин отметил: «Двум сторонам нужно поддерживать тесные контакты на высшем уровне. Нужно сфокусироваться на стыковке стратегий развития Китая и России, углубленно продвигать двустороннее практическое сотрудничество в важных областях». Появившийся в этом контексте призыв к «стыковке» стратегий выглядит как отсылка к планам стыковки китайской инициативы «экономического пояса Шелкового пути» с ЕАЭС. Китайский лидер подчеркнул, что «двум сторонам нужно укреплять коммуникацию и координацию в международных и региональных делах, вместе продвигать вперед политическое решение проблем важных горячих точек».

Примечательны слова Си Цзиньпина о том, что он поддерживает сотрудничество Канцелярии ЦК КПК и Администрации президента РФ в деле «взаимного изучения опыта управления государством». Эта тема находится в центре внутренней политики Си Цзиньпина. Название «О государственном управлении» получило собрание избранных работ Си Цзиньпина, изданное на китайском и ряде иностранных языков в 2014 г. Двусторонние контакты в этой сфере указывают на высокий уровень взаимного доверия и наличие высокого интереса к внутривнутриполитическому опыту партнера.

Для китайской стороны развитие контактов на высшем уровне выступает как предпосылка для развития практического сотрудничества. В ходе состоявшейся 28 апреля 2016 г. встречи с главой МИД России С.В. Лавровым Си Цзиньпин подчеркнул, что в нынешней ситуации обе стороны должны усиливать в развитии двусторонних отношений «проектирование сверху» и «стратегическое ведение». В современном Китае формулировка «проектирование сверху» относится к политике реформ. Подразумевается, что их стало невозможно проводить методом эмпирического «нащупывания камней», вместо этого требуется четкий план преобразований, который нужно разработать на уровне «верхов».

Применительно к двусторонним отношениям эти слова указывают на желание китайской стороны повысить роль стратегического планирования «сверху» в деле развития сотрудничества. В беседе с С.В. Лавровым китайский лидер призвал «наращивать стратегическое и политическое взаимное доверие между странами», а также «продвигать между двумя странами практическое сотрудничество, в особенности сотрудничество по большим проектам». Вместе с тезисом об укреплении коммуникации и координации по важным международным и региональным вопросам Си Цзиньпин предложил сделать так, чтобы «китайско-российская мудрость» и «китайско-российские планы» вносили вклад в отстаивание мира и стабильности в мировых и региональных масштабах.

5 мая 2016 г. в ходе встречи с председателем Госдумы РФ С.Е. Нарышкиным Си Цзиньпин представил идею развития «практического сотрудничества» между двумя странами как отражение единого мнения руководителей двух государств: «Мы с президентом Путиным достигли консенсуса: на следующем этапе развития китайско-российских отношений центральная задача — это трансформировать преимущества политических отношений на высоком уровне между двумя странами в еще большие результаты практического сотрудничества и международного сотрудничества, в еще лучшее созидающее счастье для двух государств и народов двух стран».

Внимание китайской стороны к юбилею Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве подчеркивает преемственность в двусторонних отношениях. Вместе с тем следует учитывать перемены в китайской политике, которые произошли после прихода к власти Си Цзиньпина. В китайском внешнеполитическом лексиконе появилась новая концепция «дипломатии великого государства с китайской спецификой», которой не было во времена заключения Договора. В Китае формируется новый контекст развития отношений с Россией.

С точки зрения сегодняшнего дня в полной мере становится ясной важность состоявшегося в марте 2013 г. визита Си Цзиньпина в Москву. Выступая в МГИМО 23 марта 2013 г., Си Цзиньпин впервые озвучил идею «создания международных отношений нового типа, сердцевиной которых являются сотрудничество и взаимный выигрыш». В наши дни китайские политические комментаторы подчеркивают, что эта идея стала отправной точкой внешнеполитической концепции Си Цзиньпина. Ее производной стала концепция «отношений нового типа между большими государствами», которую Китай предлагает ныне в качестве основы взаимодействия с США. В китайских публикациях подчеркивается, что стратегия «международных отношений нового типа» Си Цзиньпина была использована за минувшие три года для продвижения сотрудничества Китая с Россией, США, Европой.

При Си Цзиньпине появилась афористичная формулировка, отражающая сущность новой внешней политики: «Большие государства — это ключевое, периферия — это главное, развивающиеся страны — это основа, многосторонность — это важная сцена». Стало заметным повышение внимания Китая к сотрудничеству с соседними, «периферийными», странами. Россия соответствует сразу двум критериям, поскольку это «большая страна» и вместе с тем сосед Китая.

Текущую китайскую политику в отношении России характеризуют формулировки «не создавать союз и процветать вместе», «заключать партнерство и не заключать союз». Для понимания китайской позиции по поводу перспектив развития отношений с Россией значительный интерес представляет программный текст главы Комиссии по иностранным делам ВСНП Фу Ин «Китай и Россия — партнеры или союзники?» (опубликован в газете «Гуанмин жибао» 23 декабря 2015 г., вышел на английском языке в журнале *Foreign Affairs* 2016 № 1 и на русском языке в журнале «Россия в глобальной политике» 2016 № 3). Этот текст был предназначен для западной аудитории, прежде всего для американцев, которых китайская сторона стремится успокоить и убедить в том, что не собирается заключать с Россией антиамериканский альянс. Вместе с тем Фу Ин выразила несогласие с западными политологами, называющими российско-китайские отношения «браком по расчету», в котором нет возможности дальнейшего сближения сторон и неизбежно их постепенное отдаление друг от друга.

В публикации много внимания уделено обоснованию тезиса о вреде союзничества. Фу Ин напомнила о неудаче прошлых союзов Китая с царской Россией и СССР. В китайском тексте статьи говорится, что Россия после обретения независимости стала «склоняться в одну сторону», к Западу и руководствоваться «атлантизмом». На этом пути Россию постигла неудача, после чего начался постепенный разворот страны в сторону Азии. Для китайского читателя это недвусмысленная отсылка к опыту «одностороннего склонения» Пекина в направлении Москвы в 1950-е годы, который в Китае принято считать неудачным. Намеренное смещение разноплановых исторических событий (союзничество с СССР помогло Китаю создать основы национальной научно-образовательной системы и промышленности, обеспечить свою военную безопасность, тогда как постсоветская Россия подобных дивидендов от Запада не получила) предназначено для того, чтобы показать иностранной аудитории, что Китай и Россия усвоили прошлые ошибки и больше не будут «склоняться в одну сторону».

Статью Фу Ин можно считать отражением идей ведущего течения в китайской политике. Китай хочет развивать отношения с Россией, но делать это таким образом, чтобы не вызвать панической реакции в США и не повредить развитию китайско-американских отношений. Вместе с тем заявления Си Цзиньпина о «проектировании сверху» и «стратегическом ведении» в двусторонних отношениях, о привнесении в международные отношения «китайско-российской мудрости» и «китайско-российских планов» открывают перспективы для дальнейшего сближения между двумя странами.

А.С. Давыдов, к.и.н., заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», ведущий научный сотрудник ИДВ РАН:

На протяжении последних десятилетий важнейшими участниками большинства происходящих в мире процессов, связанных с трансформациями в глобальной архитектонике, являются США, Китай и Россия. В связи с чем часто дискутируется вопрос, сохраняется ли во взаимоотношениях указанных стран формат так называемого треугольника или они вписываются в рамки какой-то иной фигуры.

В интервью «Проблемам Дальнего Востока» в связи с 60-летием образования КНР министр иностранных дел РФ С. Лавров говорил о сохранении тройственного формата КНР, США и России и его определяющем влиянии на обеспечение международной и региональной безопасности, подчеркивая, что никакая геометрическая конфигурация «не должна предполагать альянса против кого бы то ни было, распределения «под себя» сфер влияния в мире», поскольку речь может идти только о совместном решении глобальных и региональных проблем.

Ситуация на планете с тех пор существенно поменялась. Россия и США вновь вернулись к состоянию конфронтации. Значительно окрепший в политическом, военном и экономическом отношениях Китай упорно продвигается с позиции региональной державы в статус одной из ведущих глобальных держав. Эти факторы в данный момент и являются главными в определении взаимоотношений внутри тройки мировых лидеров.

Возникший в начале 90-х годов прошлого века постбиполярный мир выглядит сегодня как промежуточный этап геополитического развития.

США не спешат отказываться от роли «лидера повсюду», стремясь осуществлять глобальное доминирование. Китай, активно упрочивая и диверсифицируя политические и торгово-экономические связи с широкими кругами партнеров в Азии, Европе, Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке, одновременно в военно-стратегическом отношении укрепляется в АТР, переформирует в собственных интересах прилегающие морские зоны, реформирует вооруженные силы, расширяет и усиливает возможности военно-морского флота.

Россия оказалась в наиболее сложной ситуации, усугубляемой несоответствием между ее экономическим положением, с одной стороны, и территориально-географическими масштабами, державным статусом, ресурсным и реальным потенциалами — с другой. Сочетание неблагоприятных внутренних и внешних факторов породило ощущение «геополитической неполноценности» государства среди российского руководства, которое для поднятия престижа и повышения авторитета страны на мировой арене отдало предпочтение не экономическим, а в основном политическим и силовым рычагам.

Официальные отношения КНР и России, по обоюдному признанию сторон, сегодня «тесны как никогда прежде», а степень взаимного доверия между их руководителями достигла «беспрецедентного уровня». Поэтому нелишне суммировать то, что нас объединяет. Но еще более важно сосредоточиться на нестыковках и расхождениях между двумя странами, которые, отражая специфику национальных интересов каждой из них, одновременно способствуют ослаблению нашей общей позиции по противодействию американскому глобальному доминированию.

Во-первых, тезис о «взаимодополняемости и совместимости» экономик РФ и КНР выглядит сегодня не вполне корректным с учетом сокращения объема взаимной

торговли и реальных объемов соответствующих долей во внешнеторговом обороте друг друга. Взаимные накопленные инвестиции крайне незначительны для сотрудничества экономик такого масштаба.

Во-вторых, не следует уповать на идентичность политических курсов КНР и РФ, у которых при наличии схожести в позициях по основным международным вопросам имеются серьезные расхождения по ряду ключевых региональных проблем. Так, у КНР есть свои, отличные от российских, подходы к решению некоторых проблем в Центральной Азии, которые усиливают возможности США играть на противоречиях России и Китая (в частности, в отношении интересов Туркменистана — одного из конкурентов РФ в газовом секторе).

Сложен поиск консенсуса по проблеме сопряжения китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути с российской идеей формирования Евразийского экономического союза.

Часть экспертов трактует китайский замысел как ответ на проект Транстихоокеанского партнерства со стороны США и компромиссное согласие двух сторон на апробацию новой модели их взаимоотношений, первоначально в Центральной Азии, которую в случае успеха можно распространить и на другие регионы.

Из характеристик торгово-экономических взаимоотношений КНР с США и Россией очевиден вывод: Китай не поступится своей реальной экономической выгодой ради будущих виртуальных политических дивидендов. Другой вывод состоит в том, что подлинное, а не декларативное взаимодействие Китая и России в противовес США возможно лишь в тех сферах и на тех направлениях, где со стороны Америки существуют угрозы параллельным, но не пересекающимся интересам двух наших стран.

В подобных условиях Вашингтону легче играть на китайско-российских противоречиях, одновременно усиливая свои позиции в Центральной Азии. Получается, что основы продекларированного РФ и КНР стратегического партнерства ослабляются их взаимным региональным соперничеством.

Российско-китайские нестыковки в Центральной Азии автоматически влияют на взаимоотношения двух стран в ШОС, где Китай отдает приоритет экономической проблематике. Было бы преувеличением говорить о прямом вмешательстве США в деятельность ШОС, однако сам факт наличия в регионе, входящем в сферу американских интересов, другой, отличной от американской системы доминирования вынуждает Америку косвенно воздействовать на нее через свое влияние на позиции некоторых лояльных им азиатских стран. К тому же сегодня отношение к ШОС в США стало меняться от негативного к более конструктивному с одновременным учетом особенностей ее ведущих членов — Китая и России. Россия, по мнению американских экспертов, «бывшая имперская держава с ревизионистскими амбициями, но с убывающим социальным капиталом», в то время как Китай — «усиливающаяся мировая держава, ускоренно модернизирующаяся, но преднамеренно принижающая свои амбиции». Поэтому к Китаю следует в целом относиться как к геополитическому партнеру, а к России — в зависимости от обстоятельств.

Объективно России и Китаю друг без друга не обойтись. КНР необходимы российские энергоресурсы и геополитическая поддержка, а России — промышленная продукция КНР, вес и влияние Китая в АТР. Линия на дальнейшее укрепление всесторонних связей с Китаем определенно отвечает российским интересам. Это важно и как страховка от неприятной перспективы оказаться на обочине каких-либо китайско-американских проектов во вред России.

В то же время Россия для КНР — не только стратегический тыл, но и опора при формировании искомого обеими сторонами нового мирового и регионального порядка. Однако в Китае в последнее время стали как будто забывать об этом, увлекшись выстраиванием различных иных геополитических комбинаций. Двойственная позиция КНР

по вопросу Крыма, как и лавирование в свое время по проблемам Абхазии и Южной Осетии, не вполне созвучны принципам и духу «стратегического партнерства».

В сложившейся сегодня ситуации формула «всеобъемлющего стратегического партнерства» перестала, видимо, адекватно отражать глубину взаимосоприкосновения российско-китайских интересов и парадигму взаимодействия двух стран. Ее трансформация в «отношения всеобъемлющего взаимодействия в рамках геополитического согласия и стратегического единства» более четко и качественно воспроизведет их состояние и одновременно наложит на обоих партнеров более серьезные и весомые обязательства.

Порою складывается впечатление, что Китай разделяет своих партнеров на экономических и политических, и Россия относится к разряду вторых, а не первых. Получается, что Китай видит в России, в первую очередь, некую силу, способную совместно с ним противостоять тем действиям США в АТР и на глобальном уровне, которые идут вразрез с китайскими интересами. Следует, однако, исходить из того, что построение системы безопасности в регионе при одновременной конфронтации с США представляется нереальным.

Хотя при столь разнонаправленных целях трех стран трудно пока рассчитывать на их совместные действия по формированию основ будущего мироустройства, их частично совпадающие интересы, такие как борьба с международным терроризмом и экстремизмом, нарко- и киберугрозами, освоение новых технологий и ресурсов, будут неизбежно работать на ускорение их взаимной адаптации к условиям искомого геополитического равновесия.

Предварительные совместные трехсторонние консультации могли бы способствовать выработке принципов, правил и процедур будущего международного режима, в рамках которого каждая сторона действовала бы добровольно и самостоятельно, но с учетом интересов двух других его участников. Таким образом, в отличие от ЕС, такой формат был бы скорее механизмом обмена информацией и координации политики, а не структурой для централизованного принятия решений.

В.Е. Петровский, д.полит.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН:

Российско-китайские отношения конструктивного стратегического партнерства и всеобъемлющего взаимодействия основаны на высоком уровне политического доверия, достигнутого руководителями двух стран. Однако для придания двусторонним отношениям предсказуемого и поступательного характера необходимо «конвертировать» политическое доверие в устойчивую и стабильную работу институтов межгосударственного сотрудничества.

В связи с этим представляется целесообразным сосредоточиться на выработке алгоритмов и механизмов стратегического планирования российско-китайского сотрудничества, которые помогли бы сторонам обеспечить взаимную предсказуемость, а также окончательно определить взаимоприемлемые рамки и границы «стратегического партнерства» (не перерастающего в военно-политический союз).

Наиболее очевидна необходимость стратегического планирования в сфере приграничного и межрегионального сотрудничества РФ и КНР, а также в контексте сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и евразийской интеграции в рамках ЕАЭС. Необходима также стратегическая координация внешней политики двух стран, особенно по вопросам мировой политики, требующим долговременных усилий по их решению (реформа институтов глобального управления, реформа ООН, укрепление режимов нераспространения ОМУ, создание торгово-экономических режимов и коллективных механизмов общей безопасности в АТР и на глобальном уровне).

Важно учитывать, что существующая в РФ законодательная база, в частности Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (№ 172-ФЗ) и Проект Федерального закона «О приграничном сотрудничестве в Российской Федерации» (№ 75537-4), предлагает алгоритм стратегического планирования, ко-

торый в корне отличается от практиковавшегося ранее (например, использованного при подготовке ныне действующей «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)»).

Эта программа, носящая преимущественно декларативный характер и не дополненная «дорожной картой» ее практической реализации, скорее всего, останется невыполненной. В стратегическом планировании российско-китайского сотрудничества нужно действовать на основе следующих подходов:

– «индуктивное» стратегическое планирование на основе учета нужд и потребностей экономики приграничных регионов и местного бизнес-сообщества, разработка планов приграничного и межрегионального сотрудничества с опорой на первичные эмпирические и статистические данные, получаемые от региональных экономических факторов;

– «интерактивное» стратегическое планирование на основе координации процессов планирования с администрацией и экономическими акторами приграничных провинций КНР.

Интерактивный подход предусматривает необходимость координации стратегического планирования не только в сфере приграничного сотрудничества, но и в других вышеупомянутых сферах двусторонних отношений. Разработка механизмов такой координации (при том, что сам процесс стратегического планирования — неотъемлемая часть суверенитета России и Китая), является насущной научной и практической задачей.

Механизмы координации стратегического планирования можно было бы протестировать в ходе экспертного диалога с участием представителей политических и общественных кругов, СМИ и научного сообщества двух стран. В 2013–2015 гг. ИДВ РАН предложил в целях информационно-аналитического обеспечения развития российско-китайских отношений учредить «Российско-Китайский экспертный форум» (в 2016 г. эта идея была предложена с китайской стороны руководством Академии общественных наук Китая). Подобные экспертно-диалоговые структуры уже созданы в рамках двусторонних отношений КНР с США и рядом европейских стран и доказали свою эффективность.

Российско-Китайский экспертный Форум может представлять собой серию регулярных и оперативных встреч, конференций и заседаний в формате круглых столов, нацеленных на откровенные и прагматичные дискуссии и достижение конкретных результатов. В регулярных заседаниях, поочередно в Китае и в России, могли бы принимать участие видные китайские и российские ученые и эксперты, действующие и отставные политики, дипломаты и общественные деятели, бизнесмены.

По итогам каждой встречи могла бы готовиться публикация специальных тематических бюллетеней, тезисов дискуссий и итоговых докладов для представления их внешнеполитическим ведомствам и политическому руководству обеих стран.

Предлагаемый Российско-Китайский экспертный форум мог бы стать «экспертным хабом» и экспертно-аналитической частью системы российско-китайских межправительственных комиссий в различных сферах, выступая экспертной и дискуссионной площадкой для обеспечения секторальной экспертизы всего спектра существующих вопросов двусторонних отношений.

А.О. Виноградов, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН:

Появляющиеся в последнее время документы по внешней политике РФ (в частности, вышедший недавно доклад СВОП), на мой взгляд, не отражают степень проникновения Китая в Европу, рассматривая регион исключительно как место противостояния США и РФ. В то время как «европейское наступление» Пекина серьезно меняет конфигурацию глобального противостояния.

Китайская политика по отношению к странам Европы носит активный, наступательный и дифференцированный характер, а Европа все чаще предстает как пассивный объект борьбы за влияние. Европейское направление постепенно становится одним из

важнейших в стратегическом противостоянии США и Китая. Как подчеркивал в марте 2016 г. помощник министра иностранных дел КНР Лю Хайсин, «Европа — одно из ключевых направлений внешней политики Китая». И это подтверждается тем фактом, что отношениями с европейскими странами теперь занимается лично Си Цзиньпин.

Весной 2014 г. состоялся визит Си Цзиньпина в четыре страны ЕС (Германию, Францию, Голландию, Бельгию), осенью 2015 — визит Си в Великобританию, весной нынешнего года — в Чехию.

Комментируя визиты 2014 года, китайцы подчеркивали, что европейское наступление является стратегическим решением, предпринятым китайским руководством в ответ на активизацию политики и присутствия США в Восточной и Юго-Восточной Азии и попытки «сдерживания» Китая. «Если США идут на Восток, то Китай должен идти на Запад, чтобы предотвратить «осаду» со стороны США».

Летом 2015 г. исполнилось 40 лет установления отношений КНР с ЕС. По этому поводу Ли Кэцян посетил с официальным визитом Бельгию и Францию, побывал в штаб-квартире Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). На встречах было заявлено о необходимости стыковки китайской инициативы «Один пояс, один путь» и так называемого инвестиционного плана Юнкера (в ноябре 2014 г. глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер предложил свой инвестиционный план на 315 млрд евро, призванный стимулировать капиталовложения, экономический рост и занятость в ЕС). Нужно отметить, что китайские комментаторы еще в конце 2014 г. подчеркивали, что Китай явился первой неевропейской страной, поддержавшей «план Юнкера». После встречи с Ли Кэцяном Жан-Клод Юнкер в интервью журналисту Синьхуа заявил, что «ЕС будет искать пути сопряжения данного плана с инициативой “Один пояс, один путь”», чтобы «Европа тоже получила пользу от стремительно развивающихся экономик Азии». Объем двусторонней торговли к 2020 г. должен достичь отметки в 1 трлн долл.

Одним из важных элементов европейской политики Пекина стало создание совместных финансовых структур в рамках концепции «один пояс, один путь». Еще в марте 2015 г. ряд ведущих европейских стран, несмотря на возражения со стороны США, заявили о желании присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и войти в число его учредителей. И это при том, что доли европейских стран в этом банке не являются значительными, им не предоставлено права голоса. Китайские комментаторы подчеркивали, что присоединение к банку Германии, Франции, Италии, а также Великобритании, которые являются членами «Группы семи» и традиционными союзниками США, говорит о возникновении явной трещины в возглавляемой Америкой коалиции, выступающей против АБИИ.

В ответ в сентябре 2015 г. Китай заявил о присоединении к Европейскому инвестиционному плану (вышеупомянутый «план Юнкера») и готовности внести свой вклад в этот план. Стороны договорились создать совместную рабочую группу китайского Фонда Шелкового пути, Еврокомиссии и создаваемого Европейского инвестиционного банка. В январе 2016 г. во время визита в Пекин главы ЕБРР премьер Ли Кэцян подчеркнул, что это означает официальное вступление КНР в состав ЕБРР.

В октябре 2015 г. состоялся визит Си Цзиньпина в Великобританию, который продемонстрировал миру, что Лондон «поворачивается на Восток» и это позволяет Китаю диверсифицировать свои связи в Европе, создавая противовес Германии. Великобритания не только стала вторым крупнейшим торговым партнером Китая в ЕС, но и крупнейшей страной-получателем китайских инвестиций в Евросоюзе.

Германия тоже активно старается сохранить свою ведущую роль в отношениях с Китаем. Осенью 2015 г. состоялся очередной визит в КНР канцлера ФРГ Ангелы Меркель, которая посещает Китай фактически не реже раза в год. А в марте 2016 г. на встрече президента ФРГ Й. Гаука с Ли Кэцяном была достигнута договоренность о сопряжении немецкого проекта «Промышленность 4.0» с китайским «Сделано в Китае 2025».

В 2015 г. продолжалось также сотрудничество Китая со странами Центральной и Восточной Европы в рамках формата «16+1» (регулярные встречи на высшем уровне руководителей 16 стран ЦВЕ с премьером Госсовета КНР). В ходе четвертого саммита, прошедшего в г. Сучжоу в ноябре 2015 г., Ли Кэцян объявил о планах двукратного увеличения инвестиций Китая в 16 европейских стран, а также годового объема торговли государствами, который составляет около 45,5 млрд долл. На встрече в Сучжоу был также объявлен Среднесрочный план сотрудничества между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы.

С началом обострения отношений европейских стран с Россией, последовавшего после событий на Украине, кризис Европейского союза вступил в острую фазу. Принятие под давлением США антироссийских санкций, бьющих прежде всего по экономике самой Европы, наложило на существовавшие и до того противоречия между старыми и новыми членами ЕС и усугубило трудности в экономике последних. К этому добавился кризис осени 2015 г., связанный с мигрантами и еще больше обостривший противоречия внутри ЕС. Данный кризис продолжает углубляться, перспектив его решения в рамках существующих структур Европейского союза на сегодняшний момент не видно. В этих условиях сотрудничество европейских стран с Китаем как на двусторонней, так и на многосторонней основе, представляется им, по сути, единственным выходом из сложившейся ситуации. Или, по крайней мере, тем путем, который может несколько смягчить существующие многочисленные проблемы.

Китай фактически начинает занимать для европейских стран то место, которое раньше занимала Россия, — альтернативы безоговорочному следованию в фарватере политики Вашингтона, Брюсселя или Берлина. Понятно, что для всех по-разному: Германия, Франция и Великобритания борются за лидерство в рамках Союза, в то время как Польша, Венгрия, Чехия, Греция, Словакия, Румыния одна за другой переходят в стан «евроскептиков», недовольных своим положением в нем. Однако дрейфуют они не в сторону старого партнера — России, а в сторону Китая. Путь к тесному сотрудничеству с Россией для этих стран, по сути, закрыт — слишком велики политические риски. С Китаем же готовы сотрудничать все, даже такая страна традиционного евроатлантизма, как Великобритания.

На пресс-конференции, прошедшей в рамках очередной ежегодной сессии ВСНП в марте 2016 г., министр иностранных дел КНР Ван И заявил о том, что позитивные изменения в китайско-европейских отношениях являются не временным шагом, а перспективным и необходимым выбором.

Россия — Китай: региональная повестка дня

А.С. Исаев, к.и.н., заместитель руководителя Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН:

При рассмотрении региональных факторов, влияющих на российско-китайские отношения, неизбежно возникает вопрос о «кризисе на Украине» и тех ориентирах, которые выбирает Китай в контексте дальнейшего развития китайско-российских связей. Однако следует подчеркнуть: когда мы говорим о влиянии «украинского кризиса» на российско-китайские отношения, то имеем в виду не собственно китайско-украинские отношения, а широкий спектр проблем и факторов, возникших после так называемой революции достоинства на Украине, оказывающих влияние на глобальную политику, действия России, равно как и на политику КНР.

Линия поведения Пекина в отношении кризиса на Украине формировалась с учетом как собственно «украинских», так и геоэкономических и геополитических интересов КНР. Эта позиция должна была отражать «принципиальный нейтралитет» Китая в конфликтных ситуациях, отвечала политическим и экономическим интересам КНР в Ев-

ропе, планам по перезагрузке китайско-американских отношений в условиях, когда усиливались взаимные подозрения Пекина и Вашингтона.

Следует выделить несколько традиционных факторов, которые так или иначе сегодня влияют на российско-китайские отношения.

Во-первых, экономические факторы. Введение санкций против России, безусловно, оказало влияние на российскую экономику, равно как и резкое удешевление нефти на мировом рынке, падение курса рубля. Все это в комплексе сказалось и на российско-китайском торгово-экономическом сотрудничестве. Товарооборот упал, финансовое взаимодействие подверглось риску, китайские партнеры стали осторожнее относиться к сотрудничеству с российскими финансовыми институтами и клиентами из-за опасений негативной реакции со стороны США. Это вынудило китайский МИД заявить в конце 2015 г. о том, что китайские финансовые структуры не находятся под влиянием санкций против России.

Появившиеся в прессе надежды на рост инвестиций из Китая не оправдались. Была поставлена цель довести к 2020 г. объем китайских инвестиций до 12 млрд долл., но стоит напомнить, что в 2015 г. прямые нефинансовые инвестиции КНР за рубежом выросли по сравнению с предыдущим годом почти на 15% и составили 118 млрд долл.

«Поворот на Восток», о котором много говорилось и писалось в прессе, оказался категорией, скорее, эмоциональной, хотя, справедливости ради, заметим, что этот «разворот» реализуется во внешней политике России с конца 1992 г.

Однако этот эмоциональный фон вызвал некоторое разочарование в обществе по поводу медленных темпов развития экономических связей двух стран. Правда, он позволил решить внутренние задачи и обратить внимание на то, что России необходимо выстраивать стратегию с учетом не только Запада, но и Востока. Да и сам Восток — это не только Китай, но и другие азиатские страны, динамика развития которых вызывает уважение. А для России очень важна диверсификация экономических контактов и прагматизм в решении экономических задач в сотрудничестве с зарубежными партнерами. Собственно, в этом нет ничего оригинального — Китай придерживается такой же стратегии.

Во-вторых, политические факторы. Так называемый украинский фактор заставил Пекин более внимательно отнестись к роли политтехнологий, связанных с воздействием на социум страны. Поэтому, как представляется, Пекин отнесся к примененным на Украине политтехнологиям с использованием массовых протестов, националистических и этнических мотиваторов для смены режима с полным пониманием заложенных в них угроз для КНР.

Актуальность этой темы для Китая очевидна. События 1989 г. в Пекине, почти месячное противостояние протестных сил и властей напоминают то, что происходило в Киеве на майдане в 2004 и в 2013–2014 гг. К тому же не стоит забывать, что в сентябре того же 2014 г. в Гонконге возникли мощные протестные движения, связанные с вмешательством Пекина в избирательную систему Сянгана. В Гонконге выявилась негативная роль американского национального фонда развития демократии, который принимал участие в организации оппозиции на Украине. А использование современных информационно-коммуникационных технологий на Украине и в Гонконге лишь утвердили ЦК КПК в своем решении усилить контроль над интернетом и мобильными технологиями.

Все эти обстоятельства, как представляется, стимулировали китайцев на то, чтобы ускорить заключение соглашения о сотрудничестве в области информационной безопасности с РФ, которое было подписано в мае 2015 г. При этом стоит напомнить, что Китай еще с начала 2000-х годов ведет переговоры по этим проблемам с США в рамках китайско-американской рабочей группы по проблеме кибербезопасности. И в этом контексте российско-китайский договор стал еще одним аргументом в пользу Пекина на переговорах с США.

В-третьих, следует обратить внимание на то, что «украинский синдром» оказывает влияние и на формирование международной политики КНР.

В условиях «украинского кризиса» для Китая открылась возможность, заявить о себе как о серьезном, независимом игроке на мировой арене, способном повлиять на расстановку сил, даже если он займет внешне нейтральную позицию и не пойдет на обострение отношений с США, но при этом будет стремиться быть ближе к Москве.

Логика китайско-американских отношений, которую попытался выстроить президент Обама с применением военно-политического давления на Китай, с игнорированием Китая при заключении Договора о ТТП, подвергла риску планы Пекина на выстраивание с США «отношений нового типа». С возникновением «украинского кризиса» представители США настороженно отреагировали на позицию Китая по Украине, критику Китаем роли Запада, сдержанную поддержку действий России и попытались оказать на Пекин давление по вопросу о принадлежности островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

И четвертая область — военная. По мере развертывания «украинского кризиса» Китаю стало понятно, что продвижение НАТО на Восток — неизбежность. Задача заключается в том, чтобы это продвижение остановилось на западных российских границах. «Российская угроза» Европе — это тот самый компонент, который позволяет отвлечь часть американских сил на европейский ТВД. Однако Китай мало что выигрывает, ибо еще в 2014 г. США показали ему, что Пекин — это отдельный субъект, действиям которого в АТР Соединенные Штаты намерены препятствовать и дальше.

В этом смысле «украинский кризис» вернул в Китай страх перед давлением со стороны США и Запада. Газета «Хуаньцю шибао», редакционным приоритетом которой является национализм, писала, что давление на Китай со стороны США связано не только с геополитикой. Оно в значительной мере затрагивает идеологию и общепринятые в КНР ценности. Усиливающееся давление США проявляется во многих аспектах и является главной проблемой для КНР в XXI веке.

Несколько слов непосредственно об отношениях Китая с Украиной. Политика Китая в отношении Украины отражает открыто прагматический курс китайского руководства на всем пространстве СНГ. При этом Пекин стремится соблюсти баланс экономических и политических интересов, отдавая предпочтение все-таки интересам экономическим.

В 2015 г. Украина стала чуть ли не главным поставщиком кукурузы в Китай, нарастивший объемы импорта продукции АПК с Украины почти на 60%. Заметно подросли поставки в КНР украинского подсолнечного масла, шоколада и кондитерских изделий. За январь—июнь 2015 г. доля украинской продукции в импортированной Китаем кукурузе составляла почти 90%, масла подсолнечного — 97%. Китайский капитал сыграл определенную роль в возрождении некогда мощного сельскохозяйственного сектора Украины. Хотя товарооборот между двумя странами продолжал падать с 11 млрд долл. в 2013 г. до 7,07 млрд долл. в 2015 г.

В мае 2015 г. председатель правления Национального банка Украины Валерия Гонтарева и руководитель Народного банка Китая Чжоу Сяочуань подписали двустороннее соглашение о валютном свопе на сумму 54 млрд гривен и 15 млрд китайских юаней. По информации НБУ, новое соглашение сроком на три года вступило в силу с 23 июня 2015 г.

Киев, несмотря на то, что Пекин сдержанно относится к ситуации с Крымом и воздерживается от оценок ситуации на Донбассе, выстраивает с Пекином отношения «стратегического партнерства». При этом делается ссылка на Договор о дружбе и стратегическом сотрудничестве между Украиной и Китаем на период 2014–2018 гг., подписанный при Януковиче в декабре 2013 года.

А. Ч. Мокрецкий, научный сотрудник ИДВ РАН:

Украинский кризис нанес сокрушительный удар по европейскому порядку, а сама Украина испытывает существенные трудности, вызванные ростом цен на горюче-смазочные материалы и энергоносители, нехваткой бюджетного финансирования и военным конфликтом в Донбассе. В ежегодном обзоре аналитики «Жэньминь жибао» отметили, что политический ландшафт 2015 г. был оформлен двумя гражданскими конфликтами — на Украине и в Сирии, — которые «превратились в бойцовые ямы, где сражаются мировые державы, платя за это благополучием собственных народов, а также миром и стабильностью как в регионе, так и на Земле в целом».

Китайские эксперты выделяют две основные причины кризиса на Украине — внутреннюю и внешнюю. Внутренняя причина потрясений заключается в том, что в процессе строительства суверенного государства в стране не удалось наладить отношения между властью и капиталом. Существует и внешний фактор: «Этот кризис — результат острой геополитической борьбы между Россией и Западом. Исход кризиса может оказать влияние... на расстановку сил в мире».

Старший консультант Китайской научной ассоциации международных стратегий Ван Хайюнь считает, что кризис на Украине снова поставил Европу «в авангард противостояния России и Запада». Кроме того, в этот кризис вступили почти все крупные страны мира. Украинский кризис может принести в Китай еще один 10-летний «период стратегического ослабления». Станет ли он «периодом стратегических возможностей», зависит от того, сможет ли Пекин правильно его понять и эффективно использовать.

Минские соглашения и Минск-2 воспринимаются в КНР как международный координационный механизм, способный найти пути политического урегулирования украинского кризиса. Таким образом, для урегулирования внутренней причины требуется консолидация усилий политических сил Украины, учет интересов всех сторон. Для урегулирования внешней причины — активная поддержка международного сообщества.

Пекин поддерживает с Киевом устойчивые связи, предлагая ему активнее участвовать в реализации китайской стратегии Экономического пояса Шелкового пути «на благо народов двух стран». Говоря об интересах, китайский аналитик из Китайского института международных проблем Дин Юаньхун отметил, что нужно иметь широкие взгляды: «какое бы правительство ни было на Украине, как только ситуация успокоится, оно пожелает развивать связи с Китаем». Тем более, что, по словам директора ИРВЕЦА КАОН Ли Юнцюаня, торгово-экономическое сотрудничество Китая с Украиной развивалось в разные периоды — при Ющенко, Тимошенко, Януковиче.

Таким образом, единственной принципиальной целью проводимой в отношении Украины политики остается продвижение китайских национальных интересов.

К. В. Антипов, к.и.н., старший научный сотрудник ИДВ РАН:

Анализ политики Китая на Ближнем Востоке показывает: в последние годы этот регион занял особое положение в системе международных приоритетов КНР, играя ключевую роль в решении задач по реализации инициатив Си Цзиньпина по строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века. Китай располагает значительными возможностями для продвижения собственных интересов практически во всех странах региона и приступил к реализации своих стратегических планов на основе долгосрочных соглашений с такими ключевыми государствами, как Египет, Саудовская Аравия и Иран. КНР является главным торгово-экономическим партнером для большинства стран Ближнего Востока, общий объем их торговли превысил 350 млрд долл. Ожидается, что к 2020 г. этот показатель может достичь 600 млрд долл. Отмечая успехи экспансии Китая в рамках политики Шелкового пути, авторитетный китайский эксперт Цуй Лижу подчеркивает, что она происходит одновременно с определенным «сокращением» доминирующего положения США на Ближнем Востоке, и это свидетельствует о «драматических изменениях в динамике китайско-американских отношений».

Интересы, связывающие КНР с Ближним Востоком, активно наполняются стратегическим содержанием. Как отмечалось в документе аналитического центра Синьхуа, в 2015 г. Ближний Восток оказался самым сложным регионом мира, но в то же время — одним из регионов, где «внешняя политика Китая встречается с наибольшими возможностями». Использование этих возможностей предполагает преодоление разрушительного радикализма, изоляцию и нейтрализацию джихадистского ядра путем политической мобилизации местных сил. Важнейшим элементом стратегического потенциала ближневосточной политики в Пекине считают возможность становления именно в этом регионе *«державной дипломатии с китайскими характеристиками»*.

В свете этого одной из главных задач китайской дипломатии является ограничение иностранного вмешательства в дела Ближнего Востока. В соответствии с рекомендациями китайских экспертов, подготовленных в 2013 г., «в решении сирийского вопроса главное — не защита режима Асада, а противодействие иностранному военному вмешательству с целью смены власти». По мнению экспертов, попытки США утвердить в Сирии прозападный режим могут привести к многолетней дестабилизации и развалу сирийского государства, что не отвечало бы долгосрочным интересам КНР. Однако, как показали события в Сирии, изменение баланса сил в результате стратегического закрепления позиций России в этом регионе также не соответствует интересам Китая. По-видимому, это явилось главным фактором, определившим неоднозначную реакцию в Пекине на развертывание боевых действий российских ВКС против «исламского государства» 30 сентября 2015 г.

Официальная позиция КНР определяется прежде всего тезисом о решении сирийской проблемы политическим путем и недопустимости иностранного вооруженного вмешательства в борьбу оппозиции против действующего режима Башара Асада. При этом целесообразность руководствоваться именно таким подходом китайские представители обосновывают ссылками не только на принципы ООН, но и на практические нужды экономического развития. Так, еще в июне 2014 г. на саммите 20-ти в Санкт-Петербурге возражения КНР против возможности военной акции в отношении ИГИЛ звучали в полную силу в выступлении министра финансов Чжу Гуаньяо: «Военная акция в Сирии оказала бы негативное влияние на всю мировую экономику, особенно на цены на нефть».

Примечательно, что начало боевых мероприятий российских ВКС вызвало поток китайских публикаций, в которых подчеркивалось требование решать внутренние проблемы Сирии исключительно путем переговоров. Например, «Жэньминь жибао» писала: «Использование США и Россией дипломатических, экономических и военных методов на территории третьих стран для усиления собственного влияния — это устаревший фрагмент из холодной войны. Не следует мириться с тем, чтобы «сирийский конфликт перерос во всестороннюю войну влиятельных стран», не стоит с легкостью отказываться от усилий политического разрешения сирийского кризиса».

Впервые за длительный период китайская пресса и эксперты активно выступили с открытой критикой российской политики в Сирии. Китайские комментаторы по существу отвергли российскую мотивацию начатой в Сирии военной кампании и обвинили РФ в том, что она ведет борьбу за своекорыстные интересы, создает опасность военного столкновения с НАТО, выходящую за пределы Ближнего Востока, и вмешивается в гражданскую войну в целях защиты нынешнего сирийского режима. Вместе с тем в китайских публикациях большое внимание уделялось российско-американским отношениям, их возможным изменениям в контексте сближения интересов в борьбе с «исламским государством». Как отмечалось в этот период в издаваемом МИД КНР журнале «Шицзе чжиши», «главные цели России состоят в том, чтобы поднять цены на нефть, войти в сотрудничество с США в качестве ведущей силы в борьбе против исламского радикализма и вынудить Америку к примирению, исправить отношения с Западом. Как эти расчеты могут повлиять на положение в мире, можно только догадываться».

Особое место заняла проекция украинской тематики на сирийскую ситуацию. На смену сдержанным комментариям по поводу российско-украинских противоречий выдвинулась жесткая концепция, в рамках которой обосновывается закономерный характер использования Россией силовой политики. Украина и Сирия по итогам 2015 г. были определены как основной источник угрозы глобальной стабильности, две горячие точки, вокруг которых сформировалась «линия турбулентности международной безопасности, геополитическая «зона разлома», значительная возможность возвращения к холодной войне.

Однако очевидные успехи российских сил в Сирии, «восхищенная реакция» в странах региона, а также интересы дипломатии в треугольнике КНР—РФ—США вынудили китайскую сторону занять более гибкую позицию. Стали появляться статьи, выражающие одобрение действий России. Например, говорилось, что «прямое военное вмешательство России в Сирии могло бы изменить ход вооруженной борьбы против ИГИЛ». Была признана законность мероприятий РФ, поскольку «существует необходимость бороться против ИГИЛ, и РФ действует по просьбе правительства Сирии».

13 октября 2015 г. в Пекине была принята помощник Башара Асада Бусейна Аш-Шаабан, в беседе с которой глава МИД КНР Ван И фактически поддержал законность военных акций РФ и не одобрил действий США. Ван И заявил, что Китай поддерживает антитеррористическую кампанию, проводимую в соответствии с международным правом. На следующий день в интервью агентству САНА Бусейна Шаабан сообщила, что Китай поддерживает позицию России. Однако с китайской стороны подобных заявлений публично сделано не было.

Особенность сложившейся ситуации состояла в том, что о наличии «разногласий» в российско-китайских отношениях в Пекине открыто заговорили на официальном уровне именно в контексте развития сирийских событий. Как отмечала в своей статье «Неравносторонний треугольник отношений Китая, России и США» председатель Комитета по иностранным делам ВСНП Фу Ин, «за последние два года на Западе время от времени раздаются комментарии о том, что отношения между Китаем и Россией могут ухудшиться на фоне ухудшения отношений между Россией, США и ЕС из-за Украины и *кризиса в Сирии*». Не оспаривая подобные прогнозы, Фу Ин подтвердила, что разногласия имеются, однако высказалась за продолжение сотрудничества. В статье говорится: «Несмотря на *разногласия*, Китай и Россия направляют свои усилия на укрепление развития двусторонних отношений, для собственной безопасности и потребности в развитии страны должны сотрудничать». Фу Ин также отметила, что «для понимания китайско-российских отношений необходимо обратить внимание и на ситуацию в отношениях между Китаем и США». «Для обеих стран важно двигаться в направлении строительства *междержавных отношений нового типа*, продолжать диалог и сотрудничество и совместно разрешать разногласия».

Ряд шагов Пекина свидетельствует о желании КНР сбалансировать сегодня свою позицию. В Пекине дают понять, что при всех возражениях против силовых акций России, Китай не пойдет на причинение ущерба стратегическим межгосударственным и *деловыми* связям.

По общему признанию, завершением конфликта в Сирии может быть только та или иная форма сотрудничества между участниками конфликта и их международными сторонниками. Китай располагает значительными возможностями для того, чтобы занять положение одного из основных участников восстановления Сирии. С сирийской стороны запросы по этой теме уже направляются в Пекин. Учитывая особенности нынешней ситуации в арабском мире, небывалый рост и обострение социальных проблем, идеологи китайско-арабского сотрудничества считают абсолютной целью форсированное развитие социально значимых отраслей и объектов, позволяющих создавать рабочие места и аккумулировать избыток трудовых ресурсов. Такой подход встречает самый благоприятный

отклик во всех странах региона. Однако его практическая реализация в сирийских условиях объективно требует использования силового элемента, которым Китай пока не располагает. Это означает, что на нынешнем этапе Китай вынужден взаимодействовать в Сирии не только с Западом, но и с Россией.

Целесообразно исходить из того, что российско-китайские отношения будут все более приобретать характер «отношений нового типа» в трактовке известной китайской концепции. Нынешняя позиция Китая в условиях сирийского кризиса — это индикатор потенциала сотрудничества, а также возможных осложнений в российско-китайских отношениях в будущем. При этом, как показывает опыт китайско-американских отношений, велика вероятность одновременного нарастания фактического соперничества между нашими странами по мере расширения интересов Китая в данном регионе и полноценного возвращения России к делам Ближнего Востока. Одним из примеров этому может служить проросходящее укрепление позиций КНР на рынке ядерной энергетики Ирана.

Е.И. Сафронова, к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН:

Значение развивающегося мира для проекта «Один пояс, один путь» состоит, как минимум, в том, что именно развивающиеся страны в Азии, на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Латинской Америке являются основными объектами и «адресатами» этой инициативы.

По сути, проект «Пояс и путь» представляет собой план подъема КНР на основе внешних факторов: потенциала экономического сотрудничества и взаимосвязанности с другими, в основном «незападными», государствами.

В развивающемся мире проект призван обеспечить выполнение следующих задач, стоящих перед Китаем:

В сфере экономики:

- ускорение поставок импортного сырья, а также содействие формированию китайской «ресурсной базы за рубежом»;
- облегчение транспортировки сырья и продукции не только к производственным точкам в Китае, но и к принадлежащим ему предприятиям в странах-партнерах;
- обеспечение производственной нагрузки строительной-подрядной индустрии Китая и занятости ее рабочей силы за пределами КНР;
- подготовка необходимой инфраструктуры для производств, предполагаемых к переносу за рубеж (главным образом в развивающиеся страны из-за меньшей стоимости там целого ряда факторов производства).

И в итоге — преодоление ряда проблем, связанных с замедлением темпов роста китайской экономики.

В политической сфере:

- создание материальной базы для формирования прокитайской ориентации стран, вовлеченных в «шелковую» инициативу: в случае успеха «Пояса и пути» интерес стран-партнеров к сотрудничеству с КНР резко возрастет и проект станет механизмом несилового размывания позиций Запада внутри развивающегося мира;

– продвижение китайской модели социально-экономического развития (МСЭР) как мощного инструмента «мягкой силы» КНР.

В настоящее время китайская МСЭР претерпевает изменения из-за необходимости преодолеть зависимость экономического роста КНР от результативности ее внешней торговли, особенно экспорта. Однако, как бы ни модифицировалась китайская МСЭР, она еще долго будет сохранять характеристики, привлекательные именно для развивающихся стран: государственный капитализм, при котором государство выполняет центральную роль в экономической системе путем удержания командных высот госпредприятиями в ключевых отраслях экономики и прямых массивированных госинвестиций; постепенный характер социально-политических реформ (в отличие от «обвальных» преобразований в Восточной Европе в 1990-е годы), уважение национальной специфики,

внешнеэкономическая открытость, политический авторитаризм, обеспечивающий эффективность контроля над экономическими трансформациями, высокая адаптируемость к новым условиям. Целый ряд высших лидеров стран Африки и Азии отметили полезность опыта МСЭР Китая.

Развивающийся мир получает все более заметное место в проекте «Один пояс, один путь», КНР уже направила миллиарды долларов на «подгонку» инфраструктуры в десятках стран под цели соединения железнодорожными и судоходными путями рынков Европы, Ближнего Востока, Азии и Африки. В Африке от подключения к проекту уже заметно выигрывают Египет, Кения, а также Джибути.

Египет является ключевым пунктом на Морском шелковом пути XXI века (МШП-XXI) как субпроекта «Пояса и пути» — Суэцкий канал обеспечивает основной транзит между Индийским океаном и Средиземным морем. В нынешнем ее виде инициатива «Пояс и путь» в принципе не может быть реализована без Суэца.

Симптоматично, что во время визита в Египет в январе 2016 г. Си Цзиньпин предложил президенту А.-Ф. аль-Сиси согласовать стратегии развития двух стран, дабы превратить Египет в «стержневой элемент» проекта «Пояс и путь». Это нашло понимание египетской стороны, заявившей к тому же о заинтересованности в инвестициях от АБИИ. Китай выделит госбанкам Египта 1,7 млрд долл. финансовой поддержки.

В 2015 г. КНР и Африканский союз подписали меморандум о взаимопонимании по объединению 54 африканских стран внутриконтинентальными коммуникациями, включая железные дороги, аэропорты и шоссе. Задел уже создан: в Нигерии строится прибрежная железная дорога Лагос — Калабар и реконструируется путь Лагос — Кано (стоимостью 12 млрд и 8,3 млрд долл. соответственно); сооружаются железные дороги Чад — Судан (5,8 млрд долл.) и Найроби — Момбаса (3,8 млрд) в Кении, а также железные дороги в Эфиопии.

С Джибути Китай подписал в 2015 г. контракт на строительство «пункта материально-технического обеспечения» ВМС, который станет первой военной базой КНР за рубежом. Ее формирование согласуется с планами Китая по созданию цепи из 20 военно-морских баз вдоль побережья Индийского океана под общим названием «Жемчужная нить», призванной обеспечить защиту морских путей и зарубежных материальных активов КНР в этом секторе мира.

Значимость роли Кении для МШП-XXI связана с тем, что Китай намерен подключить к Пути кенийские порты Момбаса и Ламу. Момбаса — самый загруженный порт в Восточной Африке: он обслуживает не только Кению, но и Уганду, Руанду, Южный Судан и ДРК. Строящийся порт Ламу — важное звено транспортного коридора, соединяющего соседние Кении страны. Пекин намерен обновить уже существующую инфраструктуру портов Могадишо (Сомали) и Дар-эс-Салама (Танзания), тоже рассматриваемых в качестве узлов МШП-XXI.

Несмотря на удаленность от официально декларированных маршрутов «Пояса и пути», Латинская Америка Пекином не игнорируется. Так, в 2014 г. Си Цзиньпин выдвинул предложение по сооружению статусного объекта стоимостью более 10 млрд долл. — железной дороги в 4 тыс. км между атлантическим побережьем Бразилии и тихоокеанским в Перу. В случае успеха маршрут из китайского порта Тяньцзинь через Тихий океан пройдет к перуанскому порту Байовар и далее, по планируемой ныне дороге, к побережью Атлантического океана (в порт Сантос в Бразилии). В 2015 г. было объявлено о начале официального изучения межокеанического проекта бразильской стороной.

В конце 2014 г. стартовали работы по реализации еще одного грандиозного проекта (стоимостью 60 млрд долл.) по «смычке» Атлантического и Тихого океанов — строительству Никарагуанского канала, осуществляемому сянганской компанией НК Nicaragua Canal Development Investment Co Ltd. Компания пока отложила реализацию

проекта из-за сложностей, вызванных нестабильностью фондового рынка Китая, однако маловероятно, что КНР откажется от начинания столь высокой стратегической важности.

Отношения Китая и развивающегося мира в свете проекта «Один пояс, один путь» не свободны от рисков. Помимо технических и финансовых сложностей, проект может быть чреват обострением таких проблем, как конкуренция с местным бизнесом, «чрезмерное привлечение» китайской рабочей силы в ущерб национальному персоналу, нанесение экологического ущерба, эксплуатация природных ресурсов принимающих стран и т.д. Проект «не заточен» на устранение «поведенческих ошибок» китайского менеджмента в странах Африки и Латинской Америки, не объясняет алгоритм погашения задолженности Китаю многих из них, не учитывает сомнительную адекватность «малых» партнеров КНР грандиозным замыслам великого контрагента. Тем не менее, очевидно, что развивающийся мир обрел важную роль в большом китайском начинании.

Ныне у РФ нет возможности составить альтернативу Китаю в плане реализации экономических мегапроектов. Реально выполнимое, что Россия может делать, — это проводить «упреждающий» прогноз поведения КНР в зоне вероятной конкуренции на базе грамотного мониторинга. Рентабельным и малозатратным путем к его осуществлению видится создание коллективной информационно-аналитической службы в рамках БРИКС. Участвуя в ее формировании, Россия не только обретет юридически и этически безупречную возможность напрямую получать данные об активности Китая в Африке и Латинской Америке, но и поспособствует дальнейшему развитию БРИКС как таковой.

А.З. Жебин, к.и.н., руководитель Центра изучения Кореи ИДВ РАН:

Сейчас уже окончательно ясно, что надежды на позитивные перемены на Корейском полуострове, которые многие связывали с произошедшей в начале десятилетия смелой руководств в КНДР и РК, не оправдались. В начале 2016 г. там произошло резкое обострение ситуации.

Одна из причин создавшегося положения — прекращение диалога по вопросам нераспространения ОМУ, безопасности на полуострове и в СВА в целом. Шестисторонние переговоры, шедшие в 2003–2008 гг., при всех их недостатках, обеспечивали вполне устойчивые каналы коммуникаций. Это сохраняло надежды на достижение компромисса и побуждало участников проявлять известную сдержанность.

Еще одна причина заключается в том, что преимущественно нажимной, санкционный подход к решению северокорейской ракетно-ядерной проблемы себя не оправдал. Напротив, столкнувшись с таким отношением, КНДР в 2006–2016 гг. провела четыре испытания ядерного оружия, осуществила два подряд успешных запуска спутника и стала де-факто ракетно-ядерной державой.

Ситуацию на Корейском полуострове нельзя понять вне контекста глобальной американской стратегии по сдерживанию Китая — полуостров в последние годы стал одним из крупнейших узлов американо-китайских противоречий, а в будущем, не исключено, может оказаться полигоном для пробы сил между КНР и США.

Пока же Вашингтон активно эксплуатирует стремление Пекина избежать прямого противостояния с ним. США оказывают давление на КНР, пытаясь заставить ее подключиться к экономическому удушению КНДР, а заодно показать миру, что американцы способны заставить Пекин действовать в своих интересах. Именно так выглядит роль *responsible stakeholder*, которую они предлагали Пекину.

Что касается России и Китая, то они разделяют во многом схожие подходы к решению ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП). Признавая право КНДР на развитие мирной ядерной программы, РФ и КНР пытаются создать международную среду, в которой Северная Корея могла бы чувствовать себя в безопасности без ядерного оружия.

Позиция обеих наших стран основывается на прагматических интересах. Во-первых, КНДР — традиционный, давний партнер и сосед, в которого и Россия, и Китай вкладывали значительные средства. Во-вторых, Северная Корея важна в качестве буфера меж-

ду Россией и Китаем, с одной стороны, и силами передового базирования США в Северо-Восточной Азии — с другой. В-третьих, любые уступки по Северной Корее будут восприниматься Вашингтоном как признак слабости, показывая, что Москва и Пекин готовы уступить давлению Вашингтона даже в традиционных сферах своих интересов и влияния.

Кроме того, Россия и Китай объективно играют роль посредников, через которые Пхеньян и международное сообщество поддерживают каналы связи друг с другом. По ряду объективных причин Пекин имеет более высокие ставки на Корейском полуострове, чем Москва. Вместе с тем во время шестисторонних переговоров Россия продемонстрировала, что может взять на себя инициативу в решении самых сложных проблем (например, разрешение ситуации с деньгами Северной Кореи, замороженными в «Банк дельта Эйша» в Макао в 2005–2006 гг.).

Президент России и Председатель КНР в Совместной декларации, подписанной 26 мая 2003 г. в Москве, подтвердили позицию РФ и КНР в пользу безъядерного статуса Корейского полуострова. С этого момента рассмотрение ситуации вокруг ЯПКП стало почти обязательным пунктом повестки дня встреч и переговоров между лидерами и министрами иностранных дел России и Китая. РФ и КНР подтвердили готовность выполнить свои обязательства в рамках шестистороннего переговорного процесса, объявили о намерении предпринять дальнейшие усилия для того, чтобы найти всеобъемлющее решение ядерной проблемы на основе уважения законных интересов и озабоченностей всех сторон.

Вместе с тем процесс принятия последней санкционной резолюции СБ ООН по КНДР после проведения ею ядерного испытания в январе 2016 г. и последовавшего месяц спустя запуска спутника показал, что практические действия дипломатии двух стран на этом направлении не всегда соответствуют заявленной на высшем уровне готовности координировать свою внешнюю политику.

Как следует из интервью директора Первого департамента Азии МИД РФ А.Б. Кулика агентству ТАСС, в ходе работы над указанной резолюцией, которую китайцы вели с США, китайская сторона не консультировалась с Россией. Это дала понять и официальный представитель МИД РФ М.В. Захарова, заявив, что Москве потребуется время, чтобы изучить полученный текст и понять, насколько его положения отвечают интересам России. Сообщив на брифинге в МИД РФ 25 февраля 2016 г., что с начала работы над текстом резолюции прошло больше месяца, она отметила, что «за это время с нами текстом не делились, он был предоставлен только сейчас».

Призывы к КНДР вернуться в ДНЯО выглядели бы куда убедительнее, если бы они сопровождались четкими многосторонними обязательствами ядерных держав относительно безопасности Северной Кореи, а также признания ее права на мирный атом под соответствующим контролем МАГАТЭ. Пока же ей предъявлен весьма объемистый пакет требований и очень расплывчатые обещания, которые предполагается конкретизировать лишь после того, как она полностью разоружится.

С учетом вышеперечисленных факторов представляется, что перед Россией и Китаем стоят следующие основные задачи, касающиеся корейского урегулирования:

- предотвращение ситуации, когда события на Корейском полуострове или политика любого из двух корейских государств могут представлять угрозу для безопасности России и национальных интересов Китая;
- возобновление переговорного процесса, первоочередной целью которого отныне должно стать замораживание ракетно-ядерных программ обоих корейских государств;
- поддержка независимого, без вмешательства извне, процесса примирения между КНДР и РК;
- урегулирование проблем, существующих на Корейском полуострове, только мирным путем, политико-дипломатическими методами;

- подготовка условий для появления в долгосрочной перспективе единого Корейского государства, дружественного России и Китаю;
- создание экономической основы для мира и процветания в регионе путем реализации двусторонних и многосторонних экономических проектов, в том числе с участием КНДР и РК.

Г.М. Локшин, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН:

Видимый парадокс в отношениях двух стран-соседей можно понять только с учетом конфуцианской философии внешней политики, которая неизменно строится на сочетании противоположностей, на гармонизации. Как более слабое государство, Вьетнам многие годы прибегает к известной с древних времен на Востоке тактике: сильнейший ожидает уважения и почтительности к себе, а слабейший не жалеет для этого слов, но ждет, что и его автономность при этом тоже будет соблюдаться. Создан и активно работает полномасштабный механизм вьетнамско-китайских контактов на всех уровнях и во всех областях. На встречах лидеров произносятся слова о дружбе и братстве. Зафиксированы и постоянно повторяются принципы «четыре хорошо» и «16 золотых иероглифов».

Географическое положение вынуждает Вьетнам оставаться в орбите китайской политики на всех поворотах истории. Но историческая и идеологическая близость правящих компартий, политического и общественного строя, моделей социально-экономического развития не препятствуют периодическому обострению национальных и государственных противоречий.

Вьетнам, как и другие соседние с Китаем страны ЮВА, часто называет отношения с Китаем «танцами со слоном». Он научился извлекать для себя выгоды от соседства с поднимающимся гигантом Азии. В целом Вьетнам, несмотря на историческое недоверие, всемерно содействует развитию сотрудничества с Китаем и одновременно решительно противостоит ему во всем, что касается спора за суверенитет в Южно-Китайском море. Однако он неизменно стремится выделить споры по суверенитету в «отдельную корзину», не допуская их негативного воздействия на двусторонние отношения в других областях. Это проявляется в межпартийных и межгосударственных отношениях, в военном, торгово-экономическом и культурном сотрудничестве. Создан и активно работает полномасштабный механизм двусторонних контактов на всех уровнях и во всех областях.

Китай — главный торговый партнер Вьетнама. Их товарооборот в 2015 г. приблизился к 60 млрд долл. При этом дефицит Вьетнама составил 29 млрд долл. Вьетнам находится в большой зависимости от Китая по импорту сырья и материалов для многих отраслей своей промышленности. Но эта экономическая зависимость уже переходит и во взаимозависимость.

Хотя доля прямых иностранных инвестиций из Китая невелика и составляет около 3 млрд долл., китайские компании имеют 90% главных контрактов ЕРС (Engineering Procurement Construction) на строительство во Вьетнаме промышленных предприятий, транспортных объектов и, особенно, ТЭЦ на каменном угле. Китайские подрядчики пользуются преимуществом, так как предлагают дешевую технологию и обещают помочь получить финансирование в китайских банках. Правда, эти дешевые технологии чреватые сильным загрязнением окружающей среды. Неприятие во Вьетнаме вызывает и преимущественное использование китайской рабочей силы.

Вьетнам в прошлом — самая китанизированная страна в регионе. Правда, сейчас КНР уступает по влиянию в нем США, Южной Корее и Японии. Влияние российской культуры незначительно. Недружественная пропаганда Китая, заявления политиков и военных вызывают ответную реакцию в общественном мнении. КПВ пытается сдерживать ее. Угроза вьетнамского национализма в ответ на китайский национализм порождает много проблем. Они были в центре широкой общественной дискуссии до и после прошедшего в январе 2016 г. XII съезда КПВ.

Территориальный спор в Южно-Китайском море — главная проблема, порождающая продолжающийся кризис в отношениях Вьетнама с Китаем. Для Вьетнама ЮКМ имеет жизненное значение, прежде всего, в плане обеспечения продовольственной безопасности. У Китая есть свои законные интересы — в военно-политической сфере в контексте соперничества с США. Проблема в том, что Китай упорно стремится реализовать свои интересы, не считаясь с законными интересами Вьетнама. Возможность решить проблемы есть, но доброй воли Пекина пока нет.

Вьетнам никак не заинтересован в обострении отношений с КНР. Вся внешняя политика Ханоя преследует одну, самую важную для него цель — убедить Китай, что сотрудничество с Вьетнамом принесет КНР более существенные результаты, чем противостояние. Это подтвердил прошедший съезд КПВ: неприсоединение и политика «трех нет» не имеет разумной альтернативы.

Вьетнам интересен России не как замена или альтернатива сотрудничеству с нашим главным партнером — Китаем, а как возможность диверсификации внешнеэкономической стратегии на Дальнем Востоке. И здесь очень важно отметить стратегическое партнерство России с Китаем и Вьетнамом, политику активного нейтралитета и содействие в формировании архитектуры безопасности в ЮВА.

Вместе с тем думается, что Пекин не в восторге от работы российских корпораций на континентальном шельфе Вьетнама, военно-технического сотрудничества РФ с Вьетнамом, а также попыток превратить Восточноазиатский саммит в некий аналог ОБСЕ в АТР. В свою очередь, Вьетнаму не нравится военно-техническое сотрудничество России с Китаем, особенно продажа системы С-400, Су-35 и других новейших видов вооружений, отказ поддержать Вьетнам в кризисной ситуации 2014 г. Все это стимулирует негативное восприятие российской политики в общественном мнении Вьетнама.

Сказывается и неспособность российской внешнеполитической пропаганды доходчиво и убедительно разъяснять общественному мнению политику России в регионе. Призыв России «строить общий тихоокеанский дом», прозвучавший в 2010 г. на встрече тогдашних лидеров России и Китая, так и не был поддержан ни в России, ни среди общественности стран АТР.

В российской политической элите очень медленно происходит сдвиг в сторону понимания необходимости укреплять общественные и межличностные связи с Китаем, в то время как ситуация с Вьетнамом вообще катастрофическая. Все связи по линии общественных организаций потеряны. Кадры вьетнамистов — в состоянии естественной убыли. В таких условиях не может развиваться эффективная экспертиза, исследования и кадровая политика как в бизнесе, так и в государственных органах.

А.Ф. Клименко, к.воен.н., заместитель руководителя Центра изучения стратегических проблем США и ШОС:

Оценивая гонку вооружений в целом, нетрудно заметить, что она приобретает региональный перекося. Если в государствах Западной Европы военные расходы снизились, то в Восточной Европе, Азии и Африке они выросли. Наибольший «оружейный» прирост, по данным Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ), продемонстрировал Азиатско-Тихоокеанский регион.

Несколько лет назад американцы заявили, что переносят свои главные военные усилия в АТР. Именно там сосредоточены их основные группировки и крупнейшие базы. Несмотря на то, что, по данным СИПРИ, в 2014 г. США сократили военные затраты на 6,5%, лидерство по военным расходам по-прежнему остается за ними. США тратят на «оборону» втрое больше, чем Китай. Американский министр обороны Эштон Картер довольно откровенно озвучил цель своих визитов в страны региона — это укрепление военно-политического и военно-технического сотрудничества с Японией и Южной Кореей. Таким образом, Пентагон намерен выстроить кольцо союзников вокруг КНР. Это же коснется и России.

Китай, соответственно, наращивает свои возможности для действий не только в прибрежной, но и в дальней морской зоне. Он строит большими сериями корабли и подводные лодки, которые могут работать в океанской зоне. В Китае учитывают, что ВМС становятся важным фактором с точки зрения обеспечения не только военной, но и экономической безопасности.

С конца 80-х годов XX века КНР пытается создать военно-морские силы, способные действовать на океанских просторах. На первом этапе Китай работает над обретением господства в «ближней зоне» — Желтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. На втором этапе (к 2020 г.) предполагается получить возможность противодействия ВМС США в «средней зоне» — Охотском, Японском морях и на пространствах до Марианских и Каролинских островов. На третьем этапе (после 2020 г.) Китай намерен получить возможность противостоять флоту США в «дальней зоне» — до Гавайских островов.

Совершенствуя ВМС, в Пекине делают ставку на асимметричную стратегию ограничения доступа к своим территориям: разрабатываются противокорабельные баллистические ракеты, многоцелевые субмарины, многофункциональные системы боевого управления, крылатые ракеты воздушного, морского и берегового базирования. корабельные средства ПВО и ПРО.

Для целей сдерживания Китай уделяет повышенное внимание морскому компоненту ядерной триады. К 2020 г. число ПЛАРБ (атомных подводных лодок с баллистическими ракетами) в составе ВМС НОАК может быть увеличено с двух до восьми. Достижение превосходства на море Пекин намерен обеспечивать за счет строительства современных десантных кораблей и авианосцев. Наиболее боеспособная группировка создается Китаем на юге, что говорит о намерении защитить стратегически важные морские коммуникации и при необходимости противодействовать даже более сильному противнику.

В целом, опираясь на программные документы и тенденции развития техники, можно сделать вывод, что через 20 лет Китай будет обладать флотом, способным держать корабли любой державы в значительном отдалении от собственных берегов и основных коммуникаций.

А сегодня задачи противодействия ВМС США носят второстепенный характер. Скорее делается акцент на сдерживание региональных конкурентов и постепенный выход в открытые воды. Рост технического уровня и численности состава флота пока не дает Китаю решающего морского превосходства в регионе, однако неизменно тревожит другие государства АТР.

Тому, что АТР становится регионом именно «морского противостояния», имеются географические предпосылки. Здесь главные акторы отделены друг от друга морскими пространствами. Более того, основные споры ведутся именно на море, да и основные перевозки в случае конфликта осуществляются морским путем. Поэтому наращивание именно ВМС воспринимается большинством стран региона как наиболее явная угроза и индикатор конфликтности.

Как заявил заместитель министра обороны России А. Антонов на шестом Сяншаньском форуме по безопасности, попытки отдельных государств изменить военно-политический баланс в АТР вызывают серьезную озабоченность. «Развитие противоракетных технологий может создать опасную иллюзию неуязвимости у обладающих ими государств, а повышение оборонительного потенциала одной из стран с помощью стратегических противоракетных систем подталкивает другие к ответным действиям, что отразится на дальнейшем процессе ракетно-ядерного разоружения и отрицательно скажется на состоянии безопасности в регионе».

Примечательно, что будучи инициатором гонки вооружений в АТР, Вашингтон не скрывает ее направленности против России и Китая, объявляя их своими противниками. Это вынуждает РФ и КНР объединять усилия в попытках поддержать баланс сил на

достаточном уровне для сдерживания конфронтационных действий США и их союзников в регионе.

В 2016 г. при участии ВМФ России и КНР в Южно-Китайском море планируется провести учения по морской безопасности в рамках организации Совещаний министров обороны стран АСЕАН. Годом раньше успешно прошли российско-китайские военно-морские учения «Морское взаимодействие—2015». Следует отметить, что такие учения, как и маневры «Мирная миссия» в формате ШОС, проводятся на регулярной основе.

Россия выступает за наращивание всестороннего военного и военно-технического сотрудничества и с другими государствами АТР. Международно-договорные механизмы военного сотрудничества у России существуют с большинством государств региона. В ближайшее время планируется завершить подготовку аналогичных соглашений с Малайзией, Сингапуром, Брунеем, Индонезией, Мьянмой, Южной Кореей, Таиландом и Филиппинами. Для России и Китая не менее важное значение имеет укрепление доверительных партнерских отношений с Индией и Вьетнамом.

В настоящее время в АТР постепенно формируется устойчивый баланс сил между Китаем и Индией, поэтому особое значение для них приобретает партнерство через механизмы ШОС и АСЕАН. Однако создание интеграционной модели для Индии осложняется тем, что, например, страны АСЕАН больше тяготеют к сотрудничеству с Китаем. Поэтому Индия в настоящее время настойчиво пытается наладить экономическое сотрудничество с ЕАЭС. На это же нацелен и проект ЭПШП Китая, в связи с чем у России появляется шанс стать катализатором процессов формирования глобальной многополюсной системы на основе баланса сил между Китаем и Индией в ЦАР и в АТР.

Ю.В. Морозов, к.воен.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН и ИСКРАН:

Современная стратегия Пекина по освоению Арктики при нынешнем статусе КНР в Арктическом совете (АС) включает несколько основных направлений.

1. Проведение широкомасштабных научных исследований Арктики. О серьезности намерений Китая в этой области говорит тот факт, что за проведение научных программ в Арктике отвечает специальное управление по Арктике и Антарктике — Chinese Arctic and Antarctic Administration, организационно подчиняющееся Государственному океанографическому управлению. Китай занимается изучением льдообразования, полярной океанографией, исследованиями биоресурсов, изучением метеорологии, изменений окружающей среды на Северном полюсе и т.д. Эти исследования проводятся с целью учета глобальных изменений климата в интересах развития экономики КНР. С начала 1980-х годов в норвежской зоне архипелага Шпицберген постоянно работает китайская научная станция «Хуанхэ».

2. Активное использование Северного морского пути. Интерес Китая к Севморпути закономерен: это кратчайший водный маршрут между Европой и Дальним Востоком. Он почти на 4,5 тыс. км короче, чем путь через Суэцкий канал. Изменившиеся климатические условия позволяют проводить по нему суда с июля по конец ноября. Маршрут этот не только короче, но и безопаснее. Разрешение на транзит по СМП имеет важное значение для Китая, ибо летняя проводка судов по канадским и российским путям в Северном Ледовитом океане становится все более рентабельной. Так, в 2013 г. китайский сухогруз Yong Sheng прошел по Северному морскому пути из порта Тайцан до Роттердама на две недели быстрее, чем обычным маршрутом через Индийский океан. По оценке китайских экспертов, только на одном «северном» рейсе простого контейнеровоза или сухогруза можно сэкономить до полумиллиона долларов.

В связи с этим нельзя исключать, что в будущем, по мере усиления КНР и продолжающейся стагнации экономики России, Пекин может потребовать предоставления Северному проходу статуса нейтральных вод. Не случайно представитель Даляньского морского университета Ли Чжэнфу считает, что получивший «контроль над арктическим маршрутом будет контролировать новый путь мировой экономики». А профессор Го

Пэйцин из Китайского океанологического университета называет споры арктических держав за шельф «вызовом» международному праву, в том числе и со стороны России.

Перспективу освоения Арктики в интересах своей страны китайские лидеры видят и в развитии собственного ледокольного флота. В высоких широтах уже ходит китайский ледокол «Сюэлу» («Снежный дракон»), который КНР приобрела у Украины. В 2014 г. к нему присоединился более мощный ледокол водоизмещением 8 тыс. тонн, который может преодолевать льды толщиной более полутора метров. Также в Китае принята программа создания других ледоколов.

3. Освоение арктических богатств на практике. Китайская корпорация по добыче шельфовой нефти CNOOC в партнерстве с исландской группой Eукоп Energy приняла участие в тендере на получение лицензии на разведку и добычу углеводородов у северного побережья Исландии. А китайская корпорация CNPC приобрела 20-процентную долю в проекте «Ямал СПГ». Так, не обладая значительными запасами полезных ископаемых, Китай стремится с помощью своей солидной финансовой базы обеспечить себе доступ к их разработке в Арктике.

При реализации своей стратегии в Арктике Китай предпочитает блокироваться со странами АС, чьи позиции не так сильны перед лицом крупных держав региона — США, России и Канады. Если говорить о стратегическом партнере КНР, то государство, которое выражает однозначную поддержку Китаю в плане освоения Арктики — это Исландия. В условиях продолжающегося глобального экономического кризиса Исландия стала существенным образом зависеть от китайских инвестиций. КНР выдает этой стране кредиты под «шадящие» проценты. Между Рейкьявиком и Пекином также действует договор о свободной торговле. Еще одной сторонницей присутствия Китая в Арктике является Дания, которая стремится заручиться поддержкой Пекина в спорах с другими странами и получить китайские инвестиции при разработке природных ресурсов Гренландии, в частности месторождений нефти и газа на шельфе.

Для Китая эта автономная провинция Дании является идеальным местом для закрепления своего присутствия в регионе, который богат не только энергетическими ресурсами, но и обладает 10% мировых запасов пресной воды. Гренландия — оптимальная географическая точка входа китайских предприятий, интересующихся арктическими ресурсами, потому что у правительства острова нет возможностей для самостоятельной добычи полезных ископаемых.

Таким образом, стратегия Китая в северных широтах не на словах, а на деле доказывает то, что он является глобальной державой, способной бросить вызов остальным странам мира, не исключая РФ и США. Борьба за ресурсы Арктики становится все более интенсивной, и Китай будет играть в ней все более значимую роль.

В связи с активностью Китая в Арктике для России и для развития российско-китайских отношений складывается двоякая ситуация. С одной стороны, Китай для РФ — стратегический партнер, с которым по многим геополитическим вопросам просматриваются схожие позиции, но, с другой стороны, для России это означает появление в арктических широтах еще одного конкурента, претендующего на освоение арктических богатств. КНР в качестве страны-наблюдателя АС уже имеет юридические предпосылки для того, чтобы получить доступ к ресурсной базе богатейшего региона. И рассчитывать на то, что Китай остановится только на позиции наблюдателя в АС, не приходится.

А.К. Криворотов, к.э.н., секретарь Совета директоров компании «Штокман Девелопмент АГ»:

В современной политике Китая, как и всех крупных стран АТР, наблюдается рост интереса к Крайнему Северу. Политическим отражением этого процесса стало признание в мае 2013 г. пяти азиатским странам, включая КНР, статуса постоянных наблюдателей в единственной в мире циркумполярной межправительственной организации — Арктическом совете (АС), заметно набравшем обороты в последние годы.

Проникновение Китая в Заполярье идет по нескольким связанным направлениям: политические контакты со странами региона; научные исследования (включая создание постоянной полярной станции на норвежском Шпицбергене, экспедиции крупнейшего в мире неатомного ледокола «Сюзлун» и дальнейшее наращивание ледокольного флота); освоение навигации по трассе Северного морского пути (СМП); торговые, инвестиционные, гуманитарные связи.

Пекин не скрывает намерений активно участвовать как в освоении мирового Заполярья, так и в управлении им. В официальной риторике КНР позиционируется как «приарктическое государство» и «участник процессов в Арктике (near-Arctic state, Arctic stakeholder)». При этом, в отличие от всех полярных стран и некоторых внерегиональных «игроков» (Южная Корея, Евросоюз, НАТО и др.), в КНР не принято официального стратегического документа по Арктике. Китай таким образом оставил за собой полный простор для формулирования национальных интересов на Севере и определения методов их защиты, включая политико-правовые подходы. Анализ же практических мероприятий китайцев позволяет сделать следующие выводы.

Вопреки опасениям некоторых западных экспертов, активность КНР в Арктике очевидно не преследует военно-стратегических целей. Сил и средств для ведения боевых действий и даже регулярного присутствия в высоких широтах у ВМС или ВВС Китая нет и в обозримом будущем не появится. На современном этапе усилия китайских организаций сосредоточены на достижении ряда мирных целей.

Первая — интенсивное систематическое накопление знаний о Севере, которые сейчас, как подчеркивают сами арктические государства, становятся ключевым фактором национального лидерства в регионе. Этой цели служат масштабные исследования КНР в Арктике (и кратко бóльшие — в Антарктике), двух- и многостороннее научное сотрудничество с зарубежными странами, сбор всей доступной информации в рамках АС.

Вторая — обеспечение доступа к природным ресурсам Арктики для удовлетворения потребностей китайской промышленности. При этом, насколько можно судить, китайцев более всего привлекают те ресурсы, которые рентабельно могут быть физически доставлены в КНР на переработку: нефть и газ Восточной Сибири, Дальнего Востока России и Аляски, металлические руды Северной Норвегии и Гренландии, ферросиликоновые сплавы Норвегии, алюминий исландской выплавки. Особый случай представляет интерес Китая к участию в добыче и/или переработке редкоземельных металлов Арктики (месторождения Кванефельд в Гренландии, Томтор в Северной Якутии) для сохранения фактической монополии КНР на данном рынке стратегического сырья.

Третья — освоение альтернативных транспортных коридоров на рынки Европы и Восточного побережья США, позволяющих КНР достичь экономии на перевозках и понизить одностороннюю зависимость от Малаккских проливов. Это Севморпуть, выходы по железной дороге на незамерзающие арктические порты России и Норвегии (проекты «Белкомур» и «Северный коридор Восток — Запад»), а в обозримой перспективе и трансполярные морские перевозки через Центральную Арктику.

В апреле 2016 г. китайские государственные ведомства заявили также о своем интересе к мореплаванию по Северо-Западному проходу — через воды Канадского Арктического архипелага, статус которых служит предметом разногласий между Канадой и США.

Четвертая цель, тесно связанная со всеми перечисленными, — обретение опыта фактического хозяйственного и научного присутствия за Полярным кругом. Оно призвано, помимо прочего, служить обоснованием для политических подходов Пекина о признании ресурсов и вод Арктики общим достоянием человечества, обеспечением доступа к ним неарктических стран.

Характерно, что последние два года, в условиях мирового кризиса и резкого падения сырьевых цен, активность КНР на ресурсном и транспортном направлениях заметно снизилась. Сквозной транзит по СМП, в котором большая доля приходилась на Ки-

тай, упал с 1,4 млн т в 2013 г. до 36 тыс. т в 2015 г. Это показывает, что внешнеполитические соображения хотя и присутствуют в хозяйственной деятельности китайцев в Арктике, но не играют в ней самодовлеющей роли.

В условиях настороженного отношения крупных арктических государств к проникновению в Заполярье внешних «игроков» Китай до последнего времени делал основную ставку на развитие отношений со странами Северной Европы. Они занимают выгодное географическое положение в Северной Атлантике, составляют большинство в АС, частично входят в ЕС и НАТО, обладают серьезным технологическим потенциалом и при этом не имеют геостратегических амбиций. Наибольший интерес для КНР представляют территории, имеющие прямой выход на побережье Северного Ледовитого океана — Исландия, Гренландия (самоуправляемая часть Дании) и Норвегия.

КНР резко активизировала политический диалог со скандинавскими странами, включая обмены визитами высшего и высокого уровней (кроме Норвегии, отношения с которой свернуты в 2010 г. из-за присуждения Нобелевской премии мира китайскому правозащитнику Лю Сяобо). Подписано несколько двусторонних соглашений о свободной торговле, китайцы приобрели ряд крупных предприятий в регионе, в 2013 г. в Шанхае учрежден Китайско-североевропейский центр по изучению Арктики. Повышенное внимание СМИ привлекли настойчивые попытки миллиардера Хуан Нюйбо приобрести крупные земельные участки в малонаселенных местах северной Исландии, Норвегии и Дании (воспринимаемые многими на Западе как поиск китайцами места для создания постоянной базы в Арктике).

В условиях разворота России на Восток и выдвижения Китаем концепции «Морского Шелкового пути XXI века» заметно активизировалось и наше двустороннее сотрудничество в Арктике. Кроме политических, к тому имеются естественные географические предпосылки, поскольку Россия — единственный арктический сосед КНР.

Хозяйственные интересы Китая в российской Арктике распространяются на судоходство по СМП, потенциально — участие в нефтегазовых проектах Ванкор (север Красноярского края) и на арктическом шельфе. Крупнейшим объектом вложений является стратегический проект «Ямал СПГ» по производству сжиженного природного газа (СПГ) на базе Южно-Тамбейского месторождения с отгрузкой его из строящегося порта Сабетта. В условиях вынужденной приостановки работ на арктическом шельфе он стал главным источником формирования грузовой базы для судоходства по трассе Севморпути: мощность каждой из трех его технологических линий (5,5 млн т СПГ в год) сравнима с общим объемом нынешних перевозок по СМП (5,4 млн т в рекордном 2015 г.).

Китайские компании и банки владеют 29,9% акций «Ямал СПГ», выделили кредиты более чем на 40% стоимости проекта, поставят на него 70–80% оборудования и закупили минимум 18% производимой продукции. Укоренившись на «Ямале СПГ», китайская сторона проникла в самый центр российской Арктики и получила мощный рычаг влияния на перспективы судоходства по Севморпути (в т.ч. перевооружение ледокольного флота).

Сотрудничество с Китаем в Арктике помогает России укрепить свои позиции в этом стратегически важном регионе (где все наши соседи по Ледовитому океану входят в НАТО), решать задачи привлечения необходимых инвестиций и кредитов, обеспечивать развитие Заполярья в привязке к Азиатско-Тихоокеанскому региону — главному локомотиву мировой экономики.

В то же время представляется, что процесс этот сопряжен и с системными рисками, которые связаны с особенностями формирования и реализации арктической политики России и Китая.

Разный горизонт планирования и неясное понимание истинных целей и механизмов работы КНР. В России, несмотря на принятие в 2014 г. соответствующего федерального закона, по сути, не налажено стратегическое планирование, отсутствует четкое долгосрочное видение, даже текущие планы нередко срываются из-за отказа Минфи-

на их финансировать. Действующая Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, равно как и соответствующая Государственная программа, рассчитаны лишь до 2020 года, причем Госпрограмма уже пересматривается. Китайская линия поведения, несмотря на отсутствие четко заявленных целей, явно рассчитана на существенно более долгую перспективу, что обеспечивает КНР «преимущество стайера на длинной дистанции».

Различные механизмы и методы работы в Арктике. Россия в Заполярье делает основной упор на мегапроекты, осуществляемые прямо или косвенно государством (Минобороны, Росморпорт, госкомпания) либо при массивированной господдержке. Китайцы, напротив, преимущественно сосредоточились на НИОКР и коммерчески рентабельных инвестициях (что, безусловно, не препятствует их участию в «Ямале СПГ», субсидируемом российским государством). Такой путь существенно менее рискован политически или затратен, но при этом дает в длительной перспективе очень весомый результат.

Недоучет взаимосвязи проблем Арктики и Дальнего Востока. В свете глобального роста внимания к Арктике в России произошло ее известное обособление — сначала терминологически, затем законодательно через выделение Арктической зоны Российской Федерации и, наконец, в практической политике как объекта отдельной госпрограммы. У Дальнего Востока имеется собственная, концептуально отличная госпрограмма и особое министерство. Тем самым, учитывая бюрократическую специфику, наметился некий отрыв дальнего Заполярья от более южных «районов Крайнего Севера и приравненных к ним», которые по климатическим условиям зачастую не отличаются от Арктики и веками служили опорной базой ее хозяйственного освоения.

Чрезмерно увлекшись знаковыми проектами в высокоширотной арктической зоне, Россия рискует упустить «старые» поселения вдоль трассы Транссиба. Представляется, что для устранения этих рисков необходима долгосрочная, бюджетно обеспеченная и недорогая (рассчитанная во многом на поощрение частной инициативы под контролем государства) стратегия работы в Арктике, тесно увязанная с задачами как международной, так и региональной экономической политики. Причем Китай, с учетом степени его вовлеченности в процессы в российской Арктике, будет необходимо де-факто рассматривать в качестве фактора и внешнего, и внутреннего развития региона.

Двусторонние отношения: практическое сотрудничество

В.Я. Портяков, д.э.н., заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока»:

Кризис в мировой экономике, проявляющийся, среди прочего, в падении цен на многие виды сырья и топлива и продукции первичного передела, не мог не затронуть глобальную торговлю товарами. По данным ВТО, при росте физического объема торговли в 2015 г. на 2,8% в стоимостном выражении она существенно сократилась — экспорт упал на 13,2%, до 16,48 трлн долл., а импорт — на 12,2%, до 16,76 млрд долл. Ухудшение мирохозяйственной конъюнктуры негативно сказалось и на внешней торговле Китая, экспорт которого в долларовом выражении упал на 2,9%, а импорт — на 14,2%. Тем не менее, Китай сохранил за собой позиции мирового лидера по объему торговли товарами и экспорту (соответственно, 3957 и 2275 млрд долл.) и 2-е место, вслед за США, по импорту товаров (1682 млрд долл.). Доля Китая в глобальном экспорте составила 13,8%, в глобальном импорте — 10%.

Снижение мировых цен на нефть и газ — основные позиции российского экспорта и санкционная война Москвы с Западом привели к падению стоимостного объема экспорта России в 2015 г. на 31,6% и импорта — на 37%. Позиции России в перечне ведущих мировых торговых держав заметно ухудшились. По экспорту она отступила на 15-е место в мире (340 млрд долл., 2,1% общемирового показателя), а по импорту — на

23-е (соответственно, 194 млрд долл. и 1,2%). Еще в 2013 г. Россия находилась на 10-м месте в мире по экспорту и на 16-м по импорту.

В этой ситуации вполне естественным было и снижение стоимостного объема торговли между Китаем и Россией. Она снизилась с 95,28 млрд долл. в 2014 г. до 68,06 млрд долл. в 2015 г., или на 28,6% (по данным таможенной статистики КНР). При этом экспорт Китая в РФ упал на 35,2% — с 53,68 до 34,78 млрд долл., а его импорт из России снизился на 20% — с 41,4 до 33,28 млрд долл. С 9-го места в иерархии стран и регионов — торговых партнеров Китая Россия отступила на 15-е, впервые пропустив вперед такие государства, как Таиланд, Вьетнам, Великобритания и Голландия. Снизилась и ее роль как торгового партнера Китая: доля РФ в товарообороте КНР сократилась с 2,21% до 1,72%, в экспорте КНР — с 2,2% до 1,55% и в импорте — с 2,12% до 1,98% (расчеты по данным таможенной статистики КНР).

В то же время, судя по китайским данным, в 2016 г. двухсторонний товарооборот Китая и России держится примерно на уровне предыдущего года: 19,72 млрд долл. за январь—апрель, прирост на 0,7% к первым четырем месяцам 2015 г. При этом китайский экспорт вырос на 4,4%, до 9,78 млрд долл., а импорт КНР из РФ сократился на 2,8%, до 9,95 млрд долл. Эти показатели можно оценить как определенный успех, поскольку внешняя торговля Китая в целом продолжила сокращаться — товарооборот упал на 9,8%, экспорт снизился на 7,6%, а импорт — на 12,8% по сравнению с январем—апрелем 2015 г.

Структура китайского вывоза в Россию в 2015 г. по сравнению с 2014 г. практически не изменилась. При уменьшении стоимостного объема поставок продукции машиностроения и электроники с 19,4 млрд долл. до 12,5 млрд долл. их доля в экспорте осталась на уровне 36%, а текстиля и обуви — на уровне 25% при сокращении поставок с 13,7 до 8,8 млрд долл. Сократились даже поставки в Россию продовольственных товаров и сельхозсырья (с 2,2 до 1,7 млрд долл.), что объясняется прежде всего их резким удорожанием для российского потребителя в условиях падения курса рубля к юаню вдвое. Напротив, в структуре российского экспорта в Китай произошли определенные изменения. Хотя продукция ТЭК, главным образом нефть, сохранила за собой доминирующую позицию в поставках из России в Китай, однако ее доля снизилась на 10 процентных пунктов — с 71,5 до 60,7%, а стоимостной объем упал с 30 до 20 млрд долл. Низкая цена на нефть может существенно осложнить выплату Китаю кредитов, ранее взятых «Роснефтью» на строительство ВСТО и на приобретение компании ТНК-ВР.

В то же время наметились позитивные подвижки в несырьевом сегменте: выросли поставки продовольствия, металлов. Впервые за последние 7–8 лет доля машин и оборудования в российском экспорте в Китай превысила 2%.

Обесценение рубля по отношению к юаню привело к достаточно радикальной смене картины приграничной торговли. Если долгие годы здесь заметно преобладал вывоз товаров из Китая в Россию, то в 2015 г. ситуация стала меняться. Так, в Хуньчуне (пров. Цилинь) близ китайско-российской границы импорт вырос на 79,4% при снижении экспорта на 28,4%, в Хэйхэ экспорт упал на 70% при росте импорта на 38,7%.

В целом, Китай пока не стал для России реальной альтернативой Западу, хотя предположения о возможности такого сценария и высказывались достаточно часто в России в 2014 г. В то же время он остается крупнейшим торговым партнером РФ и имеет все шансы сохранить за собой это место в обозримой перспективе. Определенный оптимизм относительно возвращения нашей двусторонней торговле положительной динамики внушают результативные усилия России по диверсификации структуры своего экспорта в КНР и увеличению в нем доли несырьевых товаров.

А.И. Салицкий, д.э.н., главный научный сотрудник ИМЭМО РАН:

Начавшееся во второй половине 2014 г. снижение мировых цен на сырье и особенно топливо привело к сокращению мировой торговли (по ее стоимости в долл. США) в 2015 г. Сокращение составило около 13%. Правда, эксперты ВТО теперь предпочитают

подсчеты физического объема мировой торговли товарами, в которой, по их мнению, продолжается «вялый рост». Этот рост сопровождался сокращением мировой торговли услугами (на 6,4%), что несколько снижает доверие к слову «рост».

«Кризис-рост» в мировой торговле коснулся всех ее участников, особенно болезненно отразившись на странах, экспортирующих топливо и сырье. Доля России в мировом экспорте снизилась до 2,1% (с 2,6% в 2014 г.), а в мировом импорте до 1,2% (1,6%). Оборот торговли товарами сократился на треть, услугами — на 27%.

В противоположность России, Китай в 2015 г. продолжил наращивать свое присутствие на внешних рынках. Его доля в мировом экспорте увеличилась до 13,6% (12,3% в 2014 г.), поскольку экспорт сократился всего на 2,9%. Доля КНР в мировом импорте товаров сократилась до 10% (с 10,3%), однако КНР превратилась в лидера по динамике импорта услуг (прирост составил почти 15%).

Падение китайско-российской торговли в 2015 г. оказалось менее глубоким, чем сокращение российской внешней торговли в целом. В результате роль Китая как торгового партнера России усилилась, а аналогичная роль РФ для КНР уменьшилась, составляя теперь около 1,5% по китайскому экспорту и 2% по импорту. Как видно, эти показатели примерно соответствуют нынешним долям России в мировом импорте и экспорте.

Нужно ли форсировать торговые обмены, выводя их на уровень когда-то задекларированных круглых показателей, «подтягивая» к высокому уровню отношений на политическом уровне или неизменно бездонному потенциалу? Не уверен.

Во-первых, как показывают данные статистики за первые месяцы 2016 г., уже наметилась тенденция к восстановлению количественных показателей российско-китайской торговли. Так, на фоне сокращения вывоза КНР на 7,6% в январе—апреле, экспорт в РФ увеличился на 4,4%. Импорт Китая в целом упал на 12,8%, а ввоз из России сократился лишь на 2,8%.

Во-вторых, есть и некоторые отрядные сдвиги в структуре торговли: китайские потребители, например, явно почувствовали вкус к российским пищевым товарам. Удельный вес этой продукции в российском вывозе на перспективный рынок в первом квартале 2016 г. увеличился до 7,4%, поставки превысили 0,5 млрд долл. Повысилась и доля машин и оборудования в российском экспорте: с 2% в 2015 г. до 4% в первом квартале 2016 г.

В-третьих, многочисленные форматы двусторонних контактов, возникшие в ходе «поворота России на Восток», могут дать практические результаты уже в близком будущем.

Наконец, пора начать различать экстенсивный и интенсивный рост внешней торговли, вслед за китайскими коллегами задуматься над ограничением вывоза наиболее эффективной продукцией и не отказываться от замещения импорта, менее архаичные названия которого — инсорсинг, решоринг — уже в широкой моде в развитых странах.

Значение внешней торговли для экономического роста традиционно переоценивается в России. Если говорить о диверсификации ввоза (к которому у нас часто ошибочно сводят замещение импорта), в том числе оборудования и технологий, то здесь, наоборот, есть недооценка современных и будущих возможностей КНР.

Замечу, что, в отличие от многих других стран, Китай упорно продвигается к созданию сравнительно независимой техно-промышленной структуры, продолжает снижать закупки зарубежного оборудования (его импорт из ЕС в 2015 г. сократился на 15%), уменьшать участие в глобальных цепочках добавленной стоимости и т.п. Наши знания о научно-техническом потенциале КНР остаются недостаточными, а это ведет к экономическим и репутационным потерям, достаточно вспомнить китайские конфузы «РОСНАНО».

Теперь об инвестициях.

По состоянию на конец 2015 г. Россия накопила около 9 млрд долл. прямых инвестиций из Китая, за год их приток составил 560 млн долл. — на 6,7% меньше, чем в

предыдущем году. Россияне инвестировали в КНР 13 млн долл. (-8,0%), доведя накопленный объем почти до 950 млн долл.

Китайские прямые инвестиции в Россию (около 1% от их общего объема, включающего Гонконг в качестве крупнейшего реципиента), таким образом, пока вполне сопоставимы с капиталовложениями в другие страны — как крупные сырьевые, так и промышленно развитые. Лишь США, Австралия и Великобритания значительно превосходят РФ по объему привлеченных из КНР прямых инвестиций.

Однако перспективы роста китайских инвестиций в РФ не выглядят особо радужными на сложившейся энерго-сырьевой основе. Дело в том, что в последние годы происходит структурная и институциональная перестройка экспорта капитала из КНР. Среди инвесторов растущую роль играет частный сектор (свыше 40% против 10% в 2010 г.), а зарубежные топливно-сырьевые ресурсы теряют привлекательность. Подавляющая часть зарубежных капиталовложений осуществляется теперь путем слияний и поглощений, китайцы особенно активны в приобретении компаний, располагающих современными технологиями, известными брендами, информационными услугами, а также недвижимостью, сельскохозяйственных земель и т.п. России им зачастую просто нечего предложить.

Некоторые основания для оптимизма дают мегапроект «Пояса и пути» и его смычка с ЕАЭС, которые, впрочем, пока не нашли в России даже адекватной информационно-политической поддержки. В его рамках уже заметна повышенная активность китайских инвесторов в Поволжье — особенно там, где местная бизнес-среда благоприятна для промышленников.

В китайской печати достаточно авторитетных высказываний по поводу заинтересованности Китая в усилении России, необходимости ей помогать в нынешних непростых условиях. Однако представляется, что возобновление экономического роста является единственно важной предпосылкой привлечения серьезного интереса со стороны китайских инвесторов. Но здесь пока царит полная неопределенность. Сегодня не раз говорили об отсутствии стратегической линии в экономических отношениях с КНР. Возможно, настало время вместе с китайскими коллегами выявлять и обсуждать пути выхода из этой неопределенности.

И.Р. Томберг, к.э.н., руководитель Центра энергетических и транспортных исследований Института востоковедения РАН:

К основным факторам, влияющим сегодня на развитие энергосотрудничества России и Китая, относятся:

- падение мировых цен на основные энергоносители;
- замедление темпов роста экономики КНР и вызванная этим неопределенность прогнозов энергопотребления;
- пересмотр энергетической стратегии на период до 2020 г., явный сдвиг в сторону «зеленой энергетики»;
- рост влияния геостратегических рисков.

Эти факторы влияют на энергетическую политику обеих стран, причем разнонаправленно. Например, если низкие цены на топливо стимулируют китайский импорт, то они же являются серьезным демотиватором для российских компаний в плане расширения поставок нефти и газа ввиду их очевидной низкой рентабельности.

О конкретном сотрудничестве по видам топлива.

Нефть. Спрос на сырую нефть будет расти так же, как и зависимость Китая от экспорта нефти. Россия сегодня — в числе ведущих поставщиков нефти в КНР (13% общего импорта) и наращивает поставки — 33 млн т в 2014 г., 42 млн т — в 2015 г.

В расчете на российскую нефть CNPC начала строительство второго нефтепровода Мохэ — Дацин. В 2015–2017 гг. поставки нефти по отводу от ВСТО «Сковородино — Мохэ» должно вырасти до 5 млн т в год, но из-за технической неготовности китай-

ской трубопроводной системы они могут осуществляться по другим дистанциям. Расширение китайского участка было перенесено на три года. Две страны рассматривают возможность транспортировки в Китай 30 млрд куб. м российского природного газа в год в течение 30 лет.

Сотрудничество в сфере нефтепереработки топчется на месте. До сих пор не согласованы основные моменты проекта НПЗ/НХК в Тяньцзине (в сотрудничестве с Роснефтью).

Китайская сторона стремится к инвестициям в нефтегазовую отрасль в регионе Восточной Сибири. Однако отказывается платить ту цену, которую ожидают российские компании. Яркий пример — продажа крупного пакета Ванкорского месторождения.

Газ. Одним из итогов последних решений в сфере энергетики стала программа замещения угля природным газом в энергогенерации. Тенденция замещения угля газом в Китае для генерации электроэнергии, вероятно, усилится, поскольку значительная часть промышленных мощностей, использующих уголь, выводится из эксплуатации.

По данным Института экономики и технологий CNPC, темпы роста спроса на газ в Китае замедлились в последние годы, однако потребление растет. В 2000–2013 гг. спрос на газ рос на 16% в год, в 2014 г. — на 8%, а в 2015 г. — лишь на 4%.

Потребление газа с учетом закачки в подземные хранилища газа (ПХГ) по итогам 2015 г. оценивается в объеме 187,3 млрд куб. м — эта цифра значительно ниже уровня в 230 млрд куб. м, установленного в плане на 12-ю пятилетку (2011–2015 гг.).

Причины этого, по мнению экспертов ИВ РАН, связаны с замедлением темпов роста экономики Китая, сказавшихся на темпах роста спроса на газ, а также с падением мировых цен на нефть, повысившим привлекательность альтернативных энергоносителей. Тем не менее, объем потребления позволил Китаю занять в 2015 г. 3-е место в мире после США и России.

Производство сырого угля в Китае в апреле упало на 11%, тогда как импорт газа вырос на 27,5% при увеличении его внутреннего производства на 5,6%.

Но пока природный газ играет скромную роль в энергобалансе КНР. По прогнозам, в 2016 г. его доля составит ниже 6% (5,9%). Сейчас 80% энергетики страны работает на угле, на газовую генерацию приходится всего 2%.

Перспективы китайского спроса на газ туманны. Он будет зависеть от роста китайской экономики, структурных изменений, перспектив добычи собственного газа, а также мер в отношении спроса на уголь. Нельзя делать вывод только по одному из этих факторов.

КНР не проявляет серьезной заинтересованности в поставках российского газа. При этом на фоне неопределенности с экспортными ценами сроки окончания строительства газопровода «Сила Сибири» были перенесены с 2018 на 2021 год.

Учитывая неопределенность в ближайшие 2–3 года по движению мировой цены нефти (и газа), затоваренности рынка физического газа и динамике спроса и добычи газа, Китай заинтересован отложить обязывающие решения. Выбор между конкурирующими предложениями определится не только экономическими соображениями, но и стратегией по диверсификации источников импорта.

Источники импорта: Россия, Центральная Азия, Мьянма, Австралия (+95 млн т СПГ), США, Катар и пр.

Один из немногих успешных проектов — сотрудничество в проекте «Ямал СПГ». Китай готов предоставить в рамках проектного финансирования 12 млрд долл. Общий объем финансирования — 27 млрд интересен для китайцев в связи с явным профицитом регазификационных мощностей (12 терминалов). Стоит отметить достаточно низкую загруженность терминалов регазификации СПГ в Китае: в 2015 г. она составила 45%; за исключением терминалов Шанхая (загружены на 95%) и Дапэна (75%), остальные

терминалы были загружены значительно меньше, а терминал на о. Хайнань практически простаивал.

Уголь. В ближайшие три года Китай должен будет закрыть 4300 шахт (с суммарным производством около 700 млн т угля в год). Таким образом, страна может сократить производство на 18%. Сокращение 700 млн т при мощностях в 4 млрд т незначительно повлияет на отрасль.

В Китай уголь поставляют в основном Сибирская угольная энергетическая компания (СУЭК) (энергетический), «Мечел» и «Распадская» (энергетический и коксующийся). В 2014 г. (более актуальных данных нет) СУЭК продала в страны АТР 26,3 млн т, или 28% общего производства, на Китай пришлось 10,5 млн т, или 11% продаж. По данным презентации «Распадской», в первом полугодии прошлого года она продала 3,72 млн т угля, 42% из них — в страны АТР. За январь — ноябрь 2015 г. экспорт угля из России в Китай упал на 47% до 13,6 млн т. Об этом свидетельствуют данные таможенной статистики.

С.Л. Сазонов, к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН:

При формировании проектов Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского Шелкового пути (МШП) руководство КНР планирует создание параллельных и взаимодополняющих выходов в Европу не только через РФ, но и через Центральную Азию, страны ЮВА и Ближний Восток, что снижает его возможные инфраструктурные риски.

Благодаря своему географическому положению Дальний Восток РФ более тесно связан с Китаем и СВА, чем с европейской частью России — Дальневосточный федеральный округ (ДФО) РФ и Северо-Восток Китая (СВК) составляют «естественный географический и экономический пояс». Для Дальнего Востока РФ тесные экономические связи с Китаем (в первую очередь), Японией, РК и странами ЮВА могут стать столь же полезными, как и с регионами европейской части РФ. А существующие политические и экономические препятствия, осложняющие взаимовыгодное сотрудничество, могут быть преодолены за счет создания эффективной региональной интеграции российско-китайских транспортных систем. Россия и Китай могли бы стать ведущими региональными интеграционными магнитами, которые, при определенных условиях, способны обеспечить превращение приграничной инфраструктурной сети в многополярную региональную транзитную структуру. Несомненно, что в случае присоединения к ней и использования ее мультипликативного эффекта реальную выгоду смогут получить все страны АТР: транспортная инфраструктура ДФО РФ является идеальным полигоном, который может стать «транспортно-коммуникационными воротами» России как в Китай, так и в страны АТР. Общие интересы Китая и России заключаются в создании российско-китайской интегрированной сети, которая может стать новой платформой для расширения торгово-экономического сотрудничества между странами Евразии.

Руководство КНР рассматривает возможность строительства Восточно-Сибирской ЖД Пекин — Москва в качестве «ключевого проекта ЭПШП», а в июне 2015 г. созданный российско-китайский консорциум заключил соглашение с ОАО «РЖД» о выделении 20,8 млрд руб. (380 млн долл.) на проведение предварительной технической экспертизы проекта. Следует активизировать работы по реализации проекта транспортного коридора Пекин — Москва, а также завершить к 2018 г. строительство его первой очереди — 770-километрового участка Москва — Казань. Это позволит вдвое увеличить пропускную способность западного полигона Транссиба, нарастить объемы железнодорожных транзитных грузопотоков, формируемых в центральных и западных провинциях КНР и направляемых через Казахстан по территории РФ в Западную Европу. В свою очередь, транспортная инфраструктура СВК в направлении российской границы до основных железнодорожных пунктов пропуска в значительной степени недогружена. Поэтому первоочередная задача заключается в коренной модернизации транспортного комплекса

ДФО РФ с учетом характера перспективных грузопотоков и переводе на плечо участка Дальневосточной ЖД Забайкальск/Гродеково — тихоокеанские порты РФ существенной части грузов, произведенных в северо-восточных и центральных провинциях КНР для последующей их транспортировки в Европу и восточные порты КНР. Поскольку сегодня пропускные возможности Транссибирской магистрали ограничены, то часть этого транзитного грузопотока может быть переключена на китайские железнодорожные магистрали, идущие в западном направлении.

Транзитный потенциал Забайкальского края обладает значительными возможностями. На российско-китайской границе кроме Забайкальска расположен КПП Приаргунск, который также связан с сетью российских железных дорог. На территории КНР уже достроен участок железнодорожной дороги Сяохэци — Эргунь — Гэгэнгол (АРВМ) от Хайлара до сопредельного с Приаргунском КПП Хэйшаньтоу. Эти КПП разделяет только отсутствие участка в 20 км федеральной автотрассы от Приаргунска до пограничного перехода Староцурухайтуй — Хэйшаньтоу, а также нет мостового железнодорожного перехода через р. Амур. В случае согласия российской стороны и при помощи китайских инвестиций на российско-китайской границе мог бы появиться новый современный железнодорожный пограничный переход.

Значительную выгоду мы можем получить от реализации разработанного в 1990-е годы дальневосточными учеными проекта международного транспортного коридора (МТК) «Приморье-2», который предусматривает транзит товаров, производимых в северо-восточных провинциях Китая, через порты Хасанского района Приморского края. Сегодня товары, произведенные в северо-восточных провинциях КНР общей площадью 1,45 млн кв.км и населением свыше 120 млн человек, не имеющих собственного выхода к Японскому морю, транспортируются на большие расстояния для вывоза через порты КНР. Из Хуньчуня, например, до ближайшего порта Далянь груз приходится перевозить почти 1,5 тыс. км, тогда как от Хуньчуня до порта Зарубино расстояние транспортировки сокращается до 75 км (а время транспортировки уменьшается на 5 дней), до порта Посьета — 42 км, до порта Славянки — 200 км. Кроме того, железнодорожная сеть северо-восточных провинций Китая перегружена региональными грузами и не справляется с внешнеторговыми потоками. Модернизация железнодорожной инфраструктуры Хасанского района (строительство развязов Пожарский и Барский, реконструкция пограничного перехода Махалино — Хуньчунь) позволит организовать транзит грузов северо-восточных провинций Китая через порты южного Приморья: Славянку, Зарубино и Посьет.

Главным звеном проекта МТК «Приморье-2» будет порт Зарубино, расположенный в 80 км северо-западнее порта Владивостока и всего в 18 км от российско-китайской границы, который должен стать альтернативой доставке китайских грузов по железной дороге до китайского порта Далянь. Реконструкция российского порта Зарубино придаст импульс развитию бассейна р. Тумэньцзян (СВК) и стран СВА. Власти провинции Цзилинь намерены инвестировать 3 млрд долл. в увеличение ежегодного грузооборота незамерзающего порта Зарубино до 60 млн т, а в перспективе до 100 млн т. Проект реконструкции порта предполагает увеличение количества причалов с действующих 4 до 12–15. Это даст возможность использовать 60% мощности российского порта для вывоза продукции провинций СВК в южные регионы КНР, а 30% — для экспорта товаров в страны АТР и Северную Америку.

Китайские эксперты полагают, что при условии соединения порта Зарубино с Транссибирской магистралью, роста портовых мощностей, увеличения пропускной способности железнодорожного перехода Махалино — Хуньчунь через 10–15 лет дальневосточный порт Зарубино сможет конкурировать с китайскими портами Далянь или Шанхай.

Основные экономические гиганты расположены в Северном полушарии и, следовательно, главная ось мировой экономики сместится с Запада на Восток, где будет формироваться развитая приарктическая экономическая зона с участием России и КНР. Китай-

ские морские компании проявляют больший интерес к Северному морскому пути (СМП), нежели к другому арктическому морскому пути — Северо-Западному проходу (СЗП), пролегающему в канадских и американских водах. Причина в том, что для СЗП, имеющего ту же протяженность, что и СМП, характерна более тяжелая ледовая обстановка.

Китайские специалисты полагают, что нынешняя Россия не сможет самостоятельно создать нормальные условия для освоения СМП. Китайские аналитики отмечают, что заинтересованность РФ в поиске партнеров открывает новые возможности для КНР. Китай, сталкиваясь с трудностями при проведении морских судов по северному широтному ходу, заинтересован в изучении российского опыта судоходства в высоких широтах и развитии сотрудничества с РФ в освоении арктических путей СМП.

В 2014 г. были проведены российско-китайские переговоры о создании совместного российско-китайского пароходства, которое будет осваивать Северный морской путь и перевозить по нему коммерческие грузы. Согласно расчетам Института полярных исследований КНР, объем внешнеторгового оборота Китая в 2020 г. может составить 7,6 трлн долл. Поскольку 90% внешней торговли страны обеспечивается морскими перевозками, то стоимость 10% внешнеторговых грузов, перевезенных китайскими морскими компаниями по СМП в 2020 г., может составить 683 млрд долл. Тесное российско-китайское взаимодействие в освоении СМП и растущие объемы торговли КНР с европейскими странами могут кардинально изменить структуру и маршруты морских евроазиатских перевозок.

Сегодня значение региона АТР для России, по мере смещения сюда центра мировой экономической активности, неизбежно возрастает. Перспективы полноценного включения РФ в интеграционные процессы АТР сегодня в первую очередь обуславливаются созданием национальной высокотехнологичной транспортной системы и использованием того минимума возможностей, которые не утрачены окончательно. Совершенно очевидно, что промедление в развитии Транссиба, БАМа, дальневосточных портов РФ содержит явные потенциальные вызовы для России на фоне стремительного развития транспортной сети КНР. Главная причина того, что мы не зарабатываем на транзите столько, сколько способны — Транссиб сегодня не работает как международный евроазиатский транспортный коридор, которым он всегда являлся. Россия не в состоянии предложить транзитную сеть соответствующего уровня, которая могла бы заинтересовать зарубежных грузоотправителей. Нужны новые подходы.

М.В. Александрова, к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН:

Долгие годы приграничное и межрегиональное сотрудничество восточных регионов России с КНР оставалось малоэффективной формой экономических отношений, основу которых составляли простые товарообменные операции. 2013 г. стал рубежным, что было связано со следующими событиями:

- в 2012–2013 гг. произошла смена руководства в КНР, к власти пришли прагматичные менеджеры, которые стали агрессивно реализовывать политику «выхода вовне»;
- в сентябре 2013 г. в российском Министерстве по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвитие) была произведена смена руководства, в результате чего к управлению пришли современные управленцы;
- Запад ввел санкции против России.

Совпадение этих событий привело к развитию бурных контактов на уровне Минвостокразвития и Государственного комитета по развитию и реформе Госсовета КНР, а также руководства отдельных российских дальневосточных субъектов и китайских провинций.

За последнее время между российским министерством и китайским госкомитетом были подписаны 3 меморандума о взаимопонимании в области межрегионального и приграничного сотрудничества, суть которых сводилась к «обеспечению устойчивого социально-экономического развития регионов двух государств», в связи с чем необходимо

было «продолжать работу по реализации договоренностей, достигнутых между руководителями двух стран, предпринимая усилия по осуществлению Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР. Помимо общих слов в них говорилось о «строительстве транспортной инфраструктуры, в том числе высокоскоростных железных дорог», упоминались также энергетика, добыча полезных ископаемых, лесная и обрабатывающая промышленность, сфера услуг.

В мае 2015 г. в Москве на встрече глав двух государств было достигнуто понимание в вопросе продвижения сотрудничества по освоению российского Дальнего Востока. Стороны договорились создать Совет сотрудничества между регионами Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России. В сентябре 2015 г. в рамках Восточного экономического форума было проведено первое заседание Совета, который возглавили заместитель председателя правительства РФ, полномочный представитель президента России в Дальневосточном федеральном округе Юрий Трутнев и вице-премьер Госсовета КНР Ван Ян. На заседании Совета Ван Ян акцентировал внимание на то, что «освоение Дальнего Востока является системным проектом» и указал, что сотрудничество на Дальнем Востоке должно активизировать развитие регионов Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России. Для этого необходимо:

- обновить модель сотрудничества. Китай готов активно инвестировать в свободный порт и ТОР (территорию опережающего развития) во Владивостоке и создать несколько исключительных образцово-показательных районов сотрудничества;
- расширить каналы финансирования: КНР будет поощрять участие китайских финансовых структур в сотрудничестве на Дальнем Востоке;
- определить важные пункты сотрудничества. Южный сосед заинтересован в развитии морских портов и логистике, глубокой переработке ресурсов, переработке сельхозпродукции, НИОКР, строительстве туристической и транспортной инфраструктуры;
- устранить барьеры на пути сотрудничества, принять практические меры, чтобы развеять опасения предприятий и укрепить их уверенность в расширении инвестиций и сотрудничества.

В ходе 20-й регулярной встречи глав правительства РФ и КНР было подписано Соглашение о формировании Российско-Китайского Фонда агропромышленного развития (РКФАР). Ключевой целью Фонда станет развитие экспортно ориентированных сельскохозяйственных проектов на Дальнем Востоке России с привлечением доступного долгосрочного финансирования из АТР. На поддержку РКФАР смогут рассчитывать операторы эффективных сельскохозяйственных проектов на Дальнем Востоке в сферах производства, переработки и реализации аграрной продукции (включая растениеводство, животноводство, аквакультуру), развития агропромышленной инфраструктуры. Обязательным условием является использование современных аграрных технологий, обеспечивающих неистощительную эксплуатацию сельхозземель. Данные компании будут привлекать российскую рабочую силу в объеме не менее 80%. К реализации проектов также могут быть привлечены иностранные работники, но их количество не должно превышать 20%.

В апреле 2016 г. Было подписано Акционерное соглашение о создании Российско-Китайского фонда агропромышленного развития на Дальнем Востоке (РКФАР) — ключевой шаг для начала практической работы агрофонда. Согласно подписанному документу, капиталы фонда составят до 10 млрд долл. На всех этапах 90% капиталов формируют китайские инвесторы, 10% — российские. Предполагается, что агропромышленный Фонд будет финансировать до 10% стоимости проекта, еще 10% будут выделять его инициаторы, а оставшиеся 80% стоимости составят кредиты банков. В том числе предусмотрена возможность получения кредитов китайских банков по ставке до 6% годовых.

Несмотря на постоянные разговоры об активизации приграничного российско-китайского сотрудничества, в реальности она не так велика. Исходя из особенностей развития российского государства, основная доля населения и экономические мощности

располагаются в европейской части страны, на Дальний Восток приходится порядка 4,2% населения и 5% ВВП страны. В связи с этим лидерами по товарообороту с КНР, как и с другими странами, являются Центральный и Северо-Западный федеральные округа. В то же время на Дальний Восток приходится 13,5% экспорта России — по этой позиции регион занимает 2-е место.

Несмотря на снижение темпов роста российско-китайской приграничной и межрегиональной торговли, в нашем экономическом сотрудничестве произошли заметные прорывы. Прежде всего, это касается новой экономической политики на Дальнем Востоке — запуска механизма создания ТОРов, а значит, новых промышленных объектов, рабочих мест для дальневосточных жителей. На апрель 2016 г. из 166 заявок на открытие предприятий в ТОРах было 8 китайских. К концу 2016 г. их число может увеличиться.

* * *

Подводя итоги дискуссии, заместитель директора ИДВ РАН С.В. Уянаев сказал:

Говоря о современных российско-китайских отношениях, следует отметить, что самостоятельным и системным в этой теме является вопрос долгосрочных перспектив. Заданные ныне общие позитивные модальности характеризуются, пожалуй, повышенной неопределенностью. И связано это, как правило, с признаваемой многими экспертами «многовариантностью» действий КНР в ближайшие 30–40 лет. Речь идет о периоде после того, как страна реализует нынешнюю стратегическую задачу, определяемую как «выход в число наиболее развитых стран мира».

На данном историческом отрезке позиции России и Китая по вопросам внутренней и международной жизни часто близки или совпадают. Фундаментом здесь служат встречные заинтересованности в мире на границе, объективная взаимодополняемость экономик, сходство целей и вызовов на международной арене. Это, безусловно, рождает шансы и возможности для обеих сторон. И эти шансы, фундамент которых заложен Большим договором, могут и должны быть использованы. Действовать при этом нужно твердо руководствуясь интересами России как евротихоокеанской державы, для которой одинаково самоценными должны быть и западное, и восточное направления ее политики. В любом случае у РФ в обозримом будущем вряд ли есть адекватная альтернатива тесному партнерству с Китаем.

VII съезд Трудовой партии Кореи: предварительные итоги

© 2016

А.З. Жебин

В статье анализируются ход и политические итоги состоявшегося 6–9 мая 2016 г. в Пхеньяне VII съезда правящей в КНДР Трудовой партии Кореи. Делается вывод о том, что съезд не привнес принципиальных изменений во внутреннюю и внешнюю политику ТПК, проводимую на протяжении последних десятилетий. Подтвержден курс на строительство социализма, заявлено о намерении укреплять ракетно-ядерные силы сдерживания, добиваться статуса де-факто ядерной державы.

Ключевые слова: КНДР, Трудовая партия Кореи, внутренняя и внешняя политика.

6–9 мая 2016 г. в Пхеньяне прошел VII съезд правящей в КНДР Трудовой партии Кореи (ТПК). Предыдущий VI партийный форум состоялся в октябре 1980 г. и был приурочен к 35-летию ТПК, датой основания которой официально считается 10 октября 1945 г.

Наблюдатели не преминули отметить, что если за первые 35 лет своего существования ТПК провела шесть партийных форумов (1946, 1948, 1956, 1961, 1970 и в 1980 гг.) и две партконференции (1958 и 1966 гг.), то в последующие 35 лет высший партийный орган не созывался ни разу.

Видимо, предчувствуя свой скорый уход, Ким Чен Ир, руководивший страной с 1994 г. после кончины Ким Ир Сена, в сентябре 2010 г. созвал третью в истории конференцию ТПК, на которой «городу и миру» официально представил своего третьего сына — Ким Чен Ына в качестве преемника. Главным содержанием следующей IV партконференции, созванной в апреле 2012 г. уже после смерти самого Ким Чен Ира, стало утверждение Ким Чен Ына в качестве нового руководителя ТПК.

VII съезд ТПК проходил в весьма непростой для КНДР международной обстановке. После проведенных КНДР в начале 2016 г. четвертого ядерного испытания и успешного запуска спутника, Совет Безопасности ООН в марте ввел новые санкции против КНДР, которые в совокупности с принятыми им ранее мерами в отношении этой страны

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: zhebin@ifes-ras.ru.

Статья подготовлена на основе материалов VII съезда ТПК, опубликованных в номерах органа ЦК ТПК газете «Нодон синмун» за 7–10 мая 2016 г. и личных впечатлений автора, находившегося в дни съезда в Пхеньяне по приглашению северокорейской стороны.

в связи ее ракетно-ядерными программами, были названы «беспрецедентно жесткими» за всю историю ООН.

Резолюция СБ ООН 2270, за которую проголосовали в том числе Китай и Россия, была воспринята в Пхеньяне крайне отрицательно. Там, похоже, не рассчитывали на такую реакцию Москвы и особенно Пекина. Бывшие главные союзники КНДР проголосовали вместе с ее заклятыми врагами. Так что слова Ким Чен Ына в его докладе на съезде о том, что со времен предыдущего форума «мир радикально изменился» были продиктованы, похоже, и стремлением объяснить партийцам и всему народу создавшуюся ситуацию.

Возможно, с учетом указанных международных реалий, а также перемен в странах, входивших в бывший социалистический лагерь, в Пхеньяне на этот раз решили воздержаться от приглашения на форум представителей зарубежных политических партий. Напомним, что в работе предыдущего VI съезда ТПК приняла участие 177 делегаций из 118 стран мира. Среди гостей тогда были такие знаковые фигуры международного коммунистического движения и стран «третьего мира», как глава испанских коммунистов Сантьяго Каррильо, Ахмед Секу Туре и Роберт Мугабе. На сей раз хозяева ограничились лишь двумя делегациями, к тому же выбранными не по партийному, а по национальному признаку. Были приглашены представители одних из самых многочисленных корейских диаспор — из Китая и Японии.

Прогнозам и самым невероятным домыслам о том, что будет на съезде и каковы-ли окажутся его политические и кадровые решения, в мировых СМИ было несть числа. Предположения касались в основном двух пунктов — утверждалось, что на съезде может быть объявлено о неких радикальных реформах в экономике и о существенном омоложении партийного руководства.

Сразу скажем, что ни первого, ни второго не произошло. В отчетном докладе ЦК ТПК, который на протяжении полутора дней зачитывал Первый секретарь ТПК Ким Чен Ын (в главной партийной газете его текст занял 9 полос, что оказалось на две полосы больше текста доклада его деда — Ким Ир Сена — на VI съезде ТПК) были подтверждены базовые идеологические, политические и экономические установки правящей партии, которыми она руководствовалась на протяжении всего периода, прошедшего после предыдущего съезда. Подтверждена цель построения «социалистического могучего и процветающего государства», поставленная еще при Ким Чен Ире. Вместе с тем, съезд расставил определенные акценты в этом курсе и внес некоторые коррективы в процесс его реализации, заявил о новом международном статусе КНДР.

Единственной и обязательной идеологией не только для партии, но для всего народа объявлен кимирсенизм-кимчениризм. Кимирсенизм представляет собой систематизированное изложение созданных Ким Ир Сеном идей чучхе. Систематизация этих идей в качестве учения, выполненная еще при жизни Ким Ир Сена, ставится в заслугу Ким Чен Иру. Оно преподается в вузах КНДР, для чего написан специальный учебник — «Основы кимирсенизма».

Термин «кимчениризм» появился также при жизни скончавшегося в декабре 2011 г. Ким Чен Ира. Однако, кто сформулировал и структурировал его идеи в качестве учения, не указывается. Похоже, эту работу приписывают самому северокорейскому руководителю, именем которого оно названо.

Политика *сонгун* остается в основе политического курса ТПК, но с существенной поправкой — вооруженные силы окончательно и бесповоротно объявлены «армией партии», действующей под ее руководством и реализующей ее политику. Наглядным подтверждением этого стали не только содержание отчетного доклада и выступления делегатов из числа представителей высшего генералитета, но и состав нового Политбюро ЦК ТПК, избранного на 1-м Пленуме ЦК ТПК 7-го созыва — из 28 членов и кандидатов в члены Политбюро, чьи фотографии 10 мая были опубликованы в центральных газетах КНДР, только пятеро носят военную форму.

Выдвинутая в 2013 г. на мартовском Пленуме ЦК ТПК линия *пенчжин*, означающая параллельное ведение экономического строительства и наращивание ядерных сил, объявлена не временным, а «стратегическим курсом» ТПК как «самая правильная стратегия» развития страны и обеспечения ее безопасности.

Главной задачей на предстоящий период названо построение экономически мощного государства. вхождение КНДР в число самых развитых стран мира. Считается, что в идеологическом, политическом и военном (особенно с созданием ядерного оружия) отношении такое государство уже построено, осталось лишь поднять до соответствующего уровня экономику.

В качестве институциональных мер, призванных обеспечить развитие экономики, принято решение обеспечить единое руководство ею со стороны государства. Центральная роль в этом отводится Кабинету министров. Указано, в частности, на важность обеспечения «строгой дисциплины и порядка» в работе всех отраслей экономики и производственных единиц «в соответствии со стратегией и указаниями правительства».

Похоже, что такие установки могут означать, что отныне армия будет играть заметно меньшую роль в этой области, хотя ее важный, а зачастую и решающий вклад в физической реализации тех или иных экономических проектов, наверняка, сохранится.

Объявлено о постановке «стратегических целей» на начавшийся пятилетний период 2016–2020 гг., однако в чем они будут заключаться, каких показателей в абсолютном или хотя бы в относительном выражении планируется добиться, нигде не упоминалось.

В то же время в другом разделе доклада, посвященном укреплению политической и военной мощи страны, развитие оборонной промышленности названо «жизненным вопросом, связанным с судьбой народа и безопасностью государства».

В целом при знакомстве с разделом отчетного доклада, касающимся вопросов экономики, невозможно избавиться от ощущения «дежавю». Дело в том, что задача построения «мощной процветающей державы» была поставлена еще Ким Чен Ир сразу же после занятия им высших постов в партии и государстве в конце 90-х годов минувшего столетия. Именно тогда в КНДР стали заявлять, что в идеологии, политике и военной области она решена, а «решающего прорыва» в области экономики намечалось добиться уже к 2012 г. — 100-летию со дня рождения Ким Ир Сена.

Правда, с приходом к власти Ким Чен Ына слово «держава» в вышеупомянутом сочетании было окончательно заменено на «государство». Прежний термин, носивший в северокорейском политическом лексиконе отрицательный смысл, так как традиционно использовался при упоминании «несправедливой» политики «больших стран» в отношении безвинной Кореи, видимо размывал эту разницу и, помимо всего прочего, мог нанести ущерб международному имиджу КНДР, которая с начала 70-х годов предпочитает позиционировать себя среди неприсоединившихся, развивающихся государств Юга в отличие от богатого, в основном «империалистического» или «гегемонистского» Севера. Однако стать «державой» в каждой из упомянутых областей и даже в спорте — такая задача не снимается.

Нельзя не обратить внимание на то, что многочисленные упоминания о «славных победах» и «блестящих достижениях» в экономике, как и в «социалистическом строительстве» в целом, не были подкреплены какими-либо конкретными данными. В девятиполосном тексте отчетного доклада не нашлось места ни для одной цифры, которая давала бы хоть какое-то представление о состоянии дел в экономическом и социальном развитии страны. Не нашлось для них места и в выступлении делегата съезда, у которого хоть какие-то показатели, казалось бы, должны непременно присутствовать — председателя Кабинета министров КНДР Пак Пон Чжу.

Это тем более труднообъяснимо, что все, кто побывал в Пхеньяне в дни съезда, могли воочию убедиться, что вполне конкретные и осязаемые успехи есть, они налицо и в столице, и в развитии экономики в целом. Возведенные в последние годы новые жилые

кварталы и целые улицы с многоэтажными зданиями оригинальной архитектуры и объектами социальной инфраструктуры украсили бы любой город мира. Созданы прекрасно оборудованные рекреационные центры, возведен современный дворец науки и техники в Пхеньяне.

Западные и южнокорейские эксперты признают, что экономика КНДР в последние несколько лет демонстрирует стабильный прирост. Спор идет лишь о цифрах — от полутора до 3–4 процентов в год. Особенно заметен рост сельскохозяйственного производства. Посещение пхеньянских магазинов показывает значительное увеличение ассортимента продовольственных товаров северокорейского производства: мяса, птицы, морепродуктов, полуфабрикатов, бакалейных товаров, кондитерских изделий.

Для того чтобы приобрести овощи и фрукты, теперь не надо добираться до расположенных на окраинах рынков — в киосках в центре города можно купить свежую клубнику, яблоки, помидоры. Не для всех северокорейцев цены еще, пожалуй, доступны. А вот москвичи могли бы им позавидовать: килограмм клубники стоит 9 тыс. вон, яблоки и помидоры — по 7 тыс. вон, что по коммерческому курсу северокорейской воны равняется примерно 1 (одному!) доллару США.

Кроме местной, расплатиться можно еще тремя валютами — евро, долларами США (хотя они официально запрещены к обращению) и юанями, причем в любом сочетании. Если, например, товар стоит 10 долл. 60 центов, а мелочи у вас нет, центы вам тут же пересчитают в юани и примут их вместе с долларами.

Оставалось только надеяться, что какие-то цифровые итоги развития страны за отчетный период, равно и индикативные показатели начавшейся пятилетки будут названы на открывающейся 29 июня 2016 г. в Пхеньяне очередной сессии Верховного Народного Собрания КНДР, которая, по идее, должна рассмотреть и одобрить упомянутые «стратегические цели».

Тем не менее, разделы доклада, отведенные политике ТПК в области экономики, науки и техники, представляются наиболее интересными и информативными. Та его часть, которая посвящена задачам в области научно-технического прогресса, предшествует собственно экономическому блоку отнюдь не случайно. КНДР предстоит стать «могучей» державой и в этой области. Наука и техника должны стать производительной силой, говорится в отчетном докладе. Смысл поставленных в этой сфере задач заключается, похоже, в том, чтобы найти решение как застарелых экономических проблем, так и новых задач, возникших с введением в отношении страны чрезвычайно жестких экономических санкций, не путем реализации радикальных экономических реформ или перестройки управления экономикой, а за счет внедрения новейших достижений научно-технического прогресса. Именно эта работа должна обеспечить заметный прирост выпуска продукции и обновление ее ассортимента.

За исключением этой задумки все остальное в экономической стратегии выглядит вполне современно и разумно. Говорится о необходимости развития информатики, нано- и биотехнологий, построения в целом экономики знаний. В связи с международными санкциями поставлена цель добиваться импортозамещения и продовольственного самообеспечения. Для решения последней задачи предложено развивать даже индивидуальное (читай: частное) животноводство в крестьянских семьях.

Несмотря на жесткий санкционный режим КНДР намерена улучшать структуру внешней торговли за счет увеличения в экспорте доли продукции обрабатывающей промышленности, ноу-хау и услуг, добиваться преодоления односторонней ориентации в этой области (явный намек на Китай, на который сейчас, по некоторым подсчетам, приходится до 90% внешнеторгового оборота КНДР).

Говорится об улучшении инвестиционного климата и необходимости создания совместных предприятий с целью привлечения в страну передовых технологий, но отмечается, что эта работа должна вестись с «самостоятельных позиций».

Вопрос в том, за счет чего намечается достичь всех этих целей. Проведение «навстречу съезду» так называемого 70-дневного боя и объявление после него аналогичной 200-дневной кампании свидетельствуют о том, что руководство страны по-прежнему рассчитывает на проверенные, внеэкономические методы мобилизации «энтузиазма» трудящихся масс. Похоже, что каждый новый руководитель КНДР не может обойтись без собственного переиздания «Движения Чхоллима» (северокорейской версии социалистического соревнования), инициированного при Ким Ир Сене в 1956 г. В начале 2000 г. попытка развернуть второе «генеральное шествие Чхоллима» была предпринята отцом нынешнего лидера, но нужного размаха движение явно не получило. Теперь инициатива начать его еще раз озвучена новым руководством. Вот только удастся ли в третий раз реанимировать одну и ту же лошадь? (Чхоллима — сказочный крылатый конь, способный преодолевать в день тысячу *ли* — около 400 км. — *Прим. авт.*).

Косвенным объяснением отсутствия каких-либо конкретных показателей можно считать и усыпавшие весь отчетный доклад напоминания о том, что строительство социализма в КНДР в отчетный период проходило в «ожесточенной борьбе» с империалистами и различными контрреволюционными силами», в обстановке «неслыханных суровых испытаний, когда рухнула мировая система социализма».

Были упомянуты и «жестокие стихийные бедствия», которые, как считают зарубежные наблюдатели, привели к значительному увеличению смертности среди населения в середине и конце 90-х годов минувшего столетия. Однако «самым суровым испытанием» и «величайшей потерей» для КНДР в отчетном докладе назван внезапный уход из жизни Ким Ир Сена.

Но если неоднократные инвективы в адрес «предателей социализма» в бывших соцстранах и осуждение попыток «враждебных сил» удушить КНДР с помощью санкций не были чем-то новым в северокорейском публичном дискурсе, то указание «беспощадно уничтожать классовых врагов и различные вражеские элементы», якобы пытающиеся «изнутри разложить» корейский социализм, вызвали, по меньшей мере, недоумение.

Дело в том, что одним из главных успехов ТПК за отчетный период в докладе названо достижение «единодушия и сплоченности» всего общества, в котором «вся партия и весь народ крепко сплотились вокруг вождя на основе общности идей и воли, морали и долга». Каким образом в обстановке такого морально-политического единства партии и народа в стране все еще действуют «классовые враги» и «враждебные элементы», которые должны быть объектами «беспощадной борьбы», остается загадкой.

Более того, в самих партийных рядах, отмечалось в докладе, пришлось вести «непримиримую борьбу против таких действий и элементов, которые подрывают организационное сплочение партии и бросают вызов единому руководству ЦК партии».

В результате этой борьбы, указал партийный лидер с явным намеком на дело Чан Сон Тхэка, партия «своевременно разоблачила и решительно ликвидировала фракционеров современного типа — тех, которые, пользуясь случаем, когда наша революция столкнулась с самыми большими трудностями и суровыми испытаниями, коварно попытались сколотить внутри партии сектантскую группу и переродить нашу идеологию и систему с поползновением на захват высшей власти в партии и государстве».

Данный пассаж доклада можно воспринять и как признание того, что суд над Чан Сон Тхэком фактически явился первым открытым политическим процессом в истории КНДР XXI в. В этой связи особый интерес привлекает фраза докладчика о «фракционерах современного типа».

Дело в том, что среди массы догадок и предположений о выборе времени проведения съезда мало кто обратил внимание на то, что нынешний форум проходил почти ровно 60 лет спустя после III съезда ТПК (апрель 1956 г.), которому предшествовал исторический XX съезд КПСС с его знаменитым докладом Н.С. Хрущева о культе личности.

Несмотря на участие в работе XX съезда КПСС делегации ТПК и последовавший спустя два месяца приезд делегации КПСС во главе Л.И. Брежневым на северо-корейский партийный форум, указанная тематика лишь в самом общем виде была доведена до руководства ТПК и осталась практически неизвестна широким партийным массам. Тем не менее, воздействие осуждения культа личности Сталина на развитие внутривнутрипартийной борьбы в ТПК по вопросу о начавшемся складываться культе самого Ким Ир Сена оказалось столь велико, что привело к острейшему кризису в партийном руководстве, кульминацией которого стала неудачная попытка отстранения от власти северо-корейского лидера на августовском 1956 г. пленуме ЦК ТПК.

Впрочем, ТПК пришлось вести в своих рядах также «войну» против «злоупотребления служебным положением, бюрократизма, коррупции и аферизма». Однако это «зло», признал Ким Чен Ын, «пока еще не полностью преодолено». Главная опасность его состоит в том, пояснил он, что такие явления порождают «разгул коррупции и аферизма, приводят к произволу и самоуправству», а на почве таких явлений и произрастают «ростки антипартийности».

Борьбу с этими пороками, наблюдающимися в среде руководящих работников, надо вести настойчиво, непрерывно, интенсивно, пока такое зло не выкорчевывается с корнем, подчеркнул руководитель ТПК.

Объединение Кореи по традиции названо самой «важной и насущной» задачей, стоящей сегодня перед ТПК. В сфере межкорейских отношений подтверждены традиционные установки о том, что эта цель должна быть достигнута на основе «трех хартий» объединения, выдвинутых еще Ким Ир Сенем, путем реализации закрепленного в Совместной декларации Севера и Юга Кореи от 15 июня 2000 г. принципа «силами самой нации», т.е. без вмешательства извне.

На этот раз призыв отказаться от такого вмешательства обращен не только к США, но и к «соседним государствам», которые съезд призвал сыграть «позитивную роль» в том, чтобы вопрос объединения был решен корейцами «самостоятельно, мирным путем в соответствии с требованиями и волей нашей нации».

В то же время съезд отметил, что наряду с мирным существует и «немирный» вариант объединения. КНДР, указывается в отчетном докладе, готова к любому из них.

В докладе было выдвинуто предложение о проведении переговоров между представителями военных властей Севера и Юга Кореи с целью устранения опасности возникновения вооруженных столкновений между сторонами в районе военно-демаркационной линии, разделяющей два корейских государства. Предлагалось также обсудить пути разрядки напряженности и «другие вопросы, представляющие взаимный интерес».

Инициатива практически с ходу была отклонена южнокорейской стороной, которая не без оснований заподозрила, что в числе таких вопросов может оказаться требование северокорейцев об отмене или переносе подальше от их территории многочисленных совместных американо-южнокорейских военных учений, традиционно служащих поводом для обострения как межкорейских отношений, так и обстановки на Корейском полуострове в целом.

В разделе доклада, посвященном международной политике ТПК, символически озаглавленном «За превращение мира в самостоятельный», признается, что за отчетный период политическая структура мира и соотношение сил в нем претерпели «огромные изменения», а международная обстановка вокруг КНДР стала «очень сложной». Здесь же приведен единственный в докладе конкретный показатель успехов КНДР, но не во внутренней, а во внешней политике — за отчетный период страна установила дипломатические отношения с 66 государствами мира.

Резкой критике было подвергнуто вмешательство «американского империализма» в дела других стран под предлогами защиты прав человека, демократии и противодействия терроризму. Была осуждена и глобализация, служащая, по мнению северо-

рейцев, распространению американских ценностей по всему миру и таким образом — «достижению империалистами мирового господства».

Вместе с тем, в докладе сделана попытка поставить на одну доску внешнюю политику всех великих держав. По мнению северокорейцев, характерная особенность современной международной обстановки заключается в том, что «между державами еще более обостряются конфликты и противостояние с целью расширения сфер влияния».

В этой связи нельзя не обратить внимание на появление в северокорейском политическом лексиконе в одном ряду с понятием «империалисты» термина «доминионисты», которым в наилучшие периоды отношений КНДР с Советским Союзом и КНР в Пхеньяне было принято называть руководство этих двух стран и их внешнюю политику. Борьба против «агрессии и вмешательства во внутренние дела сил империализма и доминанионизма» вновь объявлена актуальной.

Естественно, что особое внимание привлекла та часть международного раздела доклада, в которой говорилось о будущем ракетно-ядерных программ Пхеньяна. Похоже, что в обозримом будущем КНДР не собирается отказываться от своего ядерного оружия. Более того, нынешний лидер ТПК заявил, что благодаря его созданию КНДР «надежно защитила мир и безопасность на Корейском полуострове и во всем мире». Именно наличие у Пхеньяна собственных «ядерных сил сдерживания», утверждал он, позволило сорвать происки США по развязыванию новой войны. Времена переменялись, и вместе с эпохой изменилось и место КНДР в мире, отметил он, дав понять, что ждать от Пхеньяна отказа от ядерного оружия не стоит.

Упоминание в Постановлении съезда по отчетному докладу о том, что указанный курс будет проводиться до тех пор, пока сохраняется «ядерная угроза и произвол со стороны империалистов» оставляет весьма слабую надежду на то, что, если таковые исчезнут, то и необходимость в политике *пенчжин* может отпасть.

Вместе с тем, северокорейский руководитель пообещал, что его страна будет вести себя как «ответственная ядерная держава», придерживаться режима нераспространения ядерного оружия и не применит его первой — «до тех пор, пока не подвергнется агрессии с применением такого оружия». Выражена также готовность участвовать в международных усилиях по ядерному разоружению. Последнее, очевидно, предполагает признание остальными участниками таких переговоров статуса КНДР в качестве де-факто ядерного государства.

Еще одним примирительным жестом в сторону международного сообщества стало заявление о намерении улучшать отношения даже с теми странами, которые в прошлом относились к КНДР враждебно, однако сейчас готовы уважать ее суверенитет и относиться к ней дружелюбно.

В целом то, что КНДР сумела выжить в условиях чрезвычайно непростой социально-экономической ситуации внутри страны и далеко неблагоприятного международного окружения, обзаведясь при этом еще и ядерным оружием, позволило, похоже, ее руководству обрести большую уверенность в себе и не без гордости напомнить всем тем, кто все эти годы предрекал «коллапс» КНДР, в первую очередь в Южной Корее, что перед угрозой краха оказались они сами.

Самой главной новостью при выборах руководящих партийных органов стало очередное изменение в названии должности руководителя ТПК. Введенный съездом пост Председателя ТПК без голосования под бурные овации всех находившихся в зале был отдан Ким Чен Ыну. Похожая должность уже существовала в партии в 1940–1950-х гг. Ким Ир Сен был Председателем ЦК ТПК до 1966 г., когда на 2-й конференции ТПК был введен пост Генерального секретаря ЦК ТПК, который он занимал вплоть до своей кончины в 1994 г.

Его сын и преемник Ким Чен Ир предпочел руководить ТПК не от имени ЦК, а всей партии и стал Генеральным секретарем ТПК. Отныне эта должность навечно за-

креплен за ним, равно как и ранее пост президента КНДР был навсегда отдан покойному Ким Ир Сену.

Ким Чен Ын, получивший пост Первого секретаря ТПК после кончины Ким Чен Ира, похоже, предпочел, чтобы его партийная должность вызвала ассоциации с постом его дедушки а не, скажем, Н.С. Хрущева, которого в КНДР не любили по многим причинам — и за разоблачение культа личности Сталина, и за политику мирного сосуществования, которую в Пхеньяне осуждали как «соглашательство с империалистами» и, наконец, за планировавшийся, но так и не состоявшийся визит в КНДР.

К тому же слово «первый» может породить вопрос: а кто же второй? Но человека № 2 в руководстве ТПК нет, и как показал случай с Чан Сон Тхэком, быть не может. Это положение четко зафиксировано в модифицированном Уставе партии и новой структуре ее высших руководящих органов.

В связи с упразднением постов Генерального, или Первого секретаря ликвидированы секретариат ЦК ТПК и посты секретарей ЦК. Вместо секретариата создан новый орган, который, видимо, будет выполнять схожие функции. По-корейски его название звучит как *чон-му-зук*. С единым вариантом передачи этого понятия на русском языке еще, видимо, предстоит определиться. Если судить по задачам и функциям — можно оставить прежнее — «секретариат», однако его статус дает основания именовать его Политисполкомом ЦК ТПК. Новый орган возглавил лично Ким Чен Ын в качестве Председателя ТПК. Однако посты девяти членов Политбюро ЦК ТПК, вошедших в его состав, звучат как «заместитель председателя ЦК ТПК», хотя пост «Председатель ЦК ТПК» в партийной табели о рангах отсутствует — Ким Чен Ын является председателем не ЦК ТПК, а ТПК. Возможно, в освящении авторитетом партийного съезда нового поста и безраздельной власти нынешнего руководителя ТПК и заключался главный смысл созыва самого партийного форума.

При этом все остальные центральные органы партии сохранили свои названия. Избраны Политбюро в составе 19 человек и Президиум Политбюро из 5 человек. В последний вошли Ким Чен Ын, председатель Президиума ВНС КНДР Ким Ен Нам, начальник Главного политического управления КНА Хван Бен Со, председатель Кабинета министров Пак Пон Чжу и многократно подвергавшийся опале (правда, только по сведениям иностранных СМИ) Цой Рен Хэ. Численный состав Политбюро и его Президиума оставлен таким же, как и на 6-м съезде партии. Сокращено число кандидатов в члены ПБ — с 15 до 9 человек.

Феноменальным политическим старожилом в Политбюро является Ким Ен Нам — он единственный деятель, избранный в его состав еще на предыдущем съезде, в 1980 г. Из того состава Политбюро в живых осталось только двое — он и тогдашний начальник Генштаба КНА О Гык Рель, который после длительной опалы при Ким Ир Сене был возвращен Ким Чен Иром в кандидаты в члены Политбюро и стал заместителем Председателя Государственного комитета обороны (ГКО). Однако по итогам съезда, в связи с плохим состоянием здоровья, он утратил этот партийный пост, и скорее всего, покинет свою работу в ГКО, хотя и оставлен членом ЦК ТПК.

Самым стремительным политическим взлетом на съезде стала карьера министра иностранных дел КНДР Ли Су Ена, полностью перешедшего на партийную работу в качестве члена Политбюро, заместителя Председателя ЦК ТПК и заведующего Международным отделом ЦК ТПК. Новым министром иностранных дел сразу же после съезда назначен его заместитель Ли Ен Хо, возглавлявший делегацию КНДР на шестисторонних переговорах по ядерной проблеме Корейского полуострова. На Пленуме ЦК он избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ТПК.

Еще одним сюрпризом стало появление среди кандидатов в члены Политбюро бывшего начальника Генштаба КНА Ли Ен Гиля. Его временное исчезновение, видимо, связано с тем, что он был, скорее всего, просто наказан — понижен в звании до генерал-

полковника — но все же прощен, а не репрессирован, как утверждала западная и южнокорейская пресса.

Ким Чен Ын также возглавил Центральный военный комитет ТПК в составе 12 человек. Были избраны Контрольная комиссия ЦК ТПК и Центральная ревизионная комиссия ТПК. Пленум ЦК также утвердил 15 заведующих отделами ЦК ТПК и главного редактора центрального партийного органа газеты «Нодон синмун».

VII съезд ТПК стал, безусловно, этапной вехой в развитии партии и страны. Реализация поставленных на нем экономических и социальных задач должна, как указывалось в отчетном докладе, привести к превращению КНДР в «социалистическую цивилизованную державу», в которой народ «наслаждается жизнью» на «высшем уровне». Удастся ли добиться столь амбициозных целей в условиях непростой для страны международной обстановки — покажет время.

Упразднение на съезде поста Первого секретаря ТПК дало основание предположить, что и в государственных должностях Ким Чен Ына, а также в структуре высших органов власти и управления могут произойти перемены. Эти прогнозы сбылись в ходе работы 4-й сессии ВНС КНДР 13-го созыва, проходившей всего один день — 29 июня 2016 г.

Сессия приняла соответствующие поправки и дополнения к конституции страны. Государственный комитет обороны и, как следствие, пост его руководителя — Первого председателя ГКО, который занимал Ким Чен Ир, были упразднены. Вместо этого органа был создан Государственный совет (Госссовет) КНДР в составе 12 человек, председателем которого без голосования, под бурные овации депутатов был избран Ким Чен Ын. Отныне это высший государственный пост в КНДР. По предложению главы Госссовета тремя его заместителями избраны Хван Бен Со, Пак Пон Чжу и Цой Рен Хэ. Членами Госссовета стали Ким Ги Нам, Пак Ён Сик, Ли Су Ён, Ли Ман Гон, Ким Ен Чхоль, Ким Вон Хон, Цой Бу Ир и Ли Ен Хо¹.

Нетрудно заметить, что все трое заместителей Ким Чен Ына по Госссовету одновременно являются членами Президиума Политбюро ЦК ТПК. За исключением министра иностранных дел КНДР Ли Ен Хо, являющегося кандидатом в члены Политбюро ЦК ТПК, все остальные члены Госссовета входят в состав Политбюро ЦК ТПК. Помимо этого, из 12 членов Госссовета 5 являются заместителями Председателя ЦК ТПК, а 8 — членами Центрального военного комитета ТПК.

Обращает на себя внимание, что в отличие от ГКО, в Госссовете представлены ключевые фигуры, отвечающие за внешнюю политику и особо выведенные из нее межкорейские отношения. Помимо упомянутого выше Ли Ен Хо, это получивший повышение Ли Су Ен — предшественник Ли Ен Хо на посту главы северокорейской дипломатии и Ким Ен Чхоль, который будет, по-видимому, отвечать за южнокорейское направление. Кстати оба они возглавляют соответствующие отделы ЦК ТПК — международный и единого фронта.

О том, что КНДР намерена активизировать политику в отношении Южной Кореи, свидетельствует и решение сессии о создании Комитета КНДР по мирному объединению родины — государственного органа, который заменит, причем в новом более высоком статусе существовавший до этого секретариат Комитета по мирному объединению родины. Не вполне понятный статус секретариата, выступавшего основным контрагентом в межкорейских контактах, нередко служил поводом для конфликтов между Севером и Югом при определении уровня представительства на межкорейских переговорах, так как с южнокорейской стороны их вело Министерство объединения РК².

Открытым остается вопрос, кому теперь в связи с ликвидацией ГКО будут подчиняться подведомственные ему три министерства — народных вооруженных сил, национальной безопасности и охраны государственной безопасности, руководители которых не входили в состав правительства, а назначались ГКО.

Отдельным пунктом в повестке дня сессии стоял доклад Председателя Кабинета министров Пак Пон Чжу о пятилетней стратегии развития национальной экономики на 2016–2020 гг. Реализация стратегии, одобренной на недавнем съезде ТПК, отметил он, должна привести к общему улучшению структуры экономики, усилению ее самостоятельности. Предполагается, что это позволит «в основном» решить продовольственную и энергетическую проблемы и тем самым обеспечить «прорыв» в построении экономически сильного государства³.

Для достижения поставленных целей в энергетике планируется широкое использование возобновляемых источников энергии, замена устаревших электросетей, где, по некоторым подсчетам, ее теряется до 20–30%, ряд других мер. Обращает на себя внимание, что о развитии атомной энергетики в докладе, по крайней мере, в том его изложении, который был опубликован в печати, не упоминается.

Решению продовольственной проблемы должно помочь внедрение сортов риса, дающих урожай более 10 т с чонбо (0,99 га), и кукурузы — более 15 т с чонбо, а также развитие личного животноводства в рамках крестьянской семьи⁴.

Говорится о необходимости улучшения инвестиционного климата, создания совместных предприятий, а также о развитии туристической индустрии в соответствии с «мировыми тенденциями» в этой области.

Однако, как и в выступлении на недавнем партийном форуме, северокорейский премьер воздержался от приведения каких-либо абсолютных или относительных показателей, которые давали бы представление о том уровне, на который должна выйти экономика КНДР по итогам пятилетки.

Сессия также рассмотрела ряд организационных вопросов. Заместителями премьера утверждены Ли Чу О, Ли Рен Нам и Ко Ин Хо (последний также получил портфель министра сельского хозяйства). Председателем Центрального суда КНДР был избран Кан Юн Сок⁵.

VII съезд ТПК и созванная спустя 6 недель сессия ВНС КНДР де-юре завершили переходный период от системы Ким Чен Ира к структуре, более отвечающей как вкусам нового руководителя КНДР, так и тем задачам, которые, по его мнению, стоят перед страной. Интересно, что этот период занял четыре с половиной года — всего лишь на 4 месяца больше того, чем потребовалось для окончательного утверждения на вершине властной пирамиды его отцу Ким Чен Иру. Новая структура партийных и государственных органов предоставляет Ким Чен Ыну практически неограниченные полномочия и, похоже, полностью вручает судьбу страны в его руки. Остается только надеяться, что новое руководство КНДР окажется на высоте той исторической ответственности, которую оно возложило на себя в эпоху глобальных перемен и «суровых вызовов», стоящих сегодня перед этим уникальным во многих отношениях государством Восточной Азии.

1. Нодон синмун. 2016. 30 июня.

2. Там же.

3. Там же.

4. Там же.

5. Там же.

Содействие международному развитию и интересы безопасности в политике Японии

© 2016

К.Р. Вода

В статье анализируется политика Японии в области содействия международному развитию в контексте задач по обеспечению национальной безопасности. Рассматриваются основные национальные документы, регламентирующие Официальную помощь развитию. Особое внимание уделяется изменениям концепции ОПР в связи с курсом «нормализации» оборонной и внешней политики Японии с целью повышения роли страны в системе международных отношений. *Ключевые слова: Япония, Официальная помощь развитию, Хартия сотрудничества в области развития, оборонная реформа, интересы безопасности.*

Со времени первой программы Официальной помощи развитию (ОПР), которую Япония в 1954 г. начала осуществлять в Мьянме, политика в этой области претерпела ряд серьезных изменений. Расширилась география помощи: по данным Министерства иностранных дел Японии, с 1954 по 2015 г. помощь была оказана 190 странам и регионам. Обновлялась нормативно-правовая база, изменялась административно-организационная основа планирования и реализации политики в сфере ОПР. Пересматривались приоритеты и направления ОПР, изменялся баланс между видами помощи. При этом на каждом этапе своего существования ОПР оставалась важным инструментом в арсенале внешней политики Японии. В начале XXI века в рамках курса на так называемую нормализацию, направленного на расширение возможностей в оборонной и внешнеполитической сферах, политика Японии в области содействия международному развитию постепенно инкорпорирует новые задачи, связанные с обеспечением безопасности страны средствами, не использовавшимися ранее.

Эволюция концептуальной основы ОПР

Существенное значение для определения роли ОПР в рамках национальной стратегии Японии имели ограничения, наложенные на государственно-административную систему страны после Второй мировой войны. Некоторые исследователи в связи с этим заявляли, что Япония, отказавшись после войны от статуса великой военной державы, смогла стать «великим мировым донором», а военные средства и инструменты внешней политики уступили место невоенным. Программы ОПР, используемые в качестве мощного внешнеполитического инструмента, помогли Японии утвердиться в качестве «миролюбивого государства» (*хэйва кокка*)¹.

Вода Кристина Рудольфовна, младший научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. E-mail: vodakris@gmail.com.

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-07-00061/15 «Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: опыт зарубежных стран».

Официальная помощь развитию долгое время рассматривалась преимущественно как инструмент японской экономической дипломатии. Еще в 1998 г. известный исследователь проблем содействия международному развитию П. Шрайдер, характеризуя подход Японии к предоставлению помощи и выделяя особую «японскую модель» ОПР, акцентировал внимание на экономической мотивации и доминировании коммерческих целей у японского правительства и бизнеса при оказании помощи развивающимся странам².

Исследователи также указывали на то, что в структуре японской ОПР преобладающее место отведено займам, выдаваемым, хотя и под низкий процент, однако требующим возврата. Обосновывая эту особенность, японские теоретики и практики ОПР выдвинули концепцию «самопомощи» в качестве отличительной черты японской философии оказания содействия международному развитию³. «Самопомощь» подразумевает возложение большей ответственности на реципиентов за собственное развитие. Ссылаясь на концепцию «самопомощи», Япония объясняла не только перевес в сторону кредитов в структуре ОПР, но также нежелание списывать с реципиентов просроченные займы. Согласно японской позиции, прощая долги, донор оказывает реципиентам «медвежью услугу», поощряя безответственную политику заимствований, не согласованную с реальными возможностями страны.

Другими характерными чертами японской ОПР исследователи называют упор на развитие инфраструктуры в странах-реципиентах, а также подход, согласно которому сокращение бедности должно достигаться посредством создания стимулов для экономического роста⁴.

Среди актуальных проблем, с которыми сталкивается Япония при реализации программ ОПР, по мнению японских ученых, ведущее место занимают экономические трудности: ограничения государственного бюджета и связанные с этим проблемы обеспечения поддержки населением зарубежной помощи в условиях сокращающихся государственных расходов. Этим обосновывается урезание бюджетов японской ОПР, наблюдаемое с 1990-х годов, когда страна выдвинулась на 1-е место в мире по объему средств, выделяемых на программы развития⁵. В 2005–2015 гг. Япония занимала 3-е/5-е места среди стран, входящих в Комитет помощи развитию ОЭСР, а объемы помощи колебались в диапазоне от 8 до 12 млрд долл.

Первая Хартия ОПР, выпущенная Министерством иностранных дел Японии в 1992 г., провозгласила запрет на выделение помощи, которая может быть использована для военных нужд, а также тем странам, которые вовлечены в разработку оружия массового уничтожения. Кроме того, в качестве принципов предоставления помощи провозглашалось продвижение ценностей демократии и прав человека. Тем не менее, некоторые эксперты отмечали декларативный характер этого концептуального документа, часто не соотносящийся с реальной японской политикой в сфере ОПР. В качестве примеров «отхода» от идей Хартии указывалось на непоследовательный подход к предоставлению помощи странам, чьи действия шли вразрез с положениями документа. Так, в 2003 г. после ареста и заключения под стражу оппозиционного лидера Аун Сан Су Чжи помощь Мьянме была полностью заморожена, однако в отношении Индонезии после подавления демонстраций в провинции Ачех в 1999 г. подобных мер принято не было. Как заключают эксперты, экономическое и стратегическое значение реципиента для Японии зачастую оказывалось превалирующим фактором для реализации программ ОПР⁶.

По мере развития японской политики в области ОПР подвергалось переосмыслению место этого инструмента во внешнеполитической стратегии страны. Анализируя мотивации Японии при осуществлении программ помощи развивающимся странам, Е.Б. Ковригин выделяет два дискурса японской ОПР, которые можно сформулировать как «гуманитарные соображения» и «соображения пользы». «Гуманитарные соображения» исходят из того, что за рубежом имеются массы людей, которые страдают от социальных лишений и экономических трудностей, а Япония, как богатая страна, которая в свои тя-

желые годы получала материальную поддержку от США и Всемирного банка, в свой черед обязана помогать более бедным. Согласно «соображениям пользы», помогая развивающемуся миру, Япония действует в собственных интересах. Такая интерпретация, в свою очередь налагается на «политический» аргумент о том, что создание стабильного и процветающего общества в странах-партнерах усилит национальную безопасность самой Японии⁷.

П. Джайн считает ОПР одним из важнейших средств реализации национальных интересов. При этом он выделяет экономические/коммерческие, дипломатические, стратегические интересы, а также интересы обороны и безопасности, в обеспечении которых большую роль играют японские программы помощи развивающимся странам. Альтруистические, гуманитарные цели, а также мотивации, связанные с вовлеченностью в многосторонние механизмы содействия развитию, автор считает второстепенными⁸.

Определяя значение ОПР в рамках внешней политики Японии, Д.В. Стрельцов отмечает, что ОПР обеспечивает защиту экономических и политических интересов страны, а также служит важным фактором международной безопасности, способствуя развитию демократических ценностей в большинстве стран-реципиентов и их успешной интеграции в систему международной кооперации; позволяет Токио существенно укрепить свой авторитет во многих азиатских странах, ослабив неприятную для себя историческую память как о «стране-агрессоре», и сдерживать антияпонские настроения в массах, что в свою очередь стало важным условием успешной инвестиционной политики японского бизнеса. Кроме того, Д.В. Стрельцов рассматривает ОПР как фактор, позволяющий Японии с большим основанием претендовать на особую роль в международных организациях, включая место постоянного члена в Совете Безопасности ООН, чего японская дипломатия настойчиво добивается в течение нескольких десятилетий⁹.

Д. Поттер указывает на высокий авторитет японской ОПР в Азии, в том числе в качестве образца при составлении новыми донорами своих программ помощи развитию. В частности, Поттер отмечает, что в 1990-е годы Япония принимала активное участие в формировании стратегии ОПР Республикой Корея. В результате многие существенные характеристики, включая элементы концепции содействия развитию, а также механизмы административного управления ОПР в Японии и в Южной Корее оказались сходными¹⁰.

В концептуальном оформлении японской политики в области ОПР постепенно происходило увязывание понятий «безопасность» и «развитие». Этому в большой степени способствовало введение концепции «безопасности личности»¹¹. Содержание концепции было раскрыто в Хартии японской ОПР 2003 г., а также в документе «Среднесрочная политика ОПР», выпущенном МИД Японии в 2005 г. Концепция «безопасности личности» предполагала больший акцент на непосредственные нужды людей в странах-реципиентах и помощь сообществам, страдающим от таких бедствий, как конфликты, терроризм, преступность, нарушение прав человека, вынужденное перемещение, эпидемии, экологические проблемы, а также экономические кризисы и природные катастрофы. Были определены четыре приоритетные области, деятельность в которых должна способствовать обеспечению «безопасности личности»: борьба с бедностью, создание основ для устойчивого роста, помощь в решении глобальных проблем, строительство прочного мира¹².

Внедрение концепции «безопасности личности» в практику ОПР сопровождалось существенным изменением принципов и перераспределением видов оказываемой помощи. Во-первых, если на протяжении многих лет основным видом японской помощи развивающимся странам были низкопроцентные займы, то постепенно объем безвозмездных грантов, выдаваемых реципиентам, стал превышать объем кредитов. Во-вторых, если получателями японских займов преимущественно выступали национальные правительства, то безвозмездные гранты выделяются непосредственно нуждающимся — школам, больницам, НПО и т.п. В-третьих, вместо «запросного принципа» оказания по-

мощи, преобладавшего в стратегии ОПР многие годы, Япония ввела пострановой подход. МИД и Японское агентство международного сотрудничества— ведущее государственное учреждение, курирующее ОПР, занялись формулированием целей и программ помощи для конкретных стран и регионов, а также определением оптимального сочетания видов помощи в каждом случае. Указанные меры должны были способствовать повышению эффективности политики ОПР, а также увеличению вклада Японии в международные усилия по содействию развивающимся странам.

Оборонная реформа и расширение возможностей ОПР

В начале второго десятилетия XXI века мотивации, связанные с обеспечением безопасности, стали играть более заметную роль в политике Японии в области ОПР. Усиление непредсказуемости и сложности международно-политической обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе в начале XXI века, обострение угроз безопасности вынуждает Японию изменять ключевые положения своей стратегии и практики в области помощи развитию, адаптируя их к новым региональным и глобальным условиям.

В феврале 2015 г. была принята новая Хартия, на этот раз носившая название «Хартия сотрудничества в области развития», что ознаменовало расширительный подход к возможностям Японии в этой сфере¹³.

Следует отметить, что составление Хартии осуществлялось параллельно с реформой оборонной и внешней политики Японии, направленной на повышение обороноспособности страны и увеличение ее вклада в международную деятельность по обеспечению безопасности и развития. В декабре 2013 г. была принята первая в послевоенный период Стратегия национальной безопасности, в которой обозначались национальные интересы Японии, цели в области безопасности, а также мероприятия по их достижению, оформленные в виде концепции «проактивного содействия миру» (*proactive contribution to peace*)¹⁴. Стратегическими задачами провозглашались как защита суверенитета и независимости страны, так и достижение стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также поддержание международного порядка¹⁵.

Далее, в июле 2014 г. была принята резолюция «О разработке целостного оборонного законодательства для обеспечения безопасности Японии и ее народа», которая внесла изменения в интерпретацию послевоенной конституции, разрешив использование права на коллективную самооборону для ответа на фундаментальные угрозы существованию и благополучию населения страны.

После этого были изменены существующие оборонные законы. В частности, осенью 2015 г. был принят Закон о содействии международному миру, согласно которому Силы самообороны Японии на постоянной основе получили право участвовать в миротворческих операциях, а также оказывать логистическую поддержку миротворцам из других стран. При этом сохранялись ограничения на непосредственное вовлечение японских сил в вооруженные столкновения и невоенный характер их деятельности.

Наконец, произошло расширение обязанностей Японии в рамках японо-американского альянса. Новые Руководящие принципы японо-американского оборонного сотрудничества, принятые в 2014 г., акцентировали задачу достичь сбалансированного, эффективного, «бесшовного», или бесперебойного (*seamless*), взаимодействия, что подразумевало совместное реагирование на широкий спектр ситуаций, угрожающих безопасности Японии, возникающих как в мирное время, так и в случае конфликтов. Особый акцент был сделан на углублении международного сотрудничества между Японией, США и их партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе в различных областях, в том числе в сфере миротворческих операций и содействия развитию¹⁶.

Дух нововведений был передан и «Хартии сотрудничества в области развития», в которой закреплены принципы активного содействия миру для обеспечения националь-

ных интересов и безопасности Японии. Новый документ, заявляя приверженность цели обеспечения «безопасности личности», делал упор на достижение так называемого качественного роста в странах-реципиентах, сочетающего такие характеристики, как:

- прочная основа экономического роста (развитие инфраструктуры, человеческого капитала);
- преодоление социальной уязвимости;
- инклюзивность (сокращение неравенства, расширение прав и возможностей женщин, совершенствование управления);
- устойчивое развитие (решение экологических проблем, борьба с последствиями изменений климата);
- сопротивляемость к стихийным бедствиям.

Новая хартия уделяла большое внимание вкладу Японии в «содействие прочному миру». Выделялись следующие виды деятельности для достижения данной цели: предотвращение конфликтов, гуманитарная помощь в чрезвычайных ситуациях в условиях конфликта, приостановка конфликтов для оказания гуманитарной помощи, содействие постконфликтному восстановлению и развитию. В качестве приоритетных в этой категории назывались такие виды помощи, как гуманитарная помощь беженцам и внутренне перемещенным лицам, защита женщин и уязвимых слоев населения, восстановление социального и человеческого капитала, восстановление функций управления на основе доверия между населением и правительством, ликвидация противопехотных мин, разоружение населения, восстановление общественного порядка.

Новая хартия впервые разрешила предоставлять ОПР вооруженным силам стран-реципиентов, задействованным в сотрудничестве в области развития. При этом накладывались ограничения на использование военных сил и средств. Правительство Японии заявляет, что не допустит прямого финансирования военных конфликтов, а также, что каждый случай выделения такой помощи будет рассматриваться отдельно. Тем не менее, новая «Хартия сотрудничества в области развития» закрепила отступление от предшествовавшего подхода к ОПР, запрещавшего причастность к военной деятельности.

Таким образом, прослеживается связь нового концептуального оформления японской ОПР с основными направлениями оборонной реформы 2013–2015 гг. Это позволяет сделать вывод, что в японском политическом дискурсе произошло сопряжение понятий «содействие развитию», «дипломатия» и «оборона», которые рассматриваются в качестве важнейших инструментов, направленных на активизацию участия Японии в мировых делах и повышение ее влияния на международной арене.

ОПР как инструмент для укрепления безопасности в Азии: китайский фактор

Одной из причин изменения политики ОПР в начале XXI века эксперты называют усиление конкуренции за лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе между Японией и Китаем¹⁷. В 2010 г. Япония уступила Китаю статус первой азиатской экономической державы. Растет экономическое и политическое влияние КНР в Юго-Восточной Азии (ЮВА) — регионе, занимающем особое место в японской стратегии ОПР. С 1950-х годов до настоящего времени в ЮВА направлялось от 40% до 80% японской ОПР.

Следует отметить, что сам Китай был крупнейшим реципиентом японской помощи с конца 1970-х по конец 2000-х годов, получив за это время по каналам ОПР около 45 млрд долл. В Японии помощь Китаю рассматривалась в качестве инструмента экономического и политического влияния. Как отмечает Е.Б. Ковригин, с экономической точки зрения, Япония извлекла ощутимую пользу от ОПР в Китай, в результате которой этот реципиент стал крупнейшим японским торговым партнером. Однако политических це-

лей, которые заключались в стремлении сделать ОПР средством для улучшения двусторонних отношений, достичь не удалось¹⁸.

В 2004 г. японское правительство объявило о постепенном сокращении займов Китаю, а затем о полном прекращении выделения этого вида ОПР с 2008 г., сохранив лишь гранты на решение экологических проблем. Основными причинами этого стали, во-первых, успехи экономического развития КНР, в результате которого она сама превратилась в донора развивающихся стран, в том числе и государств ЮВА; во-вторых, неудовлетворенность итогами политики ОПР в Китае. К тому же в это время произошло значительное ухудшение японо-китайских отношений, сопровождавшееся ужесточением риторики со стороны официальных лиц Китая, приостановкой или снижением уровня контактов. Ситуация усугублялась ростом военно-морской активности КНР и усилением напряженности в спорных зонах Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. В результате правительство Японии стало рассматривать действия Китая как один из вызовов национальной безопасности¹⁹.

Реагировать на эти вызовы правительство Японии предполагает, используя весь арсенал имеющихся средств, в том числе политику содействия международному развитию. В частности, Япония оказывает помощь азиатским странам — активным участникам споров вокруг акваторий и территорий в Южно-Китайском море, в которые также вовлечен Китай. По линии японской ОПР выделяются средства на осуществление проектов, имеющих прямую связь с обеспечением безопасности этих стран.

В 2006 г. Япония выдала более 15 млн долл. (1,92 млрд иен) Индонезии на строительство патрульных кораблей для борьбы с пиратством, морским терроризмом и распространением оружия. Намерение использовать программы ОПР для решения стратегических задач по обеспечению региональной стабильности и морской безопасности, в том числе путем предоставления патрульных судов прибрежным государствам, было закреплено в совместном заявлении японо-американского консультативного комитета по безопасности, выпущенном в апреле 2012 г.²⁰ Тогда же было объявлено о решении предоставить по линии ОПР помощь Вьетнаму и Филиппинам.

В июле 2013 г. премьер-министр Синдзо Абэ заключил соглашение о предоставлении средств по линии ОПР на покупку Филиппинами 10 катеров береговой охраны у Японии²¹. В августе 2014 г. Япония объявила о намерении предоставить Вьетнаму шесть судов, которые также должны использоваться для усиления оборонительных возможностей страны²². В то же время эти проекты плохо согласовывались с антивоенными положениями японской концепции предоставления зарубежной помощи и запретом на передачу вооружений. Однако в декабре 2013 г. Япония пересмотрела принципы экспорта вооружений, согласно которым он становится возможен, если соответствует задачам национальной безопасности, укреплению мира и развитию международного сотрудничества. Данная формулировка, а также включение в новую японскую «Хартию сотрудничества в области развития» положений о возможности предоставления помощи вооруженным силам стран-реципиентов, расширяет возможности Японии оказывать содействие по укреплению их безопасности.

Кроме того, в рамках ОПР Япония осуществляет деятельность, направленную на наращивание потенциала некоторых стран ЮВА по обеспечению морской безопасности. В последние годы Япония проводила теоретические и практические курсы для служащих военно-морских сил Вьетнама в области подводной медицины (2012–2014); программы для вьетнамских ВВС в области авиационной безопасности (2012–2013); курсы по обучению служащих министерства обороны Вьетнама навыкам проведения спасательных операций (2014); программы для ВМС Индонезии в области сбора и обработки данных (2012–2013); тренировочные курсы для инженеров из Камбоджи, занятых в миротворческих операциях (2013–2015), а также краткосрочные и среднесрочные стажировки в Японии для служащих вооруженных сил Вьетнама и Индонезии²³.

Решение Японии усилить береговые службы Вьетнама и Филиппин и деятельность по укреплению потенциала некоторых стран ЮВА в области морской безопасности рассматривается экспертами как четкий сигнал, посылаемый Китаю, о намерениях развивать оборонные обмены со странами, испытывающими опасения в отношении действий КНР в Южно-Китайском море²⁴.

В японском экспертном сообществе звучат предложения о дальнейшем расширении участия Японии в многостороннем сотрудничестве в области обеспечения морской безопасности при активном вовлечении США, их союзников и партнеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом Япония, по мнению экспертов, на первом этапе могла бы, используя средства ОПР, продолжать оказывать содействие по наращиванию потенциала прибрежных стран для противостояния китайским планам по расширению присутствия в акватории Южно-Китайского моря²⁵.

Тем не менее, на наш взгляд, участие Японии в мероприятиях, сочетающих деятельность по линии обороны с программами помощи развитию, затруднено по нескольким причинам. Первая заключается в недостатке межведомственной координации между структурами, отвечающими за реализацию программ ОПР, и японскими Силами самообороны, участвующими в международном военном взаимодействии. В настоящее время не существует подразделения или группы, связывающей эти два государственных ведомства, равно как специально обученных кадров, которые могли бы эффективно работать в странах-реципиентах японской ОПР, занимаясь решением вопросов обороны и безопасности²⁶. Эксперты отмечают нежелание японского сообщества, занимающегося вопросами содействия развитию, более активно взаимодействовать с военными, а также существенные отличия в целях и задачах двух сообществ. В последнее время в Японии зазвучали призывы к более тесной кооперации названных групп — укреплению взаимопонимания между ними, выработке общих целей и направлений деятельности, а также отработке механизмов сотрудничества²⁷. Однако, пока не принято мер по решению данной проблемы, в обозримой перспективе раскоординированность двух ведомств будет препятствовать более широкому использованию средств ОПР в интересах безопасности.

Вторая причина кроется в сохраняющихся ограничениях на применение сил самообороны Японии. Согласно обновленной интерпретации конституции, право на применение коллективной самообороны возможно лишь при выполнении трех условий: 1) совершено нападение на Японию или ее близкого союзника; 2) отсутствует другая возможность отразить нападение и защитить государство и население; 3) использование военной силы минимально²⁸. Поскольку в настоящее время ситуация в Южно-Китайском море не приводит к реализации этих условий, трудно ожидать, что японское правительство сможет задействовать все имеющиеся средства для решения стратегических задач в этом регионе.

Третья причина — необходимость одобрения населением программ ОПР, связанных с военной деятельностью. С одной стороны, поскольку в Японии государственная политика в сфере ОПР является прерогативой кабинета министров, решения которого не требуют одобрения со стороны парламента²⁹, премьер-министр, как глава кабинета и верховный главнокомандующий, может вполне свободно объявлять о новых проектах по содействию развитию странам, исходя из актуальных задач и международных условий. Однако, поскольку бюджет ОПР ежегодно проходит через парламент, премьер-министру необходимо учитывать текущую расстановку сил, а также преобладающие настроения в обществе. В 2015 г. принятие оборонного законодательства сопровождалось многочисленными демонстрациями против отхода Японии, по мнению протестующих, от невоенных принципов и норм, заложенных в конституции. В этой связи правительству будет необходимо затратить усилия на доведение до населения целесообразности использования ОПР для вовлечения Японии в международную военную деятельность.

Концептуальное обновление политики помощи развитию в 2015 г. рассматривается правительством Японии как ответ на изменяющуюся региональную и глобальную обстановку. Программы ОПР считаются важным элементом, способствующим обеспечению безопасности и национальных интересов страны. Несмотря на сохраняющиеся ограничения участия Японии в некоторых формах международного взаимодействия, связанных с вопросами обороны и безопасности, изменение политики ОПР происходит в русле курса на «нормализацию» оборонной и внешней политики Японии, целями которого являются укрепление обороноспособности и повышение роли страны в системе международных отношений.

1. *Yasutomo D.* Why Aid? Japan as an «Aid Great Power». *Pacific Affairs*. Vol. 62. No. 4. Winter 1989–1990. P. 490–503.
2. *Shraeder P.* Clarifying the Foreign Aid Puzzle: a Comparison of American, Japanese, French and Swedish Aid Flows. *World Politics*. 1998. Vol. 50. No. 2. P. 294–323.
3. Japan's Development Assistance. Foreign aid and the post-2015 agenda / Hiroshi Kato, John Page, Yasutami Shimomura Eds. London, Palgrave Macmillan UK, 2016. 369 p.
4. *Potter D.* Japan's Official Development Assistance. *Foreign Aid Competition in Northeast Asia* / edited by Kim Hyo-Sook and David Potter. Stylus Publishing, Sterling, Virginia. 2012. P. 16, 22.
5. *Imai A.* Development Assistance for Inclusive Growth. A Field for Japan–U.S. Cooperation. 2015 Strategic Japan Working Papers. CSIS, Washington, D.C.
URL: http://csis.org/files/publication/150331_Imai_DevelopmentAssistance.pdf (дата обращения 09.01.2016).
6. *Ковригин Е.Б.* Япония — Китай: — помощь как инструмент экономического взаимодействия // *Пространственная экономика*. 2012. № 3. С. 55; *Jain P.* National Interest and Japan's Foreign Aid Policy // *Kokusai mondai*: [International affairs]. 2014. 637.
URL: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/publication/2014-12_003-kokusaimondai.pdf (дата обращения 09.01.2016).
7. *Ковригин В.Б.* Япония — АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 40.
8. *Jain P.* Op. cit.
9. *Стрельцов Д.В.* Официальная помощь развитию — важнейший инструмент внешней политики Японии // *Внешняя политика Японии: история и современность*. Учебное пособие. М.: Вост. лит., 2008. С. 275–277.
10. *Potter D.* Op. cit. P. 13.
11. *Tuman J., Strand J., Emmert C.* The Disbursement Pattern of Japanese Foreign Aid: A Reappraisal. *Journal of East Asian Studies*. 2009. No. 9. P. 219–248.
12. ODA Policy on Human Security. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: www.mofa.go.jp/policy/oda/sector/security/action.html (дата обращения 09.01.2016).
13. Development Cooperation Charter. Ministry of Foreign Affairs of Japan February 10, 2015. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000067701.pdf> (дата обращения 09.01.2016).
14. *Fukushima A.* Japan's «Proactive Contribution to Peace» A Mere Political Label? // *Japan Spotlight Bimonthly*. Economy, Culture & History. May/June, 2014.
URL: <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2014/japans-proactive-contribution-to-peace> (дата обращения 09.01.2016).
15. National Security Strategy. December, 2013.
URL: <http://www.cas.go.jp/jp/siryoku/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения 21.10.2015).
16. The Guidelines for U.S. — Japan Defense Cooperation. April 27, 2015.
URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf> (дата обращения 21.10.2015).
17. Revising Japan's ODA Charter: Adding National Security / The Brookings Institution. February 13, 2015; *Waguri H.* South China Sea Civilian Air Patrol Capability and the U.S.-Japan Alliance. CSIS Asia Maritime Transparency Initiative. URL: <http://amti.csis.org/south-china-sea-civilian-air-patrol-capability-and-the-u-s-japan-alliance> (дата обращения 09.01.2016).

18. *Ковригин Е.Б.* Япония — Китай: официальная помощь... С. 9–33.
19. Белые книги по обороне Японии, 2005–2015 гг.
20. Joint Statement of the Security Consultative Committee. April 27, 2012.
URL: http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/scc/pdfs/joint_120427_en.pdf (дата обращения 15.02.2016).
21. The Japan Times. 28.07.2013.
22. Asahi Shimbun. 02.08.2014.
23. Capacity Building Assistance. Japan Ministry of Defense.
URL: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/publication/2014-12_003-kokusaimondai.pdf (дата обращения 09.01.2016).
24. *Jain P.* Op. cit.
25. *Waguri H.* South China Sea Civilian Air Patrol Capability and the U.S.-Japan Alliance. CSIS Asia Maritime Transparency Initiative. URL: <http://amti.csis.org/south-china-sea-civilian-air-patrol-capability-and-the-u-s-japan-alliance> (дата обращения 09.01.2016).
26. Linking Foreign Aid and Security Cooperation. Policy Proposals. Tokyo Foundation. October, 2014.
URL: <http://www.tokyofoundation.org/en/policy-research-programs/foreign-and-security-policy/linking-aid-and-security-cooperation> (дата обращения 09.01.2016).
27. *Nishida I.* Tapping the Potential of Japan's Self-Defense Forces // Nikkei Business Online. May 21, 2015. URL: <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2015/tapping-the-potential-of-sdf> (дата обращения 09.01.2016).
28. Cabinet Decision on Development of Seamless Security Legislation to Ensure Japan's Survival and Protect it's People. July 1, 2014. URL: http://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page23e_000273.html (дата обращения: 21.10.2015).
29. *Стрельцов Д.В.* Официальная помощь развитию... С. 259.

Экономика

Роль зарубежных китайцев в развитии северной ветки Экономического пояса Шелкового пути

© 2016

А.В. Афонасьева

В статье рассматривается проблематика экономического влияния зарубежных китайцев в основных регионах Китая, Казахстана и России, через которые предполагается проложить северную ветку Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Автор анализирует территориальную структуру инвестиций и отраслевую структуру предприятий *хуацяо* в экономическом районе кольца Бохайского залива, в отдельных населенных пунктах центральных и западных районов КНР. Исследуется отраслевая структура китайских крупных (государственных и частных) компаний в Казахстане и России, оцениваются возможности бизнес-сообщества зарубежных китайцев участвовать в продвижении ЭПШП.

Ключевые слова: зарубежные китайцы (*хуацяо*), китайские мигранты, Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), КНР, Казахстан, Россия.

Провозглашенная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. концепция Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) является ключевой стратегией экономического развития КНР в текущем столетии. На внутригосударственном уровне она призвана ускорить развитие западных и центральных районов КНР, на внешнем направлении — сделать более мощным «выход за рубеж» китайского бизнеса. Предусматриваются три основных ветки Экономического пояса Шелкового пути: северная (Китай — Казахстан — Россия), центральная (Китай — Центральная Азия — Ближний Восток — Западная Европа) и южная (Китай — Пакистан).

Почти одновременно с объявлением концепции ЭПШП в китайских политических и научных кругах стала популярной идея привлечения зарубежных китайцев (*хуацяо*) к участию в этом мегапроекте. *Хуацяо* — это сокращенная форма китайского термина *хуацяо хуажэнь*, т.е. китайские эмигранты в совокупности — как граждане КНР, так и китайцы с иностранным гражданством.

Отметим, что к 2013 г. совокупный капитал зарубежных китайцев оценивался приблизительно в 5 трлн долл. США, доля их капитала в общем объеме накопленных прямых инвестиций в КНР превысила 60%, они вели бизнес в странах, через которые должен пройти ЭПШП, и практически на всей территории КНР.

Афонасьева Алина Владиславовна, кандидат экономических наук, ученый секретарь, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: alina-afonasyeva@yandex.ru.

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-07-50008.

Для России большой интерес представляет северная ветка ЭПШП, так как значительная ее часть проходит по нашей территории. Кроме маршрута «Китай — Казахстан — Россия», существуют и другие варианты: «Китай — Монголия — Россия»¹ и «Западный Китай — Центральная Азия — Россия — Европа»². В данной статье анализ будет проводиться для варианта «Китай — Казахстан — Россия». Он берет начало на территории КНР в экономическом районе кольца Бохайского залива: пров. Ляонин (г. Дальянь) — пров. Хэбэй (г. Циньхуандао) — Тяньцзинь — Пекин или пров. Шаньдун (уезд Уди) — Тяньцзинь — Пекин), проходит через пров. Шаньси (г. Датун) в Автономный район Внутренняя Монголия (г. Хух-Хото — хошун Эдзин-Ци), далее через Синьцзян-Уйгурский автономный район (г. Иу/Атурюк и Алтайский район), затем входит в Казахстан (г. Усть-Каменогорск) и на территорию России (Омск — Москва — Санкт-Петербург)³. Общая протяженность этой ветки составляет ориентировочно 8700–9400 км, из них по территории КНР проходит примерно 3880–4580 км, Казахстана — 1220 км, России — 3600 км.

Китайская часть северной ветки ЭПШП и влияние хуацяо

Экономический район кольца Бохайского залива является начальным пунктом северной ветки, в его состав входят пров. Ляонин, Хэбэй, Шаньдун и города центрального подчинения Тяньцзинь и Пекин (в научных кругах КНР пока что не сформулировано единое определение географических границ Экономического района/экономического пояса кольца Бохайского залива). Общая численность населения этого региона составляет 250 млн человек, на него приходится примерно четвертая часть ВВП Китая, инвестиций в основные производственные фонды, потребления, экспорта и импорта страны⁴. Регион имеет выгодное географическое положение, мощную экономическую базу и является одним из новых полюсов роста Китая с огромным экономическим потенциалом. Во внутреннем региональном продукте (ВРП) всех городов и провинций, относящихся к данному региону, весьма высок удельный вес промышленности и сферы услуг: в Пекине — соответственно 18,7 и 77,0%, в Тяньцзине — 46,3 и 48,1%, в пров. Хэбэй — 47,2 и 35,1% (в Циньхуандао — 32,7 и 47,5%), в пров. Ляонин — 46,9 и 37,9% (в Дальяне — 43,7 и 44,2%), в пров. Шаньдун — 43,3 и 42,2% (в уезде Уди — 46,3 и 33,4%) соответственно. В отдельных провинциях, городах и уездах относительно значимое место занимает и аграрный сектор: в пров. Хэбэй — 12,1% (в Циньхуандао — 13,7%), в уезде Уди (пров. Шаньдун) — 15,0% (см. табл. 1).

Из кольца Бохайского залива северная ветка ЭПШП переходит в пров. Шаньси (г. Датун), относящуюся к Центральному Китаю. Население Шаньси составляет 3,65 млн человек. Доля ВРП, инвестиций в основные производственные фонды пров. Шаньси составляет около 10% от показателей по центральным районам и 2% от показателей по стране в целом, доля экспорта и импорта 7,1% и 0,4% соответственно⁵. В отраслевой структуре экономики пров. Шаньси и в г. Датун превалирует промышленность — 49,9% и 37,5% соответственно и сфера услуг — 48,4% и 50,2% соответственно (см. табл. 1).

Далее маршрут северной ветки перемещается в западные районы Китая — АР Внутренняя Монголия (г. Хух-Хото — хошун Эдзин-Ци) и Синьцзян-Уйгурский АР (г. Иу и Алтайский район). Общая численность населения этих двух районов составляет 43,2 млн человек, на них приходится 20% ВРП и инвестиций в основные производственные фонды, 18,0% объема потребления, 14,0% экспорта и импорта западных районов. В сравнении с данными по КНР в целом, эти показатели составляют 4,3%, 5,0%, 3,8% и 1,0% соответственно⁶. В отраслевой структуре экономики АР Внутренняя Монголия высок удельный вес промышленности и сферы услуг — соответственно 46,7% и 37,3% (в г. Хух-Хото соотношение меняется в пользу сферы услуг, в хошуне (уезде) Эдзин-ци — в пользу промышленности). В структуре экономики Синьцзян-Уйгурского АР наряду с

высокой долей промышленности и сферы услуг весомые позиции имеет аграрный сектор — 17,5% в целом по СУАР, 17,0% и 19,8% — в уезде Уи и в Алтайском районе соответственно (см. табл. 1).

Таблица 1

Отраслевая структура экономики районов китайской части северной ветки Экономического пояса Шелкового пути, %⁷

	Первая сфера	Вторая сфера		Третья сфера
		в т. ч. промышленность		
Район кольца Бохайского залива				
г. Пекин	0,8	22,2	18,0	77,0
г. Тяньцзинь	1,3	50,6	46,3	48,1
пров. Хэбэй*	12,1	52,8	47,2	35,1
г. Циньхуандао*	13,7	38,8	32,7	47,5
пров. Ляонин*	8,6	53,5	46,9	37,9
г. Далянь	6,1	49,7	43,7	44,2
пров. Шаньдун	8,3	49,5	43,3	42,2
уезд Уди	15,0	51,6	46,3	33,4
Центральные районы				
пров. Шаньси*	5,8	55,8	49,9	38,4
г. Датун*	3,2	46,6	37,5	50,2
Западные районы				
Автономный район Внутренняя Монголия	9,2	53,5	46,7	37,3
г. Хух-Хото*	5,0	33,0	26,4	62,0
Хошун Эдцин-цзи	3,4	59,2	53,8	37,4
Синьцзян-Уйгурский* Автономный район	17,5	46,6	38,2	35,9
уезд Уи (Атурюк)*	17,0	60,0	41,4	23,0
Алтайский район*	19,8	46,9	35,8	33,3

Примечание: Расчеты производились по среднегодовому показателю за 2012–2014 гг. Для районов, отмеченных * расчет производился по данным за 2011–2013 гг.

Высокий удельный вес промышленности в районах, через которые предполагается проложить китайскую часть северной ветки ЭПШП, подтверждает мнение автора, что именно на этих территориях будет производиться продукция, предназначенная для экспорта по северной ветке в Казахстан и Россию. Выбор кольца Бохайского залива в качестве стартовой площадки северной ветки ЭПШП вполне обоснован, так как данный регион весьма развит, его промышленность в основном является высокотехнологичной, крупнейшие вузы двух городов центрального подчинения и трех провинций в состоянии обеспечить подготовку кадров нужной квалификации для работы на промышленных предприятиях и логистической поддержки проекта ЭПШП на северном направлении. За счет высоких технологий и квалифицированных специалистов района кольца Бохайского залива вдоль трассы ЭПШП будет происходить модернизация промышленных предприятий и переориентация компаний сферы услуг на всестороннюю поддержку проекта ЭПШП в пров. Шаньси, АР Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурском АР.

Экономическое влияние зарубежных китайцев в районах северной ветки ЭПШП, проходящей по территории КНР, можно проследить через прямые инвестиции хуацяо. Среднегодовой показатель их прямых инвестиций в зоне кольца Бохайского залива составляет 13,5 млрд долл. США, то есть 19,8% от общего объема прямых иностранных ин-

вестиций (ПИИ) в данном регионе. Лидерами по освоению прямых инвестиций от хуацяо являются: пров. Ляонин — 4,5 млрд долл., г. Тяньцзинь — 3,4 млрд и пров. Шаньдун — 2,8 млрд, на г. Пекин и пров. Хэбэй приходится 1,7 млрд и 1,1 млрд долл. США соответственно. Доля инвестиций хуацяо в ПИИ отдельных городов и провинций региона составляет примерно 20%. Доля инвестиций хуацяо в ВРП Бохайского залива — 0,6%, в инвестициях в основные производственные фонды — 0,9%. По отдельным городам и провинциям наибольшая доля инвестиций хуацяо в ВРП наблюдается в Тяньцзине и Пекине — 1,5% и 1,2% соответственно, в инвестициях в основные производственные фонды — в Тяньцзине, Пекине и пров. Ляонин — 2,1%, 1,5% и 1,3% соответственно (см. табл. 2).

В пров. Шаньси 21,1% всех ПИИ поступает от хуацяо, чей вклад в ВРП и доля в инвестициях в основные производственные фонды провинции составляют 0,3% и 0,4% соответственно. В АР Внутренняя Монголия на хуацяо приходится 45,8% всех ПИИ, их вклад в ВРП и инвестиции в основные производственные фонды составляет 0,71% и 1,14% соответственно. В Синьцзян-Уйгурском АР доля хуацяо в ПИИ, ВРП и инвестициях в основные производственные фонды автономного района составляет 47,5%, 0,16% и 0,18% соответственно (см. табл. 2).

Таблица 2

Прямые инвестиции зарубежных китайцев в зоне китайской части северной ветки Экономического пояса Шелкового пути⁸

	Прямые инвестиции зарубежных китайцев, млрд долл.	Доля в ПИИ, %	Доля в ВВП/ВРП, %	Доля в инвестициях в основные производственные фонды, %
КНР	85,0	73,1	0,9	1,2
Кольцо Бохайского залива	13,5	19,8	0,6	0,9
г. Пекин	1,7	19,9	0,5	1,5
г. Тяньцзинь	3,4	20,1	1,5	2,1
пров. Хэбэй*	1,1	19,6	0,3	0,4
пров. Ляонин*	4,5	19,5	1,15	1,3
пров. Шаньдун	2,8	20,1	0,3	0,5
Центральные районы				
пров. Шаньси*	0,52	21,1	0,3	0,4
Западные районы				
АР Внутренняя Монголия	1,92	45,8	0,71	1,14
Синьцзян-Уйгурский АР*	0,19	47,5	0,16	0,18

Расчеты произведены по среднегодовому показателю за 2012–2014 гг. Для районов, отмеченных *, расчет производился по данным за 2011–2013 гг.

Данные табл. 2 свидетельствуют о наличии влияния бизнеса хуацяо на экономику городов и провинций в зоне китайской части северной ветки ЭПШП, что особенно заметно в городах и провинциях кольца Бохайского залива и в АР Внутренняя Монголия. Более полную картину такого влияния даст анализ отраслевой структуры предприятий хуацяо на этих территориях (см. табл. 3).

Согласно данным табл. 3, отраслевая структура предприятий хуацяо в целом соответствует отраслевой структуре экономики кольца Бохайского залива, а именно: высокий удельный вес обрабатывающей промышленности, в том числе высокотехнологичной (г. Пекин, пров. Шаньдун) и сферы услуг. Данные по пров. Шаньси отсутствуют, однако, по наблюдениям автора, в центральных районах КНР предприятия хуацяо заняты пре-

имущественно в низкотехнологичных отраслях обрабатывающей промышленности. В АР Внутренняя Монголия *хуацяо* работают исключительно в аграрном секторе, несмотря на то, что в экономике этого автономного района удельный вес промышленности и сферы услуг высок. В Синьцзян-Уйгурском АР большая часть компаний *хуацяо* также занята в аграрном секторе, немалая часть предприятий приходится на сферу услуг, но, насколько известно автору, это в основном риэлторские услуги в сфере недвижимости.

Таблица 3

Отраслевая структура предприятий *хуацяо* в регионах китайской части северной ветки Экономического пояса Шелкового пути, %⁹

	Первая сфера	Обрабатывающая промышленность	в т.ч. высокотехнологичный сектор	Сфера услуг
Регион кольца Бохайского залива				
г. Пекин	-	-	21,3	30,0
г. Тяньцзинь	-	62,5	-	-
пров. Хэбэй	-	-	-	-
пров. Ляонин	-	38,8	-	26,0
пров. Шаньдун	-	33,8	21,8	23,5
Центральный Китай				
пров. Шаньси	-	-	-	-
Западный Китай				
АР Внутренняя Монголия	100	-	-	-
Синьцзян-Уйгурский АР	67	-	-	33

Примечание: в выборке учтены наиболее успешные компании, ведущие бизнес в КНР и являющиеся лауреатами конкурса «100 лучших компаний хуацяо» на протяжении нескольких лет.

Таким образом, из числа зарубежных китайцев, ведущих бизнес в рассмотренных районах КНР, где предполагается прокладка северной ветки ЭПШП, могут быть полезны только предприниматели из зоны кольца Бохайского залива. Они могут участвовать в проекте в качестве поставщиков высокотехнологичной экспортной продукции и услуг по логистике, внести вклад в модернизацию промышленных предприятий пров. Шаньси, АР Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурского АР, выкупая часть активов предприятий, выступая в роли консультантов для китайских компаний, планирующих «выход за рубеж» через северную ветку ЭПШП. Главное преимущество *хуацяо* из зоны кольца Бохайского залива — то, что значительная их часть в свое время обучалась, стажировалась, работала или имела собственный бизнес в России и в странах СНГ. Таких предпринимателей довольно много в пров. Ляонин, Шаньдун и в г. Пекин. Их контакты с представителями российского бизнеса и бизнеса стран СНГ, а также связи с представителями китайской диаспоры в данных странах будут весьма востребованными при развитии внешней части северной ветки ЭПШП — на территориях Казахстана и России.

Оценка влияния китайского бизнеса на казахстанском участке северной ветки ЭПШП

Китайское присутствие в Казахстане, по умеренным подсчетам, оценивается примерно в 70 тыс. человек, что составляет 0,4% населения этой страны. Основные миграционные потоки пришлись на период 2005–2013 гг. В 2014 г. в Казахстан иммигриро-

вало лишь 630 китайцев, тогда как число *хуацяо*, прибывших в 2005–2014 гг., составило 39 061 человек, или 55,8% от общего числа китайских мигрантов в стране (см. табл. 4).

Город Усть-Каменогорск, через который пройдет северная ветка ЭПШП, является административным центром Восточно-Казахстанской области. Число прибывших в область китайцев составило за 2006–2014 гг. 13 959 человек, или 40,5% всех китайцев, иммигрировавших в Казахстан в этот период. Пик китайской миграции в эту область пришелся на 2008–2012 гг. (см. табл. 4). Интересно, что этот пик начался за пять лет и закончился за один год до официального провозглашения Китаем концепции Экономического пояса Шелкового пути.

Таблица 4

Китайская миграция в Казахстан в 2005–2014 гг.¹⁰

	Казахстан	Восточно-Казахстанская область	
	Человек	Человек	Доля от числа китайских мигрантов по Казахстану, %
2005	4562
2006	5003	484	10,0
2007	5829	921	16,0
2008	6328	3819	60,4
2009	4645	2843	61,2
2010	4020	2341	58,2
2011	3296	1733	52,6
2012	2656	1372	51,7
2013	2092	389	18,6
2014	630	57	9,1
2005–2014	39061
2006–2014	34499	13959	40,5

Ныне китайский бизнес присутствует во всех сферах экономики Казахстана. Отраслевая структура китайских предприятий сбалансирована.

В первой сфере экономики заняты 24,1% предприятий *хуацяо*, в основном это нефтяные и нефтегазовые компании — 20,5%. На вторую сферу экономики приходится 38,6% китайских компаний, из них 26,5% заняты в обрабатывающей промышленности (преимущественно в тяжелой — 21,7%) и 12,1% — в строительстве. К третьей сфере экономики относятся 37,3% компаний *хуацяо*, из них 12,1% занято в торговле, по 6% предприятий приходится на транспортные услуги, услуги связи и телекоммуникации, а также гостиничное хозяйство и туризм, 4,8% — на электро-, газо-, тепло- и водоснабжение, и 2,4% — на финансовые услуги (см. табл. 5).

Представленные данные позволяют говорить о достаточно высокой степени влияния китайского бизнеса на экономику Казахстана, и, следовательно, широких возможностях оказывать всестороннюю поддержку развитию северной ветки ЭПШП на казахстанском участке.

Сам Усть-Каменогорск, через который пройдет северная ветка ЭПШП, специализируется на металлургической промышленности и машиностроении. Предприятия города также заняты в пищевой промышленности, производстве электро- и теплоэнергии, а также в сельском хозяйстве. То есть, отраслевая структура китайских предприятий в Казахстане соотносится с отраслевой специализацией предприятий г. Усть-Каменогорска. Это дает дополнительные возможности для сотрудничества национальных китайских компаний, планирующих «выход за рубеж» в рамках проекта ЭПШП, и компаний *хуацяо* в Казахстане.

Таблица 5

**Отраслевая структура китайских предприятий в Казахстане
по состоянию на 2014–2015 гг., %¹¹**

Первая сфера 24,1	Добывающая промышленность:	22,9
	энергоресурсы	20,5
	руда	2,4
	сельское хозяйство	1,2
Вторая сфера 38,6	Обрабатывающая промышленность	26,5
	тяжелая	21,7
	легкая	4,8
	Строительство	12,1
Третья сфера 37,3	Электро-, газо-, тепло- и водоснабжение	4,8
	транспортные услуги	6,0
	услуги связи и телекоммуникации	6,0
	торговые услуги	12,1
	финансовые услуги	2,4
	гостиничное хозяйство и туризм	6,0

Примечание: В Казахстане насчитывается приблизительно 2800 китайских компаний, объем выборки для расчетов в данной таблице составляет 78 компаний, причем 1 компания занята в 5 отраслях и 1 компания — в двух отраслях экономики Казахстана.

Отметим, что позиции китайских предпринимателей существенно усиливает такая крупная международная организация, как Союз китайских предпринимателей (СКП). В Казахстане СКП открыл свое отделение в 2006 г. и работает под эгидой Посольства КНР в Республике Казахстан. СКП оказывает здесь комплексную поддержку китайскому бизнесу и содействует продвижению китайской продукции на казахстанский рынок, а также транзиту товаров и капитала через Казахстан в Россию и страны Центральной Азии.

**Оценка влияния китайского бизнеса
на российском участке северной ветки ЭПШП**

Маршруты северной ветки ЭПШП на российской территории претерпевают стадию обсуждения и разработки. Предполагается, что из казахстанского Усть-Каменогорска маршрут проследует в Омск и далее в Москву и Санкт-Петербург. Расстояние от Омска до Москвы может быть преодолено через транспортные коридоры Челябинск — Уфа — Самара — Рязань; Тюмень — Екатеринбург — Пермь — Киров — Ярославль/Нижний Новгород; Тюмень — Екатеринбург — Казань — Канаш — Арзамас — Муром. В данной статье при анализе влияния *хуацяо* на развитие российского участка ЭПШП будут рассматриваться данные в целом по РФ, а также по Омску, Москве и Санкт-Петербургу.

Численность китайцев в России — вопрос спорный. По результатам официальной переписи страны в 2010 г., численность граждан КНР в РФ составила 28 943 человека, из них в Омске — 544 человека, в Москве — 5505 человек, в Санкт-Петербурге — 1444 человека¹², или 1,9%, 19,0% и 5,0% соответственно. Абсолютные цифры по китайской миграции существенно занижены, наиболее реальными являются экспертные оценки в 200–400 тыс., максимум — 500 тыс. человек¹³. Мы исходим из того, что численность китайцев в РФ составляет порядка 400 тыс., а структура территориального размещения мигрантов в относительных цифрах остается неизменной. Тогда, в пересчете на адекватные значения, численность китайских мигрантов в Омске, Москве и Санкт-Петербурге должна составлять соответственно 7,6 тыс., 76 тыс. и 20 тыс. человек.

Китайский бизнес представлен во всех сферах экономики России, наибольшее число компаний занято в третьей и во второй сферах — 55,3% и 39,2% соответственно, на первую сферу экономики приходится 5,5% компаний *хуацяо*. 34,4% предприятий третьей сферы являются торговыми, по 4,7% приходится на транспортные и финансовые услуги, а также на рекламу и консалтинг. 24,3% предприятий второй сферы занято в тяжелой обрабатывающей промышленности, 10,8% — в легкой обрабатывающей промышленности, строительным бизнесом занято 4,1% китайских предприятий. 4,1% китайских предприятий первой сферы экономики занято в добывающей промышленности (см. табл. 6).

Таблица 6

**Отраслевая структура китайских предприятий
в России по состоянию на 2009–2015 гг., %¹⁴**

Первая сфера 5,5	Добывающая промышленность	4,8
	энергоресурсы	4,1
	руда	0,7
	сельское хозяйство	0,7
Вторая сфера 39,2	Обрабатывающая промышленность	35,1
	тяжелая	24,3
	легкая	10,8
	строительство	4,1
Третья сфера 55,3	транспортные услуги	4,7
	услуги связи и телекоммуникации	3,4
	торговля	34,4
	финансовые услуги	4,7
	гостиничное хозяйство и туризм	2
	реклама и консалтинг	4,7
	типография	1,4

Примечание: Точное число китайских компаний в РФ не известно. За основу для расчетов в данной таблице автор использует перечень официально зарегистрированных в 2009 г. на территории РФ китайских компаний за вычетом представительств китайских ведомств и ликвидированных к настоящему моменту компаний, таким образом, объем выборки составил — 148 китайских компаний.

Данные табл. 6 позволяют сформировать примерную картину хозяйственной деятельности *хуацяо* в РФ. Россия интересуется китайский бизнес, прежде всего, как емкий рынок сбыта. Даже в нынешних условиях снижения платежеспособности российских граждан в связи с экономическим спадом в стране на фоне западных санкций и падения курса рубля китайские торговые компании не ушли с российского рынка и даже укрепили свои позиции, заместив некоторые европейские и американские компании. Значительный интерес для китайских предпринимателей представляют остановленные и заброшенные в 1990-е годы бывшие советские предприятия тяжелой и легкой промышленности, на базе которых китайцы развивают современное производство продукции, ориентированной на российский и центрально-азиатские рынки. К российским энергоресурсам проявляют интерес крупные китайские нефтяные и нефтегазовые корпорации, которые уже имеют свои представительства и филиалы в РФ. На российском строительном рынке все больший вес приобретают крупные китайские строительные фирмы. Финансовое обслуживание китайских предприятий в РФ осуществляют филиалы китайских банков. Услуги консалтинга и рекламы, транспортные услуги (включая международные авиаперевозки) для товаров и персонала китайских предприятий первой и второй сфер экономики также осуществляют китайские фирмы из соответствующих сегментов сферы услуг.

Предприятия *хуацяо* в РФ в целом вписываются в отраслевую структуру экономики Омска, Москвы и Санкт-Петербурга — (в порядке убывания): г. Омск — обрабатывающая промышленность, торговля, сельское хозяйство, платные услуги населению, строительство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, добыча полезных ископаемых и прочее¹⁵; г. Москва — торговля, обрабатывающая промышленность, транспорт, строительство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды и прочее¹⁶; г. Санкт-Петербург — обрабатывающая промышленность, торговля, транспорт, строительство, платные услуги населению, услуги связи, добыча полезных ископаемых и прочее¹⁷.

Укреплению позиций китайских предпринимателей и развитию северной ветки ЭПШП на территории России будет способствовать сплоченность китайского бизнес-сообщества и наличие официальных институтов, способных выражать и отстаивать их интересы в России. Одним из ключевых институтов данного типа является российское отделение Союза китайских предпринимателей, открытое в 2006 г. под управлением Посольства КНР в РФ (аналогичная организация есть в Казахстане и ряде других стран мира). Налаживанию сотрудничества предпринимателей-*хуацяо* с российской бизнес-средой содействуют Русско-азиатский союз промышленников и предпринимателей и Российско-китайский центр торгово-экономического сотрудничества. Кроме того, на территории России работают представительства некоторых китайских министерств и ведомств, например, Представительство Министерства железнодорожного транспорта, Представительство китайского комитета содействия международной торговле и китайской палаты международной торговли и другие.

* * *

Таким образом, можно заключить, что наряду с крупными государственными китайскими корпорациями зарубежные китайские предприниматели способны при поддержке китайского правительства и с опорой на собственные материальные, финансовые и интеллектуальные ресурсы и связи внести весомый вклад в строительство и развитие северной ветки Экономического пояса Шелкового пути. Хотя северная ветка ЭПШП (Китай — Казахстан — Россия) находится пока что в стадии проекта, *хуацяо* уже ведут активную хозяйственную деятельность и занимают прочные позиции в бизнес-среде на каждом из ключевых участков ее планируемого маршрута.

1. Уянаев С. Китайский проект «Один пояс — один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 10.
2. Островский А.В. Китайский проект «Экономический пояс шелкового пути» как путь к международному экономическому сотрудничеству // Азия и Африка сегодня. 2016. № 2. С. 11.
3. Сычоу чжилу цзинциндай юй шюйюй цзинци фачжань яньцзю: [Экономический пояс Шелкового пути и изучение регионального экономического развития Бэйцзин / Гл. ред. Сунь Цзювэнь, Гао Чжиган. Пекин: Цзинци гуанли чубаньшэ, 2014. С. 003–004.
4. Там же. С. 006.
5. Для расчетов были взяты среднегодовые показатели ВВП, ИОПФ, потребления, экспорта и импорта в 2012–2014 гг. Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь — 2015: [Китайский статистический ежегодник — 2015]. Табл. 2–5, 3–1, 3–9, 3–17, 10–2, 10–3, 11–9. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexch.htm> (дата обращения 16.06.2016); Чжунго тунци няньцзянь — 2014. Табл. 3–22, 10–3, 11–9. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexch.htm> (дата обращения 16.06.2016); Чжунго тунци няньцзянь — 2013. Табл. 2–22, 5–3, 6–10. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2013/indexch.htm> (дата обращения 16.06.2016).
6. Там же.

7. Рассчитано по: Ляонин тунци няньцзянь — 2014: [Статистический ежегодник провинции Ляонин — 2014]. Табл. 2–3, табл. 3–4. URL: <http://www.ln.stats.gov.cn/tjsj/sjcx/ndsj/otherpages/2014/zk/indexch.htm> (дата обращения 10.06.2016); Далянь тунци няньцзянь — 2015: [Статистический ежегодник г. Далянь — 2015]. Табл. 1–13. Пекин, 2015. С. 30–31; Хэбэй цзинци няньцзянь — 2014: [Экономический ежегодник провинции Хэбэй — 2014]. Табл. 1–19, 20–2. URL: <http://www.hetj.gov.cn/res/nj2014/indexce.htm> (дата обращения 10.06.2016); Хэбэй цзинци няньцзянь — 2013. Табл. 20–1. URL: <http://www.hetj.gov.cn/res/nj2013/indexce.htm> (дата обращения 10.06.2016); Хэбэй цзинци няньцзянь — 2012. Табл. 20–1. URL: <http://www.hetj.gov.cn/extra/col20/2012/2001.htm> (дата обращения 10.06.2016); Шаньдун тунци няньцзянь — 2015: [Статистический ежегодник провинции Шаньдун — 2015]. Табл. 1–4, 2–4. URL: http://www.stats-sd.gov.cn/tjnj/nj2015/new/indexce_new.htm (дата обращения 10.06.2016); Бэйцин тунци няньцзянь — 2015: [Статистический ежегодник г. Пекина — 2015]. Табл. 2–4. URL: <http://www.bjstats.gov.cn/nj/main/2015-tjnj/zk/indexce.htm> (дата обращения 10.06.2016); Тяньцзинь тунци няньцзянь — 2015: [Статистический ежегодник г. Тяньцзиня — 2015]. Табл. 2–2. URL: <http://www.stats-tj.gov.cn/Item/25712.aspx> (дата обращения 10.06.2016); Шаньси тунци няньцзянь — 2014. Табл. 19–1. URL: <http://www.stats-sx.gov.cn/tjsj/tjnj/nj2014/html/njcx.htm> (дата обращения 13.06.2016); Шаньси тунци няньцзянь — 2013. Табл. 18–1. URL: <http://www.stats-sx.gov.cn/tjsj/tjnj/nj2013/html/njcx.htm> (дата обращения 13.06.2016); Шаньси тунци няньцзянь — 2012. Табл. 19–1. URL: <http://www.stats-sx.gov.cn/tjsj/tjnj/nj2012/html/njcx.htm> (дата обращения 13.06.2016); Нэй Мэнгу тунцицзю: [Статистическое бюро АР Внутренняя Монголия]. URL: <http://www.nmgjt.gov.cn/acmrdatashownmgpub/tablequery.htm?cn=C0101> (дата обращения 13.06.2016); Хухэаотэши тунци няньцзянь — 2014: [Статистический ежегодник г. Хухэ-хото — 2014]. Табл. 3–2. URL: <http://www.huhhot.gov.cn/hhhtj/nj/2014/C4%EA%BC%F8/gb2.html> (дата обращения 13.06.2016); Эцинаци 2000 нянь — 2014 нянь чжую цзинци чжибяо ванчэн цинкуан: [Полная информация по основным экономическим показателям хошуна Эцин-ци — 2000–2014 гг.]. Прил. 3. URL: <http://www.ejntj.gov.cn/List.asp?ID=835> (дата обращения 13.06.2016); Синьцзян тунци няньцзянь — 2014. Табл. 2–1, 2–10. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/№2014120108.htm> (дата обращения 13.06.2016); Синьцзян тунци няньцзянь — 2013. Табл. 2–10. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/№2013100046.htm> (дата обращения 13.06.2016); Синьцзян тунци няньцзянь — 2012. Табл. 2–10. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/№2012110029.htm> (дата обращения 13.06.2016).
8. Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь — 2015: [Китайский статистический ежегодник — 2015]. Табл. 10–1, 11–14. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexch.htm> (дата обращения 10.06.2016); Чжунго тунци няньцзянь — 2013. Табл. 5–1, 6–13. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2013/indexch.htm> (дата обращения 10.06.2016); Ляонин тунци няньцзянь — 2014. Табл. 3–1, 6–1, 18–10. URL: <http://www.ln.stats.gov.cn/tjsj/sjcx/ndsj/otherpages/2014/zk/indexch.htm> (дата обращения 10.06.2016); Хэбэй цзинци няньцзянь — 2014. Табл. 1–18, 3–1, 13–8. URL: <http://www.hetj.gov.cn/res/nj2014/indexce.htm> (дата обращения 10.06.2016); Хэбэй цзинци няньцзянь — 2013. Табл. 3–1. URL: <http://www.hetj.gov.cn/res/nj2013/indexce.htm> (дата обращения 10.06.2016); Шаньдун тунци няньцзянь — 2015. Табл. 2–1, 5–1, 6–10. URL: http://www.stats-sd.gov.cn/tjnj/nj2015/new/indexce_new.htm (дата обращения 10.06.2016); Бэйцин тунци няньцзянь — 2015. Табл. 2–1, 5–1, 15–7. URL: <http://www.bjstats.gov.cn/nj/main/2015-tjnj/zk/indexce.htm> (дата обращения 10.06.2016); Тяньцзинь тунци няньцзянь — 2015. Табл. 2–1, 5–1, 6–10. URL: <http://www.stats-tj.gov.cn/Item/25712.aspx> (дата обращения 10.06.2016); Шаньси тунци няньцзянь — 2014. Табл. 1–9, 7–2, 8–5. URL: <http://www.stats-sx.gov.cn/tjsj/tjnj/nj2014/html/njcx.htm> (дата обращения 10.06.2016); Шаньси тунци няньцзянь — 2013. Табл. 4–5. URL: <http://www.stats-sx.gov.cn/tjsj/tjnj/nj2013/html/njcx.htm> (дата обращения 10.06.2016); Шаньси тунци няньцзянь — 2012. Табл. 4–5. URL: <http://www.stats-sx.gov.cn/tjsj/tjnj/nj2012/html/njcx.htm> (дата обращения 10.06.2016); Нэй Мэнгу тунцицзю: [Статистическое бюро АР Внутренняя Монголия]. URL: <http://www.nmgjt.gov.cn/acmrdatashownmgpub/tablequery.htm?cn=C0101> (дата обращения 10.06.2016); Синьцзян тунци няньцзянь — 2014. Табл. 2–1, 4–1, 5–6. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/№2014120108.htm> (дата обращения 10.06.2016).
9. Источники: Чжунго цяоцзы ши фачжань няньду баогао — 2008: [Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР — 2008]. Пекин, 2009. С. 145–148; Хайвай хуашань цай Чжунго. Чжунго цяоцзы ши фачжань няньду баогао — 2014: [Зарубежные китай-

- ские предприниматели в КНР. Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР — 2014]. Пекин, 2014. С. 70.
10. Рассчитано и составлено автором по: Демографический ежегодник Казахстана — 2015. Табл. 9–7. URL: http://stat.gov.kz/faces/publicationsPage/publicationsPublications/publicationsCompilations?_afLoop=38412739887192366#%40%3F_afLoop%3D38412739887192366%26_adf.ctrl-state%3Dkbbkq3akjy_92 (дата обращения 21.06.2016); Демографический ежегодник Казахстана — 2010. Табл. 8–10. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations2010?_afLoop=38808772168193292#%40%3F_afLoop%3D38808772168193292%26_adf.ctrl-state%3Dnhs2ivgxa_21 (дата обращения 21.06.2016); Демографический ежегодник Казахстана — 2009. Табл. 9–10. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations2009?_afLoop=38809319630753384#%40%3F_afLoop%3D38809319630753384%26_adf.ctrl-state%3Dnhs2ivgxa_34 (дата обращения 21.06.2016); Демографический ежегодник Казахстана — 2007. Табл. 7–10. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations2007?_afLoop=38809815351739408#%40%3F_afLoop%3D38809815351739408%26_adf.ctrl-state%3Dnhs2ivgxa_60 (дата обращения 21.06.2016); Демографический ежегодник Восточно-казахстанской области за 2014 г. Табл. 4–4. URL: http://shygys.stat.gov.kz/dok/o_dep/publik/publ2015.htm#0 (дата обращения 21.06.2016); Демографический ежегодник Восточно-казахстанской области за 2010 г. Табл. 4–4. URL: http://shygys.stat.gov.kz/dok/o_dep/publik/publ2011.html (дата обращения 21.06.2016); Демографический ежегодник Восточно-казахстанской области за 2009 г. Табл. 4–4. URL: http://shygys.stat.gov.kz/dok/o_dep/publik/publ2010.html (дата обращения 21.06.2016).
 11. Рассчитано и составлено автором по: Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дицью) чжинань. Хасакэсытань (2014 няньбань): [Справочник по инвестициям за рубеж по странам (регионам). Казахстан (изд. 2014 г.)]. С. 115–116. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000545&idCorp=1800000121&iproject=25&record=523> (дата обращения 25.06.2016); Чжунго дуйвай тоуцзы цуцзинь гобе/дицью силе баогао. Тоуцзы Хасакэсытань: [Серия докладов о стимулировании экспорта китайского капитала за рубеж по странам/регионам. Инвестиции в Казахстан]. С. 125–126. URL: <http://www.fdi.gov.cn/CorpSvc/Temp/T3/Product.aspx?idInfo=10000548&idCorp=1800000121&iproject=35&record=125> (дата обращения 25.06.2016).
 12. Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/pereris2010/croc/pereris_itogi1612.htm (дата обращения 26.06.2016).
 13. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. С. 149.
 14. Рассчитано автором по данным официального сайта Канцелярии советника по торгово-экономическим вопросам посольства КНР в РФ: Чжу Э чжунцзы цзигоу, гусы, цие минлу: [Перечень китайских организаций, предприятий и фирм, аккредитованных в России]. URL: <http://ru.mofcom.gov.cn/article/zxhz/200902/20090206034023.shtml> (дата обращения 29.06.2016).
 15. Доклад «Социально-экономическое положение Омской области — 2015». Табл. 1 // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/region/doc11152/IssWWW.exe/Stg/d150/i150293r.htm> (дата обращения 30.06.2016).
 16. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов — 2014 г. Центральный федеральный округ, г. Москва. С. 107. // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14t/Main.htm (дата обращения 30.06.2016); Социально-экономическое положение г. Москвы — 2015. Декабрь 2015. Табл. «Основные экономические и социальные показатели» // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/region/doc11145/Main.htm> (дата обращения 30.06.2016).
 17. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов — 2014 г. Северо-западный федеральный округ, г. Санкт-Петербург. С. 156–157. // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14t/Main.htm (дата обращения 30.06.2016); Доклад «Социально-экономическое положение Санкт-Петербурга и Ленинградской области» (2016 г.). Табл. «Социально-экономическое положение Санкт-Петербурга (январь—декабрь 2015 г.) ч. 1» // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/region/doc11140/Main.htm> (дата обращения 30.06.2016).

Черная металлургия КНР в 12-й пятилетке и международное сотрудничество в производственной сфере

© 2016

Н.Н. Коледенкова

В статье рассматриваются проблемы развития черной металлургии КНР. Поскольку отрасль создает условия для роста экономики и во многом способствует повышению конкурентоспособности отечественных производителей на мировых рынках, модернизация металлургического комплекса является одной из приоритетных задач.

Ключевые слова: Китай, черная металлургия, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Пояс и Путь.

План модернизации металлургического комплекса КНР нашел отражение в принятой в 2015 г. программе «Китайское производство — 2025», где поставлена задача укрепления базовых отраслей промышленности.

За годы 12-й пятилетки Китай добился существенных успехов в развитии черной металлургии, что вывело его на позиции безоговорочного мирового лидера в этой отрасли. В мировом производстве доля выплавленной им стали с 15,2% в 2000 г. выросла до 44,3% в 2010 г. и 49,5% — в 2015 г. Доли иных стран не превышали семи процентов (см. табл. № 1). Китай лидирует не только «по валу», но и в пересчете на душу населения. Если среднемировой уровень этого показателя в 2013 г. составил 219,3 кг, то в Китае — 545 кг. В странах Евросоюза — 279,4 кг, в Азии — 268,6 кг (в том числе в Южной Корее — 1061,2, Сингапуре — 818,3, Северной Корее — 43,9), в СНГ — 228 кг (в том числе в России — 247,1), в странах Северной Америки — 247,1 кг (в том числе в США — 300,8), в странах Ближнего Востока — 224,4 кг (в том числе в Катаре — 993,5), в странах Южной Америки и Африки — соответственно 113,2 и 30,6 кг¹.

Как следует из табл. 2, где дана динамика производства черных металлов за годы 12-й пятилетки, производство стали увеличилось с 637,2 млн т в 2010 г. до 803,83 млн т в 2015 г., т.е. примерно на 166,6 млн. т. Среднегодовой темп прироста в 2011–2015 гг. составил 33,3 млн т. В 2015 г. выплавка стали в Китае впервые с 1991 г. сократилась, снижение составило 2,3%.

Рост производства черных металлов в 12-й пятилетке обусловили возросшие потребности экономического развития КНР. Увеличение внутреннего спроса на сталь определялось в первую очередь программой китайского руководства по стимулированию национальной экономики посредством миллиардных инвестиций в строительство городов, железных дорог и иной инфраструктуры, а также созданием промышленных производств, ориентированных на выпуск продукции тяжелого и энергетического машиностроения, станкостроения, автомобилестроения и бытовой электротехники. Таковы были основные факторы развития китайской черной металлургии. Ведь упомянутые направления индустриализации являются рекордно металлоемкими.

Коледенкова Наталья Никитична, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: Koledenkova@ifes-ras.ru.

Таблица 1

Производство стали главными мировыми производителями

Страны	2010 г.		2015 г.	
	Объем производства, млн т	Доля в объеме производства стали, %	Объем производства, млн т	Доля в объеме производства стали, %
Все страны мира	1433	100,0	1600*	100,0
Китай	637	44	803,8	50
Япония	110	8	105,4	7
США	80	6	78,92	5
Индия	69	5	89,78	5
Россия	67	5	71,11	4
Южная Корея	59	4	69,64	4
Германия	44	3	42,68	3
Турция	29	2	31,52	2
Украина	33	2	22,93	2
Бразилия	33	2	22,93	2

* Предварительные итоги года по 65 странам, регулярно подающим сведения в WSA (суммарный объем производства стали 65 стран в 2015 г. составил 98% от объема производства в мире).

Источник: По данным WSA (World Steel Association). URL: <http://www.worldsteel.org/>.

Таблица 2

Динамика производства черных металлов, млн т

Годы	Чугун	Сталь	Прокат
2010	597,3	637,2	802,7
2011	640,5	685,3	886,2
2012	663,5	723,9	955,8
2013	711,5	813,1	1082,0
2014	713,7	822,3	1125,1
2015		803,8	1123,49*

* Показатель производства проката включает 344 млн т стали, которая была подвергнута повторной обработке.

Источник: Китайский статистический ежегодник: [Чжунго тунцзи няньцзян 2015]. Пекин, 2015. Табл. 13-13. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2015 National Economic and Social Development. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201602/t20160229_1324019.html

В рассматриваемый период осуществлялись крупные инвестиции в черную металлургию. За 12-ю пятилетку (2011–2015 гг.) было вложено в общей сложности более 2691,6 млрд юаней — в 1,68 раза больше, чем за 11-ю пятилетку. Отдельно отметим общие инвестиции в разработку и освоение железорудных месторождений. Они только за 2011–2015 гг. составили 848,1 млрд юаней. Инвестиции в добычу и обогащение железной руды в 2011 г. достигли 106,2 млрд юаней, в 2015 г. — 136,6 млрд.

Значительному росту выпуска металла сопутствовало повышение его технического и технологического уровня производства. В последние годы значительно изменилась структура производства проката. Благодаря внедрению современного прокатного оборудования возросло производство такой дефицитной для Китая продукции, как особо толстый лист, толстый, горячекатаный и холоднокатаный лист средней ширины, стальная лента (см. табл. 3).

Таблица 3

Объем производства основных видов проката в КНР, млн т

	2010 г.	2013 г.	2014 г.
Всего проката	802,76	1082,0	1125,1
в том числе: тяжелые рельсы	4,3	4,28	4,05
крупносортный прокат	9,46	12,8	13,5
средне и мелкосортный прокат	41,2	57,2	56,2
брус	66,1	77,9	79,4
рифленая лента	138,8	207,7	215,5
проволока	105,7	150,0	153,1
особо толстый лист	5,8	6,2	7,27
толстый лист	23,5	24,99	26,38
стальная лента средней ширины		121,9	123,0

Источник: Чжунго тунцизи нянцзянь 2011. Пекин, 2011. Табл. 14-22; 2015. 12-13.

Достижения в данной отрасли не распространились, впрочем, на производство высококачественного проката, крупным импортером которого КНР остается на протяжении длительного времени. Импорт проката в 2010 г. составил 16,4 млн т, в 2015 г. — 12,78 (см. табл. 4). Ведущие экспортеры — Япония, Южная Корея, Тайвань, Германия, Казахстан, Россия, Италия, Швеция, США.

Несмотря на относительно низкую долю в видимом потреблении проката, импорт которого имеет большое экономическое значение, Китай также проявляет большую заинтересованность в импорте специальных сталей. За прошедшие годы импорт проката играл большую роль в удовлетворении внутреннего спроса на такую остродефицитную продукцию, как толстый и тонкий лист, трубы, фасонный прокат, холоднокатаная лента и т.д. В некоторых отраслях машиностроения, особенно в производстве оборудования для нефтяной, химической, приборостроительной промышленности, а также в ВПК, при изготовлении наиболее важных видов продукции преимущественно используются импортные черные металлы. Такая ситуация, по-видимому, сохранится и в ближайшее время.

В области экспорта сырья Китай намерен снижать вывоз как низкоперелетной, так и энергозатратной продукции — в частности, стальных сплавов, чугуна и металлолома. Экспорт проката составил в 2011 г. 48,88 млн т, в 2015 г. — 112,4 (см. табл. 4).

Таблица 4

Прокат: динамика импорта и экспорта, млн т

Годы	Импорт	Экспорт
2010	16,43	42,56
2011	15,58	48,88
2012	13,66	55,73
2013	14,08	62,33
2014	14,43	93,78
2015	12,78	112,4

Источник: Чжунго тунцизи нянцзянь. Пекин, 2014. Табл. 11-7, 11-8. 2015. Табл. 11-7, 11-8, 13-13, 13-14. *Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2015 National Economic and Social Development*. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201602/t20160229_1324019.html

На фоне замедления темпов экономического роста и снижения спроса на внутреннем рынке в 2015 г. сталелитейные предприятия Китая существенно увеличили экспорт-

ные поставки за рубеж. Вывоз стали в 2015 г. увеличился на 19,9%, составив 112,42 млн т. Таким образом, Китай экспортировал стальной продукции больше, чем любая другая страна мира произвела. Более 30% экспорта стали за январь—ноябрь 2015 г. пришлось на страны АСЕАН, 12,1% — на Республику Корея и почти 10% — на Ирак, Иран, и другие страны Персидского залива. В результате котировки на и без того перенасыщенном мировом рынке стали, снизились, обновив многолетние минимумы. Если в январе 2015 г. среднемесячная стоимость тонны проката колебалась близко к 470 долл., то к концу 2015 г. она упала до 280 долл. При этом спрос основных потребителей стальной продукции сокращается. Это уже повлекло за собой снижение объемов производства в мире. По данным World Steel Association (WSA), в 2015 г. производство стали уменьшилось на 2,8% до 1,63 млрд т. Снижение наблюдалось во всех регионах, за исключением Океании. Основное падение пришлось на азиатский регион (2,3% до 1,1 млрд т) и в частности на Китай. Все это происходит на фоне роста экспортных поставок китайской стали за рубеж².

Страны, являющиеся основными импортерами дешевой китайской стали, в последние полтора года все чаще прибегают к повышению импортных пошлин с целью оградить национальные рынки и поддержать местных производителей. США уже блокируют поставки около 30 видов стальной продукции из КНР. В декабре 2014 г. были установлены антидемпинговые пошлины на импорт холоднокатаной полосовой стали из Китая (227,29% от таможенной стоимости). В 2015 г. Индия продлила действие пошлин на импорт китайской стали (57,39%). Ассоциация производителей Кении обратилась к своему правительству с просьбой повысить импортную пошлину на стальной прокат, поскольку его поставки (особенно из Китая) наносят ущерб национальным компаниям.

Согласно заявлению Еврокомиссии, было принято решение об одновременном начале антидемпингового расследования в отношении импортируемых из Китая бесшовных стальных труб, стальных листов средней толщины и горячекатаного проката, а также о введении временных антидемпинговых мер в отношении импортируемой из Китая листовой холоднокатаной стали. 16 марта 2016 г. Еврокомиссия опубликовала директивный документ «Сохранение продолжительной занятости и роста в сталелитейной промышленности», где говорится о намерении ЕС на основе уже действующих 37 антидемпинговых и субсидиционных решений в отношении сталелитейной продукции принять дополнительные меры по защите торговли и контролю импорта.³

Рост производства продукции черной металлургии в КНР вызвал рост импорта железной руды, что ведет к увеличению зависимости от импорта. Наблюдается рост доли импортной руды в общем объеме ее потребления. В 2003 г. Китай стал, обогнав Японию, крупнейшим в мире импортером железной руды. С 2005 по 2010 г. ее импорт более чем удвоился (с 275 млн. до 618,6 млн т), в 2011 г. составил 686 млн. т, в 2013 г. — 819, в 2014 г. — 932,3, в 2015 г. — 952,7 млн т. Китаю приходится импортировать более 60% руды, необходимой для выплавки чугуна. Это объясняется очевидным отставанием в развитии железорудной промышленности от нужд доменного производства. Предпринимаются шаги по исправлению этого перекаса. Так, добыча низкосортной, неагломерированной руды возросла с 1,33 млн т в 2011 г. до 1,5 млрд т в 2014 г.

Причины отсталости отечественной железорудной промышленности — сложное состояние минерально-сырьевой базы. В целом, ее конкурентоспособность ниже, чем у ведущих стран, формирующих этот рынок, что обусловлено и низким качеством добываемой железной руды, и более сложными горно-геологическими и экономико-географическими условиями разработки месторождений. По отдельным стратегическим металлам — марганцу, хрому, никелю — рудная база слабая, и осваивать в современных экономических условиях имеющиеся месторождения нецелесообразно. Железорудной отрасли свойственны низкий технологический уровень, децентрализация, высокое потребление сырья и энергии, что влечет серьезный ущерб для экологии.

Одна из основных задач отрасли в последние годы: сокращение избыточных производственных мощностей. Для ее решения необходимы регулирование и оптимизация. Как заявил исполнительный директор института по изучению национального развития и стратегии при Китайском народном университете Лю Юаньчунь, «избыток производственных мощностей приводит к дисбалансу спроса и предложения на рынке, неуклонному падению цен на продукцию и невозможности гарантировать прибыль в отрасли в целом. Эффективность и инновационный потенциал с высоким уровнем развития ограничены. Это препятствует росту конкурентоспособности отрасли в целом»⁴.

Согласно пересмотренным в 2012 г. «Условиям нормализации деятельности предприятий металлургии», будут выведены из эксплуатации сталеплавильные предприятия с годовой выплавкой ниже 1 млн. т. Продолжать работать смогут заводы с показателем, превышающим это количество, и специализированные металлургические предприятия, выплавляющие более чем по 300 тыс. т специальной стали. Приоритетной осталась выплавка быстрорежущей, инструментальной и штамповой легированной стали. Кроме того из эксплуатации должны быть выведены и металлургические заводы, на которых емкость доменной печи не достигает 400 куб. м. В новом документе к металлургическим предприятиям также выдвинуты технические требования по качеству продукции, затратам энергии, комплексному использованию ресурсов, технологий и оборудования, безопасности производства. Что касается экологии, то все металлургические предприятия страны должны соответствовать следующим показателям, установленным природоохранным ведомством КНР: на тонну выплавляемой стали выбросы пыли в атмосферу не должны превышать 1,19 кг, выбросы двуокиси серы — 1,63 кг⁵.

Несмотря на принятые меры, для черной металлургии КНР характерно перепроизводство. В 2013 г. избыток составил 300 млн т, что примерно вдвое выше всех мощностей ЕС. Тем не менее, в 2014 г., согласно имеющимся данным, в Китае были введены в эксплуатацию 24 новых печи с общей годовой мощностью 35 млн т. И это лишь половина прироста в 70 млн т, наблюдавшегося в 2013 г. В 2015 г. были ликвидированы мощности по выплавке чугуна объемом 13 млн т, по производству стали — 17 млн т.⁶

Вывод из эксплуатации устаревших и низкоэффективных мощностей пока не дал ожидаемого результата. Правительство КНР намерено и далее проводить эту работу и увеличивать темпы реструктуризации отрасли.

Как отмечено в заявлении по итогам прошедшего 22 января 2016 г. заседания Госсовета КНР, ликвидация избыточных мощностей в сталелитейной промышленности — важная задача в продвижении структурных реформ. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян подтвердил решимость правительства уменьшить избыточные производственные мощности в рамках кампании по реструктуризации экономики. Предполагается сократить производственные мощности нерафинированной стали на 100–150 млн т. Предприятия должны будут сокращать производственные мощности путем вывода из эксплуатации устаревшего оборудования, слияния с другими компаниями, перепрофилирования производств, переноса мощностей за рубеж.

На упомянутом заседании Госсовета отмечалась и необходимость строгого контроля за вводом новых сталелитейных мощностей. Правительство намерено выделить 100 млрд юаней на сокращение избыточных производственных мощностей в черной металлургии. Финансирование на эти цели, как предполагается, будет продолжаться в течение нескольких лет, но не более пяти. С учетом финансовых поступлений от местных властей, на сокращение избыточных мощностей придется по 200 млрд юаней в год⁷. Деньги предназначаются в основном для трудоустройства увольняемого персонала.

Трудности в решении проблемы сопряжены с тем, во-первых, что постепенный отказ от избыточных мощностей повлечет массовые увольнения, способные привести к дестабилизации общества (вопреки целям государства «блюсти стабильность»). Вторая причина — долги.

В настоящее время задолженность компаний, входящих в Союз производителей стали, достигает 70% от общей суммы кредитов, составляющих 1,3 трлн юаней. Если добавить долги компаний, не входящих в этот союз, то задолженность металлургической промышленности может превысить 2 трлн юаней. Постепенный отказ от избыточных мощностей чреват угрозой образования огромной кредитной «черной дыры».

В сложившейся ситуации расширение международного сотрудничества в сфере производственных мощностей, в том числе в черной металлургии могло бы стать ключом к решению этой проблемы. Продвижение международного сотрудничества в этом направлении сулит новые возможности для осуществления проектов Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века (Пояс и Путь). Как отмечено на очередной сессии ВСНП (март 2016 г.), международное сотрудничество в сфере производственных мощностей и производства оборудования предполагает создание банка проектов сотрудничества в этой области. Кроме того планируется создать механизм стыковки провинций и автономных районов, а также ведущих предприятий КНР с другими странами, улучшать механизм управления рисками, форсировать налаживание механизма двустороннего сотрудничества в сфере производственных мощностей, полнее использовать многосторонние платформы сотрудничества, активизировать взаимодействие с развитыми странами на рынке третьих стран, стимулируя выход за рубеж китайских технологий, оборудования, стандартов и услуг⁸.

Китайские предприятия, с одной стороны, готовы активно участвовать в региональном инвестировании в инфраструктурные объекты, с другой — не прочь переходить на новые модели развития путем расширения спектра индустрий с помощью выхода на зарубежные рынки и перемещения избыточных производственных мощностей. Особого внимания заслуживает реализация проектов — драйверов нового направления, а также инновационное стимулирование этого процесса. В дальнейшем наряду с продвижением международного сотрудничества в области производственных мощностей планируется акцентировать внимание преимущественно на странах вдоль Пояса и Пути с целью вывести за рубеж не только продукцию, но и производственные мощности⁹. По имеющимся данным, идет активная подготовка к перемещению на зарубежные площадки избыточных производственных мощностей черной металлургии.

Для расширения связей и усиления экономической интеграции региона было решено создать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, призванный финансировать проекты в сфере транспортного развития по всему региону. В частности для сокращения и перемещения за рубеж избыточных производственных мощностей (включая металлургию) нужны значительные финансовые средства, с помощью этого банка Китаю будет проще осуществить такие задачи. В декабре 2015 г. Госсовет КНР упростил правила обмена валют для зарубежных инвестиций и обеспечил кредитную поддержку инвесторам. Таким образом, правительство дает возможность своим компаниям экспортировать не продукцию, а избыточные производственные мощности.

По словам главы Госкомитета КНР по делам развития и реформ Сюй Шаоши, в нынешнем году Китай приступит к реализации конкретных мер на основании меморандумов о сотрудничестве, уже подписанных со странами, расположенными вдоль Пояса и Пути. Работа в этом направлении ведется, большие успехи уже налицо. Например, в рамках сотрудничества по производственным мощностям между Китаем и Казахстаном согласован перечень из 52 проектов на общую сумму 24 млрд долл. Перечень включил проекты в сферах нефтехимии, машиностроения, электроэнергетики, инфраструктуры, обрабатывающей промышленности, металлургии и агропромышленного комплекса. Правительством Казахстана на эти цели выделено 10 млрд долл.

Важной представляется договоренность с Минвостокразвития России о переносе китайских предприятий на Дальний Восток. Речь идет об экспорте из Китая производственных мощностей в 12 отраслях, включая металлургию, стройиндустрию, энергетику,

машиностроение, судостроение, химическую, текстильную, цементную промышленность, телекоммуникации, земледелие. Как предполагается, эти предприятия будут переведены на Дальний Восток при обязательном соблюдении установленных в России экологических требований.

Стоит отметить, что меры по ограничению перепроизводства вынуждают металлургические компании Китая к созданию зарубежных предприятий. Так, Hebei Iron & Steel Group намерена построить завод в Южной Африке. Пуск намечен на 2017 г. при производственной мощности 5 млн т стали (к 2023 г. планируется достичь 20 млн т.) Ранее это было бы невозможно, так как большинство госпредприятий КНР принадлежит местным властям, но в последнее время центральное правительство резко усилило нажим на них. Например, руководству пров. Хэбэй, где черная металлургия имеет мощности в 286 млн т, предложено сократить их до 60 млн т. Решение относительно СП, созданного Hebei Iron & Steel с компанией Industrial Development Corp. по строительству завода в Лимпопо было принято после всестороннего изучения перспектив развития Южной Африки и соседних регионов. Безусловно, Китай, имеющий такой избыток производственных мощностей в черной металлургии, будет стимулировать перенос конкурентоспособного производства как в Африку, так и в страны Юго-Восточной Азии.

В заключении следует отметить, что этап двузначного роста китайской металлургии, видимо, остался в прошлом. Если в 2014 г. потребление стали составило 610 млн т, а в 2015 г. — 704 млн т., то в 2030 г., как предполагают китайские специалисты, оно сократится примерно до 490 млн т¹⁰.

При этом остается фактом, что технологический уровень черной металлургии Китая все еще низок в сравнении с промышленно развитыми странами. Это обуславливает его значительное отставание по ряду основных технико-экономических показателей от США, ЕС, Японии. Для улучшения положения в 13-й пятилетке предстоит создание более совершенной инновационной системы в области технологий, технического оборудования, новой продукции, энергосбережения, уменьшения выбросов. Предполагается усиление разведки отечественных железорудных ресурсов.

1. Ключевые сведения о мировой сталелитейной промышленности. URL: http://www.russtal.ru/stel_around_us/114.html; *Ревинская В.Ю.* Тенденции развития мировой и российской черной металлургии в кризисный период. URL: http://ecsn.ru/files/pdf/201502/201502_72.pdf.
2. Россия, Китай. Весь мир: Металлургия, горнодобыча № 1625891. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=1625891.
3. Усиление ЕС защитных торговых мер не поможет решить глобальные проблемы в сталелитейной промышленности / Минэкономразвития КНР. URL: http://www.china.org.cn/business/txt/2016-03/22/content_38087543.htm.
4. URL: http://www.kitaichina.com/se/txt/2016-03/04/content_715152_2.htm.
5. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/7936234.html>.
6. Китай достиг прогресса в сокращении избыточных производственных мощностей в сталелитейной промышленности. URL: <http://russian.people.com.cn/n/3/2016/0206/c31518-9014829.htm>.
7. URL: http://www.china.org.cn/business/txt/2016-01/23/content_37643121.htm.
8. Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2015 г. и проекте плана на 2016 г. URL: www.Russian.news.cn/2016-03-18.
9. Международное сотрудничество в области производственных мощностей открывает новые горизонты в строительстве Пояса и Пути. URL: http://www.china.org.cn/exclusive/txt/2016-03/16/content_38038427.htm.
10. URL: <http://russian.people.com.cn/2015/1204/c31518-8985554.html>.

Природопользование

Загрязнение окружающей среды в Китае

© 2016

И.В. Ушаков

В статье рассматривается проблема загрязнения окружающей среды в Китае. Оцениваются итоги работы по охране окружающей среды в 12-й пятилетке (2011–2015 гг.) и планы на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.). Анализируются трудности, с которыми сталкивается Китай на пути улучшения экологической ситуации в стране.

Ключевые слова: Китай, четыре основных вида загрязняющих веществ, стандарты качества окружающей среды, загрязнение атмосферного воздуха, урбанизация.

В Китае завершился период 12-го пятилетнего плана социально-экономического развития (2011–2015 гг.). Страна приступила к решению задач, поставленных в очередном, 13-м пятилетнем плане (2016–2020 гг.). Как и в предыдущем, в текущем плане заметное место занимают вопросы, связанные с охраной окружающей среды. Более того, экологическая проблематика еще сильнее акцентирована и расширена. Внимание к ней со стороны руководства страны продолжает нарастать, природные ресурсы и состояние окружающей среды становятся центральной проблемой, главным ограничителем и сдерживающим фактором дальнейшего социально-экономического развития Китая.

Важнейшей составной частью экологической проблемы является загрязнение окружающей среды.

Впечатляющие итоги

Центральное место в 12-м пятилетнем плане занимают 4 показателя состояния окружающей среды: атмосферного воздуха — выбросы двуокиси серы (SO_2) и оксидов азота (NO_x , как правило, двуокиси азота NO_2) и водной среды — показатель COD (химическая потребность в кислороде, в отечественной литературе ХПК) и выбросы аммонийного азота ($\text{NH}_3\text{-N}$). (В 11-м пятилетнем плане 2006–2011 гг. показателей было два — SO_2 и COD.) Ниже приводятся данные о динамике упомянутых показателей в годы 12-й пятилетки.

Как видно из данных табл. 1, достигнутые результаты существенно превысили плановые задания. Этому способствовало то, что энергоёмкость ВВП за пятилетие со-

кратилась на 18,2% вместо запланированных 16%, а удельный вес неископаемых энергоносителей в потреблении первичной энергии повысился до 12,0% против 11,4% по плану. К тому же, к концу пятилетки несколько снизились темпы прироста ВВП: в 2015 г. они оценивались в 6,9%. Это несколько ниже запланированных среднегодовых 7,0%. Хотя в целом по пятилетке среднегодовые темпы прироста ВВП составили 7,8% – выше плановых: экономика Китая за прошедшее пятилетие росла быстрее, чем было предусмотрено 5-летним планом.

Таблица 1

Выбросы основных видов загрязняющих веществ в период 12-й пятилетки (2011–2015 гг.), млн т

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Сокращение объема выбросов в 2015 г. по сравнению с 2010 г., %	
							План	Факт
SO ₂	22,678	22,179	21,176	20,439	19,744	18,591	8,0	18,0
COD	25,517	24,999	24,237	23,527	22,946	22,235	8,0	12,9
NO ₂	22,736	24,043	23,378	22,273	20,780	18,518	10,0	18,6
NH ₃ -N	2,644	2,604	2,536	2,457	2,385	2,299	10,0	13,0

Источник: Сводки о состоянии окружающей среды Китая Министерства охраны окружающей среды КНР за 2011–2015 гг. URL: www.mep.gov.cn/hjzl/zghjzkgb/lnzghjzkgb/

Положительную роль в снижении объемов выбросов основных видов загрязняющих веществ сыграла активная позиция государства по вопросу вывода из эксплуатации технически отсталых производств и избыточных мощностей в целом ряде отраслей промышленности. Причем речь идет прежде всего о наиболее грязных производствах. Так, по официальным данным только за последние три года пятилетки были выведены из эксплуатации технически отсталые мощности по выплавке чугуна и стали в 90 млн т, цемента 230 млн т, листового стекла 76 млн стандартных ящиков, электролитного алюминия более чем на 1 млн т¹. Сократилось и производство. Так, в 2015 г. выплавка стали снизилась на 2,2%, а цемента на 5,3%. Но, пожалуй, самую существенную роль в реализации задач 12-го пятилетнего плана, судя по официальным данным, сыграла угольная отрасль. Эти данные говорят о том, что, в Китае, с одной стороны, добились сокращения добычи угля, а с другой — уменьшения его доли в потреблении первичной энергии. В период 2011–2015 гг. было закрыто 7250 угольных предприятий суммарной мощностью 560 млн т². В последние два года пятилетки отмечается снижение добычи угля: в 2014 г. на 2,5%, а в 2015 г. на 3,3%. Его доля в потреблении первичной энергии составила 66% и 64% соответственно. Однако здесь нельзя оставить без внимания *существенную* корректировку данных по добыче угля за весьма продолжительный период (2005–2013 гг.) по результатам последней, 3-й Всекитайской экономической переписи. В табл.2 приведены прежние и скорректированные данные по добыче угля в Китае в период 12-й пятилетки.

Как видно, вне поля зрения официальной статистики только в течение 3 лет (2011–2013 гг.) оказались 833 млн т угля, цифра весьма внушительная. Более того, в конце 2015 г. суммарная мощность всех угольных предприятий Китая оценивалась в 5,7 млрд т при запланированных 4,1 млрд³. Видно также, что были существенно скорректированы данные о потреблении первичной энергии, «за скобками» оказалось 1,351 млрд т (тонн условного топлива). Крайне высокая доля угля в потреблении первичной энергии (она выше среднемирового уровня вдвое) и масштабы добычи и потребления угля (на Китай приходится 50% угля, потребляемого во всем мире) являются головной болью

для китайских экологов и руководства страны. Уголь – основной источник загрязнения окружающей среды в Китае, в первую очередь атмосферного воздуха. В связи с этим следует заметить, что за корректировкой данных о добыче угля не последовало изменение данных о выбросах основных видов загрязняющих веществ, по крайней мере, SO₂ и NO₂. Хотя как уже отмечалось, в Китае принимаются самые серьезные меры по ликвидации экологических последствий столь масштабного использования угля. Например, по данным на конец 2015 г. установками по десульфкации оборудовано более 99% (2010 г. — 83%) суммарной мощности угольных энергоблоков, а денитрификаторами оснащено свыше 92% мощностей (2010 г. — 12%). И одним из итогов этих усилий стало то, что после пиковых показателей, когда 30% территории Китая подвергалась воздействию кислотных дождей, это неблагоприятное явление в 2015 г. отмечалось лишь на 8,8% территории страны⁴.

Таблица 2

Добыча каменного угля в период 12-й пятилетки (2011–2015 гг.), млрд т

Годы	Добыча каменного угля (прежние данные)	Добыча каменного угля (скорректированные данные)	Разница между прежними и скорректированными данными	Доля каменного угля в потреблении первичной энергии, %
2010	3,235	3,428	0,193	69,2
2011	3,520	3,764	0,244	70,2
2012	3,650	3,945	0,295	68,5
2013	3,680	3,974	0,294	67,4
2014	–	3,874	–	66,0
2015	–	3,750	–	64,0

Источник: Чжунго тунци чжэяяо 2014, 2015: [Краткий статистический справочник Китая]. Пекин, 2014. С. 72, 115; 2015. С. 71, 114. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201602/t20160229_1324019.html

За корректировкой данных о добыче угля последовало уточнение данных о потреблении первичной энергии. Прежние и скорректированные данные приведены в табл.3.

Таблица 3

Потребление первичной энергии в период 12-й пятилетки, млрд тунт

Годы	Потребление первичной энергии (прежние данные)	Потребление первичной энергии (скорректированные данные)	Разница между прежними и скорректированными данными
2010	3,249	3,606	0,357
2011	3,480	3,870	0,390
2012	3,617	4,021	0,404
2013	3,750	4,169	0,419
2014	–	4,260	–
2015	–	4,300	–

Источник: Чжунго тунци чжэяяо 2014, 2015: [Краткий статистический справочник Китая]. Пекин, 2014. С. 72, 115; 2015. С. 71, 114. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201602/t20160229_1324019.html

Смещение акцентов

Прежде всего, следует признать, что состояние окружающей среды Китая в период 12-й пятилетки реально оценивалось показателями и параметрами, которые не были включены в пятилетний план. Это не означает, что четыре основных вида загрязняющих веществ теперь не актуальны и ими можно пренебречь. Объемы их выбросов остаются значительными. Во-первых, они по-прежнему существенно превышают адаптационные возможности природной среды, или возможности природной среды нейтрализовать их воздействие. Как считают китайские специалисты, по SO_2 — это 12 млн т, по NO_2 — 10 млн, по COD — 8 млн т. Во-вторых, Китай продолжает оставаться ведущим эмитентом этих видов загрязняющих веществ. На него, по данным на 2011 г., приходилось 26% мирового объема выбросов SO_2 и 28% NO_2 ⁵, при том, что территория Китая составляет 6,4% от площади земной суши. В-третьих, хотя ряд китайских специалистов считает, что в стране пройден пик выбросов, например, SO_2 и NO_2 , однако это вопрос статистики, ее достоверности и полноты. Коррективы может внести второе Всекитайское обследование источников загрязнения. Первое подобное мероприятие проводилось в 2006–2008 гг., а его результаты опубликованы в 2010 г. В итоге были существенно скорректированы многие данные, характеризующие загрязнение окружающей среды.

Итак, в период 12-й пятилетки внимание экологов, правительства, общественности и населения было сфокусировано на состоянии атмосферного воздуха. Смог стал постоянно нависать над значительной частью территории страны, стал главным объектом озабоченности правительства и его профильных ведомств. Наиболее часто упоминавшимся показателем состояния атмосферного воздуха стал уровень концентрации $\text{PM}_{2,5}$ — взвешенных частиц диаметром менее 2,5 микрон и оказывающих крайне неблагоприятное воздействие на здоровье человека. Следует отметить, что государство предприняло самые решительные меры по борьбе с загрязнением атмосферного воздуха. Осенью 2013 г. был принят «План действий по предотвращению загрязнения атмосферного воздуха», получивший название «10 установок по воздуху», или «10 мер по воздуху». Это комплекс конкретных мер, нацеленных на существенное сокращение загрязнения атмосферного воздуха к 2017 г. Заметим, что одна из задач — сокращение удельного веса угля в потреблении первичной энергии до 65% к 2017 г. была решена досрочно. Главная цель этого плана — снижение концентрации в атмосферном воздухе взвешенных частиц $\text{PM}_{2,5}$ и PM_{10} . Планируется к 2017 г. сократить на 10% концентрацию PM_{10} в атмосферном воздухе городов окружного уровня и выше. В районе Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй; в районе дельты реки Янцзы и районе дельты реки Чжуцзян снизить концентрацию в атмосферном воздухе частиц $\text{PM}_{2,5}$ на 25, 20 и 15% соответственно по сравнению с уровнем 2012 г.⁶ Хотя сразу же следует отметить, что в 2012 г. в Китае еще не велось систематического наблюдения за концентрацией в атмосферном воздухе этих частиц.

Итак, приоритетным направлением деятельности государства в природоохранной области в период 12-й пятилетки, особенно в последние три года, стало предотвращение загрязнения атмосферного воздуха, а центральным показателем — упоминавшееся $\text{PM}_{2,5}$.

Пожалуй, самым серьезным шагом на этом поприще стало принятие в феврале 2012 г. новых стандартов качества атмосферного воздуха. Они вводились поэтапно с 1 января 2013 г. В 2013 г. новые стандарты стали применяться в 74 городах. Это — 13 городов региона Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй, 25 городов региона дельты реки Янцзы и 9 городов региона дельты реки Чжуцзян, а также города центрального подчинения, административные центры провинций и автономных районов, города в ранге «самостоятельных плановых единиц». В 2014 г. число городов, охваченных новыми стандартами, было увеличено до 161. В 2015 г. их стало 338. Это города не ниже окружного уровня, в них функционирует 1436 пунктов мониторинга. При этом сводки о состоянии атмосферного воздуха достаточно регулярно публикуются и доступны для населения.

Нельзя не сказать и о самих новых стандартах (GB 3095–2012). В качестве основных загрязняющих веществ были определены взвешенные частицы $PM_{2,5}$ и PM_{10} , диоксид серы (SO_2), диоксид азота (NO_2), озон (O_3) и угарный газ (CO) — всего 6 позиций. Были установлены новые, более жесткие, предельно допустимые концентрации (ПДК). Например, среднегодовые ПДК по PM_{10} составляют 70 мкг/м^3 против прежних 100 мкг/м^3 .

По данным за 2015 г., по 338 городам среднегодовая концентрация $PM_{2,5}$ в среднем составила 50 мкг/м^3 (в 1,43 раза выше ПДК), PM_{10} — 87 мкг/м^3 (в 1,24 раза выше ПДК). При этом показатели по отдельным городам колебались от 11 до 125 мкг/м^3 и от 24 до 357 мкг/м^3 соответственно. В 45 городах среднегодовые показатели по $PM_{2,5}$ более чем в два раза превышали ПДК. В 70 городах отмечен рост показателей среднегодовой концентрации PM_{10} . В целом, немногим более чем пятая часть всех городов сумели вписаться в новые стандарты. В оставшихся 265 они были превышены⁷.

Тем не менее, сдвиги к лучшему налицо. Об этом свидетельствует, например, динамика среднегодовой концентрации в атмосферном воздухе PM_{10} и $PM_{2,5}$, как наиболее значимых показателей в 74 городах, где работают новые стандарты в течение последних трех лет. Эти данные приводятся в табл. 4 и 5 как по регионам, так и по отдельным «неблагополучным» городам. Отметим, что за три года среднегодовой показатель концентрации $PM_{2,5}$ в среднем по всем 74 городам снизился на 23,6%. Однако по всем шести позициям в 2015 г. только 11 городов уложились в ПДК.

Таблица 4

Динамика среднегодовой концентрации PM_{10} и $PM_{2,5}$ в атмосферном воздухе* в среднем по 74 городам, в том числе по городам регионов Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй, дельты реки Янцзы и дельты реки Чжуцзян за период 2013–2015 гг., мкг/м^3

Годы	2013	2014	2015
74 города			
PM_{10}	118	105	93
$PM_{2,5}$	72	64	55
Регион Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй			
PM_{10}	181	158	132
$PM_{2,5}$	106	93	77
Регион дельты реки Янцзы			
PM_{10}	103	92	83
$PM_{2,5}$	67	60	53
Регион дельты реки Чжуцзян			
PM_{10}	70	61	53
$PM_{2,5}$	47	42	34

Источник: Сводки о состоянии окружающей среды в Китае Министерства охраны окружающей среды КНР за 2013, 2014, 2015 г. URL: www.mep.gov.cn/hjzl/zghj-kgb/lzghj-kgb/

* ПДК для воздуха населенных мест PM_{10} — 70 мкг/м^3 ;

ПДК для воздуха населенных мест $PM_{2,5}$ — 35 мкг/м^3

И все же, оценивая ситуацию с загрязнением атмосферного воздуха в Китае, следует иметь в виду:

Во-первых, система мониторинга работает в 338 достаточно крупных городах и охватывает далеко не все городские поселения.

Таблица 5

Динамика среднегодовой концентрации PM_{10} и $PM_{2,5}$ в атмосферном воздухе* в ряде городов (из числа 74) за период 2013–2015 гг., $мкг/м^3$

Годы	PM_{10}			$PM_{2,5}$		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015
Пекин	108	116	101	89	86	81
Тяньцзинь	150	133	116	96	83	70
Шицзячжуан	305	206	—	154	124	89
Таншань	—	163	—	—	101	85
Ханьдань	—	186	—	—	115	91
Баодин	—	224	—	—	129	107
Тайюань	157	138	—	81	72	62
Цзинань	199	172	—	110	87	90
Чжэнчжоу	171	158	—	108	88	96
Шанхай	84	—	69	62	52	53
Чэнду	150	123	—	96	77	64
Гуанчжоу	72	—	—	53	49	39
Урумчи	146	146	—	88	61	66

Источник: Сводки о состоянии окружающей среды в Китае Министерства охраны окружающей среды КНР за 2013, 2014 и 2015 г.; URL: www.mep.gov.cn/hjzl/zghjzkgb/lnzghjzkgb/; Статистический ежегодник Китая за 2014 и 2015 г. URL: www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexch.htm (Tab. 8–19); www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexch.htm (Tab. 8–19).

* ПДК для воздуха населенных мест PM_{10} – 70 $мкг/м^3$;

ПДК для воздуха населенных мест $PM_{2,5}$ – 35 $мкг/м^3$

Во-вторых, о состоянии атмосферного воздуха (в отечественной литературе — «воздуха населенных мест») в основном судят по среднегодовым показателям. Они, безусловно, важны, но дают усредненную картину. Так, в среднем по региону дельты реки Чжуцзян в 2015 г. $PM_{2,5}$ не превышал ПДК, однако в 4 из 9 городов он был выше нормы. Новой системой стандартов предусмотрены и среднесуточные ПДК, которые, разумеется, дают более адекватное представление о ситуации. Например, 16 марта 2016 г., в последний день работы 4-й сессии ВСНП 12-го созыва, в регионе Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй концентрация в атмосферном воздухе PM_{10} составила 236 $мкг/м^3$, $PM_{2,5}$ — 160 $мкг/м^3$, что в 1,6 и 2,1 раза превышали ПДК. В самом же Пекине превышение составило 1,7 и 3,3 раза соответственно⁸.

В-третьих, показатели концентрации загрязнителей в течение года колеблются в весьма широких пределах. Так, на севере страны в отопительный период они заметно идут вверх: в регионе Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй в 2015 г. $PM_{2,5}$ вырос на 9,6%, а в самом Пекине на 75,9% по сравнению с тем же периодом предыдущего года⁹.

В-четвертых, ситуация с загрязнением атмосферного воздуха существенно различается по регионам: это хорошо видно из данных, приведенных в табл. 4 и 5.

И, наконец, последнее: то, что в Китае были приняты новые стандарты качества атмосферного воздуха, свидетельствует о твердом намерении руководства страны на практике решать эту насущную проблему. Однако следует отметить, что ПДК, принятые в Китае, существенно отличаются от рекомендуемых Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), в первую очередь, по PM_{10} и $PM_{2,5}$: и те, и другие среднегодовые в Китае выше в 3,5 раза, а среднесуточные — в 3 раза.

Последний год 12-й пятилетки был отмечен появлением второго «Плана действий», вторых «10 установок». На этот раз относительно водной среды.

В апреле 2015 г. был опубликован «План действий по предотвращению загрязнения водной среды», или «10 установок по воде». Состояние водной среды вызывает у китайского руководства не меньше беспокойства, чем положение с атмосферным воздухом. Как и предыдущий план, новый документ представляет комплекс мер, направленных на оздоровление водной среды. Предполагается, что к 2020 г. качество воды в бассейнах 7 основных речных систем Китая на более чем 70% контрольных участков будет соответствовать I–III категориям. 93% питьевой воды в централизованных источниках в городах от окружного уровня и выше будет также отвечать I–III категориям. Удельный вес подземных вод, подпадающих под последнюю, V категорию, не должен превышать 15%.

В регионе Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй доля поверхностных вод, оцениваемых ниже 5-й категории, не должна превышать 15%. А в бассейнах рек Янцзы и Чжуцзян предполагается полностью ликвидировать подобный уровень загрязнения водной среды¹⁰.

Что касается состояния водной среды на сегодняшний день, то оно следующее.

В 2015 г. по качеству поверхностных вод из 967 контрольных участков (пунктов) — 423 реки и 62 озера и водохранилища, на I–III категории приходилось 64,5%, на IV–V категории — 26,7%. А ниже V категории — 8,8%. По принятой в Китае классификации, которая носит весьма своеобразный характер, качество воды оценивается по пяти категориям: I–III включают воду, которая может быть использована в качестве питьевой, IV — для промышленных целей, V — для сельскохозяйственных нужд. Вода, качество которой ниже V категории, не подлежит использованию. За период 12-й пятилетки доля контрольных участков поверхностной воды I–III категорий выросла на 14,6%, а доля участков с водой ниже V категории сократилась на 6,8%. Если говорить о также применяемой в Китае оценки качества поверхностных вод по 10 основным речным бассейнам (системам) (до сих пор используется оценка и по 7 основным бассейнам), то из 700 контрольных участков на I–III категории в 2015 г. пришлось 72,1%, на IV–V категории — 19%, ниже V — 8,9% участков (в 2013–2014 гг. 9,0%)¹¹.

Однако, несмотря на определенные подвижки, нельзя не сказать и о проблемах. Так, примерно 80% участков, качество воды на которых оценивается ниже V категории, приходится на реки севера и северо-востока страны — Хайхэ (ниже V категории — 44,0%), Хуайхэ и Ляохэ (ниже V категории — 33,3%). Другойстораживающий момент — снижение удельного веса участков I категории, то есть высококачественной воды. В 2015 г. в целом по поверхностной воде он снизился на 0,6%. По отдельным речным системам: за 2010–2015 гг. на реке Янцзы он уменьшился на 1%, а на речных системах юго-запада страны I категория исчезла вовсе, а II категория сократилась на 4,1%¹².

Неоднозначная ситуация складывается с подземными водами. По данным 5118 контрольных пунктов, расположенных в 202 городах, 9,1% пунктов пришлось на I категорию качества (отличного), 25,0% на II (хорошего качества), 4,6% на III (сравнительно хорошего качества), 42,5% на IV (относительно загрязненная вода) и 18,8% — на V категорию (крайне загрязненная вода) качества. При этом оценивались подземные воды как неглубокого (3322 пункта оценки), так и среднего (1796 пунктов оценки) уровня залегания. Оценка по доле пунктов распределилась следующим образом.

Категории:	I	II	III	IV	V
Неглубокое залегание, %	5,6	23,1	5,1	43,2	23,0
Среднее залегание, %	15,6	28,4	3,7	41,1	11,2

В 2015 г. в 18 провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения северного, северо-восточного, северо-западного и центрального Китая проводилось обследование качества подземных вод, в основном, неглубокого залегания. В этих

районах крайне высока доля подземных вод в общем потреблении воды. Естественно, что качество подземных вод требует здесь особенного учета и контроля: провинции Хэнань и Хэйлунцзян — крупнейшие производители зерна. О ситуации с качеством подземных вод в этих регионах можно судить по табл. 6. По данным 2013 контрольных пунктов, 0,6% приходилось на I категорию, 19,8 на II категорию, пункты, где фиксировалась III категория, отсутствовали. На IV категорию пришлось 48,4 и на V — 31,2% (по версии Министерства водного хозяйства КНР, I категория отсутствовала, II–III составляли 19,9%, IV — 32,9%, V — 47,2%¹³).

Таблица 6

Оценка качества подземных вод в ряде провинций, автономных районах и городах центрального подчинения (2015 год), доля контрольных пунктов в %

	I–III категория	IV категория	V категория	Доля подземных вод в общем объеме потребления воды
Пекин	53,2	23,4	23,4	52,3
Хэбэй	14,3	36,5	49,3	73,7
Шаньси	17,4	34,2	48,4	49,2
АРВМ	4,3	31,9	63,8	49,9
Ляонин	7,1	24,6	68,3	41,2
Цзилинь	18,2	33,5	48,2	33,8
Хэйлунцзян	9,3	28,9	61,9	46,0
Шаньдун	23,1	27,1	49,8	40,1
Хэнань	7,7	47,7	44,6	57,0
Шэньси	33,5	30,3	36,2	37,1
СУАР	44,4	22,2	33,3	22,6

Источник: URL: www.mwr.gov.cn/zwzc/hygb/dxsdyb/

По-прежнему остро стоит проблема безопасности питьевой воды. Как следует из данных, приводимых в последней Сводке о состоянии окружающей среды в Китае в 2015 г., с уверенностью можно утверждать лишь то, что только 332 млн жителей крупных и средних городов окружного уровня и выше имеют доступ к безопасной питьевой воде. Вода, потребляемая ими из централизованных источников водоснабжения, на 97,1% отвечает стандартам качества. Из доклада правительства на последней, 4-й сессии ВСНП 12-го созыва можно узнать, что в годы 12-й пятилетки доступ к безопасной питьевой воде получили более 300 млн сельских жителей¹⁴. Можно узнать и то, что на сегодняшний день запущена специальная программа по закреплению результатов и повышению уровня работы по обеспечению сельских жителей безопасной питьевой водой. В силу ряда причин, в том числе экологического характера, число сельских жителей, имеющих доступ к безопасной питьевой воде, колеблется в ту или иную сторону и не является постоянной, устоявшейся величиной.

Серьезной проблемой является неотработанность и нечеткость системы стандартов качества питьевой воды, ее безопасности, и в том числе санитарно-гигиенических норм. В рамках «10 установок по воде» предполагается провести корректировку стандартов качества поверхностных, подземных и прибрежных вод. Действующие стандарты по поверхностным водам были приняты в 2002 г., по подземным водам — в 1993 г., по воде, используемой для орошения в сельском хозяйстве, в 1992 г., а в рыбном хозяйстве — в 1989 г.

В мае 2016 г. Госсовет КНР опубликовал третий «План действий...», то есть «План действий по предотвращению загрязнения почвенной среды», или «10 установок по почве». Его появление во многом связано с опубликованными в апреле 2014 г. резуль-

татами первого Всекитайского обследования загрязнения почвенной среды. В ходе обследования выяснилось, что в той или иной степени загрязнены 16,1% обследованных участков почвы: 19,4% пахотных и 10,0% лесных угодий, а также 10,4% естественных пастбищ и лугов. Было также отмечено значительное загрязнение почвы тяжелыми металлами — кадмием, ртутью, мышьяком, медью, свинцом, хромом, цинком и никелем, причем кадмием, как наиболее опасным для здоровья людей, загрязнено 7% обследованных участков¹⁵.

Как и предыдущие, новый план носит комплексный характер. Он охватывает очень широкий круг вопросов, затрагивающих многие стороны экономической жизни, многие отрасли производства. Центральное место в нем занимает проблема загрязнения пашни.

Работа по выполнению этого плана, по сути, начинается с чистого листа. Она предусматривает создание правовой базы, создание системы стандартов качества почвенной среды (действующие стандарты датируются 1995 г.). Предполагается к 2020 г. вернуть в оборот 2,7 млн га пашни, которая сегодня характеризуется слабым и средним уровнем загрязнения. А на 1,3 млн га пашни, которые загрязнены серьезно, изменить структуру севооборота или использовать их под лесопосадки и травосеяние. Отдельный вопрос — ликвидация загрязнения тяжелыми металлами, прежде всего кадмием, ртутью, мышьяком, свинцом и хромом, особенно характерное для центральных и юго-западных районов Китая¹⁶. К 2020 г. предполагается сократить выбросы тяжелых металлов ключевыми отраслями на 10%.

Одним из главных источников загрязнения почвы является химическая промышленность. 12% производств опасных видов химической продукции расположено в пределах 1 км от водоохраных зон и экологически чувствительных районов, а 10% — в пределах 1 км от населенных пунктов.

Другой серьезный источник загрязнения почвы — это китайская деревня: чрезмерное использование минеральных удобрений и пестицидов (их вносится вдвое больше допустимых норм), отходы животноводства и птицеводства, бытовой мусор и стоки. По данным на конец 2013 г., бытовой мусор и отходы подвергались утилизации только в 37% административных деревень, в 14 провинциях этот показатель был менее 30%, а в некоторых провинциях — ниже 10%¹⁷. Ежегодно в китайской деревне образуется 150 млн т бытового мусора и 11 млрд т бытовых стоков. Обрабатывается всего 9% стоков¹⁸. По некоторым оценкам, в китайской деревне ежегодно образуется 1,8 млрд т отходов животноводства и птицеводства, которые неэффективно обрабатываются, и 700 млн т соломы, которая в основном сжигается. Еще один загрязнитель — пластиковая пленка для мульчирования. В 2013 г. в полях было оставлено около 1 млн т этой пленки.

По новому плану предполагается выйти на нулевой рост производства и применения минеральных удобрений и пестицидов. Также отмечена необходимость совершенствования контроля и урегулирования сельскохозяйственных и бытовых отходов в деревне, повышения уровня утилизации и обезвреживания.

Экологическое завтра

Каким завтра будет Китай, насколько он будет экологически комфортен, во многом зависит от того, сумеет ли китайское руководство одержать победу в объявленных им «трех великих сражениях», как об этом говорят в Китае — сражениях за чистый воздух, за чистую воду и за чистую землю — вооружившись тремя планами действий — «Установками» по воздуху, воде и почве. Так видят ближайшее будущее в Китае.

В центре внимания руководства страны три важнейших стратегических ресурса (условия) — воздух, вода и почва, от которых зависит не только социально-экономическая перспектива Китая, но и качество главного ресурса страны — человека, качество его

здоровья. Вызывает беспокойство тот факт, что за последние тридцать лет в Китае в пять раз выросла заболеваемость раком легких¹⁹. На повестке дня предельно остро стоит вопрос о безопасности продуктов питания. Вопросы состояния окружающей среды постоянно находятся в центре внимания общественности.

В этих условиях китайское руководство стоит перед необходимостью принятия решительных мер. И оно их принимает. Государство активизировало законотворческую деятельность в области охраны окружающей среды. С 1 января 2015 г. вступила в силу новая редакция Закона КНР об охране окружающей среды. Была завершена работа по внесению поправок в Закон КНР о предотвращении загрязнения атмосферного воздуха. Скорректированный документ начал действовать с 1 января 2016 г. Завершается работа по внесению изменений в Закон КНР о предотвращении загрязнения водной среды. Китайские законодатели активно работают над подготовкой оригинального Закона КНР о предотвращении загрязнения почвенной среды.

Приоритетным моментом, на наш взгляд, является формирование и совершенствование системы мониторинга и, в первую очередь, корректировка стандартов качества окружающей среды. Государство вслед за созданием подобной системы в области контроля за состоянием атмосферного воздуха намерено совершенствовать систему мониторинга и корректировать стандарты качества водной среды. Предполагается, что в годы 13-й пятилетки (2016–2020) общенациональная сеть мониторинга будет насчитывать 2767 контрольных участков (пунктов), в том числе 1940, на основании данных которых будет оцениваться состояние поверхностных вод (сейчас их насчитывается 972). Как отмечалось выше, планируется скорректировать стандарты качества поверхностных, подземных и прибрежных морских вод. Это позволит не только активизировать работу по предотвращению загрязнения водной среды, но и получить более адекватную картину ее состояния. Наконец начинается создание системы мониторинга и стандартов качества почвенной среды, на что, по мнению китайских специалистов, нужны многие годы и огромные средства. Но идти на это необходимо, и в Китае, судя по всему, хорошо это понимают.

Вопросы загрязнения окружающей среды нашли отражение в новом пятилетнем плане. Предполагается, что за пятилетие на 15% снизится удельная энергоемкость ВВП. До 15% увеличится доля неископаемых энергоносителей в потреблении первичной энергии. На 23% сократится удельная водоемкость ВВП (этот показатель вводится впервые). Среди контрольных цифр, относящихся к состоянию окружающей среды, на первое место выдвинулись показатели по атмосферному воздуху и водной среде (показатели по почвенной среде пока не нашли отражения в нынешнем пятилетнем плане). Планируется за 5 лет снизить на 18% показатель среднегодовой концентрации $PM_{2,5}$ в атмосферном воздухе городов от окружного уровня и выше, где превышены стандарты по данной позиции. Предполагается также увеличить долю контрольных участков (пунктов), где фиксируется качество поверхностных вод в пределах I–III категорий до более 70% против 66% в 2015 г. А по категории ниже V — до менее 5% против 9,7% в 2015 г. (данные, зафиксированные в 5-летнем плане, базируются на оценке данных, полученных уже с 1940, а не 972 контрольных участков (пунктов)). Далее в плане следуют контрольные цифры по традиционным четырем видам загрязняющих веществ — объемы выбросов COD и NH_3-N предполагается сократить на 10%, а SO_2 и NOx — на 15%²⁰.

Итак, в Китае имеются продуманные планы действий, принят 5-летний план, учитывающий экологический фактор, есть понимание безотлагательности решения проблем загрязнения окружающей среды. Но вместе с тем в Китае хорошо понимают и колоссальные сложности, ожидающие на этом пути.

Например, будущее энергетики. По плану на 2016 г. предполагается снизить долю каменного угля в потреблении первичной энергии на 1%, до 63%, и сократить его добычу на 100 млн т., до 3,65 млрд т²¹. Однако, как считает Всекитайская ассоциация

угольной промышленности, в период 13-й пятилетки ожидается все же рост потребления угля на 2% в год, в 2020 г. оно составит 4,3 млрд т²².

Так или иначе, известно и то, что в Китае форсируется урбанизация. В ближайшие 5 лет 300 млн китайских граждан поменяют свой образ жизни и, соответственно, характер потребления. 100 млн человек станут полноправными горожанами, получив прописку. 100 млн жителей трущоб получат новое жилье. А 100 млн человек (в основном в центральном и западном Китае) будут вовлечены в урбанизационные процессы поблизости их нынешнего места проживания. Что это означает? По оценкам китайских специалистов, энергопотребление в расчете на душу населения в городе примерно втрое выше, чем в сельской местности, а удельные расходы энергии при строительстве — в 4,5 раза. Рост городов — это, к сожалению, и рост бытовых отходов и бытовых стоков. И в целом — рост антропогенной нагрузки на окружающую среду. Нельзя забывать и о бурной автомобилизации страны: в период с 1980 по 2014 г. парк автотранспортных средств в Китае вырос в 33 раза. С другой стороны, уголь как наиболее доступный вид топлива по-прежнему широко используется в быту. По крайней мере, еще в первые годы 12-й пятилетки 590 млн человек использовали твердое топливо непосредственно в помещении для приготовления пищи и 470 млн — для отопления²³.

И, наконец, еще одна проблема — региональная. В Китае в качестве зоны особого внимания выделен район Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй, где крайне высок уровень загрязнения и воздуха, и воды, и почвы. Особенно это касается Пекина, где налицо вялая динамика снижения среднегодовой концентрации $PM_{2,5}$ (в 2013 г. 89,5 мкг/м³; 2014 — 85,9; 2015 г. — 80,6 мкг/м³). Между тем, по «Плану действий...» в 2017 г. этот показатель должен составить 60 мкг/м³. Здесь вопрос состояния окружающей среды приобретает дополнительный ракурс — китайское руководство, и, как видно, не без оснований, беспокоит проблема «экологической непривлекательности» Пекина в частности и Китая в целом. КНР получила право на проведение в 2022 г. зимней Олимпиады в самом Пекине и в городе Чжанцзякоу. Хотелось бы верить, что в Китае сумеют «привести в порядок» окружающую среду в этих городах. Но, так или иначе, у Пекина всегда есть в запасе «экологическая гильотина» — административный ресурс. Так, при проведении знаковых мероприятий, например, саммита АТЭС в конце 2014 г. была приостановлена работа 4 тыс. предприятий в окрестностях города, что часто приводится в качестве примера эффективного оздоровления окружающей среды. Будем надеяться, что на этот раз не придется прибегать к столь крайним мерам и удастся создать комфортную экологическую среду в ходе реализации намеченных трех «Планов действий...».

1. URL: www.gov.cn/quowuyuan/2016-03/17/content_5054901.htm.

2. URL: www.coalchina.org.cn/detail/16/04/26/00000074/content.html.

3. Синьхуа. 16.02.2016.

4. URL: http://www.npc.gov.cn/xinwen/2016-04/25/content_1987688.htm.

5. 2013. Чжунго кэчнисиюй фачжань чжаньюэ баогао: [Доклад о стратегии устойчивого развития Китая]. Пекин, 2013. С. 101.

6. URL: www.gov.cn/zwqk/2013-09/12/content_2486773.htm.

7. Сводка о состоянии окружающей среды в Китае в 2015 г. Министерства охраны окружающей среды КНР. URL: www.mep.gov.cn/hjzl/zghjzkgb/lzghjzkgb/

8. URL: [mep.gov.cn/gkml/hbb/qt/201603/t20160317_333104.htm](http://www.mep.gov.cn/gkml/hbb/qt/201603/t20160317_333104.htm).

9. URL: http://www.npc.gov.cn/xinwen/2016-04/25/content_1987688.htm.

10. URL: http://zfs.mep.gov.cn/fg/gwyw/201504/t20150416_299146.htm.

11. Сводка о состоянии окружающей среды в Китае в 2015 г. Министерства охраны окружающей среды КНР. URL: www.mep.gov.cn/hjzl/zghjzkgb/lzghjzkgb/

12. URL: http://www.npc.gov.cn/xinwen/2016-04/25/content_1987688.htm.

13. URL: www.mwr.gov.cn/zwzc/hygb/dxsdyt/

14. URL: www.gov.cn/quowuyuan/2016-03/17/content_5054901.htm.
15. URL: http://www.mep.gov.cn/gkml/hbb/qt/201404/t20140417_270670.htm.
16. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-05/31/content_5078377.htm.
17. Чжунго хуаньцзин бао: [Китайская экологическая газета]. 20.11.2014.
18. URL: http://www.gov.cn/wenzheng/wz_zxf_t21/2014-06/05/content_2694651.htm.
19. Синьхуа. 07.10.2015.
20. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-03/17/content_5054992.htm.
21. URL: www.nea.gov.cn/2016-04/06/c_135254037.htm.
22. URL: coalchina.org.cn/detail/16/04/25/00000007/content.html?path=16.04/25/00000007.
23. [Китайская экологическая газета]. 17.03.2014.

Государство и общество

Борьба с коррупцией в Индонезии на современном этапе

© 2016

Н.А. Толмачёв

В статье рассматривается современная ситуация с коррупцией в Индонезии и меры руководства государства по борьбе с этим явлением. Отмечены эффективность этих действий и заметный прогресс в деле снижения уровня коррупции, что подтверждается и данными *Transparency International*. Дана характеристика нового антикоррупционного законодательства, показана деятельность Комиссии по искоренению коррупции.

Ключевые слова: Индонезия, коррупция, индекс восприятия коррупции, Комиссия по искоренению коррупции, антикоррупционное законодательство.

Построение справедливого и демократического общества невозможно без искоренения коррупции, являющейся одним из главных негативных явлений в жизни многих стран, серьезным препятствием на пути экономического развития и повышения благосостояния народа и, более того, важным фактором обнищания основной массы населения. Все это в полной мере относится и к Индонезии, которая по индексу восприятия коррупции (ИВК) равному 36 по 100-бальной шкале заняла в 2015 г. 88 место в мире (из 168)¹.

Трудно оценить экономический ущерб от коррупции. По данным индонезийских экономистов прямые потери (хищения биологических и минеральных ресурсов, заплаченные, но не поступившие в казну налоги, нереализованные госсубсидии по банковскому сектору, расхищенные бюджетные средства и др.) последние несколько лет держатся на уровне примерно 450 трлн рупий (около 45 млрд долл. США)², что сопоставимо с бюджетом страны (его доходная часть на 2006 г. — 402,1 трлн рупий).

Высокий уровень коррупции не только портит имидж страны на международной арене, но также является причиной косвенных финансовых потерь, порожденных недостаточностью иностранных капиталовложений в экономику страны в связи с ее низкой инвестиционной привлекательностью, не в последнюю очередь им же и вызванной. Масштабы и порядок предоставления международной гуманитарной помощи также во многом определяются опасениями зарубежных доноров, что выделенные средства будут в значительной части расхищены.

Толмачёв Николай Александрович, кандидат исторических наук, член Союза писателей России, доцент МГИМО (У). E-mail: arctica@list.ru.

Борьба с коррупцией декларировалась в Индонезии на всем пути ее независимого развития, но как во времена Сукарно, так и Сухарто коррупция процветала. После национализации голландской собственности в 1950-х годах управлять государственными предприятиями стали назначенцы партий, входивших в постоянно менявшиеся кабинеты. Эти временщики разворовывали госсобственность с фантастической наглостью. Новый директор, появившись на работе, порой обнаруживал пустыми не только склады и сейфы, но даже кабинеты, поскольку его предшественник перед уходом вывозил всю мебель. Именно в эти годы сложился класс так называемых «кабиров» (*kapitalis-birokrat*), пришедший на смену компрадорской буржуазии колониального периода. В период сухартовского «нового порядка» хищения стали вестись более «цивилизованными» методами, оставаясь не менее масштабными. Тогда сложилась практика создания «Али-баба» компаний, в которых номинальным руководителем был армейский генерал «Али», а бизнес вел местный китаец «баба». Поскольку власть в стране находилась в руках военных, подобные структуры получили практически неограниченный доступ к государственным средствам, и это способствовало появлению значительной капиталистической прослойки из числа коррумпированной военной верхушки.

По-настоящему борьба с коррупцией началась лишь после свержения Сухарто, ухода его преемника Бахаруддина Юсуфа Хабиби и прихода к власти правительства Абдурахмана Вахида³ в 1999 г. Она активизировалась после 20 октября 2004 г. с приходом к власти президента Сусило Бамбанга Юдойоно⁴.

При двух его предшественниках была создана законодательная база для борьбы с этим явлением и приняты законы: Об искоренении коррупции (№ 31/1999 с изменениями, внесенными законом № 20/2001)⁵, Об отмывании денег (№ 15/2002 с изменениями, внесенными законом № 25/2003), О Комиссии по искоренению коррупции (№ 30/2002); внесены необходимые поправки в Уголовный кодекс. Позднее был издан указ Президента о руководстве КПК (№ 7/2004), принят Закон о защите свидетелей (№ 13/2006)⁶ и ратифицирована Конвенция ООН 2003 г. против коррупции (Закон № 7/2006).

Знаковым событием явилось создание в 2003 г. Комиссии по искоренению коррупции (КПК)⁷, ставшей основным следственным органом по уголовным делам, относящимся к этой сфере⁸. Как и другие правительственные комиссии, КПК формируется на конкурсной основе. Кандидатуры лиц, подавших заявления, изучаются специальной отборочной комиссией и после первичного «отсева» рассматриваются 3-й комиссией парламента (вопросы права, законодательства, прав человека и безопасности). Затем отобранные комиссией 10 кандидатур представляются на утверждение президенту, назначающего КПК в составе пяти членов, которые выбирают из своей среды председателя Комиссии (оставшиеся четыре становятся его заместителями).

Первым председателем КПК на 2003–2007 гг. стал известный юрист, бывший депутат парламента Тауфикурахман Руки. В декабре 2007 г. председателем КПК на очередной четырехлетний срок был избран бывший прокурор Южной Джакарты Антасари Азхар. В мае 2009 г. он был отстранен от должности и арестован по обвинению в организации заказного убийства, а 11 февраля 2010 г. осужден на 18 лет тюремного заключения⁹. После ареста А. Азхара в состав Комиссии был введен и назначен исполняющим обязанности председателя бывший судья Верховного суда (ВС) Тумпак Хаторанган Панггабеан, входивший в состав КПК в 2003–2007 гг. С декабря 2011 г. Комиссию возглавлял Абрахам Самад, а 17 декабря 2015 г. председателем КПК стал А. Рахарджо.

У председателя КПК есть четыре заместителя, курирующие вопросы: профилактики; следствия; информатики и статистики; внутренней безопасности и жалоб населения. Каждый из заместителей возглавляет соответствующие департаменты и секретариат, где работают штатные сотрудники. Организационными вопросами занимается генеральный секретариат, глава которого, также является штатным сотрудником КПК. В состав департаментов входит 12 директоратов: 1) проверки деклараций о доходах госслужа-

жащих; 2) борьбы с взяточничеством; 3) образования и общественного обслуживания; 4) исследований и развития; 5) предварительного следствия; 6) следствия; 7) обвинения; 8) обработки данных и информатики; 9) межведомственной координации; 10) мониторинга; 11) внутренней безопасности; 12) жалоб населения.

Генсекретариату подчиняются пять бюро: 1) финансов и планирования; 2) общих вопросов; 3) людских ресурсов; 4) общественного обслуживания; 5) юридическое бюро.

Все директораты и бюро укомплектованы и возглавляются штатными сотрудниками, в большинстве — юристами, при этом в директоратах борьбы с взяточничеством, предварительного следствия, следствия и обвинения работают профессиональные следователи, имеющие право проводить любые предусмотренные законом следственные действия, а также задержания и аресты (эти меры пресечения в отношении действующих должностных лиц первого эшелона власти и парламентариев могут осуществляться лишь после получения разрешения президента страны).

После того как С. Б. Юдойоно в 2004 г. в предвыборной программе и в инаугурационной речи объявил борьбу с коррупцией своей первоочередной задачей и в сжатые сроки принял Национальный план действий по искоренению коррупции на 2004–2009 гг., деятельность КПК заметно активизировалась. Немедленно был дан ход делам о коррупции, фигурантами в которых значились ранее «неприкасаемые» лица, в том числе и из ближайшего окружения бывшего президента Сухарто. В частности, были осуждены его брат Пробосутеджо и сын Хутомо Мандала Путра (более известен как Томми Сухарто)¹⁰.

Уже за первые 10 месяцев пребывания нового президента у власти в суд были переданы 233 дела о коррупции и вынесены приговоры в отношении нескольких действующих и бывших губернаторов и мэров, министров, председателя и почти всех членов тогдашнего состава ЦИК. О масштабах кампании можно судить и по тому, что в прессе чуть ли не ежедневно стали появляться сообщения об аресте или привлечении к следствию очередного коррупционера в ранге от главы местной администрации до губернатора или министра.

Были вынесены приговоры в отношении многих высокопоставленных чиновников. Бывший министр по делам религии С. Мунавар был приговорен к 5 годам заключения за растрату 652 млрд рупий (около 65 млн долл. США) из средств Фонда по организации хаджа. Н. Шамсуддин, бывший председатель Центральной избирательной комиссии (ЦИК)¹¹ по всеобщим выборам 2004 г., получил 7 лет заключения за «откат» в размере 5,03 млрд рупий от страховой компании, получившей подряд на сумму в 14,9 млрд рупий на страхование выборов; на него также были наложены штраф в размере 300 млн рупий и обязательство возместить ущерб. С. Юсак, бывший генеральный секретарь ЦИК, приговорен к тюремному заключению сроком на 4 года за нанесенный государству ущерб в сумме 20,07 млрд рупий; А. Путех, бывший губернатор провинции Аче, приговорен к 10 годам лишения свободы за махинации при покупке российского вертолета; Д. Мунандар, бывший губернатор провинции Бантен (Ява), осужден на 2 года тюрьмы за хищение 14 млрд рупий; А. Суварна, губернатор Восточного Калимантана, был отстранен от должности решением Законодательного собрания провинции и после проведенного следствия приговорен к полутора годам заключения и штрафу в 200 млн рупий; И. Мухади, глава администрации округа Блитар (Восточная Ява) приговорен к 15 годам лишения свободы за хищение из местного бюджета 97 млрд рупий; М. Сахид, бывший вице-мэр г. Богор (Западная Ява) приговорен к 4 годам лишения свободы за взятки в 6,8 млрд. рупий; бизнесмен Пробосутеджо, брат бывшего президента Сухарто, за хищения в размере свыше 100 млрд рупий приговорен к 4 годам лишения свободы с возмещением убытков в полном размере этой суммы и штрафу в 30 млн рупий; Н. Тахер, бывший генеральный директор компании «Снак Джамруд Пусако», приговорен к 14 годам лишения свободы за махинации с кредитом банка «Мандири» в размере 39 млрд рупий.

Некоторым лицам были вынесены оправдательные приговоры, например, Э. Нелу, бывшему генеральному директору банка «Мандири», хотя прокуратура требовала приговора в 20 лет лишения свободы и штрафа в 1 млрд рупий.

Всего с 2003 по 2010 г. были осуждены три министра, председатели ЦИК и Антимонопольной комиссии, шесть губернаторов провинций, 19 мэров и глав округов. В 2010 г. были привлечены к следствию 17 бывших и действующих членов парламента, пять министров или чиновников в ранге министра, председатель Банка Индонезии (Центробанка) и четверо его заместителей (один из них, Аулия Похан, был тестем старшего сына президента С.Б. Юдойоно), 18 мэров и глав администраций округов, три индонезийских дипломата в ранге посла (один из них прежде был начальником Национальной полиции) и четыре генконсула, а также ряд чиновников высокого ранга и крупных бизнесменов. Большинство из них (в том числе и А. Похану) вынесены обвинительные приговоры.

Об определенных успехах в деле борьбы с коррупцией свидетельствуют и данные НПО *Transparency International* — по разработанному и определяемому этой организацией индексу восприятия коррупции Индонезия в 2011 г. заняла 100 (из 180) место в мире с показателем ИВК в 2,8 по 10-балльной шкале, тогда как еще в 2007 г. она делила 143 место с Россией¹², Гамбией и Того с ИВК равным 2,3 балла.

По делам о коррупции были осуждены: в 2005 г. — 189 человек, в 2006—245, в 2007—161, в 2008—167, в 2009—154. По данным Верховного суда Индонезии, в 2009 г. органы юстиции страны рассмотрели дела 319 лиц, обвиняемых в коррупции. Из них 34 (11%) были вынесены оправдательные приговоры, к срокам заключения до одного года приговорены восемь человек (3%), от одного до двух лет — 163 (51%), а на срок более пяти лет осужден 31 коррупционер (9%).

Активизация борьбы с коррупцией и деятельность КПК получила поддержку большинства народа (по данным социологических опросов более 65% населения одобряло меры по борьбе с коррупцией). Свидетельством доверия общественности к КПК может послужить и такой факт: после обнародования данных о том, что в 2009 г. из 378 лиц, привлеченных к суду по делам о коррупции, были осуждены лишь 154, а 224 подсудимых были оправданы, это было воспринято не как показатель низкого качества следствия (плохой работы КПК), а как еще одно подтверждение продажности судебных органов страны. Индонезийский суд издавна считается в стране одной из наиболее коррумпированных властных структур, и, по данным ряда социологических опросов, превосходит в этом отношении даже полицию и налоговые органы, которые во многих странах традиционно лидируют в данном направлении.

Руководство Верховного суда (ВС) и Судейской комиссии (орган по надзору за деятельностью судейского корпуса) объявили о начале разбирательства в отношении более чем 100 судей, вынесших оправдательные приговоры обвиняемым в коррупции¹³. Однако следствие в отношении ряда судей, особенно «прославившихся» своей «мягкостью», немедленно наткнулось на противодействие со стороны ВС, который, пользуясь тем, что полномочия Судейской комиссии были сформулированы в законе о ней нечетко, стал добиваться эксклюзивного права на дисциплинарные меры в отношении подведомственных ему кадров. Возможно, была и иная причина. Ведь в тот же период времени КПК вела следствие по делу председателя ВС Багира Манана¹⁴ и ряда членов ВС в связи с получением от Пробосутеджо (брата Сухарто) взятки за вынесение более мягкого приговора в размере 16 млрд. рупий. После начала следствия по делу о подкупе судей, дело Пробосутеджо было рассмотрено новым составом суда.

Для снижения негативного эффекта от продажности значительной части судейского корпуса страны статьей 53 Закона № 30 от 2002 г. было предусмотрено создание специализированного Суда по делам о коррупции (СДК). Первый такой суд был создан в 2003 г. при Окружном суде Центральной Джакарты с юрисдикцией, охватывающей всю территорию Республики Индонезии, а последующие СДК формировались на основании

соответствующих указов президента страны. Тем не менее, следует отметить, что, например, в 2009 г. большинство дел о коррупции было рассмотрено в судах общей юрисдикции, тогда как в СДК находилось лишь 64 дела, по 58 из которых (18% от общего числа приговоров) были вынесены судебные решения. Это связано с тем, что в специализированные суды поступали лишь дела, следствие по которым велось КПК, а уголовные дела, расследуемые полицией или прокуратурой, поступали в суды общей юрисдикции.

Практическое воплощение положений о СДК натолкнулось на препятствие в виде Конституционного суда Индонезии (КС), который решением от 2006 г. объявил ст. 53 Закона № 30 от 2002 г. несоответствующей Основному закону страны, поскольку, согласно пункту 5 ст. 24А Конституции, образование судов особой юрисдикции должно регулироваться специальными правовыми актами. Тем не менее, КС не наложил запрет на деятельность уже существующих судов по коррупционным делам, которые функционировали на основании указов главы государства, а потребовал от правительства и парламента в срок не более трех лет подготовить Закон о Суде по коррупционным делам.

В Совет народных представителей (СНП) был внесен проект закона, но его прохождение через высший законодательный орган страны осуществлялось «обычными» для Индонезии темпами, чему способствовал и скрытый «саботаж» со стороны некоторых законодателей, ряду коллег которых этим судом уже были вынесены приговоры (коррупционные дела в отношении депутатов и руководителей высокого ранга ведутся исключительно КПК и, соответственно, рассматриваются СДК). Тем не менее местные парламентарии уложились точно в срок и «под занавес» уходящего 2009 г. приняли Закон № 46 О суде по коррупционным делам.

В новом Законе сохранились основные положения ст. 7 Закона № 30/2002, регулирующие деятельность СДК, а также были детально прописаны его функции, полномочия, подчиненность, система назначения и отзыва судей и другие аспекты работы СДК. При этом было добавлено положение о создании СДК в каждой провинции при сохранении нормы о юрисдикции джакартского СДК на всей территории страны. Важной новацией стало правило (ст. 6) о том, что этот суд является единственной инстанцией, рассматривающей дела о коррупции и об отмывании денег, независимо от ведущего следственного органа.

Принятие закона заметно усилило позиции КПК, считающейся наиболее последовательным борцом с коррупцией, но не ликвидировало противоречий между правоохранительными органами (КПК, с одной стороны, полицией и прокуратурой — с другой), старающимися «перетянуть одеяло» на свою сторону. Тем не менее появилась надежда, что норма, установленная ст. 6 Закона, будет способствовать снижению влияния «золотого тельца» на индонезийскую Фемиду.

Еще одним свидетельством поддержки КПК обществом послужило развернувшееся по всей стране в 2009 г. массовое движение в защиту двух членов КПК: Бибита Риянто и Чандру Хамзаха, арестованных полицией с разрешения генпрокуратуры по обвинению в превышении полномочий и причастности к делам о коррупции. КС Индонезии признал решение об отстранении от должности Риянто и Хамзаха незаконным. Был создан ряд общественных организаций в их защиту; накал демонстраций вынудил противников Комиссии отступить, и оба заместителя председателя КПК были восстановлены в должности.

Одной из гарантий решимости правительства Индонезии бороться с коррупцией в стране стали и такие личные качества самого С.Б. Юдойоно, как честность и принципиальность, свойственные военным жесткость и последовательность в достижении поставленных задач, а также демократичность и близость к народу. Еще на посту министра-координатора силового блока он заслужил репутацию бескомпромиссного борца с коррупцией, задача борьбы с которой все годы его президентства (2004–2014) входила в число приоритетных, и сохранял ее весь период пребывания главой государства.

В течение второго срока президентства Юдойоно антикоррупционная деятельность его правительства продолжалась с неменьшей активностью, хотя, может быть, не столь масштабно. Столь громких процессов, как в 2005–2010 гг., пожалуй, не отмечалось, что отнюдь не означало отступления перед коррупцией. Можно отметить такие заметные дела как отстранение от должности в декабре 2012 г. министра по делам молодежи и спорта Анди Малларангена, который в 2005–2009 гг. был пресс-секретарем президента С.Б. Юдойоно. 2 октября 2013 г. КПК арестовала председателя Конституционного суда Индонезии Акила Мохтара по обвинению в том, что он за взятку в 3 млрд рупий вынес решение в пользу одной из сторон при вынесении решения о результатах выборов в одном из округов провинции Центральный Калимантан. Вместе с ним были задержаны и привлечены к следствию еще пять человек, среди которых сын губернатора провинции Бантен. Через три дня после ареста А. Мохтар указом президента С.Б. Юдойоно был отстранен от должности председателя Конституционного суда¹⁵.

В то же время *Transparency International* отметила некоторый спад в этой сфере в 2012 г.¹⁶, после чего вновь наметилось поступательное движение в борьбе с коррупцией.

После инаугурации 20 октября 2014 г. президента Джоко Видодо заметных изменений в антикоррупционной деятельности не произошло. В то же время и не отмечено кардинальных подвижек и резких изменений в данной области. Следует лишь указать, что в настоящее время борьба с коррупцией не входит в число приоритетных задач нового президента. Появляются и новые имена подозреваемых в коррупционных действиях, в том числе и из высших эшелонов власти. Одним из последних в 2015 г. стало «дело Фрипорт», в котором фигурируют имена таких лиц, как президент страны Джоко Видодо, вице-президент Ю. Калла и председатель Совета народных представителей С. Нованто. Суть «дела Фрипорт» заключалась в том, что 16 ноября 2015 г. министр энергетики и минеральных ресурсов С. Саид представил в Парламентский суд чести магнитофонную запись высказываний С. Нованто, о том, что в ходе его переговоров с руководством транснациональной компании «Фрипорт» по вопросу продления ей лицензии на добычу меди и золота на индонезийской части о. Новая Гвинея было озвучено требование главы государства о выделении ему 11 % акций «Фрипорт», часть из которых предназначалась вице-президенту. Несмотря на категорические опровержения со стороны руководства государства, Суд чести 16 декабря 2015 г. принял решение об отстранении С. Нованто от поста председателя СНП, и спикер парламента в тот же день подал в отставку¹⁷. Дело не закончено, и оно стало еще одним «дамокловым мечом» для Джоко Видодо, который к тому моменту почти 14 месяцев исполнял обязанности главы государства и правительства, постоянно находясь под угрозой импичмента.

Продолжается и борьба (можно сказать, перетягивание каната или, скорее, перетягивание одеяла) между полицией и КПК. Очередное обострение произошло в январе 2015 г., когда КПК заявила о причастности к коррупции генерального инспектора Б. Гунавана, кандидата на пост главы Национальной полиции Индонезии (НПИ). Через десять дней после этого полиция арестовала адвоката Б. Виджоянто, который обнародовал факты коррупции в руководстве НПИ. После освобождения он стал одним из заместителей председателя КПК¹⁸. Как и в случае с Б. Риянто и Ч. Хамзахом, «крокодилу не удалось одолеть ящерицу»¹⁹.

В дело борьбы с коррупцией вносит вклад и постепенное построение гражданского общества в Индонезии, и связанная с этим растущая роль общественности и СМИ, которые вносят заметный вклад в борьбу с коррупцией, в обеспечение прозрачности этого процесса. В этой связи можно отметить такие неправительственные организации (НПО), как Коалиция за безопасность гражданского общества, Коалиция НПО за демократию, Индонезийская комиссия по выявлению коррупции и др.

Несмотря на некоторые просчеты и недоработки, можно сделать вывод, что борьба с коррупцией в Индонезии не стала очередной громкой, но кратковременной кам-

панией, а ведется всерьез и надолго. В то же время этот порок настолько укоренился в индонезийском обществе, во всех ветвях власти и государственных органах, что говорить о перспективе полного искоренения коррупции было бы, видимо, наивно.

1. Россия на 119 месте с ИБК 29. См.: URL: [http:// www.transparency.org](http://www.transparency.org).
2. В «нулевые годы» курс доллара по отношению к индонезийской рупии колебался в пределах 9000–11000 рупий за 1 долл. США. Для приблизительной ориентировки суммы, указанные в рупиях, следует делить на 10 000 (просто убирая четыре нуля).
3. Абдурахман Вахид — видный богослов и мусульманский деятель, стал президентом в результате компромисса между армейской верхушкой и демократическими кругами, поддерживавшими дочь Сукарно — Мегавати, которая стала вице-президентом, а после импичмента А. Вахида — главой государства.
4. Он был министром-координатором по вопросам политики и безопасности (2000–2001) в кабинете А. Вахида и министром горной промышленности и энергетики (2001–2004) в кабинете М. Сукарнопутри.
5. О серьезности намерений говорит и само название закона, где заявлено намерение об «искоренении» коррупции.
6. Его нередко называют «закон о стукачах».
7. Komisi Pemberantasan Korupsi (КПК).
8. Возбуждать дела по делам о коррупции и вести следствие по ним вправе также Генпрокуратура, которая соперничает с КПК.
9. Многие полагали, что «дело Антасари» целиком сфабриковано полицией и генпрокуратурой с целью ослабления КПК. Учитывая, что в ходе судебного процесса над А. Азхаром были допущены многочисленные процессуальные нарушения, осуществляющая контроль над деятельностью судейского корпуса Судейская комиссия приняла решение рассмотреть дело судьи, председательствовавшего на процессе.
10. Томми Сухарто был приговорен к 18 месяцам тюремного заключения за земельные махинации. После вердикта суда он «заказал» судью, который вынес приговор (судья был убит), и был осужден на 15 лет, из которых отбыл лишь четыре, после чего был досрочно освобожден.
11. Были также арестованы или приговорены к тем или иным срокам заключения все члены ЦИК по всеобщим выборам 2004 г., кроме Х. Авалудина («человека» вице-президента страны Ю. Каллы), ставшего министром юстиции и по правам человека в 1-м правительстве С.Б. Юдойоно. После переизбрания С.Б. Юдойоно на второй срок и отстранения от должности Ю. Каллы, был отправлен послом в Россию.
12. В 2011 г. Россия занимала то же 143 место, что и в 2007 году. Это можно, пожалуй, даже считать успехом, поскольку в предыдущем, 2010, году — было 154 место.
13. Согласно ежегодному отчету председателя Верховного суда Индонезии Х.А. Тумпы, в 2009 г. за нарушение судейской этики к дисциплинарной ответственности были привлечены 78 судей.
14. Это единственный случай в мировой истории, когда председатель Верховного суда и министр юстиции исполняли обязанности, находясь под следствием. В 2008 г. Б. Манан сложил полномочия в связи с достижением предельного возраста пребывания на посту председателя ВС. Интересно, что его преемник Х.А. Тумпа был всего лишь на полгода младше. Немедленно после его назначения СНП внес изменения в законодательство, повысив предельный возраст до 70 лет, что позволило Х.А. Тумпе возглавлять ВС до 2012 г. Кстати, в 2008 г. этот законопроект дважды «провалился» в СНП.
15. Kompas. 2013. 6 Окт. Н. 1.
16. В 2011 г. — 100 место, в 2012 — 118, в 2013 — 114, в 2014 — 107.
17. Menanti keseriusan Memburu Reza Chalid // Gatra. 2015. 23 Dec. Н. 16–19.
18. Teror untuk KPK // Tempo. 2015. 22 Febr. Н. 32–37.
19. Еще в 2008 г. генкомиссар полиции С. Дуаджи образно назвал противостояние этих двух структур «борьбой ящерицы с крокодилом» (под ящеркой подразумевался КПК, а под крокодилом — Национальная полиция).

К 50-летию «культурной революции» в КНР (Круглый стол в ПДВ)

1 июня 2016 г. в редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» состоялся круглый стол, приуроченный к 50-летию знаменательного для Китая события, известного как «великая пролетарская культурная революция». В обсуждении породивших ее причин, целей, хода и последствий, а главное — влияния этого 10-летнего процесса на дальнейшее развитие всей страны приняли участие: В.Я. Портяков, д.э.н., заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор ПДВ; Я.М. Бергер, д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора ПДВ; О.Н. Борох, к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН; А.В. Виноградов, д.полит.н., руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, В.Я. Воробьев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО(У) МИД РФ; Ю.М. Галенович, д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН; А.С. Давыдов, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора ПДВ; А.Н. Карнеев, к.и.н., заместитель директора ИСАА МГУ; Л.И. Кондрашова, д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН; А.С. Крушинский, заведующий отделом экономики ПДВ; А.В. Ломанов, д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН; Е.Н. Румянцев, к.и.н., руководитель Центра научной информации и документации ИДВ РАН; Д.А. Смирнов, к.и.н., заместитель руководителя Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН.

Ниже приводятся выступления участников круглого стола.

В.Я. Портяков:

16 мая 2016 г. исполнилось полвека со дня официального запуска в Китайской Народной Республике так называемой «культурной революции» — весьма специфичного периода в жизни компартии Китая и всего государства, памятного бесчинствами многочисленных орд молодежи, объединенной в разношерстные отряды «хунвэйбинов» и «цзаофэней» для «беспощадной борьбы» против неких «каппутистов» — «лиц, облеченных властью, но идущих по капиталистическому пути». Знаковыми атрибутами «культурной революции» стали бесчисленные цитатники и значки Мао Цзэдуна, явившегося подлинным инициатором и режиссером этой беспрецедентной политической вакханалии. Доведенный до абсурда руководящий принцип тех лет — «классовая борьба — решающее звено» привел к тяжелым потерям в экономике, особенно в промышленности в 1967–1968 гг., к параличу всей системы образования, вылился в преследования многих кадровых работников, в том числе высокопоставленных, и представителей интеллигенции, отозвался трагедиями в семьях миллионов простых китайцев. Во внешней политике

период «культурной революции» отмечен крайним антисоветизмом при одновременном развороте к налаживанию Пекином отношений с США и Западом в целом. Собственно культурный компонент «культурной революции» оказался весьма скромным и ограничился постановкой нескольких «образцовых революционных пьес».

В самом Китае на 50-летие начала «культурной революции» откликнулись скупо — двумя небольшими статьями в газетах «Хуаньцю шибао» и «Жэньминь жибао». Главная идея этих публикаций состояла в том, что КПК дала всестороннюю оценку этой политической кампании на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в 1981 г., и возвращаться в настоящее время к детальному анализу «культурной революции» острой необходимости нет.

На мой взгляд, такой подход отнюдь не мешает нам попытаться с позиций исторической науки и китаеведения обратиться к этому неординарному периоду, в котором далеко не все ясно. Так, не утратил актуальности центральный вопрос — каковы были цели «культурной революции», что же это все-таки было — борьба с бюрократией, борьба за повышение пошатнувшегося после «большого скачка» престижа Мао Цзэдуна, попытка реализовать утопию — создать новое общество, свободное от закрепощающего людей влияния разделения труда, или что-то еще?

Второй дискуссионный вопрос: какова реальная продолжительность того периода, который называется «культурной революцией»? Известно, что его окончание связано с такими событиями осени 1976 г., как смерть Мао Цзэдуна и отстранение от власти «группы четырех» (Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнь, Яо Вэньюаня). На 11-м съезде КПК в 1977 г. тогдашний лидер Китая Хуа Гофэн официально заявил о завершении периода «культурной революции». С другой стороны, хорошо помню, что уже в феврале 1973 г., когда я впервые приехал в КНР на работу в советское торгпредство, у всех коллег было общее ощущение, что «культурная революция» завершилась в 1969 г., и Китай живет уже в каком-то ином историческом периоде.

В любом случае есть объективная необходимость более дробной периодизации этапа 1966–1976 гг., поскольку он охватывает несколько заметно различающихся по политическому содержанию временных отрезков.

На самом деле, яркие фигуры «хунвэйбинновских» лет, такие как Куай Дафу и Ци Бэньюй, уже где-то в 1969 г. сошли со сцены, в 1970 г. был отстранен от выполнения властных функций Чэнь Бода. В 1972 г. стали вновь публиковаться брошюры на экономическую тематику, начался импорт комплектного оборудования с Запада, прежде всего для производства нефтехимической продукции. В докладе Чжоу Эньлая о работе правительства на 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 4-го созыва (предыдущая сессия ВСНП состоялась в декабре 1964 г.) был обнародован ряд статистических данных о состоянии народного хозяйства КНР, которые оказались выше оценок, доминировавших в советском и западном китаеведении.

В то же время с конца 1973 г. леваки активно пытались взять политический реванш с помощью развязанной ими кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». В шанхайском журнале «Сюэси юй пипин» («Учеба и критика») усиливаются слегка замаскированные под исторические сюжеты нападки на премьера Чжоу Эньлая. В 1975 г. с той же целью разворачивается кампания критики ряда персонажей классического романа «Речные заводы».

Возвращенный на политическую арену Дэн Сяопин в 1975 г. возглавил повседневную работу правительства и попытался вернуть экономику страны на рельсы нормального развития. Однако в 1976 г., после народных демонстраций на День поминовения усопших (4–5 апреля), посвященных памяти скончавшегося 8 января Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина обвиняют в «правоуклонистском поветрии пересмотра правильных выводов» («культурной революции») и вновь смещают со всех партийных и государственных постов — на этот раз, как оказалось, ненадолго.

3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва в конце 1978 г. объявил о переносе центра тяжести работы партии и страны («на экономическое строительство»). Лозунг «культурной революции» «классовая борьба — решающее звено» был снят с политической повестки дня. Тем не менее, отголоски левацкой политики ощущались до начала 1980-х годов, когда Хуа Гофэн, воспринимавшийся как преемник Мао Цзэдуна, был вынужден покинуть высшие посты — сначала в правительстве, а затем и в партии.

Возникают, разумеется, и многие другие вопросы: насколько глубоко проросли метастазы «культурной революции» в ткань китайского общества, можно ли увидеть ее влияние в тех или иных сторонах жизни современной КНР. Почему столь быстро была свернута художественная разработка и осмысление проблематики «культурной революции», ведь в конце 1970-х — начале 1980-х годов китайская «оттепель» подарила ряд блестящих работ, особенно в кино и живописи.

Так что, уважаемые коллеги, как порой говорят на международных конференциях, «дискуссия открыта».

Ю.М. Галенович:

Что касается начала «культурной революции», то ее задумал, подготовил, начал и провел Мао Цзэдун. Он считал это тем главным, что совершил более чем за четверть века своего правления в Китае.

Это было логическое продолжение и доведение до высшей точки идеологии и политического курса Мао, направленного на навязывание максимально тоталитарного политического режима в стране с самым многочисленным населением в мире.

Это была «великая политическая чистка» в масштабах всего континентального Китая от всех тех, в ком Мао видел своих политических противников внутри страны.

Внутри КПК это была еще одна «кампания борьбы за исправление стиля работы», то есть за «очищение» от «неверной» идеологии и утверждение «единственно правильной» идеологии Мао Цзэдуна.

В руководящих кругах это была ликвидация всех, в ком Мао видел врагов, начиная с Лю Шаоци.

На мировой арене это была всекитайская кампания подготовки населения к войне против нашей страны.

Это было завершение провозглашенного Мао Цзэдуном перед приходом к власти курса на то, чтобы «прибраться в доме (избавиться от идейной пыли и грязи)», «создать свой отдельный (и особый) очаг».

Это было также «приглашение гостей» в Пекин. Имелся в виду президент США Р. Никсон, имелись в виду «настоящие гости», которых действительно «приглашали» после «уборки в своем доме», то есть американцы.

При этом стало ясно, что СССР в глазах Мао был тем «незванным гостем», который «хуже татарина».

«Культурная революция» была идейно и организационно подготовлена Мао Цзэдуном при содействии его последователей. У нее был один инициатор и единый руководящий центр. На время «культурной революции» Мао Цзэдун подменил руководящие органы партии Группой по делам культурной революции. Советником этой группы он назначил Кан Шэна, фактического главу механизма политического сыска и политических репрессий. Введенные в заблуждение и обманутые массы использовались в качестве исполнителей решений и приговоров, вынесенных ведомством Кан Шэна. Во время «культурной революции» Мао Цзэдун физически уничтожал своих политических противников, делая это как бы по воле и руками самих народных масс, чтобы впоследствии было невозможно предъявлять претензии к органам государственной власти. И в этом он пошел «дальше» того, что происходило в свое время в СССР.

Сам термин «культурная революция» отражал суть политики и приемов, применявшихся Мао Цзэдуном. Он спекулировал и на слове «культурная», и на слове «револю-

ция». Его кампания не была ни «культурной», ни «революцией». Этими терминами Мао намеренно вводил в заблуждение население своей страны и людей во всем мире.

Он именовал свое мероприятие «революцией», стремясь оправдать изменения в политической жизни и политического режима в Китае, который становился режимом абсолютного самовластия Мао Цзэдуна, бесчинства в стране его приверженцев и последователей, режимом физического уничтожения тех, в ком Мао видел своих врагов. «Культурная революция» была направлена на то, чтобы изменить образ мыслей людей в Китае. Ее последствия, в частности, отношение к войне, которую было предписано считать допустимой, а то и необходимой, и к нашей стране, на которую следовало смотреть как на исторического, национального, классового и военного врага китайской нации, ощущаются и в настоящее время. Невозможно ограничить срок их воздействия без существенных изменений в Китае.

При этом объекты уничтожения во время «культурной революции», то есть Лю Шаоци и другие люди, действительно были революционерами и строителями. Они стремились строить такой новый Китай, который был бы мирным и отвечавшим чаяниям людей. При этом у Лю Шаоци речь шла уже не только о Конституции и парламенте, но о государстве и партии всего народа, а также о поддержании связей между нашими странами и народами и об их сплоченности.

Мао Цзэдун использовал термин «культурная» для того, чтобы опередить всех своих вероятных противников или несогласных с его курсом, заранее объявив всех тех, кто возражал ему, действующими не мирными, а насильственными или военными методами. На самом деле, насильственными методами действовал именно Мао Цзэдун. Он осуществлял курс на войну, на новую «внутреннюю войну» в Китае и на войну, прежде всего, против нашей страны, в то время как Лю Шаоци был поборником мира и сплочения народов двух стран.

«Культурную революцию» еще именовали «великой пролетарской культурной революцией». Мао Цзэдун считал, что именовать все свои «деяния» «великими» — привычно и приемлемо для традиционного мировоззрения китайцев.

В КПК Китая на протяжении всех 17 лет до начала «культурной революции» шла борьба между альтернативами: курсом Лю Шаоци на строительство и мир, и курсом Мао Цзэдуна на разрушение и войну.

Мао Цзэдун спекулировал на термине «пролетариат» или, дословно, «класс неимущих». Он выставлял себя защитником и вождем неимущих в Китае в их борьбе против старых и новых «имущих». Новыми имущими или «стоящими у власти и идущими по капиталистическому пути» он объявил Лю Шаоци и других, кто действительно стремились заниматься мирным строительством.

К началу «культурной революции» Лю Шаоци и Мао Цзэдун подошли непримиримыми политическими противниками. Лю считал, что 17 лет существования КНР показали, что людям нужны мир, строительство, решение реальных экономических, социальных и других внутренних проблем. Мао полагал, что важнее всего поставить китайскую нацию на путь создания военной мощи государства, добиваться его главенствующего положения во всем мире, избавиться от представления людей внутри и вне Китая о том, будто Китай и СССР навсегда связаны между собою, как будто они «члены одной семьи». Он считал необходимым доказать прежде всего США и тому миру, который так или иначе примыкал к США, что у Китая и Америки якобы есть общий противник, общий военный враг, и это — наша страна.

Период с мая 1966 г. по октябрь 1976 г. в истории КНР был временем так называемой «культурной революции», подготовка которой велась Мао Цзэдуном в течение длительного времени. Важную роль в ней сыграла публикация в ноябре 1965 г. статьи Яо Вэньюаня с критикой исторической драмы «Разжалование Хай Жуя».

7 мая 1966 г. в письме Линь Бяо Мао заявил, что армия «должна быть готова в любой момент участвовать в борьбе в рамках культурной революции с целью критики буржуазии». Таким образом, армии был отдан приказ, что всякого, на кого укажет Мао Цзэдун, следовало рассматривать как классового врага, а саму «культурную революцию» — как борьбу против буржуазии.

В КНР в настоящее время излагают ход событий следующим образом: критика исторической драмы «Разжалование Хай Жуя» (по сути это была критика тех, кто добивался реабилитации Пэн Дэхуая), критика «Февральской программы» (это была критика существовавшей в то время группы по делам культурной революции во главе с Пэн Чжэнем), критика «Пэн, Ло, Лу, Ян» (так были раскритикованы и «обездвижены» первый секретарь горкома КПК Пекина Пэн Чжэнь, начальник генерального штаба и министр общественной безопасности Ло Жуйцин, заведующий отделом пропаганды ЦК партии Лу Динъи и начальник канцелярии ЦК КПК Ян Шанкунь) и критика «Деревни трех семейств» (в начале 1960-х гг. в журнале пекинского горкома «Цяньсянь» секретарь горкома по вопросам культуры и образования Дэн То, заведующий отделом единого фронта Ляо Моша и историк, заместитель мэра Пекина У Хань выступали с колонкой критических статей «Заметки из Деревни трех семейств»).

В феврале 1966 г. подвергся репрессиям заместитель председателя Военного совета ЦК КПК маршал Хэ Лун (он также погиб во время «культурной революции»). Результатом всех этих событий явилось устранение многих из тех, кого Мао Цзэдун считал своими политическими противниками и сторонниками Лю Шаоци. Все это тоже знаменовало начало «культурной революции».

Последовавшее за этим всестороннее ее развертывание проявилось в появлении «Уведомления от 16 мая» 1966 г., принятого на расширенном заседании политбюро ЦК КПК, передачи по радио 1 июня 1966 г. текста первой «дацзыбао» в Пекинском университете, что стало причиной распространения беспорядков на все общество. 8 июля 1966 г. Мао Цзэдун в письме к Цзян Цин, которая занимала пост заместителя руководителя Группы по делам культурной революции при ЦК КПК, созданной 28 мая 1966 г., выдвинул руководящую установку: «полный беспорядок в Поднебесной» приведет «к полному благополучию в ней».

С 1 по 12 августа 1966 г. проходил 11-й пленум ЦК КПК восьмого созыва. 5 августа 1966 г. появилась дацзыбао самого Мао Цзэдуна под заголовком «Открыть артиллерийский огонь по штабам», направленная против Лю Шаоци. Были произведены изменения в структуре руководства ЦК партии. Первые три места в нем заняли Мао Цзэдун, Линь Бяо, Чжоу Эньлай. При этом единственным заместителем Мао Цзэдуна как Председателя ЦК КПК стали называть Линь Бяо.

Затем характерными и показательными стали организованное сверху движение учащихся вузов и школ — хунвэйбинов, подъем всесторонней волны бунта — возникновение организаций цзаофаней — бунтарей на промышленных предприятиях и в государственных учреждениях, и захватившая всю страну волна штурма партийных и административных руководящих учреждений. 1 августа 1966 г. Мао Цзэдун направил письмо хунвэйбинам, одобрительно отзывавшись о «духе тех, кто поднялся на бунт в интересах революции».

«Январский захват власти» 1967 г. в Шанхае привел к образованию там вместо прежних органов власти «Народной коммуны Шанхая», которая затем была переименована в Шанхайский городской революционный комитет. Такие «революционные комитеты» стали создаваться по всей стране.

13 января 1967 г. в документе от имени ЦК КПК и Госсовета КНР относительно усиления работы органов общественной безопасности было дано указание считать «контрреволюционерами» всех, кто выступает против Линь Бяо и Группы по делам культурной революции при ЦК КПК. Далее было организовано движение «широкой крити-

ки» тех, кого считали противниками Мао Цзэдуна, особенно тех, кто выступал за мирные и дружественные отношения с Советским Союзом. В большом количестве появились сфабрикованные на основании ложных обвинений фальшивые и ошибочные дела. 16 марта 1967 г. советник Группы по делам культурной революции при ЦК КПК Кан Шэн на основе фальшивых обвинений сфабриковал так называемое «дело б1 предателя», по которому было репрессировано много невинных людей. 21 марта 1967 г. ЦК КПК принял решение о создании группы по расследованию «специального дела» Лю Шаоци.

1 апреля 1967 г. в центральной печати была опубликована статья под заголовком «Патриотизм или национальное предательство? — Критика реакционного кинофильма «Тайны Цинского двора»», представлявшая собой поток разнузданной клеветы на Председателя КНР Лю Шаоци. 18 июля 1967 г. в Чжуннаньхае был организован «митинг обслуживающего персонала ЦК КПК в целях борьбы и критики Лю Шаоци», во время этого митинга его подвергли физическим мучениям и издевательствам. После митинга Председатель КНР был изолирован, помещен «под надзор» и потерял свободу.

6 ноября 1967 г. в центральной печати КПК взгляд Мао Цзэдуна на «культурную революцию» впервые был обобщен как «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата».

К началу сентября 1968 г. по всему Китаю были созданы новые органы власти — революционные комитеты (ревкомы). Было объявлено о переходе на этап «борьбы, критики, преобразования». Одновременно с созданием ревкомов в учебные заведения, в учреждения, в «места скопления интеллигенции» вводились «пропагандистские отряды» из рабочих и военных.

13–31 октября 1968 г. был проведен 12-й расширенный пленум ЦК КПК восьмого созыва, на котором обсуждалось подложное дело Лю Шаоци. С обвинениями в его адрес выступил Чжоу Эньлай. Решением пленума Лю Шаоци «навечно» исключили из партии, лишили всех постов. В знак протеста против обращения с ним Лю Шаоци, заключенный в тюрьму и не присутствовавший на пленуме, промолчал целый год и погиб в застенке в городе Кайфэне 12 ноября 1969 г.

22 декабря 1968 г. Мао Цзэдун потребовал отправлять образованную молодежь в деревню. Во время «культурной революции» в КНР «в горы и в деревню» было направлено более 16 миллионов молодых людей. Так были погублены лучшие годы их жизни, делу культуры и образования в стране был нанесен неизмеримый ущерб.

С 1 по 24 апреля 1969 г. в Пекине был проведен IX съезд КПК, который, как в настоящее время считается в КНР, утвердил ошибочную теорию и практику «великой культурной революции». На съезде был принят Устав КПК, в котором Линь Бяо был назван преемником Мао Цзэдуна.

С 15 февраля по 21 марта 1969 г. во время Всекитайского совещания по плановой работе были выработаны план народного хозяйства на 1970 г. и проект плана четвертой пятилетки, в соответствии с которым по всей стране требовалось сконцентрировать силы на строительстве стратегического тыла на «третьей линии», создать десять крупных районов экономического взаимодействия, которые были бы различными по уровню, имели каждый свои особенности, каждый мог бы вести свою войну в целях самообороны, и которые осуществляли бы в крупных масштабах согласованные действия. В результате строительство «третьей линии» в целом стало быстро развиваться в масштабах страны.

8 марта 1970 г. Мао Цзэдун дал указание о подготовке к созыву сессии ВСНП и об изменениях в Конституции, предложив отменить пост Председателя КНР.

С 23 августа по 6 сентября 1970 г. в Лушане состоялся 2-й пленум ЦК КПК девятого созыва. В настоящее время в КНР пишут, что «группировка Линь Бяо» во время этого пленума «занималась заговорщической и раскольнической деятельностью». (См. «Историю КНР», изданную в 2011 г. Кабинетом ЦК КПК по изучению истории партии. Том 2. С. 839.) Мао Цзэдун выступил с документом: «Мое мнение», что стало «проявле-

нем борьбы Мао против «группировки Линь Бяо». После пленума в партии было развернуто движение «критики Чэнь Бода и упорядочения стиля работы». Критике был подвергнут руководитель Группы по делам культурной революции ЦК КПК Чэнь Бода, который пытался поддержать скрытое желание Линь Бяо стать Председателем КНР.

В декабре 1970 г. во время встречи с американским журналистом Эдгаром Сноу Мао Цзэдун сказал, что приветствовал бы приезд в Китай президента США Р. Никсона и, не называя имен, критиковал Линь Бяо, который «выпячивал культ личности». С 15 августа по 12 сентября 1971 г. в своих беседах, в том числе с военачальниками, Мао Цзэдун критиковал Линь Бяо, называя его по имени.

В 1971 г. имело место «дело Линь Бяо». В декабре 1971 г. в КНР была развернута широкая кампания «критики Линь Бяо и исправления стиля». 20 августа 1973 г. ЦК КПК принял решение навечно исключить из партии Линь Бяо, Чэнь Бода, Е Цюнь и других сторонников маршала.

Тем временем началось медленное возрождение экономики, шло выполнение планов третьей пятилетки. Велась разработка плана четвертой пятилетки и двухгодичного урегулирования экономики. Происходили крупные изменения в структуре управления ею. Строительство на «третьей линии» осуществлялось в небывалых масштабах в обстановке нагнетания «подготовки к войне».

В середине 1970-х годов происходило медленное развитие экономики села. В промышленности началось определенное оживление; имело место развитие нефтяной, электронной, угольной промышленности, а также подъем «пяти отраслей малой промышленности на местах». Этот термин подразумевал созданные в уездах и волостях предприятия металлургической промышленности, машиностроения, химической промышленности, небольшие угольные шахты, предприятия по производству цемента.

Имело место развитие оборонной науки и техники и строительство армии. Произошел прорыв в области новейшей оборонной науки и техники. 16 октября 1964 г. в КНР прошло успешное испытание атомной бомбы. 27 октября 1966 г. был произведен успешный запуск ракеты с атомным зарядом. 17 июня 1967 г. прошло успешное испытание водородной бомбы. 24 апреля 1970 г. был запущен первый искусственный спутник Земли.

Был дан новый толчок развитию внешних экономических связей КНР. При этом «контрреволюционную группировку» Цзян Цин обвинили в том, что она мешала осуществлять «подготовку к войне» и не давала закупать в капиталистических странах Запаदा соответствующее оборудование. 5 февраля 1972 г. Мао Цзэдун, а вслед за ним Чжоу Эньлай, выделили на эти цели 4,3 млрд долл.

В последние годы жизни Мао Цзэдуна прилагались усилия по исправлению ошибок «левого» уклона. Осознание и исправление ошибок отчасти осуществлялось самим Мао Цзэдуном, а Чжоу Эньлай прилагал усилия к постепенному восстановлению нормальной работы в различных отраслях. Были возвращены к делу некоторые старые руководители.

В то же время в мае 1973 г. на рабочем совещании ЦК КПК Мао в своем выступлении указал на необходимость критики Конфуция, подразумевая под этим критику Чжоу Эньлая и группы старых и опытных руководящих работников, выступавших за оздоровление ситуации в стране и свертывание «культурной революции». 4 июля 1973 г. Мао Цзэдун раскритиковал деятельность в сфере внешних связей, которой ведал Чжоу Эньлай. 5 августа 1973 г. в одной из бесед Мао заявил о своем взгляде на историю борьбы между конфуцианцами и легистами, увязав это с Линь Бяо. По указанию Мао Цзэдуна 7 августа в газете «Жэньминь жибао» была опубликована статья с критикой Конфуция.

В целом продолжалось настойчивое проведение ошибочных решений в русле «левоуклонистского курса». Усилия по исправлению «левизны» сталкивались с затруднениями. Однако X съезд КПК (24–28 августа 1973 г.) унаследовал и продолжил «левоукло-

нистские ошибки» IX съезда КПК, положительно оценил теорию и практику «культурной революции». В результате позиции «группировки Цзян Цин» еще более укрепились.

22 декабря 1973 г. в связи с болезнью Чжоу Эньлая ЦК КПК по предложению Мао Цзэдуна принял решение об утверждении Дэн Сяопина членом политбюро и Военного совета ЦК. 4 октября 1974 г. Мао Цзэдун предложил назначить Дэн Сяопина первым заместителем премьера Госсовета КНР, а в декабре 1974 г. — заместителем председателя ЦК КПК и членом Постоянного комитета политбюро ЦК, первым заместителем премьера Госсовета КНР, заместителем председателя Военного совета ЦК КПК и начальником Генерального штаба. 1 июля 1975 г. Мао Цзэдун санкционировал решение о том, чтобы Дэн Сяопин руководил повседневной работой ЦК КПК.

В последние годы жизни Мао Цзэдун уделял большое внимание внешней политике. Он стремился к осуществлению главной цели своей стратегии — установлению отношений с США. На этом пути Мао с 1964 г. нацелил партию и государство на «подготовку к войне» против СССР. В Китае была развернута массовая кампания в этой связи. К войне готовились вооруженные силы, создавались предприятия ВПК.

Во время «культурной революции» посольство СССР в КНР несколько месяцев практически находилось в осаде. Организованно проводились демонстрации и митинги с участием сотен тысяч людей.

В 1967 г. мне довелось предупреждать МИД СССР и другие государственные учреждения о том, что по воле Мао Цзэдуна его солдаты могут начать стрелять на границе. В 1969 г. в соответствии с заранее разработанным и утвержденным планом на восточном участке границы с СССР были осуществлены вооруженные нападения в районе острова Даманский и на западном участке в районе Жаланашколь. Эти акции КНР явились совершенно неожиданными для СССР. Пришлось давать отпор и принимать меры по защите советских рубежей.

Фактическим следствием пограничных нападений на СССР в 1969 г. явился визит в Пекин в 1972 г. президента США Р. Никсона. Мао Цзэдун и Никсон заверили друг друга в отсутствии опасности войны между КНР и США. В то же время стороны считали, что СССР якобы создавал угрозу агрессии против каждой из них. Впоследствии Г. Киссинджер признавал, что во время встречи Мао и Р. Никсона стороны считали, что у них был «общий противник».

Несмотря на ухудшение двусторонних отношений СССР и КНР, которое произошло исключительно в результате осуществления Мао Цзэдуном враждебного Советскому Союзу политического курса, СССР неизменно, с 1949 г., выступал за восстановление законного места КНР в ООН и в Совете Безопасности ООН, а также за единство Китая. 25 октября 1971 г. восстановление законного места КНР в ООН было осуществлено.

Участие КНР в работе ООН строилось в соответствии с маоистской теорией «трех миров». Задача внешней политики Китая в отношении стран третьего мира заключалась в развитии дружественного сотрудничества с ними, усилении совместной борьбы против гегемонизма, прежде всего, против СССР.

Мао Цзэдун доверил Дэн Сяопину представить теорию «трех миров» на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в апреле 1974 г. Он предлагал США совместно с Китаем, Японией, мусульманскими государствами и Западной Европой создать всемирный единый фронт борьбы против СССР.

На сессии ВСНП четвертого созыва (13–17 января 1975 г.) была продекларирована цель КНР осуществить модернизацию в четырех областях. В Конституции КНР 1975 г. теория и практика «великой культурной революции» оценивались положительно.

До самой смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. его указания о продолжении борьбы «против ревизионизма» как «главного врага», против «капитулянтства» перед ним соседствовали с указаниями о сохранении распределения власти между соперничавшими группировками в руководстве партии и государства.

Дэн Сяопин во время «культурной революции» был отделен Мао Цзэдуном от Лю Шаоци. В 1969–1972 гг. он был отведен Мао Цзэдуном на «запасной путь», жил в одной из провинций в центре Китая в особняке, пользовался доставленной ему самолетом из Пекина личной библиотекой и имел возможность собрать у себя всю свою семью. После того, как Чжоу Эньлай по болезни был вынужден отойти от дел, Дэн Сяопин, в соответствии с указанием Мао Цзэдуна, руководил работой правительства.

В 1976 г. ушли из жизни Чжоу Эньлай (в январе), Чжу Дэ (в июле), Мао Цзэдун (в сентябре). После смерти Чжоу Эньлая возникло движение «5 апреля» 1976 г. Люди выражали скорбь по премьеру. По существу это был протест против «культурной революции» в ее реальном проявлении внутри страны. В ответ «выдвиженцы» «культурной революции» выступили с призывами «критиковать Дэна», «выступить против Чжоу», которые вызвали возмущение во всей стране. Массовый протест на площади Тяньаньмэнь в Пекине был жестоко подавлен. Мао Цзэдун одобрил подавление протеста, предложил Политбюро ЦК КПК назначить Хуа Гофэна первым заместителем Председателя ЦК КПК, премьером Госсовета КНР и снять Дэн Сяопина со всех постов.

9 сентября 1976 г. Мао Цзэдун умер. В современной КНР соединяют два события: «прощание с миром навсегда» основателя КНР Мао Цзэдуна и «октябрьскую победу» 1976 г. тех, кто и сегодня продолжает держать в руках власть в континентальном Китае. Под «октябрьской победой» имеется в виду арест 6 октября 1976 г. «выдвиженцев» «культурной революции» — Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаня, Ван Хунвэня, объявленных «черной бандой четырех». Главную роль при этом сыграл маршал Е Цзяньин, в руках которого оказалась военная власть в КПК и КНР.

Первые 25 лет существования КНР, или «эпоха правления Мао Цзэдуна», завершились. В первую очередь требовал решения вопрос о восстановлении доброго имени сотен миллионов людей, пострадавших и погибших во время «великой пролетарской культурной революции». Надо было искать выход из тупиков в политической, экономической, социальной и культурной жизни страны.

10 мая 2016 г. в газете «Жэньминь жибао» была опубликована речь Си Цзиньпина, в которой он, в частности, сказал: «Из-за того, что в руководящей идеологии возникли левачьи ошибки, произошло такое десятилетнее бедствие, как “культурная революция”». «Когда в Китае установилась власть компартии, она ориентировалась только на СССР, и страна находилась в сравнительно закрытой среде. Во время “культурной революции” (мы) практически полностью были изолированы от мира».

Из такой оценки следует, что преступления Мао Цзэдуна, прежде всего по отношению к народу Китая, а также по отношению к нашему народу в настоящее время называются в КПК всего лишь «ошибками». При этом наша существенная и искренняя помощь КНР после прихода КПК к власти не ценится, а на первый план выпячивается то, что из-за тогдашних отношений с нами, Китаем, дескать, оказался «изолирован» от мира. Все это искажает подлинный характер наших отношений и значение того, что наш народ и наша страна сделали в то время для китайцев. Так отрицается «реестр добрых дел» обеих сторон по отношению друг к другу и история мира, дружбы и союзнических отношений между нашими народами и странами. Это подрывает фундамент доверия в наших двусторонних отношениях.

В.А. Воробьев:

В середине лета 1966 г. я, молодой начинающий китаист, впервые попал в Китай. Почти весь одноэтажный и сероцветный, душно-влажный Пекин удивил то и дело проезжавшими по улицам грузовиками, на которых были установлены большие барабаны-там-тамы и китайские гонги, в которые с усердием били молодые люди. Оказывается, это были «барабаны и гонги» новой кампании, набиравшей обороты в общественно-политической жизни страны. Что это такое, тогда мало кто представлял. Чуть ранее состоялся показательный заплыв 73-летнего Мао Цзэдуна по быстрому течению реки Янцзы под го-

родом Ухань. Знатоки Китая ожидали стремительных перемен в развитии обстановки. Впоследствии эти месяцы стали называть началом «великой пролетарской культурной революции».

Спустя десять лет, в начале сентября 1976 г. группа советских дипломатов во главе с послом В.С. Толстиковым, включая автора заметок, направлялась в здание Всекитайского собрания народных представителей, где в сильно выстуженном холодильными установками громадном нижнем фойе северного входа проходило прощание с ушедшим из жизни Председателем КНР и КПК Мао Цзэдуном. Делегация, по указанию из Москвы, оставила краткую запись соболезнования. Через несколько дней — массовая траурная церемония на главной площади Тяньаньмэнь. Под несменяемо висящим там портретом Мао сколочен специальный помост, на котором выстроились тогдашние высшие китайские руководители. Выделялась вдова Председателя Цзян Цин. «Неистовая фурия» «культурной революции», в течение десяти лет призывавшая к разрыву с традиционными канонами китайского жизненного уклада, и на этот раз в своем стиле — на ней большая черная шаль, накинутая на голову, что абсолютно не присуще скорбящим китайцам. Через месяц Цзян Цин и троих ее основных приспешников назовут «бандой четырех» и подвергнут аресту. «Культурную революцию» на этом в Китае принято считать законченной.

Мир «культурная революция» потрясла своими нетривиальными, порой абсурдными, чудовищными внешними проявлениями. Все это, конечно, можно отнести к разряду экзотических издержек такого поистине грандиозного явления, каким она была. Но они по-своему ярко отражали ее внутренний левацкий настрой и упрощенное понимание массами простых людей ее идеологических установок.

Ведущим внешним фактором, особенно в «затравочный» период этой «революции», безусловно, было движение хунвэйбинов, название, безотносительно к его иероглифическому смыслу, ставшее в мире нарицательным понятием для обозначения всего безрассудно разрушительного и анархоподобного. Никого не загоняли в ряды хунвэйбинов. Молодые люди в возрасте 20–22 лет даже соревновались, чтобы попасть в их ряды. Малограмотные, слабосведущие, с люмпенским радикальным сором в головах («подлинный дух голытьбы», как говаривал Мао), они действительно верили своим трибунам, будто станут реальной властью в стране, получат право судить всех и обо всем. Действительность оказалась прозаичнее и гораздо горше. Сперва силами армии их выгнали из городов в глухую провинцию, потом приказали не вспоминать свои «боевые подвиги», что они старательно делают по сей день. К концу «революционного» десятилетия все их крикливые вожди оказались на мусорной свалке истории. Как и всегда, «революция сожрала своих героев».

Параллельно с хунвэйбиновским движением взрывным манером Китай заполнили дацзыбао — листы бумаги с написанным от руки иероглифическим текстом в основном изобличительно-обвинительного содержания. Манера использования иероглифов в китайском языке позволяет уловить и передать скрытый подтекст написанного. Так, перевернутые иероглифы означали знак высочайшего презрения, а перечеркнутые красным цветом — призыв к лишению жизни. Применялись «заменяющие» иероглифы, одинаково звучащие с исходными, но несущие другую смысловую нагрузку. В результате, например, из фамилии и имени попавшего в опалу китайского генерала Фу Чунби получалось словосочетание «протухший червяк, подлежащий расстрелу».

Мао Цзэдун охотно прибегал к аллегориям и словесным ребусам, почерпнутым из древней китайской истории, прекрасным знатоком которой он был. Оттуда он заимствовал и формат дацзыбао. Его короткое дацзыбао под названием «Огонь по штабам», вывешенное в августе 1966 г. в зале заседания пленума ЦК КПК, не указывало конкретных адресатов, однако все уловили, куда и против кого «подул ветер».

Формально мотивом для новой массовой кампании называли засилье «бюрократических порядков и коррупции» в органах партийно-государственной власти в центре и

на местах (звучит весьма актуально и современно). Другими словами, то, что на руководящих постах якобы засели последователи «ревизионистских взглядов» (читай, ориентирующиеся на советский опыт) и деятели, сопротивляющиеся развитию Китая по особому специфическому пути и толкающие страну в капиталистическую колею («пробравшиеся к власти и идущие по каппути»). Манипулирование прозвищами пронизывало «культурную революцию» на всех ее этапах.

На деле речь шла о попытке радикально перекроить основные надстроечные структуры и механизмы, как институционально, так и по персональному составу под схему, которая, видимо, к середине 1960-х годов сложилась в голове Мао Цзэдуна под влиянием организационных мер, экстренно принимавшихся в начале 1960-х годов для выправления бедственных социально-экономических результатов инспирированного Мао в 1958 г. «большого скачка» в коммунизм, а также нескольких лет так называемой идеологической полемики с КПСС и отрешения Н.С. Хрущева от власти в октябре 1964 г. «Опасная нечисть набрала силы, оживилась и ей пора скрутить голову», предупреждал Мао. Не вызывает сомнения, что эта схема была призвана обеспечивать непререкаемость его единоличного верховенства в партии и государстве.

Как видится сегодня, эта схема несла в себе немалый заряд мессианских представлений о месте и роли Китая и самого Мао в мире. Конкретнее, она была ориентирована на создание комплекса внутренних и внешних условий для быстрого превращения Китая в независимого и полностью самостоятельного глобального игрока, опирающегося на ядерный статус, который к тому времени Китай уже обрел.

В этих целях прежде всего надо было полностью и окончательно освободиться от следов и выбраться из-под остатков опеки КПСС и СССР. Сам факт развязывания «культурной революции» должен был служить прямым вызовом теории и практике, отстаиваемыми тогда советским партийно-государственным руководством, заставить его «отречься» от какой-либо политико-идеологической близости с «культурно-революционным» Китаем.

Чтобы из КПСС и СССР, многолетнего «друга номер один» сделать «врага номер один» полемических стрел из колчана партийной идеологии, которые по нарастающей метали друг в друга обе стороны, было недостаточно. Они были непонятны массам своей абстрактностью, все более смахивающей на теологический спор о том, сколько чертей может поместиться на острие иглолки. Потребовалось нажать на эмоциональные струны китайского народа, для чего обратились к истории российско-китайских отношений, особенно к тем ее эпизодам, в которых Китай мог выглядеть как «жертва алчности северного медведя».

Именно в первые годы «культурной революции» главенствующей стала версия, преподнесенная в целом наборе многотомных изданий и журнальных статей, будто царская Россия еще в начале XVI в. приступила к целенаправленной «агрессии» против Китая, никогда от нее не отступала, «вынудив» цинский императорский двор отдавать ей все новые куски «исконно китайских» земель общей площадью то ли 1,5, то ли 2,5 млн кв. км (в зависимости от вкусовой калькуляции авторов), а СССР не желает признавать эти «железные факты» и даже не прочь еще «пожиться» за счет Китая. В советских общественных кругах эти построения истолковывались как выдвижение территориальных претензий.

В Китае формировалось мнение, что-де граница между двумя странами «несправедливая», и он обязан это демонстрировать. Подобного рода «демонстрации» приобрели характер силовых столкновений, приведших к наиболее печально известному событию — боевой операции китайских военных в марте 1969 г. против советских пограничников на крошечном необитаемом острове Даманский, что на реке Уссури, с большими человеческими потерями с обеих сторон.

Как теперь известно, эта операция была специально спланирована и санкционирована политическим руководством Китая и в течение нескольких недель заранее отрабатывалась на полигоне. По Соглашению 1991 г. о границе на ее Восточной части остров является китайским. Но действия советских пограничников в 1969 г. были полностью обоснованными, так как они, выполняя свой воинский долг, отстаивали то прохождение линии границы, которое тогда реально существовало.

Получив внушительный массивированный огневой отпор с советской стороны, Пекин, похоже, посчитал дело сделанным. Двусторонние отношения с СССР, казалось, были безнадежно, если не навсегда, испорчены, приобрели враждебно-конфронтационный характер по всем линиям, Советскому Союзу надолго припечатали ярлык «социал-империализма». Дипломатические сношения в основном сводились к обмену протестами и разными колкостями. Осенью 1969 г. возобновились пограничные переговоры, которые были небезынтересны как инструмент зондирования настроений, но в тогдашних условиях не могли вывести на конкретные договоренности. Все это, тем не менее, несколько уменьшило остроту напряженности на границе, но связи и контакты в целом находились в состоянии глубокого анабиоза.

Подобный расклад сил на советском направлении был сочтен в Пекине достаточным для того, чтобы «разрушив одно, построить другое», осуществить до конца внешнеполитический замысел «культурной революции» и форсированно провести адресную прагматичную игру на западном направлении, в первую очередь в отношении США. Пусть пропаганда «припечатывала» американский империализм не менее лихо, чем «социал-империализм», при кураторстве Чжоу Эньлая, под наблюдением нескольких китайских маршалов, выведенных из-под начавшегося было хунвэйбиновского обстрела, развернулась подготовка строго конфиденциальных планов. Какие-то слухи и намеки об этом просачивались, но из них целостной убедительной картины предстоящего «заигрывания» с США не складывалось. Пружинной всего этого был сам «великий кормчий», который был уверен, памятуя свой прежний опыт общения с различными представителями США, что геополитические расчеты соперничества с СССР перевесят колебания Вашингтона в отношении сближения с внешне сутуго левацки, а главное антисоветски, настроенным Китаем. Проницательный Г. Киссинджер уловил замысел, определявший заходы Мао. Президент Р. Никсон оказался в Китае, согласившись тем самым на включение КНР в стратегический треугольник США — СССР — КНР в качестве второго противовеса СССР. Треугольник и сейчас имеет место, но Китай в нем уже далеко ушел от проамериканского крена. Таким образом был реализован «прорыв на Запад», который по расчетам Мао был призван служить утверждению Китая на мировой шахматной доске в качестве самостоятельной весомой политической фигуры. Таковой он остается по сей день, обретая в последние десятилетия все более ощутимую мощь. Именно за это внешнеполитическое достижение Мао Цзэдуна по-прежнему поднимают на щит в современном Китае, несмотря на негативную в целом оценку внутривнутриполитических аспектов «культурной революции».

50 лет со времени начала и 40 лет со времени завершения «культурной революции» — две «округлые» даты сошлись и соседствуют в 2016 г. Насколько «мирное» это соседство? Что же в действительности осталось для истории — сложный, но отошедший в прошлое эпизод или весьма неоднородный период, который еще может будоражить нынешнее китайское общество, оказывать какое-то влияние на его состояние?

Китайская пропагандистская машина в связи с двумя датами настойчиво предлагает продолжать ограничиваться оценками, которые были даны «культурной революции» еще в начале 1980-х годов, формулировками соответствующего партийного документа, отредактированного лично Дэн Сяопином (в свое время опальным каппутистом № 2, но почему-то пощаженым Мао Цзэдуном). Будто за 35 лет не произошло кардинальных изменений во внутривнутриэкономической и внешнеполитической ориентации Китая, не расшиф-

рованы многие события и не обнародован массив документов тех прошедших времен. Значит, не все столь однозначно с восприятием некоторых идеологических постулатов «культурной революции» в формирующемся обществе потребления, на что сейчас нацеливается развитие экономики. Как с этой задачей совмещается продолжение призывов «учиться у Лэй Фэна», образцового солдата-аскета начала 1960-х годов?

За всем этим просматривается оценка крайне противоречивой фигуры Мао Цзэдуна, выдающегося по своей исторической значимости китайского мыслителя, политика и поэта. Самым великим его достижением считается, что под его именем в 1949 г. произошло объединение страны в единое государство — КНР (за исключением Тайваня, проблема отдельного существования которого болезненно воспринимается в Китае). Вторую его заслугу видят в том, что ему удалось прочно утвердить Китай в качестве общепризнанного самостоятельного государства, одной из великих держав в мире. И с этими двумя факторами, которые по китайской трактовке перевешивают, хотя не отменяют негативные стороны Мао, нельзя не считаться, анализируя времена «культурной революции» и размышляя о перспективах современного Китая.

А.С. Крушинский:

Последствия «культурной революции» налицо и по сей день, через полвека после ее официального старта. Например, ею порождены проблемы тибетского сепаратизма (хотя их исходная точка — 1959 г.). Как и рождение китайско-индийского конфликта, повлекшего колоссальные геополитические последствия.

«Культурную революцию» я бы расценил как образчик манипулирования массами, свойственного «цветным революциям» нашего времени.

Возникла она не вдруг и не случайно, будучи завершающим и кульминационным эпизодом череды аналогичных, хотя и не столь масштабных кампаний, начиная с «движения за упорядочение стиля» (*чжэнфэн*) в Особом районе Китая в 1941–1945 гг.

«Зачем Мао эту «революцию» затеял?» — об этом мы, аккредитованные в Пекине соборы, проспорили как-то целый вечер: ведь налицо страшный удар по образованию, спад производства, людские жертвы, хаос в умах, подрыв устоев им же ведомой партии. Единственный в компании, кому довелось работать в Китае восемью годами ранее, во время «большого скачка», я высказал мнение, что ключевые в этой цепочке — два последних звена.

Яркий оратор с харизмой народного трибуна (но без вкуса к работе хозяйственника) Мао и в войне, и в мире жаждал социальных потрясений, делая ставку на «энтузиазм масс». Получив в конце 1956 и в конце 1958 гг. отпор реалистов-государственников, он возжаждал реванша. Ведь к середине 1960-х годов в партии и среди интеллигенции выросла тяга к правде о «большом скачке» и голодоморе 1958–1959 гг., к налаживанию связей с СССР. Мао нанес упреждающий удар и разгром партийных органов, хаос в стране понадобился ему для очередной схватки за власть.

«Большой скачок» был первопричиной «культурной революции», а во многих отношениях — и ее прообразом. В сущности, вся политическая биография Мао состояла из периодически провоцируемых «малых культурных революций». Таковыми были и «чжэнфэн» на территории Особого пограничного района в 1941–1945 гг., и кампания «пусть расцветают сто цветов» в начале 1957 г. Каждой из этих кампаний сопутствовал антисоветизм.

Хаос «культурной революции» был управляемым, что подтверждает такой ее феномен, как массовые (при скоплении не менее миллиона человек) встречи Мао с хунвэйбинами. Журналисты научились их предсказывать. Первый признак: появление цепочки «походных» туалетов с оградками из циновки вдоль центрального проспекта Чананьцзе. По всей трассе устанавливались столы с медикаментами, питьевой водой, марганцовым раствором для мытья чашек. Хунвэйбины в синих куртках с красными повязками на рукавах выстраивались поотрядно с вожатыми во главе, периодически выкрикивавшими

лозунги «Десять тысяч лет председателю Мао!», «Сто миллионов лет председателю Мао!». Между ними вкрапливались зеленые гимнастерки военных. Кажущейся безалаберности роспуска вузов, разгрома партийных комитетов, осад нашего посольства сопутствовало филигранное управление. Но было оно не без изъянов, чем пользовались наши соборы: курсировали по городу даже в дни, когда дипломатам выходить за посольские врата возбранялось.

При выезде из ворот враждебность активно демонстрировала местная детвора, грозившая кулаками, бросавшая в машину мелкие камешки. Зато когда окунались в толпу где-нибудь на Ванфуцзинь, хунвэйбины, случалось, встречали нас аплодисментами: возможно, впервые узрели иностранцев. Кстати, «Жэньминь жибао» в каждом номере отводила минимум полосу теме: «Народы всего мира почитают председателя Мао» (что мы — советские, на нас не написано). Документы на «стенах демократии» изобиловали фактами жестокостей, реально вершившихся «на задних дворах» (в переулках — «*гутунах*», двориках — «*сыхэюанях*», школьных подвалах, превращенных хунвэйбинами в «свой СИЗО» с камерами пыток), но чувство тревоги над нами не довлело. Улицы выглядели празднично: кумачовые флаги, бодрые марши, жизнерадостная молодежь.

После времен информационного голода — налицо «свобода слова»! Выживать что-то стоящее в потоках брани, завиральных идей было делом кропотливым, но и призывы переименовать Пекин в Дунфанхун («Алеет Восток») или агитация за «целесообразно низкую зарплату» по всей стране проливали свет на происходящее. Как и листовки с яростной перепалкой отряда хунвэйбинов «имени идей Мао Цзэдуна» из Шэньяна с их же земляками из отряда «имени маоцзэдунизма» (оба рвались биться насмерть с «конкурентами» в деле поклонения вождю).

Переписывать что-то на глазах у хунвэйбинов мы опасались: читали, стоя в толпе, потом записывали в сторонке, что запомнилось, и снова шли читать, набирая материал для своих корреспонденций. Подобно канонам классической пекинской оперы (или драматургии Шекспира) зловещее сочеталось с забавным, ненависть — с наивностью.

В штате корпункта наряду с китайкой-уборщицей значился шофер, которого все величали, по китайской традиции, Лао Хоу («почтенный Хоу»): чуть мрачноватый, спокойный, очень тактичный человек лет сорока. 1 сентября 1966 г., когда я вернулся в Пекин из командировки во Вьетнам, в глаза бросилось: на лобовом стекле корпунктовского «Москвича» — как и у всех машин в Пекине — прикреплен листок с цитатой Мао. Как реагировать? «Я знаю, что у китайцев принято наклеивать цитаты Мао Цзэдуна, — сказал шоферу, — но эта машина — советская, с дипломатическим номером. Ей это не требуется». Не выразив неудовольствия, он листок убрал. Без каких-либо последствий для меня и для машины.

1966 г. оказался одним из самых плодотворных в моей журналистской биографии. Первая из моих 15 публикаций о «культурной революции», вышедших с 23 сентября по 29 октября, закономерно была о комсомоле:

«Во дворе здания ЦК КСМК открылась «выставка преступлений ЦК камсамола Китая»... Появились листовки, в которых секретари ЦК китайского камсамола Ху Яобан и Ху Кэши были объявлены членами «ревизионистской контрреволюционной черной банды, выступающей против Коммунистической партии и председателя Мао»... Складывается впечатление, что вся эта кампания направлена на устранение тех, кто хоть в чем-то не согласен с Мао Цзэдуном. Бросается в глаза и антисоветская направленность кампании» (и сегодня, 45 лет спустя, нет нужды что-либо здесь исправлять).

На другой день, 24 сентября — вторая статья, тема: зарубежные мишени кампании: *«Подобно двум сторонам медали, в «культурной революции» есть два международных аспекта. С одной стороны, китайской молодежи внушается, что ей «рукоплетет весь мир». С другой — прививается подозрительность ко всему иностранному и ненависть ко всему советскому»*. И под этим расписался бы хоть сейчас...

«Пекинские репортажи читают, спрос на газету растет», — подбадривала меня редакция. На третий день, 25-го — третья статья: *«Нынешний сентябрь в Пекине во многом необычен. На улицах не увидишь мальчишек с портфелями. Детвора в этом году учиться не пошла. Перед нею поставлена иная задача — «изучать, осуществлять, пропагандировать идеи председателя Мао»... Впрочем, в первых числах сентября все-таки можно было увидеть детей с учебниками. Только не по дороге в школу, а у пунктов утильсырья. Странное впечатление производили эти очереди, стаметровыми змеями вьющиеся по пекинским улочкам... Печатное слово оказалось перед гильотиной старьевщиков в той стране, чей народ первым научился делать бумагу, первым изобрел книгопечатанье.*

16 декабря временного поверенного в делах СССР в КНР Раздухова вызвали в китайский МИД и потребовали: трое из шестерых советских корреспондентов должны покинуть страну в 8-дневный срок. По версии агентства Синьхуа, мотивировка чиновника МИД гласила: советские корреспонденты, *«используя удобства, которые предоставляют наше правительство и народ из стремления к сохранению дружбы между народами двух стран, систематически передают антикитайские сообщения, в частности, в последнее время они всячески фабрикуют и возводят клевету на Великую пролетарскую культурную революцию»... Мы ни в коем случае не можем терпеть таких преднамеренных действий, направленных на внесение раздора и на подрыв дружбы между народами Китая и Советского Союза, мы ни в коем случае не можем терпеть такой открытой провокации против нашей страны.* Фамилии не названы, и право отсева предоставлено советской стороне. Но расклад очевиден: согласно «табели о рангах» и принципам целесообразности, остаться должны правдист и двое тассовцев.

Вскоре после моего вынужденного прощания с Китаем мне была вручена советская правительственная награда «Медаль за трудовые заслуги».

24 декабря 1993 г. вышла огромная (больше газетной полосы) передовица «Жэньминь жибао», озаглавленная «Два великих деяния в жизни Мао Цзэдуна», посвященная его 100-летию юбилею. О «деянии № 1» сказано лаконично: «возглавил партию и народ в борьбе за свержение господства империализма, феодализма и компрадорской буржуазии, выполнил задачи народно-демократической революции». 99,9% текста — о «великом деянии № 2», стержни которого, как явствовало из статьи, — «большой скачок», «народные коммуны» и «культурная революция».

В течение двух десятилетий, начиная с 1957 г., констатировал орган ЦК КПК, социалистическое строительство в Китае шло *«кривыми зигзагами»*, «со множественном ошибок». Но это 20-летие трактовалось в статье как *«великое и важное»*. Именно то, что Мао вместо планового строительства по примеру СССР развернул волонтаристский «скачок» (увенчавшийся голодомором), поставлено ему в заслугу!

Из логики цитируемой статьи проистекает мысль о приемлемости жертвы в миллионы китайцев: зато, мол, КНР «не застряла в обозе реального социализма». Хочется верить, что подлинно аналитическая оценка «культурной революции» китайскими историками еще впереди.

А.Н. Карнеев:

Одной из центральных тем дискуссий в Китае и за его пределами в связи с 50-летием начала «культурной революции» является обсуждение причин этого исторического события.

Как считают большинство историков, разногласия в руководстве КПК по важным вопросам внутренней политики были непосредственной причиной решения Мао предпринять новую революцию, хотя наряду с этим отмечают и такие факторы, как несовершенство политической системы того времени, не содержавшей никаких институциональных барьеров для ограничения волонтаризма руководителя, политическая культура традиционного Китая, широко распространенная в массах китайского населения ксенофобия, готовность к массовому насилию «во имя справедливости», проявлявшаяся

в большом количестве антиправительственных восстаний, среди которых предтечами хунвэйбинов были, к примеру, *тайпины* и *ихэтуани*.

После провала «большого скачка» авторитет Мао среди высших руководителей партии серьезно ослаб, ведь верхушка партии хорошо понимала, кто несет ответственность за катастрофические авантюры конца 1950-х годов. Те лидеры, которые выступали с позиций прагматизма, намеревались, по крайней мере, в сфере экономической политики твердо отстаивать свою линию. Чтобы отодвинуть Мао от повседневного управления и оставить ему почетную роль вождя революции, они еще больше раздували официальный культ личности «великого кормчего», который уже и так превосходил все мыслимые границы.

Однако Мао, авторитет которого среди чиновничества всех уровней и масс простых людей давал ему решающее преимущество, не захотел смириться с тем, что еще при жизни его собирались «поместить в музей» китайской революции, а также с тем, что он воспринимал как отход от выпестованных им идей, как ревизию своей революционной линии. В какой-то степени «культурная революция» была для Мао борьбой за то, что останется сердцевинной китайской политикой после его смерти, а также за то, чтобы его предполагаемые преемники не вынесли его тело из мавзолея, как это ранее сделал со Сталиным Хрущев.

Для обоснования необходимости снова развернуть борьбу, теперь уже против врагов в среде своих собственных соратников, Мао выдвигает тезис об обострении классово-борьбы по мере строительства социализма, об активизировавшихся «ревизионистах» внутри КПК.

Еще одним заметным фактом того периода стало возвышение жены Мао Цзян Цин, которая в предшествовавшие годы не оказывала заметного влияния на политику. Близких отношений у них не было уже давно, однако Цзян Цин вознамерилась удовлетворить свои нереализованные комплексы и обиды через активную роль, возможности для которой открывало такое действо как «великая пролетарская культурная революция». Вокруг Цзян Цин, бывшей актрисы, которая теперь как супруга вождя претендовала на наиболее аутентичное истолкование идей председателя в сфере культуры, группируются активисты, готовые к радикальным действиям в духе указаний вождя. Фактически параллельно официальной кристаллизуется еще одна властная структура.

Идеологическая подготовка к предстоящим событиям началась с полемики по поводу событий четырехсотлетней давности и приняла форму критики исторической пьесы «Хай Жуй обвиняет императора». Публикация критической статьи маониста-радикала Яо Вэньюаня в шанхайской газете «Вэньхуэйбао» стала первым залпом «культурной революции». Статья Яо готовилась несколько месяцев в обстановке полной секретности. Пьеса была написана в 1960 г. историком и партийным деятелем У Ханем. У Хань занимал должность заместителя руководителя пекинской партийной организации, был заместителем Пэн Чжэня. Для следивших за политикой людей не слишком большим секретом являлось то, что в образе чиновника XVI в. Хай Жуя иносказательно изображался Пэн Дэхуай, осмелившийся после трагедии большого скачка критиковать самого Мао, а в образе императора — председатель КПК. Борьба по поводу публикации этой статьи в центральных газетах отражала ясное понимание здравомыслящей частью партийной верхушки, какими бедами может обернуться новая идеологическая кампания радикалов. Пэн Чжэнь, возможно до конца не зная, кто стоит за спиной его оппонентов, до последнего старался не допустить публикации статьи Яо в «Жэньминь жибао» и других центральных газетах. Пэн с февраля возглавлял «группу из 5 человек» по изучению подготовки в стране «культурной революции».

Мао несколько лет искал способы разделаться с достаточно широко распространенными тенденциями в партии, ориентированными на восстановление нормальной социально-экономической жизни, которые он считал буржуазной линией, а также — с ее носи-

телями. Но предшествующие попытки были эффективно блокированы его коллегами. Теперь он, казалось, нащупал нужный инструмент — он ударит по своим противникам в партийной иерархии не изнутри партии, а снаружи, прибегнув к «инициативе снизу».

Возможно, Мао не хотел повторять методы разоблаченного в Советском Союзе Сталина, то есть обрушить на своих оппонентов репрессии с помощью органов безопасности: представлялось правильнее действовать другими методами. К тому же он искренне верил, что его собственный опыт революционной борьбы против Гоминьдана дает ему в руки такой важный инструмент, как мобилизация низовой поддержки. На этот раз он нашел такую поддержку в среде учащейся молодежи, которая становится резервуаром для движения *хунвэйбинов* — «красных охранников».

Первые хунвэйбины появились в средней школе при университете Цинхуа в июне 1966 г. 1 августа 1966 г. Мао пишет письмо хунвэйбинам средней школы университета Цинхуа, в котором указывает, что «их бунт легитимен» (*цзао фань ю ли*). После этого движение хунвэйбинов распространяется по всей стране. Отряды хунвэйбинов начинают борьбу против «демонов и чудовищ», то есть против пробравшихся в партию «каппутистов», они проводят митинги с целью «соединения сил». С августа по ноябрь 1966 г. Мао восемь раз лично присутствует на «соединениях» хунвэйбинов. Во всех учебных заведениях страны прекращаются занятия.

При этом, как считают историки, изначально в отряды хунвэйбинов шли молодые люди в основном с «правильной родословной», то есть дети партийных работников, военных, чиновников государственных ведомств. Да и отряды хунвэйбинов создавались, несмотря на риторику в духе безусловной преданности революционным идеям Мао, скорее для охраны тех или иных предприятий или учреждений. Фактически за этим стоял Лю Шаоци и его соратники, представлявшие партийный истеблишмент и намеревавшиеся нейтрализовать наиболее опасные элементы в развязанной Мао истерии, пустить «культурную революцию» по накатанной колее предшествующих идеологических кампаний типа кампании против «правых элементов». Однако на этот раз все пошло гораздо хуже. Мао энергично выступил против попыток партийной бюрократии замотать его «революцию». В стремлении направить удар против самой партийной бюрократии, противодействовавшей его устремлениям, он выдвигает лозунг «захвата власти» и «удара по штабам».

После этого появляется вторая волна хунвэйбинов. Некоторые авторы считают, что в противовес отрядам хунвэйбинов, созданных при поддержке партийной бюрократии, появляется движение так называемых «революционных хунвэйбинов», которые сознательно противопоставляли себя первой волне «красных охранников». Эта более радикальная фракция представляла выходцев из гораздо менее привилегированных слоев населения: крестьян, временно работающих в городах, детей бывших представителей собственности классов и т.д., то есть всех тех, кто чувствовал на себе ту или иную степень дискриминации со стороны социалистического государства и его органов власти. То, что последовало, напоминало, с одной стороны, полный хаос, когда различные группировки молодежи «захватывали власть», боролись друг с другом, включая вооруженные стычки, а с другой стороны — включало в себя «свержение» большого числа чиновников партаппарата, как правило, по указке сверху.

Истоки «культурной революции» представляют неисчерпаемую тему дискуссий историков, публицистов, исследователей этого феномена. С одной стороны, становление почти всех тоталитарных режимов в XX в. по мере обострения борьбы за власть достигало кульминации в виде массовых репрессий против преданных господствующей идеологии партийных активистов и функционеров, а также простых людей. Такая закономерность прослеживается от «большого террора» в СССР до политики «красных кхмеров» в Камбодже. Фраза о том, что с какой-то фатальной неизбежностью «революция пожирает своих детей», применима и к китайскому опыту.

С другой стороны, кажущаяся спонтанность действий активистов культурной революции, популистский характер выдвинутых Мао лозунгов заставили многих западных интеллектуалов идеализировать «культурную революцию», представлять действия *хунвэйбинов* и *цзаофаней* как чуть ли не стихийное восстание народных масс против засилья партийно-государственной бюрократии. Обозначенные Мао Цзэдуном эгалитарные общественные идеалы, его резкая критика «бюрократизма», особых полномочий и привилегий и особенно выдвижение «четырех больших свобод», т.е. широкого и полного высказывания мнений, дацзыбао и дискуссий, призывы к полному устранению разделения на бедных и богатых, разрыва между жителями города и деревни, между занимающимися физическим и умственным трудом — все это вызывало их сочувственные эмоции. Западные интеллектуалы и ученые, оказавшись под влиянием этих идей, трансформировали свою критику государства и ожидания в безудержное уважение к Мао Цзэду, поэтому они верили в то, что партийно-государственная система Китая пошла против желаний Мао Цзэдуна, возник серьезный феномен отчуждения, и она уже не могла искренне «служить народу».

Поэтому действия *хунвэйбинов* и *цзаофаней*, откликнувшихся на призыв Мао Цзэдуна «развернуть культурную революцию», были, как им казалось, направлены на восстановление принадлежавших народу прав. Что же касается происходивших в процессе этого различных незаконных насильственных и разрушительных действий, то на это не обращалось внимания. Лишь после того, как по мере поступления все большего количества документов и свидетельств стали ясны реальные пружины «культурной революции», а также масштабы причиненного ею ущерба, эта идеализированная версия потеряла актуальность.

Еще одна тема обсуждения среди историков и публицистов — состояние страны к концу «культурной революции», то есть на момент смерти Мао. После десяти лет драматических событий страна находилась в крайне тяжелом экономическом положении, хотя в последние годы ряд так называемых историков-ревизионистов выдвигают альтернативные версии периода «культурной революции» с точки зрения ее влияния на экономическое развитие страны. Согласно этой точке зрения, не следует абсолютизировать разрушительное влияние политико-идеологических процессов на народное хозяйство. Кроме того, осуществленные в тот период за счет мобилизации бесплатного труда масс людей крупные проекты (рытье водохранилищ, каналов, возведение ирригационных сооружений, сооружение дамб, объектов транспортной инфраструктуры и т.д.) якобы имели для экономики положительный эффект. В отдельных сферах экономики, несмотря на хаос и неразбериху, все же продолжался довольно неплохой рост. В качестве подтверждения этой точки зрения экспертами приводятся данные, согласно которым с 1965 по 1978 гг. ВВП КНР вырос практически в два раза при среднегодовых темпах прироста 6,8%.

Однако статистические данные свидетельствуют также о том, что подавляющая часть населения проживала в 1976 г. в условиях от умеренной до крайней бедности. По данным ООН, подушевой ВВП Китая составлял 183 долл. США.

Арест так называемой «группы четырех» 6 октября 1976 г. стал финальным актом исторической драмы под названием «культурная революция». Членов группы вызвали по телефону (от имени Хуа Гофэна) на заседание политбюро, якобы для обсуждения вопроса об издании пятого тома сочинений Мао Цзэдуна, где и арестовали. Фактически «разгром банды четырех» напоминал успешно осуществленный государственный переворот. Впоследствии на протяжении многих лет в КНР было принято изображать арест «банды четырех» как эпохальное событие, в корне изменившее направление всей последующей истории страны.

Однако в последнее время пробивают себе дорогу и другие трактовки. Например, обращается внимание на то, что в первую очередь это событие являлось схваткой за власть в среде ортодоксальных наследников Мао, ни один из которых не собирался серь-

езно менять направление внутренней политики (Дэн Сяопин и его сторонники не сыграли никакой роли в свержении «четверки»). Указывают и на определенную комичность этого «судьбоносного» деяния: расправа с взбалмошной вдовой вождя, мало разбиравшейся в большой политике, и с ее несколькими не имевшими серьезного веса в бюрократии соратниками была безжалостно осуществлена самыми преданными исполнителями воли «великого кормчего», людьми, которым ушедший диктатор доверил власть после того, как расправился со многими другими «преемниками». С точки зрения традиционной конфуцианской морали этот шаг Хуа Гофэна, Е Цзяньина, Ли Сяньняня, Ван Дунси-на и др. выглядит достаточно сомнительно. По иронии истории, ни один из участников «свержения “банды четырех”» не сумел капитализировать свои заслуги, все они после прихода Дэн Сяопина и других реабилитированных руководителей вскоре оказались оттеснены от власти и политически маргинализированы. Так или иначе, арест «банды четырех» считается завершением периода «культурной революции». Власть в стране оказалась в руках триумvirата Хуа Гофэна — Ли Сяньняня — Е Цзяньина и обладавшего большим авторитетом в экономической области Чэнь Юня.

Примечательно, что относительно только что закончившейся «культурной революции» китайским руководством того времени были даны весьма жесткие оценки, включая такие слова, как «десятилетнее бедствие», «феодално-фашистская диктатура» и т.д. Однако впоследствии столь жесткие формулировки перестали употребляться, и в современном китайском восприятии этого исторического периода палитра мнений гораздо шире.

Некоторые китайские историки считают, что в возникновении такого явления, как «культурная революция», помимо субъективных обстоятельств, имелись и объективные причины, другие настаивают на том, что так или иначе «культурная революция» была не только негативным процессом — у нее имелись и положительные стороны. Примечательно, что об этом говорил не кто иной, как пострадавший не меньше других в ту эпоху Дэн Сяопин. Как считают некоторые современные китайские историки, в десятилетии «культурной революции» были и «здоровые моменты», например в области внешней политики (имеется в виду нормализация отношений с США и Западом).

В современном контексте полемика по поводу причин и уроков «культурной революции» позволяет противоборствующим идеологическим лагерям получить дополнительную трибуну для изложения своих позиций не только по историческим сюжетам, но и по самым злободневным темам развития современного Китая. Симптоматично само наличие в обществе дискуссий о том, что, мол, при нынешнем лидере КПК не исключено повторение «культурной революции», но уже в новом формате — как некая мобилизация низовой поддержки развернутой в стране беспрецедентной антикоррупционной кампании, воспринимаемой частью публицистов как попытка руководства партии ограничить процессы сращивания партийно-государственного аппарата с бизнес-элитами и растущего отчуждения населения от правящего истеблишмента.

Е.Н. Румянцев:

Хочу начать с некоторых фактов, относящихся к причинам «культурной революции». Иногда приходится слышать, что это была попытка создания нового общества, борьбы с бюрократизмом и т.п. Такое приходилось читать и намного раньше. Так в 1960-е — 1970-е годы аргументировали свое одобрение этой беды китайского народа участники маоистских и неотроцкистских группировок в странах Запада.

На самом деле «культурная революция» в КНР — это, прежде всего, политический переворот с целью захвата власти. Инициатором этого переворота был Мао Цзэдун, роль которого в китайской истории тех лет вообще и в «культурной революции», в частности, переоценить невозможно. В развязывании и осуществлении «культурной революции» Мао и его окружению помогали различные силы в руководстве КПК, которые он мастерски стравливал друг с другом. Достаточно напомнить, что в 1950-е годы важнейшую роль в «свержении» Гао Гана сыграл Лю Шаоци. Затем в 1966 г. настала оче-

редь самого Лю, в «свержении» которого активно участвовал министр обороны Китая Линь Бяо, который уже в 1971 г. сам оказался под ударом. Такие периодические встряски лежали в основе маоцэдуновской политики, они во многом определялись психологией «великого кормчего».

Имя и значение исторической роли Мао Цзэдуна неразрывно связываются с «культурной революцией» и ее оценкой в официальных материалах КПК/КНР. Так ставится вопрос в известном «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» (1981 г.). В том же духе высказывался Дэн Сяопин, например, в беседе с итальянской журналисткой Фалачи.

В окружении Мао Цзэдуна периода «культурной революции», помимо Кан Шэна, считаю необходимым выделить Чжоу Эньлая. Приходится слышать, что в те годы он чуть ли не боролся с «культурной революцией» в целом и персонально — с Мао Цзэдуном. На самом деле всю свою политическую жизнь он являлся ближайшим помощником «великого кормчего», много лет руководил спецслужбами КПК и в этом качестве не мог не участвовать в подготовке списков людей, которых надо было «упорядочить», для передачи хунвэйбинам. Что касается разговоров о том, что тогда Чжоу Эньлай «спасал людей», то, конечно, он спасал кого-то из тех, кто был ему нужен и кто в течение длительного времени работал на него в различных партийных и государственных ведомствах. Плюс ученых и инженеров ВПК.

Мотивы Мао в «культурной революции» достаточно очевидны. Речь шла об удержании ускользавшей из его рук власти. Видимо, ситуацию надо рассматривать с «большого скачка», начатого также по инициативе Мао и закончившегося, как известно, оглушительным провалом. Напомню, что от возникшего в результате маоистской политики (именно политики, а не неких стихийных бедствий) голода погибли от 30 до 40 миллионов китайцев. В результате этого провала Мао, как известно, был вынужден временно отойти «на вторую линию». Минимизацией ущерба от «скачка» КПК занималась под руководством Лю Шаоци и Дэн Сяопина. Нельзя также не вспомнить здесь о маршале Пэн Дэхуае, который первым выступил против издевательств над китайским народом, чем на самом деле был «большой скачок», и за что поплатился жизнью.

В годы, предшествовавшие «культурной революции», никто в Китае не мог предугадать, чем кончится дело, авторитету Мао в партии в результате отмеченных выше событий был нанесен достаточно сильный удар. В то же время авторитет репрессированного Пэн Дэхуая оставался высоким, многие ожидали его возвращения в политическую жизнь, а некоторые даже требовали этого. Наряду с Лю Шаоци, он представлял угрозу безраздельному господству Мао в партии, был для него по-настоящему опасен. Так что Мао преследовал две главные цели: «свергнуть» Лю Шаоци и не допустить реабилитации Пэн Дэхуая.

С точки зрения внешней политики заветной мечтой Мао Цзэдуна, как известно, было искоренение влияния Советского Союза в Китае, а возможности для соответствующей деятельности в период «урегулирования» первой половины 1960-х годов у него в определенной степени сузились. Напомню также, что в нашей стране с самого начала не поддерживали, а затем стали подвергать все более резкой критике «большой скачок». Все это, безусловно, еще более «подогрело» негативные настроения Мао в отношении СССР, причем не только его руководства, но и народа в целом.

Внешнеполитической программой «культурной революции» был антисоветизм. Ставилась задача провести чистку КПК и армии от сторонников не только дружбы, но и просто поддержания нормальных межгосударственных отношений с нами. Решение этой задачи обеспечивало Мао практически безраздельную власть в партии. Во внешнеполитическом плане антисоветизм был необходимым условием и предпосылкой налаживания отношений с Соединенными Штатами. Все это Мао Цзэдуном и маоистами ценой огромных жертв китайского народа было достигнуто.

Особо следует остановиться на событиях 1969 г. на советско-китайской границе. В нашей стране, к сожалению, имеет определенное распространение довольно наивная точка зрения, согласно которой в произошедшем виноваты обе стороны, хотя это совершенно не так: наше дело тогда было абсолютно правое. Кроме того, в нашей стране события 1969 г. на границе с Китаем большинство граждан, включая историков и политиков, рассматривают как не слишком значительный эпизод, который принадлежит прошлому, тогда как в Китае на них смотрят совсем по-другому. Эта «пограничная война» считается одним из важнейших событий в истории КНР. О ней китайские ученые и пропагандисты говорят в увязке с последующими событиями в китайско-американских отношениях и китайской внешней политике в целом. Это, прежде всего, секретный визит Г. Киссинджера в Пекин летом 1971 г., после которого в феврале 1972 г. в КНР прибыл американский президент Р. Никсон. Путь к этим визитам был открыт двумя событиями в китайской политике: с точки зрения отношений с внешним миром — боевыми действиями на границе против нашей страны; с точки зрения внутривнутриполитических процессов — устраниением группы министра обороны Линь Бяо, который не принадлежал к числу сторонников сближения и, тем более, союза с США. В свою очередь, именно в результате двух этих событий американцы «дали отмашку» на вступление КНР в ООН и установление отношений с нею. Так в результате «культурной революции» было создано то, что теперь в КНР называют «новой ситуацией» во внешней политике Китая.

Несколько слов об отношении к «культурной революции» современного руководства КПК. В единственной публикации «Жэньминь жибао», посвященной 50-летию этого события, говорится, что «“великая культурная революция” была ошибочно развязана руководителем, использована контрреволюционной группировкой, это внутренняя смута, которая принесла партии и народу серьезные бедствия, нанесенный ею ущерб является всесторонним и серьезным. История уже полностью подтвердила, что “великая культурная революция” теоретически и практически является полностью ошибочной»¹.

Как видно, речь по-прежнему идет об «упущениях и ошибках», тогда как надо говорить о преступлениях. Напомним, что в свое время тот период был охарактеризован как «феодально-фашистская диктатура». Это сделал маршал Е Цзяньин в речи по случаю 30-летия КНР.

Среди официальных ученых КНР в настоящее время наблюдается тенденция замутить достаточно ясный вопрос о причинах и целях «культурной революции». Мне, например, приходилось слышать на эту тему многозначительные рассуждения типа «такой великий стратег, как Мао Цзэдун, наверняка имел более далеко идущие цели, чем просто свержение Лю Шаоци» и т.п. Имеют место приукрашивание того периода и даже его определенная романтизация: говорят, например, что это было время «самой большой демократии для простого народа», во внешней политике Мао не побоялся, мол, вступить в борьбу одновременно с СССР и США (что, кстати, не соответствует действительности) и т.д.

Возможно, не так безобиден и вопрос о периодизации «культурной революции». Один китаец очень удивился, услышав от меня, что КПК на своем XI съезде в 1977 г. приняла решение, согласно которому эта «революция» продолжалась с 1966 по 1977 гг. По его мнению, как очевидца тех событий, «культурная революция» — это, прежде всего, хунвэйбины и все, что с ними связано, а дата ее окончания — 1969 г. Добавлю, что конец ей Мао положил боями на советско-китайской границе, которые были им использованы для преодоления хаоса в стране путем ее милитаризации, сопровождавшейся мощной антисоветской кампанией. В нынешней официальной китайской периодизации тех событий просматривается примерно такая логика: если период 1966–1969 гг. — это время хаоса, разрушения, безнаказанных убийств, массового глумления над людьми, то в дальнейшем ситуация стала понемногу выправляться. Последнее дает возможность официальной пропаганде говорить, что в годы «культурной революции», то есть в ее трактовке — в 1966–1977 гг. не все было так уж плохо: конечно, были «отдельные» человече-

ские трагедии, «ошибки и упущения» руководства, но были также и научно-технические достижения, шло развитие экономики, культуры, «новая обстановка» сложилась во внешней политике Китая и т.д.

Полагаю, что на проблему периодизации «культурной революции» китаеведам нашей страны неплохо было бы посмотреть повнимательнее.

В уже цитировавшейся статье «Жэньминь жибао» говорится, что в «Решении» 1981 г. «разделяются великая культурная революция как исторический период и как политическое движение, ошибочные теория и практика культурной революции отделяются от всего этого 10-летнего периода в целом, этим документом дан мощный отпор ошибочной точке зрения, согласно которой отрицание великой культурной революции используется для дезавуирования истории партии и руководимого партией социалистического строя». Это и позиция Си Цзиньпина с его известным требованием не противопоставлять два периода истории КНР.

В настоящее время официальной пропагандой, официальными историками в КНР, к сожалению, замалчиваются человеческие аспекты этой исторической трагедии. «Культурная революция» включена в число тем, которые запрещено обсуждать в вузовских аудиториях Китая.

В общем, современное понимание «культурной революции» официальными кругами КПК/КНР, насколько можно понять, сводится к тому, что «партия преодолела свои ошибки и заблуждения» и сейчас идет «от победы к победе», в нынешних условиях повторение прошлых «ошибок», включая «культурную революцию», невозможно. Например, в публикации, посвященной 95-й годовщине создания КПК, ее автор, бывший директор Института изучения документов при ЦК КПК, вновь подчеркнул, что КПК в прошлом совершала ошибки и даже серьезные, которые были исправлены самой КПК. «Конечно, совершать ошибки — это дело плохое, однако наша партия извлекает из ошибок уроки, углубляет понимание закономерностей революции, строительства и реформ, формирует новые теоретические концепции, двигает вперед китаизацию марксизма, повысила свои возможности по руководству обществом»².

В то же время в партии есть люди, придерживающиеся другой точки зрения. Например, об опасности повторения в Китае «культурной революции» говорил на известной пресс-конференции 14 марта 2012 г. тогдашний глава правительства КНР Вэнь Цзябао. Впервые вопрос об этом был поставлен участниками семинара, проходившего под эгидой пекинского журнала «Яньхуан чуньцю» в августе 2011 г. Весной 2012 г. на очередном таком семинаре был выдвинут тезис, согласно которому в Решении ЦК КПК 1981 г. «О некоторых вопросах истории партии со времени образования КНР» были осуждены порожденные «культурной революцией» методы политической борьбы, но не ее идеология. В связи с этим говорилось о необходимости осуждения всей ее идеологии и политики.

В этих целях на семинаре было, в частности, реанимировано выдвинутое известным писателем Ба Цзинем 30 лет назад предложение о создании в Пекине музея «культурной революции», дополненное предложением о передаче под него Дома памяти Мао Цзэдуна³. Характерно, что это предложение остается нереализованным. Несколько лет назад один китайский ученый, например, заявил мне по этому поводу: «Зачем нам заниматься антикоммунистической пропагандой?» Правда, человеческую память уничтожить не так просто. Приходилось читать, что на юге Китая музей «культурной революции» все-таки создан частным лицом. А в пригороде Пекина можно найти небольшой памятный бюст одной из многочисленных жертв того периода, молодого человека по имени Юй Лэкэ.

В современном Китае идеологию и политику «культурной революции» нередко не только не осуждают, но оправдывают, причем такая тенденция по сравнению с 1980-ми годами серьезно усилилась.

Обращает на себя внимание сохранение в теоретическом арсенале КПК положения о «великом значении» идей Мао Цзэдуна «как руководящей идеологии партии»⁴. В

связи с этим необходимо отметить, что в годы «культурной революции» окончательно сформировался комплекс идей, представлений и установок Мао по вопросам внешней политики, которые и сейчас лежат в ее основе. Среди них — мысли об особой «справедливости и рациональности» китайской внешней политики, ее исключительном характере, обусловленном тем, что она, мол, руководствуется «самой передовой в мире научной теорией», призывы к созданию некоего «нового типа международных отношений». Это в том числе стремление говорить за других, позиционировать себя в качестве представителя развивающихся стран, борца против «гегемонизма», тезис о русском «великодержавном шовинизме». Да и разговоры о том, что сейчас Китай ближе, чем в любой другой исторический период, находится к центру мировой арены, в известной степени напоминают хунвэйбиновские призывы «водрузить знамя идей Мао Цзэдуна над земным шаром», «починить земной шар».

Ощущается влияние идеологии и политики «культурной революции» и во внутренней жизни Китая. Это, прежде всего, недостаток законности, что понимает и нынешнее руководство КНР. Тем не менее, призывы к «управлению государством по закону» сопровождаются усилением партийной цензуры СМИ, сменяющимися одна другую политическими кампаниями, а также, например, усилением активности и ростом влияния комиссий по проверке дисциплины КПК, прежде всего, ЦКПД. В отечественной синологической литературе можно встретить рассуждения об их «прекрасной, слаженной работе», однако, на самом деле это антиконституционные органы власти, деятельность которых никак не ограничивается законом и вызывает в обществе серьезные нарекания. Известны случаи, когда людей, подозреваемых в коррупционных преступлениях, эти комиссии лишали свободы на месяцы и даже годы (например, однажды человека лишили свободы без решения суда «для помощи расследованию» на пять лет). В ходе таких расследований применяются приемы интенсивного психологического, а нередко и физического воздействия, порою со смертельным исходом.

Далее, это практика внутрипартийной и внутривластной жизни (длительные собрания для проработки и/или политической индоктринации), возрождение некоторых политических технологий и лозунгов того периода («линия масс», «упорядоченные стили» и т.п.), направление кадровых работников на рядовую работу «в низы», а офицеров и генералов вооруженных сил — для службы рядовыми в войска.

Отметим также, что то, что пришлось пережить китайскому народу в 1960-е — 1970-е годы, стало для него мощной прививкой от коммунистической идеологии и практики социалистического строительства и в большой степени способствовало перестройке китайского общества на капиталистический лад. Как гласит известная в КНР фраза, «если бы не было “культурной революции”, то не было бы и реформ».

Хотелось бы верить, что «культурная революция» больше никогда не повторится, однако реалии современного Китая, на мой взгляд, не дают для такой постановки вопроса достаточных оснований.

Я.М. Бергер:

В недолгой истории современного Китая развязанная в 1960-х годах «культурная революция» занимает особое место. Вопреки настоятельным попыткам нынешнего руководства КПК представить весь период после 1949 г. как единый и принципиально неделимый процесс, в нем четко прослеживаются два этапа, существенно отличающихся друг от друга, прежде всего, в идейно-политическом отношении.

Первый этап, охватывающий 1950-е — 1960-е и начало 1970-х гг. проходил под знаменами «классовой борьбы», под которой подразумевалась борьба со всякого рода подлинными или мнимыми недоброжелателями установленного в Китае строя. Это время характеризуется беспредельным, доходившим до обожествления культом личности и идей Мао Цзэдуна. Сюда входит и «культурная революция». Она, с одной стороны, довела до апогея жестокое преследование разных объектов борьбы, объявлявшихся против-

никами режима, а с другой — своим небывалым разрушительным эффектом продемонстрировала гибельность этого курса и подготовила почву для отказа от него.

Второй этап отсчитывается от 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, выдвинувшего в декабре 1978 г. установку на реформы и открытость. Он связан, прежде всего, с именем Дэн Сяопина. Провозгласив совместимость социализма с рыночным хозяйством, он проложил путь к быстрому развитию страны, к существенному повышению благосостояния подавляющего большинства населения, к решительному возвышению геэкономических и геополитических позиций Китая в мировом масштабе. Важную роль в этих достижениях сыграло то обстоятельство, что от постоянной угрозы преследований была избавлена определенная часть общества, которая до этого долгие годы находилась, как минимум, под подозрением в потенциальной нелояльности к властям. По большей части это касалось интеллигенции. На некоторое время в Китае отказались от периодически сменявших друг друга политических кампаний, которые, принося в жертву «очередных отщепенцев», тем самым были призваны политически и идеологически поддерживать легитимность режима. Важно, однако, отметить, что произошло это далеко не сразу и, к сожалению, далеко не бесповоротно. В 1980-е—1990-е годы в традициях «классовой борьбы» все еще обывляли поход на «либерализацию», «духовное загрязнение», «мирное перерождение».

Именно поэтому при констатации несомненных различий названных этапов нельзя ни в коем случае забывать и о том, что их роднит. В этом смысле несомненно прав Си Цзиньпин, когда он вновь и вновь указывает на принципиальную неизменность базовых особенностей идейно-политического строя КНР. Дэн Сяопин в свое время прокламировал необходимость сохранения четырех базовых принципов: твердо придерживаться социалистического пути, твердо придерживаться диктатуры пролетариата, твердо придерживаться руководства коммунистической партии, твердо придерживаться марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна. Учитывая взаимодополняемость и взаимное пересечение этих постулатов, их вполне можно свести к одному единственному: сохранение власти КПК.

С этой точки зрения, те изменения, которые произошли в политике правящей партии, несомненно важные сами по себе и приведшие к огромным позитивным достижениям, тем не менее, не являются базовыми и поэтому чисто гипотетически могут быть подвергнуты ревизии, если войдут в противоречие с принципами, которые считаются основополагающими. Наличие такой возможности подтверждает действительность.

Конечно, полное повторение «культурной революции» в Китае вряд ли возможно: слишком уж специфичными, разрушительными и беспощадными были некоторые проявления этой кампании. Тем не менее, Мао Цзэдун возлагал основные свои упования именно на периодическое революционное обновление социализма. Мобилизация масс, в основном молодежных, была для него важнейшим, если не единственным средством предотвратить неизбежное, в противном случае, загнивание и буржуазное перерождение правящей партии. И эта проблема до сих пор не снята с повестки дня.

Поэтому возникновение некоторого подобия тех событий, которые происходили в Китае полвека назад, если не по форме, то по сути, исключить нельзя. Прежде всего, потому, что сохраняются или воспроизводятся некоторые негативные условия и факторы, способствующие такой реинкарнации. Речь идет в первую очередь о росте социального недовольства, которое подпитывается углубляющимся расслоением общества, широко распространенной коррупцией и бюрократизацией власти, об усиливающемся давлении на личные права и свободы.

Такие настроения не могут не отзываться стремлением пересмотреть официальные оценки некоторых явлений в недавней истории страны, особенно столь значительно, как «великая пролетарская культурная революция». Наличие таких поползновений недавно признала, например, газета «Хуаньцю шибао», опубликовав 30 марта с.г. статью под заглавием «Не следует экстремистки оценивать пятидесятилетие «культурной революции». В статье говорилось, что кое-кто требует признать в «культурной революции»

наличие позитивных сторон, поскольку она носила антибюрократический, антикоррупционный характер. Но еще более распространено в Интернете, по словам газеты, требование полностью пересмотреть роль «культурной революции», ибо государство намеренно скрывает ее подлинную суть. Эта группа пользователей Интернета считает, что у «культурной революции» есть шанс возродиться, надеясь, что ее «второе пришествие» разрешит их насущные проблемы.

Еще раньше о возможности повторения «культурной революции» говорил бывший премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Выступая 14 марта 2012 г. на пресс-конференции по окончании 5-й сессии ВСНП 11-го созыва, он сказал, что несмотря на принятое 6-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва решение по некоторым вопросам истории КПК, ошибки «культурной революции» и «влияние феодализма» не были до конца преодолены и что «без успешной реформы политической системы... историческая трагедия великой культурной революции еще имеет шанс осуществиться снова».

Комментируя это высказывание премьера, профессор Центра изучения прав человека Гуанчжоуского университета, советник Верховной народной прокуратуры Го Даохуэй в статье «Остерегаться возрождения элементов культурной революции», опубликованной той же «Хуанью шибао» 13 июня 2012 г., писал, что хотя с изменением исторических условий возможность полного возрождения культурной революции невелика, отдельные ее элементы уже реставрируются.

Под такой реставрацией Го Даохуэй имел в виду широкомасштабный социально-политический эксперимент маоистского толка, проводившийся тогда в Чунцине, одном из крупнейших городов Китая, под руководством члена Политбюро ЦК КПК Бо Силая под лозунгом «поддерживать красное и бить черное». В рамках этой кампании, привлекавшей сочувственную поддержку и участие значительной части населения, повсеместно распевались «революционные» песни, прославлявшие Мао Цзэдуна, и велось активное наступление на асоциальные и «чуждые» элементы. Вновь, как в 50-х и 60-х годах прошлого века, по ложным обвинениям фабриковали уголовные дела на частных предпринимателей, без суда и следствия изымали их капитал и имущество. Го Даохуэй называет то, что происходило в Чунцине, «малой культурной революцией» и требует досконального и публичного расследования ее побудительных причин и следствий. Этого, однако, как известно, не произошло, и Бо Силай, как и его супруга, были осуждены за уголовные преступления, не связанные с амбициозной политической и общественной деятельностью.

Произошедшая на XVIII съезде КПК в 2012 г. смена партийного руководства не внесла кардинальных изменений ни в официальные оценки «культурной революции», ни в подспудную борьбу между ее сторонниками и противниками. Можно лишь отметить, что новая внутривластная, внешнеполитическая и социальная реальность дает новые, часто более сильные аргументы как одной, так и другой стороне. Плюс к этому новые коммуникационные технологии, серьезно интенсифицируя процесс общения, включают в противоборство одновременно большие группы людей, что еще более повышает потенциальную угрозу стихийных или намеренно направляемых массовых акций.

Новое руководство КПК придает большое значение модернизации социального управления. Постепенно создаются и укрепляются его институциональные основы. Однако сложность современного общества, неравномерность развития его составных частей заставляют подчас, наряду с прокламированием управления на основе закона, прибегать к неправовым мерам, точнее говоря, к мерам, не прописанным законодательно, для того, чтобы дисциплинировать не только и не столько социум, сколько элиту, насчитывающую многие десятки миллионов членов коммунистической партии. Для этой цели используются методы, уходящие корнями к временам, когда компартия еще не была правящей, а вела вооруженную борьбу с реальным противником. Чистка ее рядов, тесно переплетавшаяся с внутренней борьбой в верхушке за власть и влияние, была признанным орудием для сохранения монолитности и единства авангарда революции. Не случайно и

нынешнее руководство КПК пользуется приемами идеологического и морально-дисциплинарного воздействия.

В последнее время Пекин сталкивается с нарастанием внешнеполитической напряженности в связи со своим стремлением реализовать в геополитическом плане возросший экономический и военный потенциал. Одновременно усиливается внутренняя напряженность в связи с трудностями, которые испытывает экономический рост. Все это стимулирует новые поиски смычки внешних и внутренних врагов по той модели, которая использовалась прежде, в том числе во время «культурной революции».

Эту тенденцию можно было бы проиллюстрировать высказываниями самого Си Цзиньпина и многочисленных его толкователей, но ввиду ограниченности времени и места ограничусь лишь несколькими пассажами из опусов одного военного идеолога по имени Дай Сюй, заместителя главы Института стратегии Университета национальной обороны и, как мне представляется, одного из наиболее ярких китайских «ястребов».

В интервью в июне 2015 г. корреспонденту журнала «Гофан цанькао» Дай Сюй выразил убежденность в том, что США давно уже послали в Китай свой мощный передовой отряд. В него входят самые разные люди: ветераны ЦРУ, американские чиновники, религиозные деятели, прирученные или подкупленные китайские коммерсанты. Под видом экономистов, предпринимателей, университетских профессоров, известных ученых, членов неправительственных организаций, миссионеров они используют все возможности для того, чтобы под маркой установления связей, дружеских визитов, сотрудничества добывать необходимую США информацию, влиять на китайское общество, особенно на молодежь, сбивать их с толку и в конечном счете содействовать американской стратегии подрыва Китая.

Действуя под единым командованием, американский «передовой стратегический отряд», по словам Дай Сюя, проникает в высокие китайские мозговые центры, путает планирование китайской политики, вынуждает китайскую экономику следовать по низко-технологичному пути развития с тем, чтобы она не могла бросить вызов высокотехнологичной стратегии США, и чтобы Китай стал экономической колонией Запада. Он проникает в вузы и научно-исследовательские учреждения Китая, чтобы под предлогом финансовой поддержки «промывать мозги» некоторым ученым, а затем с их помощью публиковать вредные антикоммунистические, антикитайские материалы. Сферами такого проникновения становятся области права, политологии, исторических наук. Каналом проникновения стал Интернет, где за короткий срок иностранный капитал получил возможность контролировать крупные коммерческие порталы, распространять вредоносные идеи исторического нигилизма, вводить в заблуждение народные массы. Более того, этот отряд успешно проникает также в основные СМИ и государственные органы и тайно творит свои бесстыжие дела, приносящие ущерб Китаю и выгоду Западу.

Год спустя, в июне 2016 г. Дай Сюй в том же журнале «Гофан цанькао» опубликовал статью, в которой специально остановился на роли Интернета в идеологической борьбе. Он призвал создать сетевую добровольческую армию, которая могла бы действовать подобно добровольческим партизанским отрядам во время войны сопротивления Японии. Такая армия, по мысли Дай Сюя, действуя повсеместно, могла бы сплотить все позитивные силы и одолеть «пятую колонну».

Китайское руководство всячески препятствует обращению современного общества к проблемам «культурной революции». Школьные учебники очень скупо и искаженно сообщают о бесчинствах, совершавшихся тогда на всей огромной территории страны. Литературные произведения и фильмы на эти темы подвергаются жесткой цензуре. В стране нет ни единого мемориала в память о миллионах замученных и уничтоженных людей. Власти отказывают родственникам жертв в выдаче разрешений на установку памятных надгробий на их могилах, чтобы ничто не напоминало о зверствах, которые творились в стране. Полностью замалчивается роль Мао Цзэдуна в развязывании «культур-

ной революции», в подстрекательстве целого поколения осатаневшей молодежи на насилие и издевательство над своими учителями и даже собственными родителями, на разрушение культурного наследия.

Замалчивая правду о кошмарах «культурной революции» в надежде, что время залечит раны и поможет единению народа, власти, напротив, подпитывают миф о равенстве и справедливости, которые якобы верховенствовали в эпоху Мао, тем самым еще более углубляя раскол общества. Адепты Мао, убежденные в том, что нынешнее реформистское руководство предало революцию и социализм, не только не убывают численно, но, напротив, обретают новых сторонников, причем не среди старшего поколения, которое уже уходит из жизни, а среди плохо информированной молодежи.

Своеобразной кульминацией ностальгии по временам Мао стал концерт, состоявшийся за две недели до юбилея в пекинском Большом зале народных собраний. Фотографии концерта были размещены в сети. На них изображена большая группа молодых женщин и девочек в униформе и с красными галстуками, поющих на фоне большого экрана. На экране демонстрировались портреты Мао Цзэдуна и Си Цзиньпина и пропагандистские лозунги былых времен. Песни также славилы обоих руководителей. Организаторами шоу были функционеры из Отдела пропаганды ЦК КПК и ЦК комсомола.

В мире накоплена большая литература по «культурной революции». Проблемы ее возникновения и, соответственно, возможностей повторения в Китае или в другой стране рассматриваются под разным углом зрения, с разных теоретических и политических позиций. Тем не менее, как представляется, тема эта далеко не исчерпана. Бывший министр культуры КНР Ван Мэн в статье «Правильное подведение итогов «культурной революции» — вклад Китая в интересах всего человечества» призывает своих коллег к ее дальнейшему углубленному исследованию. Однако, как показывает и сама статья, носящая вполне панегирический характер, объективные исследования причин живучести маоизма в нынешнем Китае крайне затруднены. В этой ситуации российские исследователи, уделявшие «культурной революции» большое внимание с самого начала ее развертывания, в новой ситуации призваны сказать свое слово.

Л.И. Кондрашова:

Все десятилетие с 1966 г. до смерти Мао Цзэдуна в Китае принято рассматривать как один этап «культурной революции». На мой взгляд, правильнее было бы говорить об этапе «культурной революции и ликвидации ее последствий», либо о «культурной революции и новом ракурсе политической борьбы». Это была борьба за власть, но не ради наживы или сохранения своего престижа, а ради проведения определенной стратегической линии — в духе маоистской утопии или в противостоянии ей. Две особенности этой яростной политической схватки — ее скрытый характер и неприкосновенность лидера страны, что создавало видимость единства руководства и всесильности вождя. «Публика» могла обозревать только надводную часть айсберга. Подводная часть оставалась недоступной для обычных граждан не только в те, уже далекие годы, но и сейчас. В открытый доступ просачивается так мало материалов, что любой научный анализ не может выйти за рамки «догадки». Исследователь может опираться на разрозненные факты, свою собственную интуицию и еще на подсказку судебных следователей: «А кому это было выгодно?».

Бесспорным можно считать только раскол китайского общества, руководящей группировки и основных государственных институтов — партии и армии. Линь Бяо и Чэнь Бода составляли крайне левое крыло партии. По политическим симпатиям Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин могут считаться «правыми». Чжоу Эньлай был близок Мао Цзэду, но это — близость «пожарного» с «поджигателем».

«Пиррова победа» Мао Цзэдуна в «культурной революции» вознесла на вершину власти молодых «культуртрегеров», включая супругу Мао, которые не имели опыта руководства страной и не пользовались настоящим политическим авторитетом. Они не были

способны на решительные действия без оглядки на Мао Цзэдуна, и его старческая немощь сказывалась на их активности. Армейская группировка Линь Бяо значительно укрепила свои позиции и претендовала на нечто большее с возведением Линь Бяо на трон. Линь был известен своей рьяной поддержкой всех начинаний «культурной революции» и был морально готов подхватить знамя, выпадающее из рук вождя.

Группировка Чжоу Эньлая была значительно ослаблена в результате ликвидации Госсовета и его органов в ходе «культурной революции», но старалась противостоять втягиванию страны в новые авантюры. Вместе с тем, выступления против «большого скачка» и «культурной революции» могли вестись только с «закрытым забралом». Противоречия между двумя группировками касались не только внутреннего развития, но и внешней политики. «Правые» во всю разворачивали подготовку союза с развитыми капиталистическими странами, надеясь на необходимый импорт и приток капиталов при проведении «большого скачка» с «западным уклоном» (*«ян яоцзинь»*). «Левые» развернули «подготовку к войне» с «советским империализмом». Перед страной маячила перспектива нового кризиса, наступления экономического и политического хаоса. Армия оказалась единственным государственным институтом, сохранившим свою управленческую структуру и готовым заменить политические и хозяйственные организации. Сосредоточение в созданных по всей стране «революционных комитетах» одновременно законодательной, исполнительной и судебной властей создавало перспективу полной милитаризации китайского общества и своеволия «черных полковников». Китай уже хорошо был знаком с претензиями милитаристов, с создаваемым ими расколом страны и угрозой существования Китая как единого суверенного государства.

В различных интерпретациях событий сентября 1971 г. завершившихся исчезновением Линь Бяо с китайской политической сцены не только в переносном, но и в самом прямом смысле, суть «заговора» представляется в следующих вариантах:

1) *«Линь Бяо против Мао Цзэдуна»*. По официальной версии зачинщиком всего случившегося был сам Линь Бяо, долго вынашивавший планы низвержения Мао Цзэдуна и своего вступления на пост Председателя КНР. После провала этих планов он вместе с женой и сыном попытался якобы скрыться, но угнанный им самолет потерпел аварию над территорией Монголии.

2) *«Мао Цзэдуна против Линь Бяо»*. Мао якобы усмотрел в усилении армии и позиций самого главнокомандующего угрозу своему режиму личной власти и был недоволен поражением Китая в военном инциденте на советско-китайской границе. Он постарался убрать своего официального преемника, но тому удалось заблаговременно узнать о готовящейся расправе, хотя и не удалось благополучно осуществить свой побег.

3) *«Чжоу Эньлай против Линь Бяо»*. Чжоу Эньлай, опасаясь нового раунда «культурной революции» и укрепления союза Мао — Линь Бяо, сумел напугать Линь Бяо грозящей репрессией со стороны Мао Цзэдуна и спровоцировал тем самым его бегство из страны с трагическими последствиями.

В западной печати наибольшей популярностью пользовалась вторая из этих трех версий, демонизирующая роль Мао Цзэдуна в судьбах Китая. Во время своей инспекционной поездки по стране летом 1971 г. он мог убедиться в укреплении позиций командующих военными округами и засомневаться в их готовности к проведению широкомасштабных военных операций. Все это могло настроить его против Линь Бяо и заставить поверить в его неблагонадежность.

Но существуют и другие взгляды. Сошлемся на выдержку из статьи Марка Гейна «Кто будет после Мао?» в журнале «Foreign Affairs», напечатанной за три года до кончины Мао Цзэдуна: «Главной опорой коалиции, направленной против Линь Бяо, была собственная могущественная партийно-государственная организация Чжоу Эньлая. К ней примкнули «радикалы», включая Е Цзяньина»⁵.

С позиции прошедших 50 лет попробуем порассуждать, к чему привело устранение Линь Бяо. Во-первых, это ослабило группировку «левых» и лишило их безапелляционной поддержки Мао Цзэдуна в силу его растерянности и значительного ухудшения здоровья. Во-вторых, это нанесло мощный удар по приверженцам идеалов «культурной революции», которые не сумели мобилизоваться для противодействия разумным мерам по наведению порядка в стране и налаживанию нормальной хозяйственной жизни. В-третьих, Мао Цзэдун и его ближайшее окружение уже не могли рассчитывать на поддержку армии и потеряли свою боеспособность в развертывании новой политической кампании. В-четвертых, это подорвало власть военных и прервало процесс всеобщей милитаризации страны. В-пятых, уменьшилась возможность втягивания Китая в новую военную авантюру из-за изменения приоритетов и улучшения экономического положения. Мир освободился от угрозы непредсказуемого поведения толп голодных и оболваненных пропагандой молодых людей. В-шестых, исчезла перспектива «закрытия» Китая и его выпадения из системы международных отношений, Запад стал поворачиваться лицом к КНР.

Фактически, желая или не желая исчезновения Линь Бяо, Мао Цзэдун без данного главнокомандующего очутился на положении главного проигравшего в инициированном им хитросплетении интриг. Устранение Линь Бяо помогло укреплению прагматической линии и ослабило позиции «леворадикалов», что подтвердило дальнейшее развитие событий. «Дело Линь Бяо» стало важным шагом подготовки политического переворота, который привел к власти тех, кого леваки называли «идущими по капиталистическому пути».

А.С. Давыдов:

Говоря о протяженности культурной революции, следует упомянуть, со слов Кан Шэна, о том, что первоначально Мао Цзэдун выдвинул трехлетний план проведения этого мероприятия. При этом задачей первого года с июня 1966 по июнь 1967 гг. он определил «мобилизацию масс», второго (с июня 1967 по июнь 1968 гг.) — «достижение великих побед», а заключительного (до июня 1969 г.) — завершение революции. Этот срок считался «небольшим отрезком времени для столь великого дела»⁶. Однако что-то видимо пошло «не совсем так», и процесс растянулся на целое десятилетие. Впрочем, важны не столько его календарные сроки, а главным образом печальные итоги, которые это трагическое десятилетие принесло китайской нации. О них хорошо известно и рассказано достаточно подробно.

Негативная роль самой «культурной революции в истории КНР несомненна: это признают теперь не только внешние наблюдатели, но и официальная китайская историография. Тем не менее, как гласит русская поговорка: «нет худа без добра», и в первую очередь для самого Китая. «Культурная революция» с ее внутренним хаосом и неразберихой явилась предтечей радикальных экономических реформ и глубоких социальных изменений в китайском обществе, которые в результате привели страну к статусу мировой державы.

Существенную роль она сыграла и в формировании новой внешней политики КНР. Особое значение этой роли заключалось в том, что новая внешняя политика в соответствии с диалектическим законом «отрицания отрицаний» рождалась на пути преодоления практически тотальной изоляции Китая на мировой арене и враждебного отношения к нему со стороны большинства государств в начальный период этой политической смуты.

В первые годы «культурной революции» в результате хунвэйбиновского экстремизма китайская дипломатия оказалась буквально «в загоне». Было прекращено или сведено к минимуму функционирование 48–50 посольств и представительств КНР за рубежом. Серьезные проблемы и ограничения возникли в деятельности иностранных дипломатических миссий в Пекине, особенно посольств СССР и некоторых других социалистических стран. В то же время международное положение Китая ухудшалось с каждым днем.

Однако именно «культурная революция» своей абсолютизацией идеи «продолжения революции при уже установленном господстве диктатуры пролетариата» способствовала, как ни парадоксально, трансформации парадигмы классово-идеологического подхода КНР к отношениям со странами внешнего мира в концепцию активизации внешнеполитической деятельности «на всех направлениях», пусть поначалу в рамках маоистской доктрины «трех миров».

В начале 1970-х годов Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай сумели воспользоваться новой геополитической ситуацией, сложившейся вокруг их страны в связи с резким обострением советско-китайских отношений и катастрофическим ухудшением положения армии США во Вьетнаме. Им удалось, с одной стороны, заинтересовать американцев своим ярким антисоветизмом, а с другой — возможностью оказания посреднических услуг в их переговорах с Вьетконгом и руководством ДРВ⁷.

Было бы неправильным утверждать, что китайцы до этого не стремились к налаживанию отношений с США. Но делали они это неявно. Как политика Мао Цзэдуна отличало не только глубокое проникновение в законы диалектики, интерпретировавшиеся им через канонические постулаты древнекитайских философов, но и поразительное владение навыками любых разновидностей манипулирования — от интеллектуального и политического — до бытового. Как правило, он подолгу выжидал подходящего момента для «запуска» тех или иных инициатив. И во многих случаях они «срабатывали».

«Культурная революция» и для самих США стала важным сигналом и подспорьем к налаживанию практически отсутствовавших после 1949 г. связей с коммунистическим Китаем, поскольку позволила им использовать механизм «баланса сил» в качестве основы для выстраивания таких отношений.

Как и в КНР, попытки улучшения отношений с Китаем предпринимались американской стороной задолго до начала «культурной революции». Еще в 1959 г. молодой сенатор Дж. Кеннеди, начинавший кампанию выдвижения своей кандидатуры на пост президента США, вносил предложение об оказании продовольственной помощи КНР, население которой после эксперимента «большого скачка» страдало от голода. И это происходило несмотря на имевшее место всего за год до того столкновение двух стран в Тайваньском проливе.

Важнейшую роль в американо-китайском сближении сыграл видный американский политолог Генри Киссинджер, который, еще не будучи официальным представителем американской администрации, планировал шаги к его осуществлению. Одним из них стала известная статья за подписью кандидата в президенты США на выборах 1968 г. Р. Никсона, опубликованная в «Foreign Affairs» в 1967 г. Прием КНР в ООН и «пинг-понговая» дипломатия по сути явились завершающими «аккордами» в сопряжении планов обеих сторон по установлению и развитию взаимных контактов.

Итогом их обоюдных усилий в этом направлении стали исторический визит президента Никсона в КНР в феврале 1972 г., его встреча с Мао Цзэдуном и подписание знаменитого Шанхайского коммюнике. После этого в течение одного года дипломатические отношения с Китаем на уровне послов установили 16 государств, включая Великобританию, Японию, ФРГ и Австралию. И хотя установление официальных дипломатических отношений с США затягивалось из-за расхождений сторон в тайваньском вопросе, международный авторитет КНР стремительно возрастал⁸. И все это происходило в годы, официально именуемые «периодом культурной революции».

Несмотря на сохранявшийся яркий антисоветизм в политике Пекина, выход КНР из дипломатической изоляции в первой половине 1970-х годов в целом следует рассматривать как положительное явление. Несопоставимо хуже была бы ситуация, при которой страна с самым большим населением в мире отгородилась бы в тот момент от мирового сообщества, ощерившись против него своим арсеналом ракетно-ядерных средств, как

поступает в настоящее время Северная Корея. В этом случае проблема глобальной безопасности и региональной напряженности усугубилась бы еще более значительно.

Как известно, к тому времени китайско-советские отношения все еще пребывали в состоянии конфронтации, однако уже прошли ее высшую точку, отмеченную в 1969 г. открытыми военными столкновениями двух стран в районе острова Даманский и в приграничье казахстанской степи. Безусловно, СССР не несет никакой ответственности за трагические события, разыгрывавшиеся на протяжении десятилетия в соседней стране. Хотя не исключено, что некоторые мотивы и элементы нашего поведения во взаимоотношениях с нею отчасти косвенно спровоцировали их возникновение.

Так, мы слабо или практически почти совсем не разбирались в нюансах менталитета китайской нации вообще и Мао Цзэдуна, в частности. Иначе советское руководство — от Сталина до Брежнева — не демонстрировало бы столь явно имевшиеся у него соображения относительно фигуры лидера Китая, альтернативной Мао Цзэдуну.

Как справедливо отмечалось в выступлениях коллег, «культурная революция» не имела никакого отношения к культуре и была развязанной Мао Цзэдуном борьбой за власть. А с учетом наших симпатий в отношении, например, Гао Гана или Лю Шаоци «советский импульс» в решении Мао развернуть эту борьбу за власть, ускользавшую из его рук, отрицать непросто. Мао лишь последовал примеру «коварного Сталина», сначала поддержавшего Гао Гана, а затем предавшего его.

Не стоило также, как это сделал в свое время Хрушев, раздавать китайцам щедрые обещания и авансы, которые затем оказывались по разным причинам невыполнимыми. Были и другие существенные «проколы» в наших взаимоотношениях с «братьями навек».

Кроме того, в отношениях КНР и СССР до и во время «культурной революции» до сих пор остается множество «белых пятен». Здесь упоминалось об одном из них — «загадке Линь Бяо». Хотя советские эксперты провели тщательное обследование на месте разбившегося в монгольской степи самолета «Трайидент», на борту которого якобы находились Линь Бяо и сопровождавшие его лица, и, казалось бы, по прошествии стольких лет можно предать гласности относящиеся к этому делу факты, вся информация по нему как в наших, так и в китайских архивах до сих пор строго засекречена. И ясности не будет до тех пор, пока гриф секретности не будет с нее снят. А пока многочисленные общеизвестные факты, включая долговременное пребывание Линь Бяо в 1940-е годы в Советском Союзе, мифологизируются, создавая почву для различных и бездоказательных гипотез и способствуя появлению экзотических версий гибели опального маршала. Его роль в истории Китая вообще и «культурной революции» в частности окончательно прояснится только на основе документальных свидетельств, которые должны быть обнародованы.

Объективности ради, следует отметить, что, налаживая новый внешнеполитический курс Китая, Мао стремился сделать его самостоятельным и старался достаточно уверенно и ловко лавировать между Сициллой и Харибдой противостоявших советско-американских интересов. Клеймя Линь Бяо как «переметнувшегося на сторону советского социал-империализма», он одновременно обвинял и осуждал перед членами Политбюро ЦК КПК Чжоу Эньлая, посмеявшегося, по его мнению, проявлять склонность к принятию предложения Киссинджера о «военном союзе с США против Москвы»⁹.

Все это, однако, не умаляет вины председателя за инициированные им преступления «культурной революции», одновременно не снимая при этом ответственности с его ближайшего окружения, которое не только не могло возразить ему, но фактически потворствовало в ее осуществлении.

«Культурная революция» стала хорошим уроком постижения Китая для всего мира, но главное — самопознания для него самого. Правда, часто возникает вопрос, который был задан и в ходе нынешней дискуссии: возможно ли повторение чего-либо подобного в КНР в наши дни? Представляется, что это нереально по ряду причин. Во-пер-

вых, современный Китай в корне отличается от Китая 50-летней давности не только экономически, но и в социальном аспекте: нынешнее китайское общество, несмотря на сохранившуюся тоталитарную политсистему — совсем не та серо-сине-зеленая масса, которой было достаточно легко управлять.

Во-вторых, хотя Си Цзиньпина признают в Китае сильным и авторитетным лидером, он все же не чета Мао, не имеет его веса, влияния и харизмы и больше всего боится распада страны. В частности, на юге КНР в провинции Гуандун и близком к Гонконгу Шэньчжэне, где преобладает реальный капитализм, никто не будет подчиняться указаниям и окрикам из Пекина, если в нем будут приниматься решения, противоречащие интересам местной деловой элиты.

В-третьих, любые неадекватные действия центра будут усугублять не только угрозу сепаратизма, но усиливать террористические опасности, исходящие в основном с территории СУАР. Рано или поздно Пекину неизбежно придется предпринять определенные шаги по смягчению режима. Вопрос в том, к чему это может привести?

Для нас итогом пройденного Китаем за 40 лет после окончания «культурной революции» пути могут служить контрасты диаметрально противоположных установок и лозунгов по отношению к нашей стране, актуальных полвека назад и сегодня. Тогда китайская пропаганда трубила о неизбежности войны с СССР и необходимости подготовки к ней. Сегодня звучат заявления об отсутствии альтернативы миру и стабильным отношениям между нашими странами. Еще четыре десятилетия назад Китай находился в состоянии конфронтации с СССР. Сейчас, по обоюдному признанию сторон, российско-китайские отношения — самые лучшие за последние 40 лет.

И последнее. В ходе дискуссии звучали аналогии между «культурной революцией» в КНР и тем, что происходит теперь на Украине. Высказывалось предположение, что вакханалия украинского национализма и русофобии может стать мощным катализатором последующего экономического взлета в этой стране. На мой взгляд, эти прогнозы не выдерживают критики. В конечном итоге все определяют люди. Поэтому нет никаких оснований ставить «на одну доску» творцов китайского чуда — прилежных, трудолюбивых, но полунищих крестьян и рабочих, готовых в последовавший после «культурной революции» начальный период реформ трудиться буквально за гроши, и сытых и ленивых болтунов и демагогов — «бузотеров с майдана», мечтающих сразу выбиться в миллионеры без затрат собственного труда, в расчете исключительно на внешнюю помощь.

Д.А. Смирнов:

При рассмотрении уникального исторического явления, которое представляла собой «культурная революция» в КНР, среди множества вопросов о его сущности, причинах и движущих силах возникает вопрос о том, была ли это «внутриэлитная» борьба за власть, развивавшаяся спонтанно, от одного события к другому, или же реализация более широкого замысла комплексной перестройки страны в духе левацких «идей Мао», невозможная без оттеснения от власти той части партийно-государственной номенклатуры, которая группировалась вокруг Лю Шаоци и его сторонников в руководстве КПК, прежде всего Дэн Сяопина.

При рассмотрении данного вопроса очевидно, что противоречия между этими двумя группировками далеко не исчерпывались борьбой за власть, а были связаны с давним противостоянием двух линий в развитии страны, начало которого прослеживается с конца 1940-х годов, накануне победы народной революции 1949 г. Тогда в руководстве КПК шла дискуссия относительно содержания политики «новой демократии» после образования КНР, в которой выявились определенные расхождения между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци по вопросу об отношении к национальной буржуазии. Лю придерживался более либерального подхода к использованию национальной буржуазии в деле строительства «новодемократического» государства. Эти расхождения между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци проявились и после образования КНР при обсуждении основных направлений

«новодемократических» преобразований, когда призыв Лю не допускать «левого авантюризма» в форме «подрыва частной собственности» и не бояться превращения отдельных крестьян-членов КПК в кулаков подвергся критике со стороны Мао как «односторонний лозунг обогащения» и «ошибочные правые взгляды». Разногласия продолжались и при разработке генеральной линии на построение социализма в Китае, когда Мао Цзэдун вновь подверг резкой критике мнение Лю Шаоци о необходимости «укрепления новодемократического строя» и обусловленной этим «защиты частной собственности», что отразило разногласия внутри партии по проблеме переходного периода. Широко известны выступления Лю Шаоци с критикой проводившегося Мао Цзэдуном курса «большого скачка», «кампании борьбы против правых» и насаждавшегося им культа личности.

С критикой культа личности выступил на VIII съезде партии в 1956 г. Дэн Сяопин в докладе об изменениях в Уставе КПК. Из Устава КПК съездом было изъято положение об «идеях Мао Цзэдуна», включенное в него на предыдущем VII съезде в 1945 г. в качестве официальной идейно-политической платформы партии. В то же время эта критика сопровождалась перечислением Дэн Сяопином заслуг и достижений Мао, что в тех условиях было вполне объяснимо.

В начальный период «культурной революции» Дэн Сяопин был отстранен от руководящей работы и отправлен на «перевоспитание». Но на ее заключительном этапе, с целью восстановления системы управления страной было решено вернуть к руководящей работе Дэна и ряд других репрессированных руководителей высшего ранга. В октябре 1973 г. ЦК КПК по указанию Мао Цзэдуна принял решение восстановить Дэн Сяопина на посту заместителя премьера Госсовета КНР, разрешить ему вернуться к участию в партийной жизни, а на состоявшемся в августе того же года X съезде КПК Дэн Сяопин был возвращен в состав ЦК КПК. Это было обусловлено как его организационно-политическими и административными способностями, так и, по всей видимости, определенной степенью доверия к нему со стороны Мао Цзэдуна, подкрепленного поддержкой Чжоу Эньлая и значительной части партийно-государственного аппарата, уцелевшего в ходе репрессий «культурной революции». Несмотря на недовольство «банды четырех», Дэн Сяопин по предложению Мао вскоре был назначен первым заместителем премьера Госсовета, а в январе 1975 г. — заместителем председателя Центрального военного совета и начальником Генерального штаба НОАК, членом Политбюро и заместителем председателя ЦК КПК. Однако вскоре он снова попал в опалу, будучи обвиненным в «инциденте на площади Тяньаньмэнь» в апреле 1976 г., и был вторично отстранен от руководства страной, теперь уже до ухода Мао Цзэдуна из жизни и последовавшего вскоре свержения «банды четырех», открывшего путь для возвращения к власти будущего «архитектора китайских реформ».

Линия Лю — Дэна, основанная на реалистическом подходе к вопросам социально-экономического развития, учитывающем материальные интересы трудящихся и всех хозяйствующих субъектов, противостояла линии Мао с ее принципом «политика — командная сила», последовательно проводившейся в жизнь с середины 1950-х годов, когда он начал по сути искусственное форсирование социалистических преобразований, вылившееся затем в политику «большого скачка» и насаждения «народных коммун». В совокупности все аспекты этой политики, включая прогрессирующее со времени XX съезда КПСС ухудшение советско-китайских отношений, свидетельствуют о том, что цель «большого скачка» состояла не только в том, чтобы «догнать» Англию, но в утверждении, пусть и такими методами, политической, военной и экономической самостоятельности по отношению к СССР и установлении тотального партийно-государственного контроля над всем обществом для мобилизации хозяйственного и людского потенциала страны на выполнение задач ускоренного развития, в первую очередь военно-промышленного комплекса. Хотя непосредственные результаты политики «военного коммунизма» оказались провальными, Мао Цзэдун продолжал уже в годы проведения курса на

«урегулирование» народного хозяйства отстаивать курс «трех красных знамен». «Культурная революция» предстает логичным продолжением этого курса, сочетающим борьбу с идейными противниками Мао Цзэдуна и его дальнейшее развитие в целях воспитания нового поколения молодежи и выдвижения из ее среды новой когорты управленцев, а также искоренения бюрократизма в партийно-государственном аппарате, усилившегося после того, как КПК превратилась в руководящую силу страны. Другое дело, что официально провозглашенные тогда лозунги установления прямой демократии масс и борьбы с бюрократизмом в обстановке насаждения культа личности Мао и фактически разгоравшейся гражданской войны возымели обратный результат и использовались противоборствующими сторонами в межфракционной борьбе. В конечном итоге ситуация стала настолько выходить из-под контроля, что пришлось наводить порядок с помощью армии, высылки главной ударной силы «культурной революции» — хунвэйбинов — подальше из городов и возвращения во власть второго главного «каппутиста» Дэн Сяопина.

«Культурная революция» оказала огромное воздействие на китайское общество и развитие китайского государства. Достаточно вспомнить, что по прошествии многих лет после нее, когда после событий на площади Тяньаньмэнь и распада Советского Союза в Китае шла острая полемика по поводу продолжения курса на построение рыночного социализма, Дэн Сяопин главной угрозой продолжал считать «левый» уклон как более опасный по сравнению с «правым», напоминая о «великой демократии» времен «культурной революции», едва не приведшей к разрушению государства.

Практически сразу после начала проведения политики реформ и внешней открытости Дэн приступил к подготовке пересмотра идеологической платформы КПК. Еще в ноябре 1979 г. под непосредственным руководством Дэн Сяопина и Ху Яобана была создана рабочая группа во главе с Ху Цяому для подготовки проекта соответствующего постановления на специальном пленуме ЦК КПК. При рассмотрении этого проекта в марте 1980 г. Дэн Сяопин определил в качестве центрального вопроса «утверждение места товарища Мао Цзэдуна в истории, отстаивание и развитие его идей». Этот проект лег в основу принятого шестым пленумом ЦК КПК 11-го созыва в 1981 г. «Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», в котором сформулирована сохраняющаяся по сей день официальная партийная оценка теоретической и практической деятельности Мао Цзэдуна. Согласно этой оценке, «идеи Мао Цзэдуна» являются «продуктом соединения общих положений марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции», сыграв решающую роль в построении основ социализма в КНР. Но начиная с конца 1950-х годов, Мао Цзэдун допустил серьезные ошибки, связанные с «большим скачком» и «культурной революцией». Эти ошибки, согласно тексту «Решения», противоречат научному содержанию «идей Мао Цзэдуна» и потому не включаются в них. В целом заслуги Мао Цзэдуна были объявлены в «Решении» главным в его деятельности, намного перевешивающим ущерб от совершенных им ошибок.

С одной стороны, «культурная революция» была охарактеризована в «Решении» как трагический этап в истории Китая, нанесший тяжелый ущерб китайскому народу и делу строительства социализма в КНР. Вина за это в «Решении» возложена лично на Мао Цзэдуна, «развязавшего» «культурную революцию» и «руководившего» ею. С другой, Мао этим же решением фактически был реабилитирован на основании своих заслуг перед партией, его фигура была официально канонизирована как лидера нации, приведшего китайский народ к победе в антиимпериалистической, антифеодальной революции, созданию Китайской Народной Республики и построению социализма в КНР.

При рассмотрении «культурной революции» возникает вопрос о том, каким образом она повлияла на дальнейший вектор развития страны. Думается, что «прививка» «культурной революции» сыграла свою роль в восприятии китайским народом политики реформ и внешней открытости. И здесь дело не только в том, что «культурная революция» по сути своей не имела ничего общего с идеалами социализма и лишь компромети-

рвала их в глазах народа. Результаты ее были таковы, что для скорейшего восстановления нормальной социально-экономической жизни требовались нестандартные в рамках тогдашних идейно-политических установок решения. Тот же арендный подряд на обработку земли в деревне, с которого начинались реформы, был по сути легализацией стихийного процесса использования крестьянами земли вне установленных рамок народных коммун как формы организации крестьянства. Если бы у власти не хватило тогда на это политической воли, то все могло закончиться социальным взрывом (а из истории Китая известно, что крестьянские восстания не один раз разрушали государство). Таким образом, первый шаг в повсеместном развитии рыночных отношений, во многом вынужденный, был сделан и, естественно, потребовал последующих шагов. Не сложись в результате «культурной революции» тяжелейшей ситуации в обществе, в экономике, в государстве, неизвестно, хватило бы «реалистическому» крылу руководства КПК политической воли и общественной поддержки для проведения глубокой и во многом болезненной для населения перестройки страны на основе рыночных реформ.

Можно ли говорить о влиянии «культурной революции» на настроения китайского общества в наше время? В конце 1970-х — начале 1980-х годов в Китае была проведена широкая «чистка» партийно-государственного аппарата от выдвиненцев «культурной революции» и сторонников левацких взглядов. Жизнь китайского народа в период проведения политики реформ и внешней открытости настолько кардинально изменилась по сравнению с той, что была до реформ, что вряд ли найдется много желающих вернуться в прошлое, память о котором еще сохраняется у старшего поколения.

Другой вопрос, что при определенных условиях — обострении социально-экономической ситуации, экологического кризиса, борьбы в руководстве за влияние и власть (то же «дело Бо Силая»), неспособности партийного руководства существенно подавить коррупцию во властных структурах на фоне существующих социальных разрывов (в доходах, в развитии города и деревни, в развитии регионов) в обществе может активизироваться запрос на радикальные меры. И в этом случае не исключено возрождение некоторых старых форм и методов организации массовой борьбы против «партийной бюрократии» и обращение к образу «председателя Мао» как знамени борьбы против коррумпированного чиновничества. Но думается, что нынешняя последовательная борьба с коррупцией и разложением чиновничества в сочетании с курсом на оздоровление стиля работы управленческого аппарата делает такую угрозу маловероятной. Вместе с тем, в случае обострения внутривластной борьбы, в том числе по причине усиления антикоррупционного давления на чиновничество, нельзя исключать возможности определенного «отката» власти в сторону активизации идейно-политической работы в духе проверенных временем традиционных лозунгов, идеалов и установок.

А.В. Виноградов:

Споры относительно природы «культурной революции» не окончены до сих пор. Восстановленной в целом ряде монографий практически по дням хронологии событий сегодня явно недостаточно. Изложенные в них подходы работают на одну — политическую версию событий. Одна из причин этого в том, что с самого начала в нашей стране этому явлению была дана партийно-политическая оценка, которая после осуждения «культурной революции» в самом Китае была канонизирована и, таким образом, стала исторической. Сущность «культурной революции» можно выявить только в расширенном временном интервале, связав с последовавшими реформами, чтобы оценить ее не как «узкое» политическое событие, а как социально-историческое — и через это по-новому посмотреть на историю Китая XX в.

Почему произошла «культурная революция»? Была ли у «культурной революции» позитивная программа? Почему после «культурной революции» начались успешные реформы? Вот главные вопросы, на которые необходимо ответить.

В процессе поиска модели развития, которая бы соответствовала современности, Китай открыл для себя возможность революционных изменений. Завоевав власть в 1949 г., КПК попыталась теми же методами провести социально-экономические преобразования. Однако провал «большого скачка» привел не к смене методов — вероятно потому, что Мао Цзэдун, овладевший искусством переворотов, других методов не признавал — а к смене объекта. Так началась «великая пролетарская», центральной задачей которой было подключение к историческому процессу масс, чтобы разрушить старую, традиционную, в первую очередь бюрократическую культуру. Отличительной чертой «культурной революции» стало то, что она произошла не сразу после завоевания власти и поэтому выглядела как разрушение уже созданного строя, хотя в действительности решала оставшиеся нерешенными после 1949 г. задачи.

Объяснить это явление можно только принципиальным отличием китайского общества от европейского. В европейской традиции основное противоречие общественного развития принято было связывать с классами, «отличающимися по их месту в общественном производстве». В Китае эта схема постоянно давала сбой. В Китае, где не было ни развитого пролетариата, ни крупной и мелкой буржуазии как основных общественных классов, трудно представить борьбу пролетарского и буржуазного начал в качестве главного социального конфликта. Взрывное высвобождение социальной энергии легко было трактовать как волонтаризм вождя, причудливое следствие политической борьбы и т.д. До общесоциологического и социокультурного анализа «культурной революции» дело так и не дошло, а основания для этого были. Прежде всего потому, что во всех поворотных событиях китайской истории XX в., включая «культурную революцию», решающую роль играла молодежь, восполнявшая своей активностью дефицит классового антагонизма и ставшая не эпизодическим, а закономерным фактором китайских революций. Вывод о решающей роли молодежи в социально-политических движениях справедлив и для европейского общества и постсоветского пространства, где у истоков наиболее масштабных социальных потрясений второй половины XX в. — начала XXI в. стояла молодежь, которая открывала путь к власти новым политическим силам.

Рабочий класс и крестьянство, составлявшие основную силу «большого скачка», не оправдали возлагавшихся на них надежд на быстрые перемены к лучшему. Революционному крылу КПК во главе с Мао Цзэдуном нужны были другие социальные силы. Настоящий общественный антагонизм в китайском обществе возник после образования КНР, когда выросло воспитанное в условиях не прекращавшихся идеологических кампаний новое поколение. Накануне «культурной революции» численность населения КНР до 25 лет составляла 60%, и уже в силу своей массовости эти люди могли стать движущей силой революции, противостоять которой не смогла даже победившая в 1949 г. КПК.

Формула культурной революции — активность молодого поколения и политическая воля вождя, которым по-прежнему оставался Мао Цзэдун. В середине 1960-х годов им была точно определена главная движущая сила новой политической кампании. Обращение к молодежи бросило самый мощный вызов социально-политической и социокультурной инерции. Традиционное китайское общество было, прежде всего, обществом культуры, а не экономики, поэтому и его главный конфликт пролегал в сфере культуры. Основным объектом революции была старая культура и представлявшая ее интеллигенция.

Свободная от норм традиционной морали молодежь, выступив в качестве главной силы преобразований, заставила левых радикалов на Западе говорить о «культурной революции» как о почине всемирно-исторического значения, а ее саму отнести к разряду крупнейших событий мировой истории. Этот исторический эксперимент продолжил череду революционных преобразований XX в. в наиболее «чистой» форме, без сдерживающих факторов и ограничений.

«Культурная революция» была направлена против традиционного общества, прежде всего его бюрократических структур, которые сдерживали динамизм, необходимый

современности. Эту традицию борьбы с бюрократизмом, за нравственное совершенствование продолжили демократическое движение 1978–1979 гг. у Сиданьской стены и последующие выступления молодежи, включая события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., подтвердившие существование у «культурной революции» позитивной программы.

Окончание «культурной революции» означало завершение антагонистической фазы борьбы и диктата свойственных ей революционных методов. Отказавшись от них, Китай обратился к поискам новой, конструктивной цели и очень скоро нашел ее в экономическом росте и повышении уровня жизни. После 1978 г. все главные дискуссии в КПК велись вокруг того, как и какими средствами обеспечить ее достижение.

У «культурной революции» была еще одна важная характерная черта. Это был период изоляции и закрытости и одновременно период внутреннего созревания китайской цивилизации для полномасштабной модернизации. Только нарушив целостность культурной традиции на самом фундаментальном, массовом уровне можно было начать синтез — трансформировать социальные отношения, внедрить технические достижения Запада и открыться внешнему миру для взаимодействия. Поэтому открытость наравне с реформой стала основой поступательного движения КНР в последней четверти XX в.

Последствия «культурной революции», деструктивной по своей природе, могли быть разными. велика была вероятность того, что начавшийся распад невозможно будет остановить. Однако из опыта «десятилетней смуты» были извлечены уроки.

Главная причина успехов китайских реформ в том, что «культурная революция» отбросила негативную инерцию и попутно догматизм. Но не менее важно, что после ее окончания КПК не стала восстанавливать стабильность, возвращаясь к старому, к чему, кстати, тогда стремилась значительная часть партийной элиты, а сохранила революционный дух и продолжила преобразования, но уже реформаторского толка, создав абсолютно новую, динамичную социальную модель и сумев превратить социально-политический динамизм из негативного в позитивный, направив в русло рыночной экономики.

Были сделаны и другие важные практические выводы. В «культурную революцию» началось массовое омоложение высших кадров. Это была первая, стихийная и поэтому неудачная попытка смены поколений в руководстве. Но уже в 1980-е годы в КПК была создана система планового омоложения руководства. Очевидной слабостью Хуа Гофэна при нахождении на посту Председателя партии был недостаток авторитета. После него авторитет преемников высших руководителей стал сознательно конструироваться, в частности, за счет внесения их «важных идей» и «теорий» в Устав КПК и Конституцию. А использованная в «культурную революцию» инверсия создала предпосылки для провозглашения «начального этапа социализма», задавшего новые ориентиры и стратегию развития.

О.Н. Борох:

События в экономической науке КНР в годы «культурной революции» представляют интерес в наши дни потому, что их изучение помогает понять предпосылки перехода Китая к экономическим реформам. В СССР в 1960-е — начале 1980-х годов подробно исследовали китайскую экономическую политику и идеологию периода «культурной революции». Однако со временем интерес к этим проблемам заметно снизился. Тематика китайских экономических дискуссий 1950-х и начала 1960-х годов легко стыкуется с теоретическими спорами первых лет реформ. Выпадающий из этой картины этап «культурной революции» ученые, как правило, опускали. Этому способствовали критические высказывания китайских авторов, заявлявших в первые годы реформ, что экономические публикации предшествующего десятилетия были лишены научной ценности и выступали оправданием политического курса.

В нынешних китайских исследованиях экономических идей «культурной революции» заметен акцент на поиске исторической взаимосвязи и преемственности. В современные труды по истории китайской экономической мысли XX в. входят главы, освещающие период «культурной революции». Примером может служить изданная в 2012 г.

«История экономической науки нового Китая (1949–2011)» под редакцией Чжан Чжоюаня, которая содержит раздел «Большое отступление в экономических исследованиях в период «культурной революции» (1966–1976 гг.)»¹⁰. Доклады по этой проблематике появляются на китайских научных конференциях. В дополнение к упоминаниям об известных фактах репрессий против отдельных экономистов, а также сворачивания деятельности исследовательских и образовательных структур в области экономической науки, в Китае предпринимаются попытки реконструировать и осмыслить теоретическое содержание экономической идеологии «культурной революции».

Углублению понимания этого периода способствовало появление мемуарной литературы. Известный ученый Юй Гуаньюань в книге «Я в “культурной революции”» рассказал о том, за какие взгляды его критиковали и как была организована эта критика¹¹. Он отметил, что если бы не было десятилетия «культурной революции», то не было бы и реформ в Китае. По мнению ученого, на многие вопросы, которые существуют в современном Китае, следует искать ответы исходя из уроков «культурной революции».

Внутри десятилетия «культурной революции» можно выделить два этапа в развитии экономической науки.

На первом этапе (1966–1971) главенствующее место занимала критика в адрес экономистов, занимавшихся разработкой китаизированной версии советской политэкономии. В опубликованной в июне 1966 г. в журнале «Хунци» установочной редакционной статье «Да здравствует великая пролетарская культурная революция»¹² были перечислены заслуживающие критики имена и течения в сферах философии, экономической и исторической науки, литературы и искусства, образования и СМИ. Среди экономистов центральной мишенью для критики стал бывший директор Института экономики АН Китая Сунь Ефан: «В кругах экономической науки Сунь Ефан и другие выдвинули набор ревизионистских заблуждений. Они выступали против руководящей силы идей Мао Цзэдуна, политики как руководящей силы, наставляли на прибыль как руководящей силе, деньгах как руководящей силе. Они стремились изменить социалистические производственные отношения, превратить социалистические предприятия в капиталистические»¹³.

Взгляды Сунь Ефана хорошо изучены отечественными исследователями. Его реформаторские идеи сыграли важную роль в процессе перехода Китая от плановой экономики к рыночной. Однако возникает вопрос о том, каких воззрений в годы «культурной революции» придерживались его оппоненты. Прежде всего, они были уверены в том, что в социалистической экономике нет места для использования рыночного механизма и закона стоимости. Они опровергали заявления о том, что стоимость и закон стоимости являются общими для капитализма и социализма. Попытки назвать прибыль «ведущей силой» в социалистическом обществе были истолкованы как создание предпосылок возрождения капитализма. С точки зрения критиков, китайские предприятия должны опираться не на прибыль и материальное стимулирование, а на политику пролетариата как командную силу. Призывы Сунь Ефана к повышению самостоятельности предприятий были расценены как попытка «превратить единую систему социалистической общенародной собственности в царство свободы». По мнению критиков, это привело бы к отрыву предприятий от единого механизма партийного руководства, возникновению среди получивших свободу предприятий конкуренции и анархии, превращению социалистической плановой экономики в капиталистическую рыночную экономику.

Критика в адрес Сунь Ефана была хорошо подготовлена. В № 2 издававшегося редакцией «Хунци» журнала для внутреннего пользования «Нэйбу вэйдингао» за 1966 г. была опубликована подборка статей Сунь Ефана для проведения дискуссии по «коренным вопросам социалистической экономики». В следующем выпуске появились критические статьи о взглядах Сунь Ефана. Эта кампания возобновилась в 1970 г. с появлением в «Хунци» и «Жэньминь жибао» статей с осуждением Сунь Ефана¹⁴. Научная биография экономиста была связана с СССР, что стало предлогом для обвинений в попытке «цели-

ком перенести в Китай методы хрущевской реставрации капитализма». Его упрекали в том, что он разделял идею советского экономиста Е.Г. Либермана «прибыль — руководящая сила» и призывал в Китае «действовать более последовательно, чем Либерман»¹⁵.

Критика в адрес Сунь Ефана служила указанием на неприемлемость для Китая советских экономических экспериментов времен косыгинских реформ. Главной тревогой эпохи «культурной революции» была угроза возрождения капитализма вследствие утраты контроля за развитием товарно-денежных отношений. Закон стоимости в Китае рассматривали как чуждую социалистической экономике силу, которую следует всячески ограничивать.

Второй этап экономических обсуждений начался в 1972 г. Сигналом стала публикация в журнале «Хунци», призывавшая «изучить немного политической экономии»¹⁶. Источником этого указания был назван Мао Цзэдун. Были поставлены задачи изучения производственных отношений, овладения объективными законами функционирования социалистической экономики.

В том же году в Шанхае был напечатан проект предназначенного для обсуждения и сбора отзывов первого варианта нового учебника политической экономии социализма¹⁷. Переизданная с изменениями в 1973, 1975 и 1976 гг. книга раскрывает специфику китайской экономической теории «культурной революции».

В предисловии к учебнику был выдвинут тезис о «двойственном характере социалистических производственных отношений», внутри которых одновременно присутствуют растущие факторы коммунизма и следы умирающего капитализма. На основе этой «двойственности» было сформулировано понятие «буржуазных прав» при социализме как концентрированного воплощения «капиталистической традиции» или «следов капитализма»¹⁸. Поскольку «буржуазные права» существуют в товарном производстве и распределении, они присутствуют во всем процессе производства, распределения, обмена и потребления. По мере воспроизводства социалистических производственных отношений «следы капитализма» также постоянно воспроизводятся, порождая капитализм и буржуазию. Таким образом, в ходе социалистического воспроизводства крепнут коммунизм и пролетариат, но вместе с тем вновь и вновь появляются капитализм и буржуазия, что создает постоянную опасность капиталистической реставрации. Получил распространение тезис, согласно которому право руководства определяет право собственности: если руководство социалистическим предприятием оказалось в руках буржуазии, то в характере права собственности произойдут изменения.

Начиная с первого варианта шанхайский учебник содержал критические оценки советской экономической модели. Утверждалось, что при Хрущеве и Брежневе, ставшими выразителями не уничтоженного эксплуататорского класса, «собственность социалистического государства превратилась в собственность бюрократической монополистической буржуазии»¹⁹. Примечательно, что в книге использовано большое количество информации, «просочившейся из советской ревизионистской прессы». Это касается, к примеру, системы зарплат и формирования в СССР новой зажиточной элиты в лице «бюрократической монополистической буржуазии». Тезис о превращении колхозной собственности в собственность «идущих по капиталистическому пути» обоснован с опорой на примерный устав колхоза и другие нормативные акты. Для критики советской теории полного хозрасчета как «системы обогащения бюрократической монополистической буржуазии советских ревизионистов» были использованы публикации «Экономической газеты» и журнала «Вопросы экономики». Учебник давал представление о советских экономических реформах, подчеркивая, что эти меры ускоряют реставрацию капитализма. В завершающем разделе специализация производства в рамках СЭВ и координация планов развития народного хозяйства стран социализма были охарактеризованы как отражение «мечты советских ревизионистов о создании большой империи»²⁰.

Разделы с критикой «теории и практики советских ревизионистов» по вопросам собственности, полного хозрасчета и международного разделения труда показывают, что несмотря на существовавшее в то время отчуждение между двумя странами в Китае хорошо знали советские материалы. Ссылки на советские газеты, нормативные документы и даже научные журналы позволяли составить представление об экономических реформах в СССР. Шанхайский учебник политэкономии социализма, содержащий систематизированное изложение экономических воззрений эпохи «культурной революции», вызвал интерес у западных исследователей. Подготовленное в Шанхае популярное учебное пособие для молодежи «Базовые знания политической экономии»²¹ было издано в переводе на английский язык²².

В отечественной науке эти учебные материалы остались малоизвестными. После завершения «культурной революции» в Китае их подвергли критике и больше не издавали. Тем не менее, полное раскрытие их содержания возможно лишь с учетом советской нормативной политэкономии и китайского опыта ее переосмысления и критики начиная с выступлений Мао Цзэдуна 1950-х годов. Объективное изучение шанхайских экономических учебников 1970-х годов важно не только для создания всесторонней картины развития китайской экономической науки, но и для прояснения путей развития политэкономии социализма в XX столетии.

Экономическая идеология периода «культурной революции» может быть сопоставлена с современным официальным экономическим дискурсом. Китайский лидер указывает «партийным и правительственным органам всех уровней, как следует изучать и использовать политическую экономия»²³, его характеристика нынешнего противоречия между спросом и предложением в китайской экономике опирается на теорию противоречий Мао Цзэдуна. Экономические публикации «культурной революции» с призывами «изучить немного политэкономии», а также с анализом противоречий между классами, между производительными силами и производственными отношениями, между надстройкой и экономическим базисом, помогают выявить исторический фон этих рассуждений. Без исследования периода «культурной революции» представления о пути развития экономической науки в КНР будут неполными. Историю современной китайской экономической мысли следует изучать как целостное и комплексное явление, не допуская произвольного изъятия «ошибочных» и «ненаучных» фрагментов.

А. В. Ломанов*

Китайская идеология времен «культурной революции» была построена на призывах к укреплению пролетарской диктатуры, ведению классово-борьбы и преодолению буржуазных «пережитков». Однако в конце минувшего века в ней открылась новая важная страница совершенно иного содержания. В центре внимания китайских интеллектуалов оказалось наследие Гу Чжуня (1915–1974). Прежде ученый был известен лишь как экономист. После публикации в 1994 г. собрания его произведений²⁴ он предстал в облике отважного мыслителя-энциклопедиста, который на исходе «культурной революции» смело размышлял о проблемах Китая и перспективах социалистического строя. Эти взгляды были отражены в его письмах брату и в дневниковых записях.

Гу Чжунь родился в 1915 г. в Шанхае в семье мелкого торговца. В возрасте 12 лет он поступил в коммерческое училище, потом изучал бухгалтерское дело. На этом поприще юноша добился больших успехов, в 1930-е годы он составил ряд учебников по бухгалтерскому делу, в том числе первое в Китае пособие по банковской бухгалтерии. В 1935 г. Гу Чжунь вступил в КПК, в 1940–1945 гг. в Яньани заведовал финансами в 4-й армии, учился в Центральной партшколе КПК. В 1948–1952 гг. он возглавлял городское финансовое управление Шанхая, его сняли с этой должности в период «движения против

* Подготовлено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-01-00295 «Китайский либерализм XX века: западное влияние и традиционная культура».

трех». В 1955 г. его приняли на работу в Институт экономики АН Китая. В 1957 г. он опубликовал в журнале «Цзинцзи яньцзю» известную статью о товарном производстве и законе стоимости, в которой впервые выдвинул тезис о рыночной экономике при социализме²⁵. В том же году его объявили «правым элементом» и отправили в деревню. В 1962 г. он вернулся в Институт экономики, переводил работу Й. Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия», изучал теоретические проблемы бухгалтерского учета при социализме. В 1965 г. Гу Чжуня вновь объявили представителем «правого течения» и опять сослали в деревню.

В жизни ученого начался период одиночества и бедствий. В 1965 г. жена подала на развод, в 1968 г. она покончила с собой. Дети порвали с ним отношения. В 1971 г. он вернулся в Пекин. В 1973 г., будучи тяжело больным, он начал подробно излагать свои размышления в письмах брату Чэнь Миньчжи (их отца звали Чэнь Вэньвэй, в юности Гу Чжунь взял фамилию матери), которые потом были собраны под заголовком «От идеализма к эмпиризму». В последний год жизни Гу Чжунь занимался изучением истории Древней Греции, его исследование системы греческого полиса было опубликовано в незавершенном виде²⁶. Он умер в пекинской больнице 3 декабря 1974 г.

Чэнь Миньчжи пытался издать письма Гу Чжуня еще в 1980-е годы, однако этот замысел был осуществлен лишь в 1994 г. в год 20-летия смерти ученого. В 1995 г. в Институте экономики АОН Китая состоялась конференция в честь 80-летия Гу Чжуня, на которой его наследие получило высокую оценку. После этого были изданы дневники, научные заметки и автобиография Гу Чжуня²⁷.

Китайские авторы отмечают, что в 1990-е годы реформаторские силы целенаправленно «подогревали» интерес к наследию Гу Чжуня. Сборник его работ был опубликован в 1994 г. вскоре после поездки Дэн Сяопина на юг Китая в 1992 г. и политического поворота в направлении рыночных преобразований. На примере Гу Чжуня можно было продемонстрировать, что реформаторские идеи присутствовали в китайской интеллектуальной среде еще в 1950-е годы, а поиск пути развития Китая не прерывался даже в трудный период «культурной революции». Ли Шэньчжи характеризовал Гу Чжуня как представителя либерального течения китайской мысли. С этим суждением можно спорить, однако в идеях Гу Чжуня 1970-х гг. очевидно присутствовали идеи западной демократии и рыночной экономики. Большой вклад в пропаганду реформаторских идей Гу Чжуня внес известный экономист У Цзинлянь, лично знавший его с 1950-х годов.

Взгляды Гу Чжуня первой половины 1970-х годов стали частью реформаторских дискуссий в Китае с опозданием на два десятилетия. Знакомство с ними произвело в стране большой резонанс благодаря сочетанию свободной мысли и личной трагической судьбы ученого. Гу Чжунь стал воплощением способности держаться в стороне от всеобщего восхваления официальной политики и сохранять собственный рациональный взгляд на окружающую действительность. Обращение к имени Гу Чжуня позволяло опровергнуть заявления о том, что в Китае во второй половине XX в. не стало самостоятельных творческих мыслителей. Исследователи истории китайской мысли получили возможность добавить к критическому анализу левацких тенденций «культурной революции» позитивное изложение идей Гу Чжуня²⁸.

Письма Гу Чжуня 1973–1974 гг. охватывают широкий круг проблем, наиболее примечательны его рассуждения об общественном устройстве и политике. Он принципиально отвергал идею «прямой демократии», попытка реализации которой была предпринята в Китае в годы «культурной революции». Ученый утверждал, что прямое народо-властие неосуществимо, подобное было возможно лишь в древности в небольших греческих городах-государствах. Современные государства большие, они выходят за пределы наций, там есть парламенты и происходит смена правящих партий. Исключением стали СССР и Китай, в однопартийной системе демократия выступает как прикрытия для диктатуры. «Прямая демократия (которая конечно невозможна, она обязательно превратится

в диктатуру) «одной идеологии, одной партии», если существует только одна идеология, обязательно удушит мысль, убьет науку!»²⁹.

Гу Чжунь не верил в то, что народ может быть «хозяином» и что к этому следует стремиться. По его словам, история запомнила лишь Чэнь Шэна и У Гуана — вожаков крестьянского бунта против династии Цинь, а не деятельность десятков тысяч крестьян, которые откликнулись на призыв, брались за оружие и погибали в сражениях. Условия жизни народа немного улучшились, но в политике люди хозяевами не стали. По мнению ученого, так было в абсолютистском Китае, так было после великой революции во Франции, то же самое произошло в Китае после 1949 г.

Чтобы решить эту проблему, нужна конкуренция и смена двух партий в парламенте. Лишь когда есть оппозиционная партия, возможны настоящие критика и самокритика. По мнению ученого, в этом можно убедиться на примерах истории СССР и КНР. Гу Чжунь полагал, что попытка Ленина осуществить прямую демократию оказалась неудачной, и власть перешла в руки советских партийных лидеров. Он выразил сожаление, что у Маркса в вопросе о демократической политике было слишком много построенного на любви к афинской демократии идеализма и мало эмпиризма. Гу Чжунь подчеркивал, что авторитаризм уничтожает прогресс, он осуждал принцип «демократического централизма», ссылаясь на требования духа науки. Основой демократии он называл научную свободу и свободу мысли. В этих рассуждениях можно увидеть отзвуки китайской просветительской идеологии «Движения 4 мая».

Нет абсолютно совершенного политического строя. поэтому прогресс человеческого общества не имеет пределов. Целью революции было построить Царство Небесное (*Тяньго*) на земле, то есть общество «без отчуждения» и «без противоречий». Гу Чжунь заявил, что после долгих размышлений пришел к выводу, что Царство Небесное на земле построить невозможно — это «полная иллюзия», противоречия будут существовать вечно. Поэтому нет никакой «окончательной цели», есть только непрерывный прогресс³⁰. Демократия связана с непрерывным прогрессом, а не с определенной целью. По мнению Гу Чжуня, постановка окончательной цели порождает диктатуру. Это происходит в том случае, если революционеры верят в эту цель и готовы пожертвовать ради нее демократией. Тирания Сталина не была создана полностью для его личной власти, он верил, что действует для блага людей, но совершал при этом зло, и это стало настоящей трагедией.

У Гу Чжуня можно найти много критических оценок в адрес СССР, который занимается военными приготовлениями на фоне неблагоприятного положения в экономике — в сельском хозяйстве застой, производство потребительских товаров отстает от роста покупательной способности, снабжение «помидорами, огурцами и хлебом» остается неразрешимой проблемой. По мнению ученого, эти болезни не поддаются лечению, потому что возникли под влиянием политики. Он заметил, что после победы революции 1917 г. Ленин обещал молодежи, что она увидит коммунизм. Многих из этих людей уже нет, а те, кто живы, «видят, как советские военные корабли плавают по всему миру, видят, что их жизненный уровень не превосходит Чехию, видят протесты Сахарова и репрессии в его адрес»³¹.

В последние годы жизни Гу Чжунь занимался античной историей. Он пытался понять, почему в Китае вместо демократических институтов Древней Греции и Рима появилась восточная деспотия, которую невозможно было разрушить. Ученый указывал на различие географических условий — относительно изолированные друг от друга небольшие греческие полисы могли покупать себе свободу за деньги, в Китае города находились под сильным давлением императорской власти. Другое отличие относилось к сфере мировоззрения — древние греки думали о проблемах вселенной, в Китае воцарилась культура историков-летописцев, которая прославляла и охраняла политическую власть. В Европе в средние века были две политические власти — светская и духовная, они могли друг друга взаимно ограничивать, у людей была возможность для маневра ме-

жду ними, поэтому не было полного абсолютизма, сохранялась определенная академическая свобода. В Китае политическая власть была одна, и людям укрыться от нее было негде. В Древней Греции и Риме рано появилась традиция прав человека, которой не было в Китае, где ни один человек не был защищен от произвола императорской власти.

Критика традиционной мысли Китая обязательно нужна для развития науки и демократии. Гу Чжунь полагал, что китайская мысль очень бедна по содержанию — в ней нет логики и философии, только моральные поучения, в ней нет рационализма, который есть в христианстве, нет систематического эмпиризма. По мнению Гу Чжуня, китайский восточный деспотизм вырос из идейной монополии конфуцианства. Чтобы выйти из этой ситуации, китайцам нужно развивать плюрализм философских идей, ведь во времена его существования в древнюю эпоху Весен и Осеней — Борющихся царств китайская политика была относительно демократической. Он приравнивал философский плюрализм к научному духу: люди познают мир, чтобы постепенно его улучшать, но для прогресса человечества нужна борьба идей.

Еще одна тема рассуждений Гу Чжуня, близкая к идеологии реформ — это способность капиталистической системы адаптироваться, исправлять свою политику, повышать уровень жизни людей. Он отмечал, что при социализме рост уровня жизни оказался куда более медленным. Ученый признавал, что без воздействия со стороны революции 1917 г. капитализм мог бы и не свернуть с пути империализма, а внутри него не появилось бы течение демократии и народного благосостояния.

У капитализма еще есть силы для развития, после 1929 г. больше не было крупномасштабных экономических кризисов и Гу Чжунь не ожидал их повторения. Он отмечал, что не оправдалась надежда Маркса на переход к социализму самых передовых капиталистических стран. Источником жизнеспособности капитализма стала возможность ведения критики — там проблемы постоянно выходят на поверхность, их обсуждают, скрывать их невозможно. Ученый отметил, что критику войны во Вьетнаме вела американская «духовная аристократия». На Западе у высших слоев все меньше привилегий, уменьшается разрыв в доходах, тогда как в неразвитых странах стоящие у власти люди образуют привилегированный класс, они не проводят нужные для экономического развития социально-политические реформы.

Гу Чжунь выступал против уравниловки и спартанского духа. Он отмечал, что Китай прошел через уравниловку, дух борьбы и демократический централизм. Ученый признал, что они нужны в трудных условиях для разгрома угнетателей в ходе революционной борьбы. Но потом все это становится формальностью и за царственным внешним видом скрывается внутреннее разложение.

Письма Гу Чжуня 1973–1974 гг. характеризуют ученого как представителя западного течения, близкого к идеологии социал-демократии. Подобные воззрения не могли быть частью открытых дискуссий эпохи «культурной революции». Вместе с тем его идеи несут на себе явный отпечаток проблем той эпохи, повлиявших на направление рассуждений мыслителя.

-
1. *Жэнь Пин*. И ши вэй цзянь ши вэйлэ гэнхао цянънцзинь: [Использование истории в качестве учителя необходимо для того, чтобы еще лучше двигаться вперед] // *Жэньминь жибао*. 2016. 17 мая.
 2. *Пан Сяньчжи*. Чжунго гунчаньдан ши ю дутэ юши дэ макэсычжун чжэндан: [КПК — это марксистская политическая партия, обладающая уникальными преимуществами] // *Жэньминь жибао*. 2016. 3 июня.
 3. *Шан ся худун, цуцзинь чжэньчжи тичжи гайгэ*: [Наладить взаимодействие между верхами и низами, стимулировать реформу политической системы] // *Яньхуан чуньцю*. 2012. № 5 С. 1–7.
 4. *Жэньминь жибао*. 2016. 19 мая.

5. Foreign Affairs. БПИ. 1973. 19 марта.
6. *Пацзов А.В.* Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 294.
7. Там же. С. 323.
8. Там же.
9. Там же. С. 327.
10. Синь Чжунго цзинцзисюэ шиган (1949–2011): [История экономической науки нового Китая (1949–2011)] / Ред. Чжан Чжоюань и др. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2012. С. 79–103.
11. *Юй Гуанъюань.* «Вэньгэ» чжун дэ во: [Я в «культурной революции»]. Гуанчжоу: Гуандун жэньминь чубаньшэ, 2011.
12. Учань цзецзи вэньхуа да гэмин ваньсуй: [Да здравствует великая пролетарская культурная революция] // Хунци. 1966. № 8. С. 6–20.
13. Там же. С. 12.
14. Шэхуэйчжун цзяньшэ юй цзинцзисюэ линьхой чжун дэ цзецзи доучжэн — пипань Сунь Ефан дэ сючжэнчжун цзинцзи лилунь: [Социалистическое строительство и классовая борьба в сфере экономической науки — критика ревизионистских экономических теорий Сунь Ефана] // Хунци. 1970. № 2. С. 52–63; Дуй Сунь Ефан дэ пипань хэ цзинцзи чжаньсянь дэ доу пи гай: [Критика Сунь Ефана и борьба, критика, исправление на экономическом фронте] // Жэньминь жибао. 1970. 24 февр.
15. Шэхуэйчжун цзяньшэ юй цзинцзисюэ линьхой чжун дэ цзецзи доучжэн. С. 52, 53.
16. *Фан Хай.* Сюэ и дян чжэнчжи цзинцзисюэ: [Изучить немного политической экономии] // Хунци. 1972. № 7. С. 35–42.
17. Шэхуэйчжун чжэнчжи цзинцзисюэ (чжэнцю ицзянь гао): [Политическая экономия социализма (проект для сбора мнений)]. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1972.
18. Шэхуэйчжун чжэнчжи цзинцзисюэ (вэйдингао): [Политическая экономия социализма (проект)]. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1973. С. 2.
19. Шэхуэйчжун чжэнчжи цзинцзисюэ (чжэнцю ицзянь гао). С. 54.
20. Там же. С. 365.
21. Чжэнчжи цзинцзисюэ цзичу чжиши: [Базовые знания политической экономии]. 2-е изд. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1975.
22. *Fundamentals of Political Economy.* N.Y.: M.E. Sharpe, 1977.
23. Жэньминь жибао. 2014. 9 июля.
24. Гу Чжунь вэньцзи: [Собрание работ Гу Чжуня]. Гуйян: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 1994.
25. *Гу Чжунь.* Шилунь шэхуэйчжун чжиду ся дэ шанпинь шэнчань хэ цзячжи гуйлюй: [Попытка обсуждения товарного производства и закона стоимости при социалистическом строе] // Цзинцзи яньцзю. 1957. № 3. С. 21–53.
26. *Гу Чжунь.* Сила чэнбан чжиду: [Строй греческих полисов]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1982.
27. Гу Чжунь бицзи: [Записки Гу Чжуня]. Пекин, Чжунго циннянь чубаньшэ, 2002; Гу Чжунь жичи: [Дневники Гу Чжуня]. Пекин: Чжунго циннянь чубаньшэ, 2002; Гу Чжунь цзышу: [Автобиография Гу Чжуня]. Пекин: Чжунго циннянь чубаньшэ, 2002.
28. *Чэнь Чжээфу, Цзян Жунхай, У Пи.* Эрши шицзи Чжунго сысян ши: [История китайской мысли XX века]. Цзинань: Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 2002. С. 1006–1028.
29. Гу Чжунь вэньцзи: [Собрание работ Гу Чжуня]. С. 369.
30. Там же. С. 370.
31. Там же. С. 374.

Информационно-аналитическая деятельность российских консульств в Монголии в начале XX века

© 2016

А.А. Сизова

В статье рассматриваются особенности деятельности консульских учреждений Российской империи в Монголии в области анализа политической и военной обстановки в начале XX в. Анализируется работа заграничных учреждений МИД по наблюдению за реализацией политики Китая в отношении Внешней Монголии и соседних регионов. Освещается участие российских дипломатов в ограничении распространения японского влияния в Монголии и раскрывается их посредническая роль в решении «тибетского вопроса».

Ключевые слова: дипломатия России, консульство, информационно-аналитическая работа, Китай, Монголия, Тибет, Япония.

Работа дипломатических и консульских учреждений держав в Восточной Азии в XIX–XX веках в условиях их энергичного проникновения в эту часть мира, активизации Японии на континенте и обострения внутривосточной борьбы в Китае была неразрывно связана со сбором и анализом данных особой важности, или «секретных данных»¹. Информацию собирали представительства всех стран, и для российских консульств, сеть которых была весьма обширна, это также было одной из приоритетных задач.

Вследствие того, что в Российской империи до начала XX века не было учреждено специализированной службы внешней разведки, необходимые сведения о зарубежных странах и о Китае, в частности, доставляли служащие нескольких ведомств — МИДа, Генерального штаба,² военного и морского министерств, министерств внутренних дел и финансов, а также региональных администраций. На Дальнем Востоке разведка стала приобретать организованные формы лишь после создания посланником в Пекине Д.Д. Покотиловым специальной политической агентуры в 1906–1909 гг., поэтому большой объем секретных сведений о ситуации в регионах Китая предоставлялся правительству дипломатической миссией и консульскими представительствами.

Сведения из Внешней Монголии и Синьцзяна обладали большой важностью, поскольку консульские учреждения в этих отдаленных районах долгое время были единственными представительствами российского государства. Например, результаты осведомительной работы российских консульств в Синьцзяне еще с середины XIX в. были крайне значимы для правительства в связи с усилением в регионе соперничества России и Англии. Кроме того, в начале XX века учреждения в Кульдже, Чугучаке, Кашгаре и Урумчи проводили работу по наблюдению за активностью японцев на территории Запад-

Сизова Александра Александровна, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: sayun@yandex.ru.

Исследование выполнено в рамках Программы индивидуальных исследований Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2014 г.

ного Китая. Накануне Первой мировой войны они отслеживали деятельность турецких пропагандистов, германских и австрийских разведчиков. В случае с Монголией, в которой до начала XX века консул в Урге (Их-Хурэ, современном Улан-Баторе) являлся единственным официальным представителем интересов российского государства³, политические и наблюдательные функции являлись столь же важными, как и те, которые были направлены на защиту и развитие российской торговли и распространение русской культуры.

Вопросы информационно-аналитической работы российских дипломатов в Монголии до 1917 г. не являлись темой специального исследования в отечественной историографии. Некоторые сюжеты данной темы затрагивались в трудах Ш.Б. Чимитдоржиева, Е.А. Белова, С.Г. Лузянина, В.А. Моисеева, В.Г. Дацышена и других авторов, исследовавших проблемы отношений России с Монголией и Китаем в данный период⁴. Е.М. Даревская, Н.Е. Единархова и Ю.В. Кузьмин в своих трудах касались отдельных аспектов политической работы консульства в Урге, преимущественно в период пребывания на посту консула Я.П. Шишмарева⁵. Роли ургинского консульства в наблюдении за ситуацией в Тибете уделил внимание А.И. Андреев, детально изучивший политику Петербурга в отношении «царственного изгнанника» Далай-ламы, скрывавшегося в Монголии в ноябре 1904—июле 1906 г.⁶ Об участии ургинского консульства в коммуникации Далай-ламы с Петербургом, монгольскими и китайскими властями, обсуждении «тибетского вопроса» упоминает в своей статье С.Л. Кузьмин, который привлек для анализа переписку консульства в Урге⁷.

Исследователь А.Б. Гендунов в основном рассматривает формирование агентурной сети на Дальнем Востоке посланником в Пекине Д.Д. Покотиловым и штаб-офицером Заамурского округа пограничной стражи А.Д. Хитрово. Роль же чиновников Министерства иностранных дел в поиске секретных данных во Внешней Монголии до и после создания этой сети не акцентируется⁸. Разрозненные свидетельства участия дипломатов в Китае и Монголии в сборе и интерпретации секретных данных, а также контрразведывательной деятельности встречаются в работах по истории специальных служб Российской империи⁹. Публикации о деятельности российских военных агентов в Монголии, изданные в последние годы, помогают уточнить, как разделялись сферы компетенции сотрудников разведки и дипломатии в начале XX века, в том числе в период борьбы монголов за национальное освобождение. Одной из таких публикаций является статья о монголоведе и тайном агенте Ф.К. Макушке (Боржимском), работавшем в Монголии в 1911 г.¹⁰ Таким образом, деятельность консульских представительств в Монголии в области наблюдения, сбора военно-политической информации, идентификации внешних угроз и противодействия иностранным разведкам в начале XX века в российской исторической науке подробно не рассматривалась.

В монгольской научной литературе, несмотря на наличие большого числа работ по истории взаимоотношений Монголии с Россией и Китаем, истории монгольского национально-освободительного движения¹¹, деятельность российских консульств также не подвергалась специальному анализу. Отдельно следует упомянуть работу О. Батсайхана, который проследил жизненный и профессиональный путь специального уполномоченного в Урге, бывшего посланника в Пекине И.Я. Коростовца, его дипломатическую работу по подготовке российско-монгольского соглашения 1912 г. и сопутствующих документов, а также взаимодействие с консульством в Урге по «монгольскому вопросу»¹².

В китайской историографии информационно-аналитическая деятельность российских консульств также остается практически не изученной. Концентрируясь в основном на проблемах межгосударственных отношений, китайские авторы упоминают о роли российских консулов в Монголии лишь в контексте внешней политики держав на Дальнем Востоке, двусторонних взаимодействий России и Китая, а также в рамках изучения «монгольского вопроса» в 1910-х годах¹³. При этом действия дипломатов, как правило, трактуются как направленные исключительно на усиление влияния России в Китае, защиту ее «империалистических» интересов в «сферах влияния», к которым относилась и Внешняя Монголия. Деятельность сотрудников российского Министерства иностран-

ных дел в данном регионе не рассматривается с точки зрения помощи монголам в сохранении их национальной самобытности и обеспечения региональной безопасности на Дальнем Востоке.

В англоязычной литературе по теме отношений России, Монголии и Китая в начале XX в. внимание авторов сосредоточено преимущественно на системных международных процессах. Единицами анализа в основном являются правительства и сложные взаимовлияния различных участников данных отношений с трех сторон. Вклад отдельных институтов в реализацию российской внешней политики в Монголии и Китае не подвергался специальному изучению. Среди авторов, касавшихся проблем российско-монгольско-китайских отношений в начале XX века, наибольшее внимание роли российских дипломатов уделили Дж. Фриттерс и П. Тан¹⁴. При этом темы, связанные с наблюдательной и контрразведывательной деятельностью консулов, не входили в сферу интересов европейских и американских ученых.

В данной статье на основе широкого круга источников и литературы, в том числе неопубликованных архивных данных, предпринята попытка рассмотреть ключевые направления и специфику информационно-аналитической работы российских консульств в Монголии (центральном городе Урге и в западной части страны) в начале XX столетия, ее значение для реализации дальневосточной стратегии Российской империи и судьбы Монголии в этот период.

Императорские российские консульства в Монголии активно привлекались к сбору секретной информации. Деятельность такого рода не именовалась «разведывательной» или «контрразведывательной», но в дипломатической переписке употреблялись термины «секретный агент», «секретные сведения», «дела секретного характера»¹⁵, «по частным каналам», следовательно, она была негласной. Таким образом, для выполнения осведомительной работы сотрудники МИД использовали не только открытые источники¹⁶. Задача по поиску секретной информации за рубежом была сформулирована в Положении об учреждении МИД 1803 г., переутвержденном императором Николаем II в 1897 г.¹⁷

Можно согласиться с тем, что Монголия была включена в область деятельности внешней разведки России только в период русско-японской войны, однако сбор сведений из закрытых источников начался российскими дипломатами в Урге задолго до создания особой политической агентуры. Ключевым вектором информационно-аналитической работы консульств в Монголии на протяжении всего периода их деятельности было наблюдение за внутрисполитическим положением в Монголии, взаимоотношениями маньчжурских (с 1915 г. — республиканских) и монгольских властей этого региона, духовного главы Монголии Джебдзун-Дамба-хутухты с монгольскими удельными правителями и Пекином, политикой Китая в отношении Монголии, которая в начале XX века обрела новый характер и была нацелена на военное, административное и экономическое реформирование, а также ханскую колонизацию региона. В период национально-освободительного движения монголов, развивавшегося с середины 1900-х годов, наблюдательная и осведомительная работа на этом направлении активизировалась всеми консульствами. Более того, консульские сотрудники оказались активными участниками политических событий, связанных с борьбой монголов за независимость, выступая в роли посредников в разрешении противоречий Монголии и Китая¹⁸.

Кроме анализа политической и военной обстановки на вверенной их вниманию территории, в своих донесениях в Министерство иностранных дел и посланнику в Пекине консулы в Монголии стремились зафиксировать данные о потенциальных внешних угрозах интересам Российской империи в этой «сфере влияния» и смежных с ней регионах. Отдельными статьями наблюдения были: деятельность Великобритании по закреплению в Тибете; проникновение Японии в Маньчжурию и Монголию и попытки подрыва российского влияния в этих регионах; манипулирование китайским правительством со стороны Японии, ее содействие колонизации и открытию Халхи для международной торговли. Несмотря на то, что для сбора информации во второй половине XIX—начале XX века в пограничные регионы Китая периодически направлялись экспедиции Гене-

рального штаба, результаты информационно-аналитической работы консульств во многом имели преимущество над собранными ими данными, поскольку сведения от консульств поступали с высокой частотой и регулярностью, отличались полнотой и большей точностью. Кроме того, благодаря стационарному пребыванию в одной местности на протяжении длительных сроков, дипломатам удавалось находить надежные и многообразные источники информации.

При заграничных учреждениях в Монголии, в отличие от консульств в других регионах Китая и в Корее, не было офицеров-разведчиков на должностях «прикрытия»¹⁹. Источниками секретных данных являлись агенты консульства (приближенные к консульству ламы, мелкие чиновники маньчжурских и монгольских управлений, торговцы). Известно, что в Западной Монголии такие агенты получали отдельное жалование. К примеру, исполняющий обязанности консула в Улясутае В.В. Долбежев в 1906 г. оплачивал работу агента-монгола для сбора данных о «негласной деятельности» местных маньчжурских чиновников в различных районах, входивших в консульский округ²⁰. Об интригах при дворе духовного лидера Джебдзун-Дамба-хутухты, настроениях удельных князей и простых аратов, созревании и развитии национально-освободительных идей, получивших распространение в начале XX века, консулы узнавали от представителей аристократии, с которыми входили в дружественные отношения, а также посредством общения с населением. Сведения о Тибете консул в Урге получал от паломников-бурят, периодически отправлявшихся в Лхасу. Ценным источником информации о планах иностранных держав в Китае были следовавшие через Монголию зарубежные путешественники, которым консульства оказывали всяческое содействие.

С начала 1906 г. посланник в Пекине Д.Д. Покотиллов приступил к созданию агентурной сети в Китае. Д.Д. Покотиллов находился в тесном взаимодействии с консульствами и администрациями приграничных регионов России (губернаторами, командующим войсками на Дальнем Востоке, начальником Заамурского округа пограничной стражи), крупными коммерческими предприятиями России, работавшими в Китае (Русско-Китайским банком, управлением КВЖД). Переводчики, служившие в приграничных администрациях, на КВЖД и при консульствах в Монголии и Маньчжурии (большинство из которых было выпускниками школы переводчиков и толмачей при консульстве в Урге) тоже доставляли агентуре полезные сведения о цинских чиновниках в Китае и Монголии, их отношении к японцам, влиянии Японии на императорский двор в Пекине, о настроениях монгольских князей и лам и т.д.²¹ Уже к 1907 г. руководителем агентуры А.Д. Хитрово была налажена разветвленная сеть информаторов, в том числе из среды русских коммерсантов, в разных пунктах Монголии и Маньчжурии. Агенты также направлялись в Ургу, города Восточной Монголии, Харбин²².

Деятельность агентуры А.Д. Хитрово в Монголии в некоторой степени пересекалась с информационно-аналитической работой консульств, однако качество анализа и интерпретации данных, а также уровень доступа к актуальной и достоверной информации у консулов оставались выше. Особое положение российских представителей и безусловное уважение к ним со стороны монгольской аристократии способствовали получению сведений «из первых рук» и на постоянной основе.

Сотрудники МИД с начала 1890-х годов проводили активную работу по наблюдению за процессами интегрирования Внешней Монголии в общую хозяйственную систему Китая. Цинское правительство со времен императора Тунчжи поощряло переселение китайцев в Южную Монголию, а с конца XIX века — и распространение колонизации в Халхе. Уже в начале XX века между Кяхтой и Ургой появились китайские фермы и пашни, а также военные казармы. Наблюдая за китаизацией соседней Маньчжурии, консул в Урге Я.П. Шишмарев предсказывал катастрофические последствия подобного процесса во Внутренней и Внешней Монголии. В письме директору Азиатского департамента Д.А. Капнисту 3 апреля 1895 г. он так писал о потенциальных результатах заселения региона китайцами и потери национальной самобытности населением Цицикарской провинции: «В самом близком будущем нашему Приамурскому краю предстоит существо-

вать уже не с Маньчжурией прежней, а Китаем, притом, с населением несимпатичным, характер которого, сложившийся при настоящих условиях заселения, вряд ли будет иметь что-либо в его пользу»²³. Об опасности колонизации Халхи, в том числе и для России, говорилось в докладе будущего консула в Урге и Кобдо В.Ф. Любы в Троицкосавско-Кяхтинском отделении Императорского Русского географического общества²⁴. Справедливость оценок дипломатов подтвердилась с началом активной распашки земель китайцами в Монголии в 1900 г. Донося 22 января 1906 г. об усугублении ситуации с проникновением ханьцев в страну, В.Ф. Люба открыто высказал поддержку халхаской аристократии во главе с Шанцзотбой, заявившим протест против посягательства на традиционное право монголов²⁵.

Активизация подготовки колонизации халхаских земель цинским правительством усилила разногласия восточных и западных аймаков. Для изучения данных противоречий и выяснения престижа России среди монгольской элиты в середине апреля 1907 г. консул Я.П. Шишмарев направился в Цэцэн-ханский аймак и на границу²⁶. С началом реализации реформы землепользования за советом к консулам в Урге и Улясутае постоянно обращались местные князья. В конце июля 1907 г. Я.П. Шишмарев участвовал в обсуждении вопроса колонизации с хошунными князьями в Урге и поддержал намерение халхасов остановить губительные для монгольской самобытности меры правительства²⁷. Эта поддержка укрепила решимость князей обратиться к императору с просьбой оставить в Халхе прежние порядки, для чего в конце ноября 1907 г. они направили в Пекин специальную делегацию²⁸. Отставка апологета колонизации маньчжурского амбана Янь Чжи привела к сплочению князей вокруг хутухты и повысила популярность российских дипломатов, ставших главными политическими консультантами монгольской аристократии²⁹.

Глава консульства в Улясутае в сотрудничестве с коллегами в Западном Китае в 1909–1911 гг. прилагал усилия к получению сведений о планах колонизации и устройстве военных поселений в Монгольском Алтае, а также о ситуации в Урянхайском крае. 3 июня 1909 г. консул В.В. Долбежев направил посланнику Г.А. Плансону секретно снятую в ямыне улясутайского цзянцзюня копию карты Урянхайского края с печатью его правителя Гамбо-дорджи³⁰. В течение 1909 г. он собрал ценные сведения о мерах укрепления и колонизации китайцами Алтая, административном делении китайских киргизов в ведении амбана Си Хэна, описания ухерид³¹ и их алтайских кочевий, данные о количестве солдат в Шара-Сумэ, организационной структуре войск и строителей, материальном обеспечении жизни крепости³². С помощью консула в Чугучаке в феврале 1910 г. ему удалось получить внесмасштабный план города³³. Во время первого объезда консулом в Улясутае В.В. Долбежеем Кобдо-Улясутайского округа в апреле—июне 1909 г. Военное ведомство назначило начальником конвоя, сопровождавшего консула, офицера военной разведки³⁴, что также стало примером взаимодействия консульского института с другими ведомствами при выполнении наблюдательных и осведомительных задач.

С начала китайско-японской войны в июле 1894 г. консульство в Урге осуществляло сбор сведений о деятельности японцев в Монголии, Китае и отношении местного населения к Японии³⁵. С этой страной правительство России связывало опасность проникновения в Монголию «третьей силы» и иностранной конкуренции российской торговле, грозившей потерей рынка. В результате действий России в Маньчжурии в 1901–1902 гг., не согласованных с японским правительством, в российско-японских отношениях нарастало напряжение. Действия Японии против России поощрялись Англией и Германией. Эти обстоятельства потребовали активизации осведомительной деятельности и Японии, и России как в Маньчжурии, так и в приманьчжурской Монголии.

Консулы в Урге и Улясутае доносили в МИД о каждом японце, побывавшем в стране, — от студентов Японской миссии в Пекине до торговцев и ученых, большинство которых были агентами. В октябре 1902 г. консул Я.П. Шишмарев сообщал о снаряженной Японией экспедиции в Монголию, Маньчжурию и на границу с Россией с целью изучения торговли. Цинское правительство приказало всем пограничным властям содействовать японским путешественникам. Глава консульства заключал, что «открытие японца-

ми непосредственных торговых сношений с Монголией не может быть нам желательным»³⁶. В задачи первой «торговой» экспедиции Японии в Монголии также входило изучение в военно-стратегическом отношении восточных районов, прилегающих к КВЖД³⁷. В июне 1903 г. управляющий консульством в Урге В.В. Долбежев запросил инструкций посланника на предмет оказания содействия экспедиции японца Ошима по рекомендации Японской миссии, а также допущения его в состоявшую при консульстве Ургинскую школу переводчиков для изучения монгольского языка. Сам В.В. Долбежев высказался о нежелательности данной экспедиции³⁸.

Во время русско-японской войны Министерство иностранных дел силами служащих Дипломатической миссии в Пекине и консульства в Урге собирало информацию о японско-китайском сотрудничестве и использовании Японией Халхи для получения разведывательных данных о военных планах и экономике России, а также для подрыва ее влияния на территории Монголии. С целью предотвращения проникновения японских агентов в страну и, одновременно, для выяснения стратегических устремлений правительства Японии началось создание агентской сети в районе монгольской столицы³⁹. Так, в октябре 1904 г. консул в Урге В.Ф. Люба принял меры для ознакомления с предписанием улясуйтайского цзянцзюня об оказании содействия японским закупщикам скота в Цзасактуханском аймаке⁴⁰. С 1905 г. консульства в Урге и других городах Монголии вели активное наблюдение за деятельностью японцев в монгольских хошунах, их общением с местными властями, топографическими мероприятиями и отражали это в донесениях.

В результате победы в войне с Россией политическая роль и вовлеченность Токио в международные процессы Северо-Восточной Азии существенно возросли. Все большее влияние Япония оказывала на правительство Пекина, которому она содействовала в планировании колонизации и освоения богатств Монголии. С сентября 1905 г. ургинское консульство сообщало о начале открытой деятельности японцев в Монголии. Три четверти путешественников, проезжавших по Халхе, были японцами, имели свидетельство от Вай-у-бу и губернатора Чжилийской провинции, а также право бесплатного проезда по казенным станциям. По маршруту Калган—Долоннор—Пекин проезжало несколько десятков японцев в месяц⁴¹. Под видом студентов и ученых японские агенты собирали сведения о торговле в Монголии, приобретали образцы импортных и монгольских товаров, организовав масштабную закупку сырья и скота через крупные китайские фирмы. Ими был спровоцирован рост цен на овчину и шерсть, который заставил русских купцов отказаться от покупки этой популярной в России продукции⁴².

Основной задачей японских офицеров было не столько изыскание возможностей продвижения на местный рынок японских товаров и инвестиций⁴³, сколько сбор данных о численности российских войск в приграничье и в городах пребывания консульств, отношениях монголов с русскими для выработки мер по ограничению влияния России в Монголии⁴⁴. Это отвечало политическим целям Пекина, предоставившего японским военным и торговцам полное покровительство. Японские агенты осуществляли съемку и разведку в Монголии вместе с китайскими властями, составляли точные планы окрестностей Урги, российского консульства и наблюдали за работавшими в нем дипломатами⁴⁵. Для подрывной деятельности японцы использовали подарки монгольской аристократии и помощь в получении образования в Японии, религиозную и политическую пропаганду исторической общности японского и монгольского народов, образовательную деятельность в хошунах монгольских князей (например, создание двух школ в хошуне Харачин-вана)⁴⁶.

В сентябре 1905 г. Пекином и Токио обсуждалась возможность учреждения в Монголии японского наместничества и открытия Урги и Калгана для иностранной торговли. В ответ на это управляющий консульством в Урге М.Н. Кузминский заявил маньчжурскому амбану Янь Чжи протест против нарушения Китаем трактатных правил допущением пребывания японских подданных в Урге в течение длительных сроков⁴⁷. Намеренно переоценивая степень развития российской торговли в Монголии, Пекин выражал готовность отменить режим беспошлинного торгового оборота с Россией. Ургинским амбаном с

подачи японских советников было дано распоряжение подготовить открытие таможен с Забайкальем и Восточной Сибирью⁴⁸. В Халху и Западную Монголию планировалось направить специального уполномоченного Су-цинъвана для изучения возможностей колонизации страны и ограничения экономической экспансии России. Кузминский обращал внимание МИДа на необходимость задержать открытие Монголии для международной торговли, чтобы предотвратить гибель российского предпринимательства, по крайней мере, до момента укрепления российской концессии в Урге и организации комиссионной деятельности Русско-Китайского банка⁴⁹. Особый вред российским интересам могли нанести китайско-японские промышленные проекты в Монголии.

Организация контрразведывательной деятельности на Дальнем Востоке с лета 1905 г. сопровождалась серьезными противоречиями Министерства иностранных дел и Военного ведомства из-за реваншистских настроений военных по отношению к Японии и несогласия прогермански настроенных кругов Генерального штаба и Совета государственной обороны с курсом А.П. Извольского на сближение с Англией и Японией⁵⁰. В целом с весны 1907 г. возобладала линия МИДа, однако это потребовало от министерства больших усилий. Данные противоречия, чреватые разрушением достижений Портсмутского мирного договора, иллюстрирует инцидент в августе 1905 г., когда командование Дальневосточной армии настаивало на аресте управляющим консульством в Урге М.Н. Кузминским двух японцев, проезжавших через этот город⁵¹. Поскольку Монголия являлась нейтральной территорией, а МИД стремился нормализовать отношения с Японией, российские власти не могли открыто препятствовать проникновению японцев в эту часть Китая. В то же время дипломаты активно участвовали в сборе сведений о деятельности японских агентов и китайско-японских договоренностях и, по мере возможности, ограничивали проезд подозрительных лиц в Россию.

Так как сферы компетенции консулов и пограничных военных властей в области разведки пересекались, их сотрудничество сопровождалось конкуренцией. В частности, отношения такого характера сложились между консулом В.Ф. Люба и кяхтинским пограничным комиссаром А.Д. Хитрово. Однако, проводя в целом независимую агентурную работу, консульства содействовали военным, с 1906 г. изучавшим театр военных действий русско-японской войны и пути сообщения, осуществлявшим военно-статистическое описание сопредельных с Россией дальневосточных территорий и топографические мероприятия.

Консульские донесения свидетельствуют, что с осени 1906 г. японские агенты уже активно действовали не только в Халхе, но и в Западной Монголии⁵². Некоторые из них пытались проехать из Монголии в Россию, и консульство в Улясутае находило предлоги для отказа в выдаче им заграничных билетов⁵³. В донесении от 9 сентября 1906 г. исполняющий обязанности консула в Улясутае В.В. Долбежев сообщал, что в Кобдо под видом торговца несколько месяцев прожил японец Закичай (транскрипция оригинальная), который собирал сведения о торговле, ездил до Кош-Агача, посетил амбана и и.о. консула в Улясутае, обещав вернуться в Монголию для торговли⁵⁴. В феврале 1908 г. В.В. Долбежев отказался выдать заграничный билет в Россию возможному японцу, приехавшему в Кобдо под именем Чжан-Кин-Юнь (транскрипция оригинальная) и попытавшемуся проехать без билета в Кош-Агач, где он в итоге был арестован⁵⁵.

В этот период чиновники МИДа, наряду с агентами Омского и Иркутского военных округов, активизировали осведомительную деятельность. Консулы устанавливали наблюдение за целыми группами японцев в монгольских хошунах, отслеживали топографические мероприятия, их общение с местными властями⁵⁶. На основе консульских донесений в Министерство иностранных дел вырабатывалась тактика в отношении Японии и потворствовавших ей властей Китая, предпринимались попытки ограничить засилье японцев в цинской администрации⁵⁷.

В октябре 1906 г. японские военные завершили рекогносцировку в Монголии. Для наблюдения за деятельностью агентов Японии, определения их численности в различных районах страны (Западной Монголии, Халхе, стране чахаров и Приманьчжурье),

оперативного реагирования на случай водворения японцев в Монголии чиновники МИДа предлагали создать специальный пункт в Долонноре или около Калгана⁵⁸. В ситуации активного японского проникновения в Монголию М.Н. Кузминский призывал к стимулированию экономического освоения страны и расширению Россией площадей землевладения в Халхе и западных округах⁵⁹.

Заключение секретной российско-японской конвенции 17 (30) июля 1907 г., по ст. 3 которой Япония обязалась «воздержаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб» специальным интересам России во Внешней Монголии⁶⁰, не остановило командирование разведчиков в эту часть Китая. Российские консулы в Урге и Улясутае предприняли меры для пресечения деятельности групп японских агентов-пропагандистов в монастырях (в частности, в Эрдэни-цзу, где они хотели назначить собственного ламу) и ставках князей, проникавших в Забайкалье, а также ученых (к примеру, летом 1908 г. в Урге под видом таковых побывало около 20 японцев). В частности, в начале августа 1908 г. Я.П. Шишмарев смог «повлиять некоторым образом», чтобы ни один ургинский возчик не согласился отвезти очередную «научную» экспедицию Японии по направлению к Улясутайскому округу. В феврале 1908 г. консул в Улясутае предупредил посещение японцами ставок и монастырей в Улясутайском, Кобдоском округах, а также в землях дэрбэтов и урянхов⁶¹. Летом 1909 г. в ходе поездки по округу Я.П. Шишмарев собрал данные о деятельности японцев в Восточной Монголии и Приманьчжурье⁶².

Подписание российско-японского соглашения 21 июня (4 июля) 1910 г., закрепившего «формальный союз» двух стран, определило условия двустороннего взаимодействия в сферах специальных интересов (в Маньчжурии, Монголии и Корее). Обе стороны обязались не вести политическую деятельность в регионах Китая, стратегически важных для контрагента, и не препятствовать укреплению в них влияния «союзника»⁶³. Следствием соглашения стало угасание активности Японии в Монголии, направленной против России, несмотря на то, что «монгольский вектор» японской внешней политики сохранял актуальность. Однако активное наблюдение и посильное предупреждение деятельности японских агентов в Монголии продолжалось консульствами до конца 1911 г. Токио попытался воспользоваться тяжелым положением Китая после революции и укрепиться в восточных районах Внешней и Внутренней Монголии. Установление российского протектората над Монголией после переворота в Урге 1 декабря 1911 г. способствовало снижению активности японцев в этом регионе. В русско-японской конвенции 25 июня (8 июля) 1912 г. линия разграничения сфер «специальных интересов» двух держав во Внутренней Монголии прошла по так называемому пекинскому меридиану. Это позволило России сохранить контроль над частью региона, по которому проходили ключевые торговые пути в Китай⁶⁴. Российские дипломаты также смогли ограничить вмешательство Токио в монгольские дела в период, следовавший за подписанием российско-монгольского соглашения 21 октября (3 ноября) 1912 г. об автономии Монголии. В частности они пресекли попытки ряда сторонников независимости страны вступить в коммуникацию с японским правительством и найти в лице Японии противовес влиянию России и Китая.

Исторические документы содержат свидетельства участия представительств Министерства иностранных дел в Монголии в наблюдении за деятельностью германских и австрийских путешественников-офицеров, а также предотвращении их проникновения на территорию Алтая, Монголии и Урянхайского края в 1909–1911 гг. При этом, руководствуясь соображениями сохранения равновесия в отношениях с европейскими партнерами, МИД, невзирая на противоречия с военным ведомством, в большинстве случаев не препятствовал перемещениям иностранных путешественников⁶⁵. Накануне и с началом Мировой войны усилилась наблюдательная деятельность всех консульств в приграничных регионах Китая. Консульствам в Монголии был поручен сбор данных о возможном проникновении в страну иностранных агентов и беглых. Так, в июне 1916 г. консул в Улясутае А.А. Вальтер и начальник консульского конвоя Мейер разоблачили двух австрийских военнопленных, бежавших из Сибири. Распоряжением консула этапным порядком они были отправлены в Ургу и высланы из Монголии⁶⁶.

Секретная деятельность дипломатов в Монголии, прежде всего работавших в Урге, в изучаемый период также распространилась на сферу отношений России с Тибетом. Здесь консульство проявило себя на двух направлениях. С одной стороны, оно собирало сведения о деятельности Англии в Тибете, с другой — напрямую участвовало в определении судьбы Далай-ламы XIII Тхуптэна Гьяцо, в ноябре 1904—июле 1906 г. искавшего помощи России на фоне продвижения английской экспедиции на Лхасу.

Российское представительство в Урге содействовало контактам российских и тибетских буддистов с 1870-х годов. В начале 1890-х годов даже в условиях нерегулярных связей со «страной снегов», Я.П. Шишмарев собирал данные о действиях Англии на границе Индии и Тибета и стремился ввести «тибетскую проблему» в повестку российского правительства. Так, из полученного весной 1892 г. письма двоюродного брата наставника Джебдзун-Дамба-хутухты Я.П. Шишмарев узнал подробности закрепления Англией за собой Севера и Юга Сиккима и отношения к этому населению, в 1895 г. — детали продвижения англичан к границам Тибета и внутритибетских дискуссиях о способах отражения их наступления⁶⁷. По мере разворачивания английской экспансии в Тибете консул отслеживал послания Далай-ламы хутухте о бесчинствах англичан в «запретной стране»⁶⁸. После установления советником Далай-ламы бурятом Агваном Доржиевым прямых отношений с Петербургом в 1901 г. консульство в Урге контролировало участившиеся паломнические и торговые связи буддийских народов России с Тибетом. В период после учреждения осенью 1903 г. консульства в Дацзянлу как наблюдательной базы за действиями Англии и Франции в Тибете и Южно-Центральном Китае генеральный консул в Урге Я.П. Шишмарев и посланник в Пекине М.П. Лессар были единственными каналами связи главы этого консульства Буды Рабанова с МИДом⁶⁹. Из письма А. Доржиева, направленного через консульство, Министерство иностранных дел узнало о критическом положении Тибета зимой-весной 1904 г.⁷⁰

Образование англо-японского союза, срыв договора с Китаем (весна 1902 г.) о выводе российских войск из Маньчжурии и назревавшая война с Японией блокировали активные действия России в Центральной Азии и в Тибете. Вследствие этого Петербург не смог дать симметричный ответ на британскую экспедицию под руководством Ф. Янгхазбенда, хотя после нарушения Англией *status quo* в регионе Генеральным штабом рассматривалась возможность отправки в Тибет военно-дипломатической экспедиции П.К. Козлова⁷¹. По условиям дипломатической сделки с Великобританией России было обещано сохранение *status quo* в Тибете в обмен на ее поддержку дополнения к англо-французской декларации 1904 г. по египетскому долгу⁷². После неудачи переговоров с тибетской делегацией в Гьянцзе отряд Янгхазбенда двинулся на Лхасу и прибыл туда 3 августа. 13 (26) июля 1904 г. Далай-лама тайно бежал в Ургу, за что был низложен цинским императором. 7 сентября 1904 г. регент Ти-Римпоче заключил Лхасскую конвенцию с Англией, по условиям которой она получала широкие политико-экономические права в Тибете и фактически превращала страну в свой протекторат. По мнению А.И. Андреева, тем самым Англия официально включила «запретную страну» в сферу своего влияния, вытеснив Россию из круга акторов, определяющих ее судьбу⁷³.

Прибытие Далай-ламы XIII в Ургу активизировало «тибетский вектор» политики России и вызвало бурные дискуссии в дипломатических и военных кругах относительно будущего Тибета и роли в нем России. Консульские сотрудники в Монголии приняли деятельное участие в разрешении вопроса о судьбе тибетского иерарха. При этом работа велась по двум каналам: в Урге на время отпуска генерального консула Я.П. Шишмарева ей занимался исполняющий обязанности консула В.Ф. Люба, а сам генконсул, находившийся в то время в Петербурге, осуществлял консультационную поддержку и обсуждал проблему с центральным ведомством. Император Николай II и Министерство иностранных дел высоко ценили мнение опытного консула и в процессе выработки позиции России в вопросе о Далай-ламе просили его выступить в роли эксперта. Я.П. Шишмарев принял участие в совещаниях при министерствах по «тибетскому вопросу» и англо-российскому разграничению в Азии в январе 1905 г. и июне 1906 г.⁷⁴ В итоге по настоянию Николая II,

уверенного, что сложную ситуацию, возникшую вокруг Далай-ламы, может разрешить лишь Я.П. Шишмарев, консул досрочно вернулся в Ургу⁷⁵.

Еще находясь в Петербурге, в конце 1904 г., Я.П. Шишмарев утверждал, что пребывание Далай-ламы в Урге послужит ослаблению его авторитета в Тибете. Помимо этого, сближение первосвященника с Россией, тем более в форме предоставления ему убежища, может быть расценено Пекином и Лондоном как вызов, что было неприемлемо в условиях войны с Японией. В связи с этим он рекомендовал удалить Далай-ламу в близкую к Тибету область Монголии и оказывать иерарху финансовую поддержку, пользуясь его услугами для укрепления влияния в отдаленных монгольских районах⁷⁶. Таким образом Я.П. Шишмарев стремился сохранить равновесие в российско-китайских отношениях и одновременно не допустить внутривосточного раскола в Тибете. В то же время, несмотря на ограниченные возможности России во время войны с Японией, консул призвал не оставлять первосвященника в беде и приложить усилия к выработке приемлемых условий для его возвращения на родину. Соображения Я.П. Шишмарева, очевидно, были приняты во внимание, поскольку к январю 1905 г. Министерство иностранных дел смогло выработать более четкую позицию в вопросе о судьбе Далай-ламы, которого предполагалось вернуть в Лхасу. В Урге его планировали оставить только до того времени, когда прояснились бы перспективы России в войне с Японией.

Консул В.Ф. Люба был непосредственным участником событий, связанных с пребыванием Далай-ламы в Урге и свидетелем развития напряженных отношений двух первосвященников — Джебдзун-Дамба-хутухты и Далай-ламы. Он стремился получить как можно больше сведений об этих взаимоотношениях, а также о настроениях простых верующих в связи с визитом Далай-ламы, проводя беседы с членами свиты тибетского духовного главы, ургинскими ламами и князьями. Например, от главы ламаистов Забайкалья он узнал, что Далай-лама произвел на паломников-бурят сильное впечатление и представлялся им как мудрый, просвещенный в основах веры и открытый для верующих духовный глава⁷⁷. Помимо консула, свидетелями и «летописцами» пребывания Далай-ламы в Урге, а также собеседниками последнего были академик Ф.И. Щербатской и путешественник, полковник Генерального штаба П.К. Козлов, прибывшие из Петербурга в мае 1905 г. Предложение о направлении в Ургу специальной делегации для приветствия Далай-ламы, выражения солидарности с его народом, а также использования уникального исторического момента для более глубокого ознакомления с политической и религиозной культурой Тибета и самой личностью первосвященника, было высказано на совещании российских ученых, которое состоялось в Петербурге в январе 1905 г. и в котором принял участие генеральный консул Я.П. Шишмарев.

В выработке приемлемых условий возвращения Далай-ламы в Тибет с начала зимы 1905 г. участвовали посланник в Пекине и консульство в Урге⁷⁸. Систематически направлял свои соображения по вопросу возможной эмиграции иерарха в Россию В.Ф. Люба⁷⁹. Вместе с секретарем М.Н. Кузминским он поставлял в МИД оперативную информацию об изменении обстановки в Урге и Тибете, сложных отношениях Далай-ламы с Джебдзун-Дамба-хутухтой, дискуссиях внутри свиты тибетского иерарха и в среде ургинских лам и князей о стремлении Далай-ламы получить помощь от России, отношении простых верующих к верховному ламе⁸⁰. Он провел несколько встреч с Далай-ламой, в ходе которых владыка Тибета отчетливо выражал искренние чувства к России, несмотря на то, что убедился в нереальности плана эмиграции в ее пределы⁸¹. Наместником правительства на Дальнем Востоке адмиралом Е.И. Алексеевым и министром иностранных дел В.Н. Ламздорфом обсуждался вопрос о поручении консулу в Урге переселения Далай-ламы в Россию, если на то последует одобрение царя. По мнению адмирала, В.Ф. Люба был способен «...обставить дело наилучшим образом... и без огласки»⁸².

На протяжении всего периода пребывания Далай-ламы в Урге императорское консульство служило каналом его связи с Тибетом и Россией. Весной 1905 г. первосвященник через посредство В.Ф. Любы добивался разрешения поехать в Петербург для окончательного решения о покровительстве России в отношении Тибета. Однако в связи с начавшимся на-

циональным движением в Халхе летом 1905 г.⁸³, поддержанным Далай-ламой, МИД активизировал подготовку возвращения духовного иерарха на родину. По предложению П.К. Козлова консульство начало работу над приготовлением конвоя под видом бурятских паломников для сопровождения иерарха в Тибет⁸⁴.

Перед отъездом из Урги Далай-лама просил управляющего консульством М.Н. Кузминского заявить протест против действий Англии в Тибете⁸⁵, позаботиться об оставленных им в Урге подданных и приверженцев, защитить их от притеснений маньчжурских властей⁸⁶, а также призывал оказать монголам помощь в освободительной борьбе⁸⁷. В день отъезда из Урги Далай-лама благословил М.Н. Кузминского, при этом он не попрощался с маньчжурским амбанем, приехавшим проводить его, тем самым артикулировав свои политические симпатии⁸⁸.

В вопросе о судьбе Далай-ламы вновь проявились трения между консульством в Урге и Кяхтинским пограничным комиссарством. Его глава А.Д. Хитрово обвинял консула в стремлении дистанцироваться от общения с первосвященником, утверждал, что именно из-за этих «натянутых скрытых отношений» Далай-лама переехал из Урги на северо-запад Халхи, в Хандацинван (Ван-Хурэ), установив непосредственную связь с Петербургом через А. Доржиева и пограничное комиссарство⁸⁹. Однако доверительные беседы с консулом и данное ему благословение перед отъездом из Урги свидетельствовали о благодарности главы Тибета за оказание консульством посильной помощи. Кроме того, после отъезда Далай-ламы из Урги в Ван-Хурэ консульские сотрудники В.Ф. Люба и М.Н. Кузминский продолжали осуществлять его коммуникацию с Россией, давать консультации, а также выступали в роли посредников в переговорах Далай-ламы с Пекином⁹⁰. Не в последнюю очередь благодаря посланнику и консулу в Урге, иерарха, которому цинский император в сентябре 1905 г. приказал вернуться в Тибет, удалось оставить в Халхе до лета 1906 г. и создать условия для постепенного примирения Далай-ламы с Пекином⁹¹.

В июле 1906 г. Далай-лама покинул Северную Монголию и перебрался в монастырь Гумбум в Амдо. Даже после заключения соглашения с Англией 1907 г., запретившего официальные сношения России с Тибетом⁹², консульство в Урге продолжало обеспечивать связь верховного ламы с Петербургом. Примечательно, что последний контакт Российской империи и Тибета состоялся именно при посредстве консульства в Урге, когда в ноябре 1915 г. управляющему консульством в Урге А.П. Хионину было доставлено письмо Далай-ламы, сообщавшего о нормализации ситуации в Тибете.

Таким образом, политическая деятельность консульств в Монголии в начале прошлого столетия включала и такое важное направление, как сбор секретной информации, выявление и предупреждение внешних угроз интересам России в данной стране, входившей в сферу ее интересов. Несмотря на независимость информационно-аналитической работы консульской службы, сотрудники МИДа находились во взаимодействии с другими ведомствами, осуществлявшими сбор секретных данных за рубежом, и по возможности оказывали им содействие в выполнении служебных задач. Создание агентурной сети в Китае после 1906 г. помогло разделить сугубо агентурную и информационную работу представителей России в Монголии, однако консульства продолжали доставлять подробные сведения о происходящем в округах их ответственности, чем существенно способствовали более полному и подробному информированию МИДа и других ведомств.

Результаты деятельности консульств, в особенности в период, предшествовавший созданию стационарной агентуры в Китае, имели большую значимость для правительства и администраций пограничных регионов России. Информация, поступавшая от консульских учреждений в Монголии на регулярной основе и, как правило, отличавшаяся точностью, полнотой и глубиной анализа данных, составляла важный комплекс аналитических материалов, использовавшихся при выработке и принятии внешнеполитических решений, реализации стратегии России на Дальнем Востоке. В первую очередь, консульские оперативные сведения и аналитика были значимы для выстраивания и прогнозирования отношений России с Китаем и Монголией. Особую важность они приобрели в период развернувшегося движения монголов за независимость. Секретные данные,

доставленные консульством в Урге, консультации дипломатов-монголоведов Я.П. Шишмарева и В.Ф. Любы также помогли правительству России скорректировать и артикулировать «тибетскую» политику в оптимальном для национальных интересов ключе. Негласное посредничество консульства в Урге в решении «тибетского вопроса» способствовало предупреждению противоречий с Пекином и Лондоном, а следовательно, нарушения баланса сил в международной системе в трудный для России период войны с Японией.

Российские дипломаты приложили существенные усилия для наблюдения за японскими агентами в Монголии и противодействия распространению влияния Японии в этой стране. Они осознавали возможные последствия успеха действий пекинского правительства и его японских советников по стимулированию ханьской колонизации кочевой страны, интернационализации торговли и развитию японской промышленности в Халхе и Западной Монголии. Препятствуя пути японским разведчикам в Монголии, консулы помогли не допустить завершения маньчжурских реформ по превращению Внешней Монголии в рядовую китайскую провинцию и растворению национальной идентичности монголов. Тем самым консульства препятствовали и появлению в Монголии «третьей силы», что, безусловно, отвечало российским политическим и экономическим интересам и соображениям сохранения международного status quo в регионе в начале XX века. Усилия российских дипломатов по выявлению германских и австрийских разведчиков и беглых накануне и в годы войны в Европе также внесли вклад в обеспечение национальной и региональной безопасности.

После Октябрьской революции 1917 г. императорская консульская служба прекратила свое существование, однако многие консульские работники в Монголии продолжали сотрудничать с белогвардейскими силами, применяя навыки информационно-аналитической работы для решения новых задач. Информационная, наблюдательная и экспертная функции активно осуществлялись российскими дипломатами до конца их пребывания в Монголии.

1. Подробнее см.: История дипломатии. 2-е изд. / под ред. А.А. Громыко, И.Н. Земскова и др. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1. С. 796.
2. Сведения о военном потенциале возможных противников собирало Статистическое отделение генерал-квартирмейстерской части Главного штаба; отделения приграничных военных округов, корпус пограничной стражи в ведении Министерства финансов собирали данные о контрабанде. В данной деятельности принимали участие легальные военные, морские атташе, военные агенты и т.д.
3. Первое консульство Российской империи в Монголии было открыто в 1861 г. Консульские учреждения в Западной Монголии были созданы в 1905 г. (Улясутай, представитель МИД прибыл к месту службы в 1906 г., официально согласие Китая на открытие консульства получено в 1909 г.), 1911 г. (Кобдо и Шара-Сумэ) и 1913 г. (Кобдо). Вице-консульство в Маймачэне учреждено в 1915 г.
4. *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987; *Белов Е.А.* Россия и Китай в начале XX в. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М.: ИВ РАН, 1997; *Белов Е.А.* Царская Россия и Западная Монголия в 1912–1915 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 96–105; Он же. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: ИВ РАН, 1999; *Лузянин С.Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Наука, 2000; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX—1917 г.). Барнаул: Аз Бука, 2003; *Дацишен В.Г.* Очерки истории Монголии в XIX — первой половине XX вв. М.— Берлин: Директ-Медиа, 2014; *Ганжуров В.Ц.* Россия — Монголия (история, проблемы, современность). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997; *Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX — начале XXI в. / отв. ред. А.В. Старцев.* Барнаул: Азбука, 2014.

5. *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия: очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994; *Единархова Н. Е.* Проникновение японцев в Монголию в начале XX века // Восток в прошлом и настоящем. Тезисы докладов к регион. конф. (г. Иркутск, 14–17 мая 1992 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. С. 100–102; *Единархова Н. Е.* Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. Иркутск: Репроцентр А1, 2008; *Русский консул в Монголии. Отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства / сост., вступ. ст., примеч., библиогр. Н. Е. Единарховой.* Иркутск: Оттиск, 2001.
6. *Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во СПбГУ, Нартанг, 2006.
7. *Күзьмин С. Л.* Пребывание Далай-ламы XIII в Монголии и планы провозглашения независимости // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сб. науч. тр. Улан-Батор—Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 96–102.
8. *Гендунов А. Б.* Русская агентурная разведка в Китае и Монголии в начале XX в. (по материалам Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В. А. Обручева) // Россия и Монголия сквозь призму времени: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Улымжиевские чтения-3». Улан-Удэ: Изд-во БурГУ, 2007. С. 101–109.
9. *Греков Н. В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: МОНФ, 2000. URL: <http://militera.lib.ru/research/grekov/01.html>; *Лебедев В. А.* О разведывательной деятельности МИД России в начале XX века. URL: <http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=724>; *Колтакиди А. И., Север А.* Спецслужбы Российской Империи. Уникальная энциклопедия. М.: Эксмо, 2010.
10. *Макаров М., Николаев Д.* Судьбы причудливая вязь. Фёдор Конрадович Боржимский — опыт биографической реставрации // РЕЙТАР — Военно-исторический журнал. 2011. № 3 (53). С. 186–209.
11. *Лигуу Б.* Из истории русско-монгольских отношений в конце XIX — начале XX вв. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960; *Ширендыг Б.* Монголия на рубеже XIX—XX в. (история социально-экономического развития). Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963; *Dashpurev D., Usha Prasad.* Mongolia: Revolution and Independence. 1911–1992. New Delhi: Subhash & Associate, 1993; *Лхамсүрэн Б.* Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол: [Внешняя среда и государственная независимость Монголии]. Улаанбаатар: Б. и., 1995; *Baabar Bat-Erdëniin.* Twentieth Century Mongolia. Cambridge: White Horse Press, 1999; *Хишигт Н.* Монголо-российское сотрудничество в военной области (1911–1916 гг.) // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX в. Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2001. С. 31–42; *Батсайхан О.* Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ, 1911–1916: [Монгольская независимость и китайско-русско-монгольское Кяхтинское соглашение 1915 г., 1911–1916]. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи, 2007; *Батбаяр Ц.* Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилца: [Международные отношения Монгольского государства периода Многими Возведенного]. Улаанбаатар: Монгол улсын Шинжлэх ухааны академи Түүхийн хүррээлэн, 2008; *Батбаяр Ц.* Богд хаант монгол улс гуравдахь хөршийн эрэлд: [Богдохановская Монголия в поисках третьего соседа] // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сб. науч. тр. Улан-Батор—Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 208–220.
12. *Батсайхан О.* Уполномоченный императорского российского правительства в Монголии в августе 1912 — мае 1913 года Иван Яковлевич Коростовец // Россия и Монголия на рубеже XIX—XX веков: экономика, дипломатия, культура. Улан-Батор—Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. С. 161–171.
13. *Sha E qinlue Hua shi:* [История агрессии русского царизма в Китае]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1978. Vol. 1; *Gu Minyi.* Zhongguo jindai waijiao shilue: [Очерки внешних сношений Китая в Новое время]. Changchun: Changchun chubanshe, 1987; *Zhonghua Minguo waijiao shi ziliao xuanbian.* 1911–1949: [История дипломатии Китайской Республики. Избранные материалы. 1911–1949]. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 1988. Part 1. 1911–1919; *Menggu zu jianshi:* [Краткая история монгольского народа]. Khukh-Khoto: Nei Menggu renmin chubanshe, 1985; *Li Yushu.* Mengshi lun cong: [Сборник статей о монгольской проблеме]. Taibei: Yongyu yinshuachang, 1990; *Guo Tingyi.* Jindai Zhongguo shigang: [История Китая в Новое и Новейшее время]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1999; *Huang Dingtian.* Dongbei Ya guoji guanxi shi: [История международных отношений в Северо-Восточной Азии]. Haerbin: Heilongjiang jiaoyu

- Ya guoji guanxi shi, 1999; *Fan Minfang*. 1912 nian “E Meng xieyue” ji E Meng “Shangwu zhuanbiao” zhi qianding: [Заключение «Российско-монгольского соглашения» и российско-монгольского «Торгового протокола» 1912 г.] // *Zhong E guanxi de lishi yu xianshi*. Kaifeng: Henan daxue chubanshe, 2004. PP. 167–185; *Liu Cunkuang*. *Zhong E guanxi yu Wai Menggu zi Zhongguo de fenli (1911–1915)*: [Китайско-российские отношения и отделение Внешней Монголии от Китая, 1911–1915 гг.] // *Zhong E guanxi de lishi yu xianshi*. Kaifeng: Henan daxue chubanshe, 2004. PP. 151–166; *Dong Ya shi cong shiqian zhi 20 shiji mo*: [История Восточной Азии с древности до конца XX в.]. Changchun: Changchun chubanshe, 2006; *Xiong Jiangjun*, *Chen Shaomu*. *Guanyu Minguo shiqi Wai Menggu duli shijian de huigu yu sikao*: [Размышления об отделении Внешней Монголии от Китая в период Китайской Республики] // *Dang shi yanjiu yu jiaoxue*. 2007. Issue 2. PP. 72–77; *Bi Aonan*, *Alatengaoqier Wulan*. *Zhong E guanxi yu Menggu wenti, 1911–1924*: [Решение спорных вопросов в истории китайско-советских отношений] // *Zhongguo lishi xuan'an de zhongjie*. Beijing: Zhonggong dangshi chubanshe, 2010. PP. 21–70.
14. *Fritters G.* *Outer Mongolia and Its International Position*. L.: Duke University Press, 1951; *Tang P.* *Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia, 1911–1931*. Durham: Duke University Press, 1959.
15. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 7 об.
16. История дипломатии. Т. 1. С. 759.
17. Цит. по: *Обухов В.Г.* *Схватка шести империй: битва за Синьцзян*. М.: Вече, 2007. С. 28.
18. Подробнее см.: *Сизова А.А.* *Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольском политическом взаимодействии начала XX в.* // *Проблемы Дальнего Востока*. 2009. № 6. С. 100–113.
19. *Обухов В.Г.* Указ. соч. С. 52.
20. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 33 об.
21. *Гендунов А.Б.* Указ. соч. С. 103–107.
22. Там же. С. 102.
23. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 322 об.
24. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 131 об.
25. Там же. Л. 132.
26. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 15, 20–21.
27. Там же. Л. 15–15 об.
28. Там же. Л. 40–41.
29. Там же. Л. 42.
30. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 121–122.
31. Ухерида (укурдай) — родовой правитель в ряде округов Синьцзяна и Урянхайском крае, пользовавшийся правами дзасака (главы хошуна).
32. Там же. Л. 152 об.-154 об.
33. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 5–6.
34. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 621. Л. 51.
35. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 293.
36. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 156 об.-157.
37. *Единархова Н.Е.* Проникновение японцев в Монголию в начале XX века. С. 100.
38. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563. Л. 188 об.
39. АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 870. Л. 4.
40. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 20.
41. Там же. Л. 71 об.-72.
42. Там же. Л. 72 об.
43. Только в 1910 г. японские капиталисты провели серьезные переговоры о создании промышленных предприятий в Монголии.
44. *Li Narangoa.* *Japanese Geopolitics and the Mongol Lands, 1915–1945* // *European Journal of East Asia Studies*. 2004. Vol. 3. No. 1. PP. 49–50, 62–63.
45. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 71 об.-72.
46. *Единархова Н.Е.* Проникновение японцев в Монголию в начале XX века. С. 101–102.
47. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 73–73 об.
48. Там же. Л. 157 об.
49. Там же. Л. 160 об.

50. Греков Н.В. Указ. соч.
51. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 598. Л. 5–8.
52. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 30–31, 154 об.
53. Там же. Л. 111–112.
54. Там же. Л. 30–31.
55. Там же. Л. 111–112.
56. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 596, 598.
57. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 71–75 об.; Д. 565. Л. 9–11 об.
58. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 8–9.
59. Там же. Л. 9 об.
60. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 538.
61. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 72 об.- 73.
62. Там же. Л. 85.
63. Гримм Э. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке: 1842–1925. М., 1927. С. 169.
64. Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 549–550.
65. Греков Н.В. Указ. соч.
66. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 25–28.
67. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 162 об.-165, 312, 338 об., 345 об.
68. Там же. Л. 409–410.
69. Андреев А.И. Указ. соч. С. 95–96.
70. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 4–5 об.
71. Андреев А.И. Указ. соч. С. 121–124.
72. Шаумян Т. Англия и Россия в борьбе за господство над Тибетом. Нью-Йорк: The Edwin Mellen Press New York, 2001. С. 102–107.
73. Андреев А.И. Указ. соч. С. 126–129, 132.
74. Указ. соч. С. 160–161.
75. Ломакина И. Великий беглец. М.: ДИК, 2001. С. 67.
76. Андреев А.И. Указ. соч. С. 135.
77. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1454. Л. 91. Цит. по: Ломакина И.И. Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе). М.: Т-во науч. изданий КМК, 2006. С. 51.
78. Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов 1900–1914 гг. М.: Восточная литература, 2005. С. 67–72.
79. Там же. С. 65.
80. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 7, 9 об., 17.
81. Там же. Л. 12 об., 52 об., 53, 55.
82. Россия и Тибет. С. 64.
83. Белов Е.А. Записка подполковника Генерального штаба Хитрово о Далай-ламе и его деятельности в Урге 1906 года // Восток. 1996. № 4. С. 137–139.
84. Россия и Тибет. С. 75.
85. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 60 об.
86. Там же. Л. 66 об.
87. Там же. Л. 62 об.
88. Там же. Л. 70–70 об.
89. Россия и Тибет. С. 107–108.
90. Там же. С. 84.
91. Андреев А.И. Указ. соч. С. 152.
92. Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 539–541.

Философия

Духовные истоки политической стратегии «мягкой силы» Китая

© 2016

Л.Е. Янгутов

В статье анализируются философско-мировоззренческие истоки формирования стратегии «мягкой силы» как важнейшего компонента политической ориентации современного Китая, демонстрирующего заметные успехи в экономической, политической, социальной и культурной областях. Рассмотрены учения даосизма, конфуцианства и буддизма, оказавшие большое влияние на формирование в Китае принципов концепции «мягкой силы», показано использование этих учений для оказания политического влияния на соседние страны.

Ключевые слова: мягкая сила, жесткая сила, гармония, единство, даосизм, конфуцианство, буддизм.

Сегодня в политической стратегии Китая имеет большую значимость концепция «мягкой силы», суть которой состоит в том, чтобы добиться результатов за счет привлекательного имиджа, пропаганды своих духовных ценностей без применения жестких методов, или же «жесткой силы». Теория «мягкой силы» исключает антагонизм, призывает к гармонии и сотрудничеству. Автором этой концепции считается Джозеф Най, который ввел понятия «мягкая сила» («soft power») и «жесткая сила» («hard power»). По его мнению, добиться намеченной политической цели можно путем применения жестких методов, или «жесткой силы», основанной на военном и экономическом потенциале. Однако существует и другой, альтернативный путь достижения намеченной цели, который состоит в использовании таких средств, как культура, духовные ценности, привлекательный имидж страны: они дают возможность влиять на объект, а не принуждать его. Эти средства представляют особый ресурс и составляют «мягкую силу». По мнению Дж. Най, «жесткая сила» основывается на угрозах и выплатах (кнул и пряник), мягкая же сила обеспечивает успех без всяких угроз и выплат¹.

Китай сегодня активно применяет стратегию «мягкой силы» (*жуань ши ли*), демонстрируя большие успехи во всех областях человеческой деятельности — экономической, политической, социальной и культурной. Успешность применения стратегии «мягкой силы» во многом объясняется тем фактом, что ее принципы не представляют

Янгутов Леонид Евграфович, доктор философских наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ). E-mail: yanguta@mail.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы», № 14-18-00444.

собой нечто совершенно новое для китайского менталитета. Несмотря на то, что автором концепции «мягкой силы» считается американский ученый, основные ее принципы восходят к древним традициям китайцев. Они составляют существенный и необходимый компонент их мировосприятия, основанного на представлениях о Дао — парадигме философских построений, отразившей тип древнекитайского мышления. По словам А.Е. Лукьянова, «Дао служит основой всех направлений, школ и учений древнекитайской философии. Все они исходят из одной культуры Дао, только в зависимости от своих задач и методов воссоздания гармонии в Поднебесной определяют исходное Дао и интерпретируют его по-своему»².

Гармония в Поднебесной — вот главная отправная точка всех философских построений древнекитайских школ и направлений. Идея ненасилия, гармонии и тождества получила свое отражение в доктрине о двух противоположностях *инь* и *ян*. Т.П. Григорьева выделяет три типа мышления, сложившихся в философиях Древних Греции, Китая и Индии: «Первая — предельно динамическая, где развитие происходит за счет столкновения противоположностей, в результате чего одна структура заменяется другой; вторая — умеренно динамическая, здесь развитие происходит за счет перехода одной противоположности в другую в пределах одной и той же структуры; и, наконец, третья — нединамичная (вернее, внутренне динамичная) индийская модель»³. Первый тип мышления — греческий, для которого характерно понимание противоположностей как состояния антагонистической борьбы, где одна противоположность непременно одерживает верх над другой: «Огонь живет смертью земли, воздух живет смертью огня, вода живет смертью воздуха, а земля — смертью воды»⁴. Второй тип мышления — китайский. Здесь противоположности находятся не в состоянии борьбы, а в состоянии взаимодействия. *Инь* и *ян*, символизирующие противоположные начала — женское и мужское, темное и светлое, мягкое и твердое, внутреннее и внешнее и т. п., — не находятся в состоянии антагонизма, их отношения выражают идею универсальной гармонии мира, взаимодействия пяти элементов (*у син*). Именно эти принципы отношения *инь* и *ян* легли в основу философских построений китайцев, включая построения выдающегося памятника философской мысли китайцев «Книги перемен» («И цзин»). Третья — индийская — модель постулировала тождество противоположностей. Эта модель впоследствии получила развитие в Китае, в доктрине китайского буддизма о единстве, тождестве и гармонии всего сущего, не-преграде всех вещей и явлений (*ши ши у ай*). Все сущее непротиворечно, едино и гармонично — вот главная идея буддизма, получившего широкое распространение в Китае. Эта идея составила не только внутреннее содержание философских и религиозных принципов буддизма, но и определила внешнее лицо буддизма, его духовно-нравственной, политической и социальной практики.

В духе утверждения мягких принципов и отрицания жестких была сформулирована даосская концепция «недеяния» (*у вэй*), согласно которой нельзя делать того, что противно природе. Все должно соответствовать Дао. В «Дао дэ цзин» говорится: «Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное»⁵. «Человек при рождении мягок и слаб, при наступлении смерти он крепок и силен. Среди вещей трава и деревья при рождении мягкие и хрупкие, при наступлении смерти пожухлые и сухие. Поэтому крепость и сила — спутники смерти, мягкость и слабость — спутники жизни. Вот почему, если войско сильное, оно не победит, если дерево могучее, его срубят. Сильное и большое уходит вниз, мягкое и слабое пробивается наверх»⁶.

Подобный подход, согласно которому следует поступать в соответствии с внешними обстоятельствами, а не идти им наперекор, отразил исключительный прагматизм и рационализм китайского менталитета. В этом прагматизме — житейская мудрость мягких способов достижения цели. На прагматизм и рационализм китайского менталитета указывают многие ученые, в том числе и известный китайский исследователь китайской мифологии Юань Кэ, который объяснил причину этой прагматики. Он пишет: «Предки китайцев жили в бассейне Хуанхэ. Там природа была скудной. Поэтому они очень рано научились обрабатывать землю. Это требовало больших усилий.

Поэтому они занимались в основном практической деятельностью, а не занимались размышлениями о фантастическом»⁷.

Принципы китайского прагматизма и рационализма получили теоретическое обоснование в учении школы моистов. Ее основатель Мо-цзы выдвинул теорию «всеобщей любви и взаимной выгоды» (*цзянь ай сян ли*). Согласно этой теории, необходимо осуществлять любовь ко всем и каждому, и тогда в ответ за это получишь обратную любовь всех и каждого, что и будет взаимной выгодой. Всеобщая любовь, в конечном итоге, оборачивалась полезностью для себя. Понятие справедливости (*и*) моисты приравнивали к понятию полезности (*ли*). Согласно их утверждению, «справедливость — это то, что полезно»⁸. Главным критерием истинности знания моисты считали его применимость на практике. Иными словами, что полезно, то истинно. Это положение, сформулированное древним философом, как ничто другое, соответствовало принципам достижения цели окольными, мягкими средствами. Ведь мягкие средства достижения целей суть те, которые в конечном итоге приносят выгоду и пользу. Логическим следствием философских позиций Мо-цзы явился его пацифизм. Он считал войны аморальными, поскольку во время войны выгоду горстки людей ставят над выгодой и пользой большинства остальных людей⁹.

Против войн выступал и Лао-цзы. В «Дао дэ цзине» говорится: «Превосходное войско — орудие несчастья, любой из людей ненавидит его. Поэтому обладающие Дао, не состоят в нем. Если благородный муж на мирной службе, то поддерживает левых, если на военной службе, поддерживает правых.

Войско — орудие несчастья и не орудие благородного мужа. Если вопреки желанию приходится все-таки использовать его, то сверх всего ставь равнодушие к славе и выгоде. Одержав победу, не считай это прекрасным. А если считаешь это прекрасным, то, значит, радуешься убийству людей. Кто радуется убийству людей, тот не сможет добиться своих целей в Поднебесной. Служение счастьем относится к левому. Служение злу относится к правому. Противостоящие командующим войсками занимают позицию левых. Идущие в командуемые войсками занимают позицию правых. Правильно говорят, что следует встречать их (войско) похоронным ритуалом. Всех убитых людей следует горестно и скорбно оплакивать. Военную победу нужно встречать похоронным ритуалом»¹⁰.

Весьма знаменательным представляется тот факт, что даже концепция военного искусства Древнего Китая, выдвинутая знаменитым полководцем Сунь-цзы, не отдавала предпочтения насилию. Его трактат «Искусство войны» («Искусство стратегии») представляет собой глубокое философское рассуждение о сути войны. По мнению Сунь-цзы, война — это путь обмана. Целью военных действий Сунь-цзы считал достижение выгоды, для чего не всегда обязательны жесткие средства. Жесткие средства должны использоваться только в крайнем случае. Поэтому он полагал: «Самая лучшая война — разбить замыслы противника: на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска...» (III, 2)¹¹. Иначе говоря, прежде чем начать военные действия, необходимо использовать такие ресурсы, как хитрость, обман, дипломатические средства; к вооруженным действиям прибегают лишь в последнюю очередь. При этом не ставится цель уничтожения врага. Сунь-цзы считал: «По правилам ведения войны наилучшее — это сохранить государство противника в целостности, на втором месте — разбить его, наилучшее — сохранить армию противника в целостности, на втором месте — разбить ее, наилучшее — сохранить бригаду противника в целостности, на втором месте — разбить ее, наилучшее — сохранить батальон противника в целостности, на втором месте — разбить его, наилучшее — сохранить роту противника в целостности, на втором месте — разбить ее, наилучшее — сохранить взвод противника в целостности, на втором месте — разбить его. Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего, лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь» (III, 1)¹². Война — это крайнее средство, к которому должен прибегать государь. Поэтому Сунь-цзы говорит: «Государь не должен поднимать оружие из-за своего гнева; полководец не должен вступать в бой из-за своей злобы. Двигаются тогда, когда это соответствует выгоде: если

это не соответствует выгоде, остаются на месте... Просвещенный государь очень осторожен по отношению к войне, а хороший полководец очень остерегается ее, это и есть путь, при котором сохраняешь государство в мире, а армию в целости» (XII, 5)¹³. Эти положения нашли свое отражение и в трактате другого именитого полководца Древнего Китая — У-цзы, а также в ряде других сочинений. Война в них рассматривалась не как уничтожение врага, а как получение выгоды; цель войны достигалась путем применения хитрости, обмана, стратегического и тактического планирования.

Против насилия выступал и ученик Конфуция Мэн-цзы (конец IV — начало III в. до н.э.), который выделял два типа правления: совершенномудрого *вана*, руководствовавшегося человеколюбием, и гегемона *ба*, опиравшегося на силу и принуждение. По Мэн-цзы, «*ба* — это владетель, который выдает себя нелицеприятным, прибегая, однако, к силе. В качестве *ба* он обязательно имеет крупное владение. *Ван* — это правитель, который осуществляет нелицеприятность, прибегая к своим добродетелям. В качестве *вана* он не нуждается в больших земельных владениях. Покоряющему людей силой не покорить их сердца. На это у него не хватит никаких сил. Покоряющему людей добродетелями удастся вызвать радость из самых глубин их сердец, все покоряется ему со всей искренностью. Примером служит покорность семидесяти двух учеников своему учителю Кун-цзы» (III, 3)¹⁴.

Особую значимость среди теоретических истоков стратегии «мягкой силы» занимает учение Конфуция и школы, оформившейся на базе его учения. Более того, учение Конфуция можно непосредственно характеризовать как учение о «мягкой силе». «Мягкий характер» этой школы особенно ярко проявился на фоне «жесткой силы» («hard power»), которую проповедовала школа легистов — ярых противников конфуцианцев в вопросах государственного управления.

«Жесткая сила» в концепции Дж. Ная характеризовалась как принуждение, основанное на военном и экономическом превосходстве. В Китае принципы «жесткой силы» нашли свое отражение в созданной легистами концепции государственного управления, которое, по их мнению, должно было опираться на закон (*фа*), силу (*ши*) и искусство управления (*шу*). Закон предполагал неотвратимость наказания, сила предполагала принуждение, важнейшей составляющей искусства управления было доносительство.

Концепция государственного управления легистов, основанная на жестких методах принуждения, предполагала неграмотность, темноту и забитость управляемого народа. Один из идейных лидеров легистов Шан Ян считал, что подданные государства должны думать только о труде и войне. Он утверждал: «Если люди глупы, их легко принудить к тяжелому труду, а если умны, то принудить — нелегко» (Шан цзюнь шу, гл. 6)¹⁵. Поэтому легисты выступали против образования, искусства и культуры. Они полагали, что управлять глупым, забитым и неграмотным народом легче, чем умным и грамотным. По Шан Яну, «когда знания пресекаются и не поощряются, — люди искренни и просты» (Шан цзюнь шу, гл. 6)¹⁶.

Жестким методам легистов Конфуций противопоставил принципы гуманного управления. Центральным пунктом конфуцианской философии стало учение о благородном муже (*цзюньцзы*). Это идеальный тип личности, которому должен соответствовать правитель. Привлекательный имидж правителя являлся главным условием гуманного управления. В «Лунь юе» говорится: «Осуществлять правление, опираясь на добродетель, — это подобно Полярной звезде. Она замерла на своем месте, а все другие звезды движутся окрест нее»¹⁷. Конфуций считал, что благородного мужа должны отличать почитание ритуала (*ли*), обладание гуманностью (*жэнь*), осуществление сыновней почтительности (*сяо*), владение образованностью (*вэнь*), а также исполнение долга (*и*).

Легистским методам управления, опирающимся на законы (*фа*), Конфуций противопоставил ритуал (*ли*), который был мягким вариантом социальной регуляции, основанной на традиционных родоплеменных ценностях. *Ли* понимается гораздо шире, чем просто ритуал и социальная регуляция. А.Е. Лукьянов подчеркивает значение ритуала (*ли*) в стремлении Конфуция гармонизировать Поднебесную. Он пишет: «Участие ритуала

ла в построении согласия объясняет положение Конфуция о том, что благородные мужи образуют круг совершенства, даже не будучи равными во мнении (см. [Л.ю., II, 14]: они соединены гармонизирующим их сознание и поведение ритуалом. Наконец, ритуал роднит всю человеческую Поднебесную и объединяет всех людей в одну семью, что подчеркнул в «Лунь юй» Цзы Ся»¹⁸. По словам Л.С. Переломова, «все критерии нравственности, разработанные Конфуцием, органически объединялись им в общий поведенческий блок, стоящий за термином *ли* (“Правила”, “ритуал”, “этикет” и т.п.)»¹⁹.

В «Лунь юе» говорится: «Учитель сказал: Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на законе, и поддерживать порядок [угрозой] наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится [чувства] стыда. Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем [использования] Правил, [в народе] появится [чувство] стыда, и он исправится»²⁰.

Легистской концепции силы (*ши*) было противопоставлено учение о гуманности (*жэнь*) и сыновней почтительности (*сяо*). Понятие гуманности, помимо морально-этического и психологического содержания, имело и социальную значимость. Оно предполагало нравственное поведение человека, должно было характеризовать его отношение к людям и обществу в целом, отношения на семейно-бытовом и государственном уровнях.

Учение о сыновней почтительности, помимо того, что оно постулировало необходимость заботы о своих родителях при жизни и почитании их после смерти, содержало в себе идею достижения цели окольным путем. Известное положение сыновней почтительности о том, что нельзя повреждать кожу, тело, волосы, поскольку все это получено от родителей, на самом деле постулировало бережное отношение к себе, или же любовь к себе. Через любовь к себе осуществляется любовь к родителям. Логика сыновней почтительности схожа с логикой «всеобщей любви» Мо-цзы. Но если Мо-цзы через любовь ко всем стремился к любви к себе, то конфуцианский принцип таков: через любовь к себе — любовь к другим. Здесь налицо суть логики «мягкой силы» — достижение цели окольным путем.

Особого внимания заслуживает учение Конфуция о *вэнь*. *Вэнь* в конфуцианском учении имеет широкий смысл, олицетворяет понятие культуры и грамотности. Это необходимое качество благородного мужа, предполагающее его образованность, в которую обязательно включалось знание ритуала.

Оформившаяся в период Чжаньго философия древних китайцев составила богатейший духовный багаж Китая, позволивший ему создать высокоразвитую цивилизацию. При этом Китай никогда не славился своими завоевательными походами и военными успехами, но всегда оказывал сильнейшее культурное влияние на близлежащие страны. В.А. Абрамов отмечает: «На протяжении столетий китайская империя выступала в роли культурного донора, а соседние страны — в качестве реципиента китайских социокультурных достижений. Их правящие династии осознавали необходимость соблюдения китайских сакрально-ритуальных правил игры и дипломатии, являвшихся инструментом обеспечения легитимности и эффективным механизмом монополии на власть. Реализуя эти правила взаимоотношений и становясь объектом социокультурной ассимиляции со стороны Китая, соседние страны получали “мир за покорность”»²¹.

В результате культурного влияния Китая на соседние страны, китайские традиционные учения конфуцианство и даосизм, а также буддизм, адаптированный на китайской почве, имели такую же популярность в Корее и Японии, как и у себя на родине. Правители Китая всемерно использовали этот фактор в своих геополитических целях, всячески способствуя продвижению своих духовных ценностей в соседние регионы. Китайские учения становились существенным фактором китайской дипломатии. Особенно сильно эта тенденция проявилась в период объединения Китая и создания централизованной империи под эгидой династии Тан (618–907). Танский двор прилагал усилия для распространения учений даосизма, буддизма и конфуцианства за пределами Китая, стремясь использовать их для усиления своего влияния. Так, Е.А. Торчинов пишет: «В

624 г. танский император направил в Когурё посла с изображением Лао-цзы для проповеди там даосизма. В 625 г. король Когурё, в свою очередь, отправил посла в Китай для изучения веры Будды и Лао-цзы»²². В Японии конфуцианство оказалось более популярным, чем даосизм. Однако наиболее ярко утилитарное отношение китайских правителей к своему духовному наследию проявилось по отношению к буддизму. Буддизм с его идеей единства и гармонии оказался наиболее удобным средством межкультурного диалога и решения геополитических задач «мягкими» средствами.

За всю историю своего развития у себя на родине и в других странах буддизм не знал ни одной войны, развязанной на религиозной почве во имя утверждения собственных идей. Его шествие по странам и континентам всегда было мирным. Не было антагонизма и вооруженных конфликтов внутри его школ и направлений. Адепты буддийских школ не рассматривали учения друг друга как еретические. Каждое учение воспринималось ими как равнозначный путь к спасению. Разногласия, решавшиеся в дискуссиях, сводились к спорам о степени эффективности того или иного пути, за каждым человеком признавалось право выбора собственного пути спасения. Этот потенциал буддизма нередко использовался в разрешении различных конфликтов политического, социального и религиозного характера. Как полагает Б.В. Базаров, «роль буддийского учения, традиционно осуждающего любые проявления насилия, несомненно, будет возрастать. В истории взаимоотношения стран Центральной и Восточной Азии этот потенциал буддизма нередко использовался для мирного регулирования военных противостояний»²³.

На этот потенциал буддизма обращали свое внимание правители Китая всех династий, следовавших за Тан. Буддизм стал весьма важным компонентом культурных и политических отношений Китая с соседними странами как в исторических, так и в современных политических реалиях.

Он стал фактором мирного взаимодействия и культурных отношений между тангутским государством Си Ся и двором династии Сун (960–1276). Сунские власти прилагали большие усилия в распространении китайских буддийских святынь в Си Ся и буддийской литературы. По словам Е.И. Кычанова, «на протяжении всего XI века тангуты неоднократно получали сутры из Китая. Все сутры были написаны на китайском языке»²⁴.

И уже с китайского языка сутры переводились на тангутский. При этом переводами буддийских канонов нередко занимались сами монархи, которые осознавали важность мирного сотрудничества с могущественным соседом. Буддизм стал удобным орудием мирной дипломатии. Эти обоюдные устремления сунского и тангутского дворов способствовали укреплению дружественных отношений между двумя государствами и укреплению влияния Китая на Си Ся. «В 1006 году тангуты заключили с династией Сун мирный договор. Начиная с этого времени, тангуты не воевали с Китаем на протяжении почти всего XI века. Оба государства ежегодно обменивались посольствами. В Суйчжоу и Сячжоу для китайских посольств специально были построены постоянные дворы. Все дороги из Сун в Си Ся были приведены в порядок, мосты отремонтированы. Каждое китайское посольство на границе встречали тангутские чиновники. Между странами завязалась оживленная торговля»²⁵.

Буддизм имел огромную значимость во взаимоотношениях юаньского Китая и Тибета, представлявшего в то время довольно крепкое и развитое в культурном отношении государство. Решающим фактором во взаимоотношениях Китая и Тибета стал тот факт, что Тибет был буддийским государством и буддийские монахи принимали самое активное участие в его политической жизни. Буддизм в тибетском варианте был ближе менталитету юаньских правителей, поэтому они благоволили тибетским проповедникам буддизма. Об этом красноречиво свидетельствует особое отношение Хубилай-хана к тибетскому иерарху Пагба-ламе, который был объявлен государственным наставником империи Юань.

Политику использования буддийского потенциала для оказания своего влияния на Тибет мирными средствами, а не через военные конфликты, продолжил минский двор в своих взаимоотношениях с Тибетом.

Минские правители активно использовали потенциал буддизма для поддержания дружественных отношений с Тибетом, с которым происходили постоянные столкновения. Китайские власти, безуспешно пытаясь добиться стабильности в Тибете при помощи силы, обратили свое внимание на буддизм как политический инструмент достижения стабильности в отношениях с ним. Монахи-буддисты стали использоваться в качестве проводников китайской политики в тибетских землях. В Тибет ввозились буддийские каноны, которые переводились с китайского языка на тибетский, было учреждено управление по делам буддийской церкви. Весьма интересным представляется в этом отношении исторический документ «Об образовании в тибетских землях управления по делам буддийской церкви», в котором говорится: «Западные фани²⁶ очень почитают Будду, поэтому [у них] учреждено [это управление]. Оно должно поддерживать господство буддийского учения и тем успокаивать людей в далеких землях»²⁷.

Буддизм стал средством укрепления мирных отношений между минским Китаем и Монголией в период правления там Алтан-хана (1507–1582). В данном случае проявилась обоюдная заинтересованность в буддизме как мягком средстве регулирования отношений. До правления Алтан-хана Китай постоянно подвергался набегам и грабежам монгольских племен. Однако во внутренней политике Алтан-хана стали преобладать созидательные мотивы. Он стремился создать очаги ремесла и земледелия, подразумевающие оседлый характер жизни. Построенный им город Хухэ-хото дал мощный импульс развитию ремесла, земледелия, а также торговли. Однако основной хозяйственной деятельностью продолжало оставаться скотоводство, которое нуждалось в рынке сбыта своей продукции. Главным торговым партнером монголов был минский Китай²⁸. Алтан-хан прилагал все усилия для того, чтобы наладить нормальные отношения с минским двором. Для этого необходима была новая идеология, способная стать орудием мирной дипломатии. Такой идеологией стал буддизм.

В 1578 г. из Тибета по приглашению Алтан-хана в Монголию прибыл тибетский иерарх Содном-Чжамцо. При этой встрече Алтан-хан признал Содном-Чжамцо главой ламаистской религии, присвоив ему звание Далай Ламы, а Содном-Чжамцо провозгласил Алтан-хана «царем Учения. Великим Брахмой среди богов»²⁹. Тогда же было обнародовано уложение «Арбан буяны цааз» («Закон, обладающий десятью добродетелями»), текст которого гласит следующее: «Благодаря союзу Алтаря и трона, подобно Солнцу и Луне, открылся путь великого благоденствия, утвердилось святое учение, превратившее кровавое море в молочное. Поэтому в странах этой части света: Китае, Тибете, Монголии — должен утвердиться закон десяти добродетелей»³⁰.

Практика использования буддийского потенциала в политических реалиях продолжалась и при Цинской династии (1644–1911), основанной маньчжурами.

Цинские императоры, как и монгольские правители империи Юань, вновь обратились к буддизму в его тибетской форме. Маньчжурский хан Нурхаци — такая же знаковая личность, как и монгольский хан Хубилай, — пригласил к себе тибетского ламу Улуг-Дархан-нансо, как в свое время Хубилай-хан пригласил Пагба-ламу. Тибетские ламы, а позже и монгольские ламы, стали принимать активное участие в общественной и политической жизни империи Цин³¹. Буддизм стал одним из самых действенных орудий для цинских правителей в их отношениях с Монголией. Они увидели в буддизме не только идеологическое средство закрепления своего господства, но и средство социальной и административной регуляции. Буддийская церковь заняла ведущее положение среди феодальных институтов. Высшее буддийское духовенство подчиняло гражданское и военное управление на местах. В то же время маньчжурские правители продолжали использовать буддизм для достижения своих политических целей в качестве мягкой стратегии.

В XVII веке Цинская империя вошла в непосредственное соприкосновение с Российским государством. Благодаря усилиям первых русских поселенцев Сибири, построивших такие укрепления, как Нерчинск, Иркутск и Албазин, Китай стал для России не далекой и загадочной экзотикой, а соседним государством. Однако это соседство

было далеко не мирным. Потребовались годы вооруженных конфликтов и мирных переговоров, чтобы между двумя государствами установились официальные дипломатические отношения.

Дипломатические отношения между Россией и Китаем начались с подписания Нерчинского договора от 27 августа 1689 года. Несмотря на то, что условия Нерчинского договора не были выгодными для России, сам Договор имел большую политическую значимость. Он заложил основы межгосударственных отношений между двумя странами, признал факт российского присутствия на Дальнем Востоке, создал дальнейшие условия для заключения Буринского и Кяхтинского договоров.

Установление границы между Российской и Цинской империями оторвало бурятские племена от монгольского мира, прервало их традиционные хозяйственные связи. Дальнейшие этнические процессы бурятских племен начали развиваться в обособленности от народов Центральной Азии, однако торгово-культурные и семейно-родственные отношения не прекращались. Особо значимыми были религиозные контакты. Буддизм, начавший к этому времени свое распространение среди бурят, в сложившихся условиях становился духовно-культурным мостом, связывающим их с родственными им племенами, которые остались по ту сторону границы. Этот фактор сумели разглядеть как царские чиновники, так и цинские правители, обратив внимание на него как на средство мирной дипломатии.

Утилитарное отношение к буддизму сохранилось и после создания КНР. Оно наглядно отразилось в деятельности Буддийской ассоциации Китая (БАК), созданной в 1953 г. при поддержке правительства. БАК была призвана объединить всех последователей буддизма вокруг народного правительства и оказывать ему всемерную поддержку. Генеральным секретарем, а в 1980-е годы председателем БАК был выдающийся религиозный и общественный деятель Чжао Пучу, который внес большой вклад в деятельность БАК, направленную на решение таких задач, как всемерное развитие буддизма в Китае и поддержка буддистами политического курса правительства. Весьма характерным является тот факт, что Чжао Пучу гармонично совмещал религиозную деятельность с государственной, выполняя обязанности Председателя БАК и заместителя председателя Народного политического консультативного совета Китая³².

В настоящее время важной стороной деятельности БАК стало содействие буддийскому образованию в странах Юго-Восточной и Южной Азии, распространение китайского буддизма в других странах, в том числе США³³. Все это способствует привлекательному имиджу Китая.

Вместе с тем сегодня в геополитической стратегии культурного влияния Китая на другие страны главный приоритет принадлежит конфуцианству, к которому обращено пристальное внимание ученых как в самом Китае, так и во всем мире. Освещая различные аспекты этого учения, они единодушны во мнении, что конфуцианство на протяжении всей истории Китая обеспечивало устойчивость культурных, социальных и политических ценностей.

Выдающаяся роль Конфуция в историческом развитии Китая заключалась в том, что выдвинув социально-этическую концепцию, соответствующую новому классовому состоянию общества, он сумел сберечь и сохранить общечеловеческие моральные ценности в условиях формирующейся государственности в Китае, внедрить их в сознание людей, которые уже начали делиться по имущественному принципу. Это придало особую привлекательность детально разработанным Конфуцием и его последователями принципам социальной регуляции и способствовало их укоренению в общественном сознании китайцев. При этом последователи Конфуция проявили великолепную способность усваивать идеи других философских школ и в зависимости от конкретной ситуации приспособлять их к своим теоретическим и практическим разработкам, сообщая последним гибкость и устойчивость. Поэтому не удивительно, что менталитет китайцев, сформированный в древний период их истории, по сути был конфуцианским менталите-

том. И этот менталитет оказался весьма восприимчивым к разрабатываемым в современных условиях принципам стратегии «мягкой силы».

1. *Joseph S. Nye*. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1990; Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, 2004.
2. *Лукьянов А.Е.* Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. М., 2000. С. 22.
3. *Григорьева Т.П.* Махаяна и китайские учения (попытка сопоставления) // Изучение китайской литературы в СССР. М., 1973. С. 109.
4. Там же. С. 103.
5. *Лукьянов А.Е.* Указ. соч. С. 191.
6. Там же. С. 204–205.
7. *Юань Кэ*. Чжунго гудай шэньхуа: [Мифы древнего Китая]. Пекин, 1957. С. 5.
8. *Титаренко М.Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985. С. 359.
9. Там же.
10. Дао-дэ цзин, § 31. Цит. по: *Лукьянов А.Е.* Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. М., 2000. С. 190.
11. Сунь-цзы. Искусство стратегии. Пер. с кит. / предисл. и коммент. Н.И. Конрада. М.–СПб., 2006.
12. Там же.
13. Там же.
14. Мэн-цзы / Предисл. Л.Н. Меньшикова; пер. В.С. Колоколова. СПб., 1999. С. 52–53.
15. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). Пер. с кит. / вступ. ст., коммент. и послесл. Л.С. Переломова. М., 1993. С. 172.
16. Там же. С. 182.
17. *Переломов Л.С.* Конфуций: «Лунь юй» / исслед., пер. с кит., коммент. факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М., 2000. С. 306.
18. *Лукьянов А.Е.* Указ. соч. С. 257–258.
19. *Переломов Л.С.* Указ. соч. С. 166.
20. Там же. С. 306.
21. *Абрамов В.А.* Глобализирующийся Китай. Грани социокультурного измерения. М., 2010. С. 74.
22. *Торчинов Е. А.* Даосизм // Духовная Культура Китая / гл. ред. М.Л.Титаренко. М., 2006. Т. 2. С. 232.
23. *Базаров Б.В.* Буддизм в условиях изменяющегося мира // Буддизм в контексте диалога культур. Улан-Удэ, 2015. С.12.
24. *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 287.
25. Там же. С. 280.
26. Тибетцы.
27. Цит. по: *Мартынов А.С.* Статус Тибета в XVII—XVIII веках. М., 1978. С. 49.
28. История Востока. Восток на рубеже Средневековья и Нового времени. XVI—XVIII вв. Т. 3. М., 1999. С. 564–565.
29. *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII—XVII вв.). М., 1979. С. 90.
30. Перевод текста «Арбан буяны Цааз» («Закон учения /Будды/. Обладающего десятью добродетелями») по тибетской рукописи, хранящейся в Государственной публичной библиотеке, осуществлен Р.Н. Дугаровым в книге «Очерки средневековой истории Кукунора» (Улан-Удэ. 2003. С. 40).
31. Подробно об этом см.: *Устжилай В.Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб., 2001.
32. *Горбунова С.А.* Роль Чжао Пучу в истории китайского буддизма XX в. // Общество и государство в Китае: материалы XLIII всероссийской науч. конф., г. Москва, 25–27 марта 2013 г. / ред. А.И. Кобзев. М., 2013. С. 399–405.
33. *Горбунова С.А.* Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства. М., 2008.

Научная жизнь

Институту экономических исследований Дальневосточного отделения РАН — 40 лет

1 июля 2016 г. исполнилось 40 лет со дня создания Института экономических исследований Дальневосточного отделения Российской Академии наук (ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск). Созданный как базовое научное учреждение для координации разработок по проблемам развития и размещения производительных сил, изучения населения и внешних связей Дальнего Востока, Институт за четыре десятилетия превратился в широко известный и авторитетный в России и за рубежом центр фундаментальных и прикладных исследований по широкому кругу проблем развития российского Дальнего Востока, российского экономического пространства, международных экономических взаимодействий, социального развития региона.

В ИЭИ ДВО РАН сформировалась и активно развивается уникальная научная школа по изучению закономерностей развития пространственных процессов в экономике, управления территориальными и производственными системами, моделированию и прогнозированию регионального развития.

Созданные учеными Института теоретические и методологические основы освоения и развития региона используются научными и практическими организациями, органами власти и управления федерального, регионального и муниципального уровней при определении направлений экономического и социального роста. Коллектив Института принимал участие в формировании, экспертизе и мониторинге практически всех государственных программ, реализованных на территории дальневосточного региона с 1976 г.

Большой вклад внесен специалистами ИЭИ ДВО РАН в изучение экономик стран Азиатско-Тихоокеанского региона, совершенствование взаимодействия с ними, усиление влияния России в АТР. Институтом проводится большое количество исследовательских работ совместно с научными организациями и университетами Китая, Японии, Республики Корея, США, Австралии и других стран региона.

Институт является настоящей кузницей кадров высшей экономической квалификации на Дальнем Востоке. Обучение и профессиональную подготовку в аспирантуре и докторантуре Института прошли сотни исследователей, которые затем стали ведущими специалистами в вузах и НИИ Дальнего Востока, возглавили крупные бизнес-структуры, заняли руководящие позиции в региональных органах власти.

От всей души поздравляем коллег-хабаровчан с юбилеем и желаем новых научных свершений.

XX научная конференция корееведов России и стран СНГ

24–25 марта 2016 г. в Москве в Институте Дальнего Востока РАН состоялась юбилейная XX научная конференция корееведов России и стран СНГ «Корейский полуостров в эпоху перемен».

На открытии конференции с приветствиями выступили заместитель директора ИДВ РАН С.В. Уянаев и заведующий отделом Кореи МИД РФ М.Г. Волков. В их выступлениях была представлена оценка ключевых событий на Корейском полуострове, а также подчеркивалась важность темы конференции на фоне современной международной обстановки.

Руководитель Центра корейских исследований (ЦКИ) ИДВ РАН А.З. Жебин подвел некоторые итоги двадцатилетней работы ежегодных конференций корееведов России и стран СНГ, проводимых ЦКИ ИДВ РАН. Стартовав в декабре 1996 г. как конференция корееведов Москвы, этот форум быстро стал самой авторитетной и устойчивой площадкой в России для регулярного представления результатов исследований, обмена мнениями, дискуссий и встреч корееведов нашей страны, к которым с 2005 г. присоединились специалисты из Узбекистана, Казахстана, Белоруссии и Украины. На 19-ти предыдущих конференциях были представлены 529 докладов, изданных в 21 томе (дважды доклады издавались в двух частях) общим объемом 342 печатных листа. За эти годы на конференциях выступили 160 докладчиков — представителей академической, вузовской и отраслевой науки, сотрудников госорганов, частных компаний, ряда СМИ, которые представляли свыше 50 различных организаций из 15 городов России и 4-х бывших республик СССР — Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Украины. Среди них — такие известные востоковеды, как академики М.Л. Титаренко и А.В. Торкунов, другие ученые, внесшие большой вклад в становление и развитие российского корееведения — М.Н. Пак, В.Ф. Ли, В.П. Ткаченко, Ю.В. Ванин, В.Н. Дмитриева. Конференция всегда пользовалась поддержкой со стороны руководителей корейского направления МИД РФ. Среди ее участников были российские послы Ю.Д. Фадеев, В.И. Денисов, В.Е. Сухинин, А.А. Тимонин, А.И. Мацегора. Выступления этих и других известных специалистов стали настоящей школой востоковедения для молодых ученых, аспирантов и магистрантов, студентов старших курсов вузов Москвы и других городов, которые все более активно участвуют в работе конференции. Материалы конференций дают представление о широчайшем диапазоне исследований, проводимых в России в области политики, экономики, истории и культуры Кореи, российско-корейских и международных отношений в СВА.

За прошедшие годы значительно расширилась область исследований. Первоначально конференции были посвящены проблемам политики, международных отношений и экономики, относящихся к Корее. Сейчас основные доклады, при сохранении сильных секций политики и экономики, посвящены истории, культуре, искусству, литературоведению, лингвистике в обоих корейских государствах. Еще одной из особенностей всех проведенных конференций является большое внимание обоим существующим на Корейском полуострове государствам — КНДР и РК. При этом освещению проблем КНДР и РК и от-

ношений между ними всегда происходило и происходит с позиций научной объективности, которые включают научный анализ реальных процессов, происходящих в этих странах. Разумеется, российские участники конференций всегда подчеркивали сбалансированный подход российской внешней политики к проблемам Корейского полуострова. Оценки, которые давались на наших конференциях процессам, происходящим на полуострове, чаще всего совпадали с реальными итогами политических и экономических процессов в Корее.

В работе конференции приняли участие ученые, специалисты и преподаватели вузов из городов России и стран СНГ, включая такие, как Москва, Санкт-Петербург, Томск, Ташкент, Алматы, Владивосток, представившие 36 докладов. Расширилась география участников. В этом году на конференции выступили с докладами ученые из Краснодарского и Иркутского. Конференция корееведов России и стран СНГ вызвала живой интерес у слушателей, численность которых превысила 70 человек, включая представителей российских министерств и ведомств, научного сообщества, СМИ, аспирантов и студентов ведущих московских вузов.

Работа конференции традиционно прошла по следующим тематическим секциям: политика, история, экономика и культура.

В секции политики было представлено 9 докладов, с которыми выступили корееведы семи научных учреждений, вузов трех стран (РФ, Казахстан, Узбекистан), в том числе ИДВ РАН (Корейский и Японский центры), МГИМО (У), ИСМИ (Ташкент), Казахского национального университета (Алматы), Института стран СНГ, Комитета СБ ООН по санкциям в отношении КНДР, Фонда «Русский мир», Центра российской стратегии в Азии. Состав докладчиков показывает, что темы сообщений касались не только чисто теоретических вопросов, но и практической политики.

В совместном докладе Г.Д. Толорая (Фонд «Русский мир», Москва), и Л.Н. Яковлевой (Центр российской стратегии в Азии) проанализированы место и значение Корейского полуострова в азиатской стратегии России в условиях кризиса. Авторы отмечают, что Россия должна играть более активную роль в азиатском направлении не только с точки зрения региональных интересов, но и в общемировом контексте, а также для диверсификации экономического сотрудничества в условиях санкций США и Евросоюза, их союзников и партнеров в связи с известными событиями 2014 г.

Темы, касающиеся ядерной проблемы Корейского полуострова и развертывания системы ПРО США на территории Республики Корея, были предметами докладов И.В. Дьячкова (МГИМО (У) «Северокорейская «водородная бомба» как напоминание о трудности урегулирования ядерной проблемы», В.В. Евсеева (Институт стран СНГ, Москва) «Перспективы создания противоракетной обороны в Республике Корея». Вопросы эффективности санкций против КНДР, наложенных резолюциями Совета Безопасности ООН, были темой доклада Д.В. Кику (Комитет СБ ООН по санкциям в отношении КНДР) «Беспрецедентный характер санкций СБ ООН в отношении КНДР: прелюдия к дальнейшей эскалации или разрядке?». Докладчик в силу своего должностного положения доказывал эффективность санкций, но не мог не признать очевидных фактов, что санкции против государств вообще неэффективны (хотя бы на примере санкций США и ЕС и их сателлитов против России), и что именно в условиях санкций КНДР создала ракеты среднего радиуса действия, испытала двигатель ракеты дальнего радиуса действия, а также ядерное оружие, успешно запустила спутники и окрепла экономически, технологически и технически.

Внешней политике Республики Корея были посвящены доклады К.В. Асмолова (ЦКИ ИДВ РАН) «Современное состояние китайско-корейских отношений», В.А. Гринюка (Центр японских исследований ИДВ РАН) «70-летие окончания Второй мировой войны и новые моменты в отношениях Японии с РК», Д.В. Мена (КазНУ, Алматы) «Казахстан и Республика Корея: 25 лет спустя», Э.Р. Расулова (ИСМИ, Ташкент) «Централь-

ная Азия во внешнеполитической стратегии Республики Корея». После образования независимых республик Казахстан и Узбекистан их внешняя политика в корейском направлении была больше ориентирована на Южную Корею в связи с установлением широких экономических связей. В силу преобладания экономических интересов, а также большей активности деловых кругов Южной Кореи в этих республиках приоритетными становились именно отношения с РК, а не с КНДР, тем более что Северная Корея не могла предложить каких-либо интересных экономических проектов или инвестиций. Между тем, например, прямые накопленные инвестиции РК в Узбекистан превысили 3 млрд долл. (для сравнения — накопленные ПИИ РК в России за 25 лет составили 2,5 млрд долл.).

К.В. Асмолов отметил, что непростые процессы также происходят в китайско-корейских отношениях. На долю Китая приходится четверть внешнеторгового оборота РК, и это обуславливает не только тесное экономическое, но и политическое сотрудничество. КНР поддерживала суровые санкции к КНДР, предложенные США в виде резолюции Совета Безопасности ООН 2006, 2008, 2013 и 2016 гг. Вместе с тем, Китай говорит о тесных кровных связях Китая и Северной Кореи и не откажется от сохранения определенных привилегированных отношений с КНДР.

Межкорейские отношения при последних двух президентах-консерваторах и их перспективы были предметом исследования Ким Ен Уна (ЦКИ ИДВ РАН) «Правый поворот в РК: состояние и перспективы межкорейских отношений». В докладе подробно показаны благие намерения президентов РК улучшить отношения между двумя частями полуострова и неизбежность провала и даже дискредитации их в силу ошибочной методологии подхода к межкорейским отношениям.

На исторической секции в девяти докладах представителей институтов РАН (ИДВ РАН, ИВ РАН, ИИАЭ ДВО РАН) и университетов (МГУ им. Ломоносова, МГИМО(У), ИрГУ) рассматривались вопросы, касающиеся как древней истории и этнографии Кореи, так и периода японского колониального ига, включая вопросы освободительной борьбы корейского народа, а также истории установления и развития отношений между Россией и Республикой Корея.

Вопросы этногенеза корейцев до сих пор являются предметом острых споров среди многих специалистов в области этнографии и этнологии.

А.В. Ефимов (МИД РФ) в докладе «Сближение корейцев и нивхов на основе этнографических показателей» обращает внимание на сходные черты в корейской и нивхской мифологиях, в частности, ряд духов со схожими названиями либо имеющих общие функциональные черты.

Драматическим страницам взаимоотношений средневекового государства Корё с чжурчжэнями как в их догосударственный период, так и после образования государства посвящен доклад **О.В. Дьяковой** (ИИАЭ ДВО РАН) «Корёско-чжурчжэньское пограничье: контакты и конфликты».

Большинство докладов секции касалось колониального периода истории Кореи, в том числе характерных особенностей японского колониализма в Корее, национально-освободительной борьбы корейского народа, а также отношениям независимой Южной Кореи с Японией.

Доклад **Д.А. Якимовой** (ЦЯИ ИДВ РАН) был посвящен особенностям колониальной политики Японии в Корее в сравнении с колониальной политикой Великобритании в Индии и Ирландии, Франции в Алжире и Германии в Эльзас-Лотарингии. Великобритания сохранила право собственности на землевладение за высшей знатью Индии, тогда как в Корее путем разных махинаций японские власти захватили почти все земли.

В докладе **К.В. Иванова** (ИрГУ) «История колониальной Кореи: политика, опрокинутая в прошлое» отмечается, что при заключении в 1965 г. договора об установлении дипломатических отношений между Японией и РК корейское правительство, в первую очередь по экономическим причинам, фактически отказалось от требования компен-

саций за преступления японского колониального режима, как и от официального извинения Японии за колониальную политику в Корее. Однако в конце 1980-х — начале 1990-х годов в РК сформировался общественный запрос на возобновление требований к Японии. В последние годы колониальный дискурс для РК стал не только средством внешнеполитического давления на Японию, но и средством общественно-политической мобилизации внутри самой Кореи.

Ю.В. Ванин (ИВ РАН) в докладе «Малонизвестная страница истории корейского освободительного движения» исследует процесс создания, военно-политическую подготовку и деятельность корейского батальона под командованием Ким Ир Сена в составе 88 отдельной стрелковой бригады Дальневосточного фронта. При этом автор ставил задачей исследования оценку объективности изложения событий в мемуарах Ким Ир Сена, адекватности историографического отражения истории Второй мировой войны на Дальнем Востоке. освобождения Кореи и истории советско-корейских отношений.

Л.В. Овчинникова (ИСАА при МГУ) в докладе «Политико-идеологическая обработка корейского населения японской колониальной администрацией. По страницам архивов японских спецслужб» раскрывает механизм японской тайной полиции, суда, прокуратуры, методов управления и контроля японских властей в колонии. Неизменным средством при этом оставались репрессии, обеспечиваемые мощным полицейским аппаратом. Во второй половине 1930-х годов была разработана и приведена в действие продуманная система дополнительных приемов, основой которой была идеологическая обработка местного населения, в которой главное внимание уделялось «патриотическому воспитанию» через такие организации, как «Движение за мобилизацию национального духа», «Союз всеобщей мобилизации национального духа» и его ячейки — так называемые «патриотические группы», другие прояпонские организации.

Значительное внимание в своем докладе «Место протестантской церкви в истории Кореи» **А.В. Пак** уделит роли протестантских миссионеров Шотландии и США, своей просветительской деятельностью невольно подготовивших идейную почву для национально-освободительного движения корейского народа против японского колониализма. В докладе освещалась и история контактов протестантов с корейцами, начиная с 30-х годов XIX в., их роли в доколониальный и в постколониальный период. В эпоху глобализации они также продолжают оказывать существенное влияние на политический курс РК.

В политике США в Северо-Восточной Азии и политике РК по привлечению внешних инвестиций, а также расширению рынка сбыта своих товаров большое значение имело установление дипломатических отношений между РК и Японией. Предпосылкам, международно-политическому фону и роли внешних акторов, а также предварительному этапу переговоров о нормализации двусторонних отношений между РК и Японией, которые начались уже в конце 1940 — начале 1950-х годов, был посвящен доклад **Р.Н. Лобова**.

В докладе **В.Е. Сухинина** (МГИМО) отмечается, что чрезмерные надежды, возлагавшиеся первоначально друг на друга в наших странах, не оправдались. Тем не менее, отношения между РФ и РК сами по себе имеют немалую ценность, и задача состоит в том, чтобы приложить максимум усилий для дальнейшего развития добрососедского сотрудничества во всех сферах, где это выгодно обеим сторонам.

На экономической секции обсуждались актуальные вопросы социально-экономического развития двух корейских государств на современном этапе, а также различные аспекты торгово-экономического сотрудничества КНДР и РК с Россией и другими государствами, давались прогнозы дальнейшего развития основных инвестиционных проектов с участием этих стран в сложившейся обстановке.

В докладах **С.С. Суслиной**, **А.Ф. Синяковой**, **А.В. Полищука** и **Ким Ён Сун** анализировались ключевые проблемы, стоящие перед экономикой РК в настоящее время, исследовалось состояние ведущих отраслей ее экономики, в частности, энергетической и инновационной.

Доклад С.С. Суслиной (ИДВ РАН) был посвящен исследованию динамики, текущего состояния и проблем развития экономики Южной Кореи на современном этапе. Докладчик справедливо отмечала, что во втором десятилетии XXI в. РК все более ощущает угрозу со стороны неблагоприятных для нее внешних факторов. С учетом мировых тенденций автор проанализировала эффективность мер южнокорейского руководства по сглаживанию диспропорций в развитии внешнего и внутреннего секторов в экономике страны, направленных на сбалансированный рост экспорта и внутреннего рынка. Выдвинутая руководством страны в начале 2016 г. экономическая стратегия предусматривает активное привлечение иностранных инвестиций, а также широкую поддержку пяти направлений экспорта, в которые входят: косметика, продукты питания, бытовые принадлежности, товары для детей и сфера моды.

А.Ф. Сняжкова (МГИМО) проанализировала основные тенденции и прогнозы дальнейшего развития энергетического сектора Республики Корея в свете негативной макроэкономической ситуации и падения цен на нефть. Докладчик отмечает, что падение нефтяных котировок приводит к волатильности на фондовых и финансовых рынках и вызывает опасения глобальных инвесторов, снижение курса южнокорейской воны, а одновременное ухудшение показателей китайской экономики, сужение экспортных рынков для южнокорейских экспортеров не позволяют уверенно прогнозировать заметное улучшение экономической ситуации в 2016 г.

Энергетическая тематика была продолжена и в докладе А.В. Полищука (ИСАА при МГУ), посвященного сфере нефтепереработки и нефтехимии Южной Кореи. Автор обратил внимание на то, что в результате модернизации НПЗ в РК произошел рост выпуска светлых нефтепродуктов и сырья для нефтехимии, повысился экспортный потенциал в направлении стран региона. РК активно защищает свой внутренний рынок, используя для этого процедуру антидемпинговых расследований, проводимых Корейской торговой комиссией.

Ким Ен Сун (Сахалинский ГУ) в своем докладе проанализировала инновационный потенциал Южной Кореи. Она отметила значительные успехи в промпроизводстве РК благодаря инновациям, активизации патентной деятельности, образованию. В 2012–2014 гг. РК заняла 4-ое место в мировом рейтинге патентной деятельности, а по итогам 2015 г. становится лидером в инновационном рейтинге агентства Bloomberg. Инновационный сектор РК развивается на основе этапных парадигм кооперации и модернизации национального образования, которые активизировали партнерские отношения между бизнесом, государством и образовательными учреждениями. Патенты, апробированные научно-технические разработки РК превратились в самостоятельный ресурс экспорта.

Отдельный блок вопросов, рассмотренных на экономической секции, был посвящен торгово-экономическому сотрудничеству России и РК, а также перспективам развития северокорейской торгово-экономической зоны Расон.

В.Г. Самсонова (ЦКИ ИДВ РАН) отметила, что на сегодняшний день наши страны оказались перед лицом глобальных вызовов и перемен. Причем существуют опасения, что перемены (такие, как нестабильность на сырьевых рынках, санкционный фактор, негативная макроэкономическая ситуация) будут носить в большей степени негативный характер. В то же время обе страны за счет активизации двустороннего экономического партнерства могли бы получить существенную выгоду: для России это возможность диверсифицировать свои торгово-экономические связи и уменьшить негативные последствия от санкций; для РК — реальная возможность занять ниши, которые оказались свободными в связи с кризисными явлениями в экономике и санкциями. Существует возможность активизации двустороннего сотрудничества на новых перспективных направлениях, таких, как туризм, строительная сфера, поставка товаров народного потребления, интернет-торговля и др. Кроме того, есть и возможность выхода на российский рынок средних и мелких предприятий РК.

Большой интерес вызвал доклад **О.В. Кирьянова** («Российская газета»), посвященный анализу ситуации и перспектив развития северокорейской торгово-экономической зоны Расон. Первоначальные ожидания КНДР о превращении зоны в «Гонконг Северо-Восточной Азии» пока не оправдались, а масштаб реально полученных инвестиций существенно меньше планировавшихся. Россия реализует с 2008 г. совместно с Северной Кореей логистический проект «Хасан — Раджин». Зона Расон имеет хороший потенциал для динамичного развития. Однако многие возможности блокируются рядом неблагоприятных факторов, среди которых заметную роль играет политический вопрос и напряженность отношений Северной Кореи с соседями.

В секции культуры было представлено десять докладов. Тематически их можно разделить на три группы: проблемы языка и перевода, вопросы корейской литературы, религиозно-мировоззренческие представления корейцев. Почти все выступления, вне зависимости от конкретной темы, объединяла попытка увидеть корни традиции в современных корейских культурных реалиях.

Доклад **А.А. Гурьевой** (СПбГУ) был посвящен традиционным моделям в отражении текущих проблем в современных южнокорейских текстах. Автор показала, что в основе трактовок современных событий лежат модели традиционного понимания гармонических взаимоотношений между противоположностями, отражающие базовый принцип организации социума и существования мира. Нарушение баланса и гармонии видится как ключевая причина многих социальных и других проблем. Автор особенно отметила роль текста в укреплении гармонии, что связано с древним пониманием его функции как инструмента положительного воздействия на мир.

Доклад **Е.А. Похолоковой** (МГЛУ) был посвящен языку политической корректности в СМИ РК. На основе анализа отчетов южнокорейского Национального института корейского языка автор сделала вывод о том, что в южнокорейской языковой и неязыковой действительности есть стремление к соблюдению мировых норм языковой политической корректности. Однако язык, словообразовательной основой которого являются иероглифические компоненты, обладает рядом ограничений для формирования политкорректной лексики.

М.В. Солдатова (МГЛУ) посвятила свой доклад интересному социально-культурному феномену современного Сеула — поэтическим строкам на вывеске здания Страховой компании Кебо на площади Кванхвамун. Более 20 лет каждый сезон на этой вывеске появляются новые, выбранные специальным комитетом литературные строки, наиболее соответствующие духу времени и отвечающие социальному запросу южнокорейского общества. Автор дала свою интерпретацию некоторым наиболее интересным с точки зрения имплицитного содержания строкам с вывесок разных лет, чтобы понять культурный код, на носителей которого они ориентированы.

И.В. Цой (СПбГУ) представила собравшимся лингвофилософскую категорию «мот» на примере творчества южнокорейской писательницы Пак Кённи. Доклад вызвал оживленную дискуссию, и к его предмету еще не раз возвращались в ходе дальнейших прений. **А.В. Погадаева** (РГГУ) познакомила аудиторию с историей детективного жанра в корейской литературе и его самыми яркими образцами. В контекст обсуждений культуры и литературы органично вписался доклад **Е.А. Хохловой** из Высшей школы экономики, который был посвящен анализу пейзажной живописи эпохи раннего Чосона. Автор предприняла попытку рассмотреть предмет своего исследования не только как результат художественно-эстетического поиска художника, но и как средство познания его миропонимания.

Ю.Г. Смертин (Кубанский ГУ) говорил о шаманизме как основе традиций повседневной жизни корейцев, объяснял, почему подобные верования, являясь продуктом многовековой трансформации исконных представлений о мире, имеют очень устойчивые позиции в современном обществе и продолжают активно развиваться и в XXI веке.

Н.А. Чеснокова (РГГУ) показала, что идеи традиционной географии *пхунсу чирисоль* играли и продолжают играть большую роль в культуре и истории Кореи. В частности, они служат потенциальным детерминантом будущего и судьбы человека. На многочисленных примерах докладчик продемонстрировала традиционные и современные ассоциации, связанные с корейскими провинциями.

Н.Г. Носкова (Новосибирский технический университет) говорила об истории этнонимов *чосон* и *хан* в названиях различных государств Корейского полуострова и анализировала причины выбора того или иного этнонима в различные исторические периоды. Отдельно был рассмотрен вопрос возможного названия будущей объединенной Кореи.

М.Е. Осетрова (ЦКИ ИДВ РАН) проанализировала, как КНДР пытается использовать ресурс своей национальной кухни в качестве средства публичной дипломатии. Доклад был основан на результатах недавнего полевого исследования, проведенного автором в северокорейских ресторанах Москвы. Среди прочего, выдвигается предположение о том, что КНДР постепенно меняет свое отношение к ресурсу национальной кухни как средству публичной дипломатии и в последние годы использует его активнее.

Состоявшаяся XX научная конференция корееведов России и стран СНГ «Корейский полуостров в эпоху перемен» вызвала большой интерес у специалистов, занимающихся корейской проблематикой, и традиционно послужила своеобразной «площадкой» для обмена мнениями по ключевым вопросам, объединив на время ее проведения как экспертов из научных и исследовательских организаций, представителей российских государственных органов власти, так и студенческую молодежь и аспирантов.

По результатам конференции и на основе представленных статей будет подготовлена коллективная монография.

© 2016

*Ким Ен Ун, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН,
М.Е. Осетрова, старший научный сотрудник ИДВ РАН,
В.Г. Самсонова, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.*

Содержание журнала «Форум Северо-Восточной Азии» (Дунбэй Я луньтань) (КНР) за второе полугодие 2015 г.

№ 4

К 70-й ГОДОВЩИНЕ ПОБЕДЫ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА

Ху Дэжунь. Китай в войне сопротивления Японии и международные отношения в военное время.

Восстановить историческую справедливость – Российские ученые о войне Китая против Японии

С.Г. Лузянин. Восстановление истины: СССР и Китай в 1931–1945 гг.

Н.Л. Мамаева. Роль СССР в войне сопротивления Китая японским захватчикам.

Е.И. Сафронова. Китай – полноправный участник коалиции победителей: восстановление исторической справедливости.

А.А. Кошкин. Агрессия Японии против Китая и советско-японский пакт о нейтралитете.

Чжан Гуансян. Битва титанов: танковая баталия СССР и Германии как поворотный момент Второй мировой войны.

Сюй Бо. О роли СССР и Китая в победе над фашизмом и японским милитаризмом в ходе Второй мировой войны. Российско-китайский международный научный форум «В ознаменование 70-й годовщины всемирной победы в войне с фашизмом и победы китайского народа в войне сопротивления японским захватчикам».

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ван Ивэй, Чжэн Дун. Стратегия «Один пояс, один путь»: моральные издержки и контрвызовы.

Хуан Мэйбо, Чэнь На. Анализ операционной среды и конкурентоспособности Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

Фу Цзинюнь. Логика эволюции газовой системы в Северо-Восточной Азии: анализ рыночной и энергетической структур.

Сунь Ли, Ли Цзюньцзян. Об американских планах расширения экспорта и их влиянии на Китай.

ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ху Линюань, Ван Мэнсюэ. Формирование международного сообщества в Восточной Азии и выбор Китаем стратегии внешних связей с учетом теории британских ученых.

Ши Чуньлинь, Ли Сюин. Изучение проблемы усиления взаимодействия КНР и Республики Корея в области спасательных операций на море.

Би Хунье, Ян Хуэй. Эволюция и анализ политики России на Ближнем Востоке.

Ли Сюэвэй, Ван Сяолу. Новое расширение американо-южнокорейского альянса: сотрудничество в области космической кибербезопасности.

№ 5

КИТАЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Чжан Тошэн. Выход из кризиса и восстановление диалога и сотрудничества: состояние и перспективы китайско-японских отношений.

Люй Яодун. Рассмотрение возможности достижения консенсуса между КНР и Японией на основе четырех принципов.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ван Чжисюань. Экономический пояс Шелкового пути: международный контекст, пространственное расширение и стратегическое наполнение.

Дун Шицзе. К изучению проблемы одностороннего использования нефти и газа в спорных морских зонах.

Кун Сянюн, Ли Ливэнь. Новая глобальная ситуация в энергетике и политический выбор Китая.

Чэнь Синьмин, Ли Юаньчжэн. Анализируя политику России в отношении Корейского полуострова в новом столетии.

Лю Шэнсян, У Чао. О стратегии США по «перебалансировке в АТР» с позиций теории доминирования стабильности и контрмерах Китая.

Ма Гуан. Послабления в судебных решениях Республики Корея в отношении прав жертв гражданской войны и апелляции к Китаю.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ян Дулянь, Чжао Чжэньцюань. Инвестиционные причины падения темпов экономического роста в Северо-Восточном Китае.

Юань Чуньван, Ду Ли. Вклад транспортной отрасли в развитие социально-экономической сферы провинции Цзилинь в условиях «новой нормальности»: анализ состояния и перспектив.

Хоу Ли, Юй Сяо. Демографические проблемы и их социально-экономическое влияние на Северо-Востоке Китая.

№ 6**К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ЯПОНИИ И ВСЕМИРНОЙ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ**

М.А. Гареев (Россия). Празднование 70-й годовщины победы китайского народа в войне сопротивления японским захватчикам и мировой войне против фашизма. Доклад в Центре китайско-российского регионального сотрудничества Цзилиньского университета.

Ван Шэнцзинь, И Бяочжун, Чжао Юйцзе, Чэнь Цзинянь, Шэнь Хайтао, Ба Дяньцзюнь, Шэнь Хэ, Сюй Цзя, Чжан Цзяжуй. Прошлое и будущее китайско-японских отношений.

Чжоу Юншэн. Как оценить вклад Китая в победу во Второй мировой войне.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Сунь Юйхуа, Пэн Вэньчжао, Лю Хун. Культурные особенности гуманитарного сотрудничества в экономическом коридоре «Китай – Монголия – Россия».

Ван Вэнь, Лю Ин. Инициатива «Один пояс, один путь» способствует совершенствованию международной системы управления.

Чжан Хуэйчжи, Ван Лидин. Поиски основ сотрудничества стран Северо-Восточной Азии в эксплуатации Северного морского пути.

Ван Минго. Международная основа системы реализации инициативы «Один пояс, один путь».

Ли Ян, Фэн Вэйцзе, Хуан Яньси. Изучение эффективности действия соглашения о свободной торговле между Китаем и Республикой Корея.

Лю Сюэлянь, Ли Сяося. Дипломатия великой державы с «китайской спецификой» и особенности ее реализации в Восточной Азии.

Цзучуми Кадзунао (Япония). Анализ политики Абэ в отношении Китая и Южной Кореи (на основе его выступлений и публикаций).

Содержание №№ 1–3 журнала «Проблемы Дальнего Востока» (РФ) за 2015 год.

Рецензии

Современный Вьетнам: Справочник. М.: ИД Форум, 2015. 368 с.

Каждая страна и каждая нация интересны и уникальны по-своему. И каждая вносит свой неповторимый вклад в развитие мировой цивилизации независимо от того, к какой части света принадлежит. Это утверждение в полной мере применимо к странам Востока и, в частности, Восточной Азии. Для человека, чья юность и молодость пришлось на советскую эпоху, слово «Вьетнам» звучит по-особому. Оно было неотъемлемой частью жизни и сознания советских людей, которые на протяжении нескольких послевоенных десятилетий не только внимательно и сочувственно следили за героической судьбой Вьетнама, но оказывали большую и бескорыстную помощь вьетнамскому государству в обретении им независимости и социально-экономическом становлении. В те времена выражение «братские узы двух народов» было отнюдь не пустой фразой или пропагандистским лозунгом.

К сожалению, после распада СССР Вьетнам, по известным причинам, оказался на периферии внешнеполитических и экономических приоритетов России и широкого общественного интереса населения нашей страны. Однако в начале XXI в. объективный ход истории, политические факторы и экономические мотивы стали снова разворачивать Россию лицом к Вьетнаму, который был и остается одной из ключевых стран Восточной Азии, во многом определяющей развитие этого важнейшего региона мира. Несмотря на все пертурбации в двусторонних отношениях наших стран, вьетнамцы в большинстве своем не забыли славные страницы этих отношений и не утратили симпатий к России, теперь уже постсоветской.

Сегодня основой российско-вьетнамских отношений является Декларация 2001 г. о стратегическом партнерстве между РФ и СРВ, которое в 2012 г. было поднято на принципиально новый уровень — всеобъемлющего стратегического партнерства. В Указе № 605 президента В.В. Путина от 7 мая 2012 г. Вьетнам назван одним из трех самых важных (наряду с

Китаем и Индией) стратегических партнеров России в Азии.

2 сентября 2015 г. Вьетнам отметил знаменательную юбилейную дату — 70-летие независимости. Вот почему только что вышедший из печати справочник «Современный Вьетнам» имеет особую актуальность и несомненную востребованность. Издание подготовил и приурочил к юбилею дружественной страны Центр изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. К написанию разделов справочника удалось также привлечь ведущих российских вьетнамоведов как молодого, так и старшего поколений из различных научных центров и практических организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока. Центр изучения Вьетнама и АСЕАН проделал большую и кропотливую работу по координации их усилий и соблюдению единых требований в процессе подготовки каждого раздела книги. Результатом этого стало укрепление роли и авторитета Центра в современном российском вьетнамоведении.

В отличие от ранее изданных в нашей стране справочников о Вьетнаме авторский коллектив настоящего сборника не ограничился формальным изложением новейших данных об этой стране, а проделал углубленный анализ всех достигнутых ею успехов и имеющихся проблем применительно к каждому основному аспекту истории, политики, экономики, социального развития, науки, культуры и внешних связей СРВ. Весьма сложная задача была выполнена авторским коллективом на высоком научном уровне, что позволяет рассматривать рецензируемый труд как полноценную коллективную монографию и своего рода «автопортрет» современной школы вьетнамоведения в России.

Монография состоит из предисловия, шести разделов и библиографии.

В первом разделе представлены общие сведения, касающиеся географии, населения, национального состава, административного деления, крупнейших городов и экономи-

ческих районов, особенностей языка и письменности, а также религий, распространенных в стране.

Второй раздел содержит краткий обзор древней, средневековой, новой и новейшей ее истории, вплоть до освобождения Южного Вьетнама и образования СРВ, первого десятилетия ее развития, принятия VI съездом КПВ нового стратегического курса — политики обновления («*дой мой*») и основных результатов ее реализации.

Третий и последующие разделы посвящены развитию Вьетнама в XXI в. Дан всесторонний и объективный анализ общественно-политической системы СРВ, руководящей роли КПВ в современном вьетнамском обществе.

Представлены основные направления, механизмы и результаты построения рыночной экономики в СРВ. В качестве ее основы фигурирует «высокоскоростная» модель развития с многоукладным хозяйством и активным привлечением иностранного капитала, технологий и профессионального опыта передовых государств, а также широким включением СРВ в систему международного разделения труда. Освещено развитие ведущих отраслей и секторов народного хозяйства.

В социальном разделе удалось показать последствия построения рыночной экономики для общества и осуществляемые государством меры по поддержанию социальной стабильности. Впервые на высоком профессиональном уровне освещены демографические и миграционные процессы в СРВ, состояние трудовых ресурсов.

Большое внимание уделено анализу международного положения Социалистической Республики Вьетнам и внешней политике страны, играющей роль катализатора рыночных реформ. Показаны как успехи внешнеполитической стратегии Вьетнама, так и новые вызовы и трудности. С особым вниманием авторы отнеслись к проблемам и перспективам развития вьетнамско-китайских отношений и отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Россией и СРВ.

Впервые в отечественном востоковедении подробно и со знанием дела рассмотрены особенности вьетнамской культуры, науки, литературы, искусства и пр. Разумеется, авторы не претендуют на то, чтобы во всей полноте раскрыть огромное разнообразие культурной и

духовной жизни вьетнамского народа, но и то, что сделано, заслуживает высокой оценки, так как привлекает внимание к богатой и самобытной культуре этой страны.

Справочник, несомненно, должен представлять интерес как для практических организаций России, отвечающих за различные аспекты сотрудничества с СРВ, так и для научных и учебных заведений, изучающих восточноазиатский регион, а также для широкого круга читателей, проявляющих интерес к современному Вьетнаму. Очевидно, что книга вызовет отклик и привлечет внимание вьетнамских официальных и научных кругов (что уже происходит). В частности, вьетнамские партнеры ИДВ выразили готовность перевести книгу на вьетнамский и английский языки, а также изучать ее в СРВ.

Не приходится сомневаться, что в последующие годы справочник будет совершенствоваться, дополняться и переиздаваться. Это объективная необходимость не только для специалистов-востоковедов, но и для широкого круга российских читателей. Поэтому хотелось бы пожелать авторам уделить в будущих изданиях больше места политической, экономической и военной помощи СССР вьетнамскому народу в борьбе за свои национальные интересы. Ведь эта помощь явилась важным фактором победы вьетнамцев в войне с самой могучей державой на планете — Соединенными Штатами Америки. К сожалению, этой важной теме уделено всего полторы из 368 страниц книги. Тем более, что сами авторы указывают: «Основу оборонного потенциала Вьетнама, который обеспечил победу Ханю во всех внешних конфликтах, имевших место в XX веке во Вьетнаме и вокруг него, до сих пор составляет оружие, произведенное в СССР и России» (С. 234–235). Это важно и с точки зрения правильного понимания молодыми поколениями россиян отечественной истории и роли СССР в мировых делах, особенно в условиях, когда внутри страны и за ее пределами набирает силу тенденция рисовать советскую внешнюю политику исключительно в отрицательных и мрачных тонах.

В целом же можно от души поздравить коллег-вьетнамистов с большой научной и творческой удачей — выпуском монографии, которая, несомненно, станет важной вехой в развитии не только науки о Вьетнаме, но и всего отечественного востоковедения.

В Обществе российско-китайской дружбы

Мезенцев Дмитрий Федорович — Председатель Общества российско-китайской дружбы

6 июня 2012 года в Москве состоялось заседание Центрального правления Общества российско-китайской дружбы, на котором на пост председателя Общества была вынесена кандидатура Д.Ф. Мезенцева — члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Участникам заседания Центрального правления Общества российско-китайской дружбы были представлены биографические данные кандидата.

Д.Ф. Мезенцев родился 18 августа 1959 г. в Ленинграде. Выпускник Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта в 1981 г., после его окончания он работал мастером цеха в одном из депо Октябрьской железной дороги. В 1983–1984 гг. занимал руководящие должности в Ленинградском горкоме и обкоме ВЛКСМ. В 1984–1990 гг. служил на офицерских должностях в Вооруженных силах СССР, был сотрудником армейской печати.

В 1990 г. Дмитрий Федорович был избран секретарем комитета ВЛКСМ батальона курсантов Ленинградского высшего училища железнодорожных войск и военных сообщений им. М.В. Фрунзе. В том же году он был избран депутатом Ленинградского горсовета.

С 1991 по 1996 гг. возглавлял Комитет по печати и СМИ мэрии Санкт-Петербурга. После переезда в 1996 г. в Москву был назначен заместителем председателя Государственного комитета Российской Федерации по печати.

В 1998 году в Санкт-Петербургском государственном университете Д.Ф. Мезенцев защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата психологических наук на тему «Психология влияния средств массовой информации на формирование политических установок личности».

В ноябре 1999 г. он стал Президентом Центра стратегических разработок, который в 2000 г. обеспечивал избирательную кампанию В.В. Путина.

В январе 2002 г. был назначен представителем в Совете Федерации от Иркутской области. С января 2004 г. стал заместителем председателя Совета Федерации, курировал информационную политику и экономические вопросы.

С 8 июня 2009 г. по 18 мая 2012 г. Д. Ф. Мезенцев был губернатором Иркутской области. Одновременно входил в руководство Государственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края, а также Комиссии при Президенте России по вопросам развития информационного общества, по развитию физической культуры и спорта в связи с проведением XXII Зимних олимпийских и XI Паралимпийских игр в Сочи.

Работая на посту губернатора Иркутской области, он возглавил также правление Делового совета Шанхайской организации сотрудничества.

7 июня 2012 г. главы государств — членов Шанхайской организации сотрудничества приняли решение о назначении Д.Ф. Мезенцева Генеральным секретарем ШОС. В этой высокой должности Д.Ф. Мезенцев находился с 1 января 2013 г. по 31 декабря 2015 г.

С 1 января 2016 г. Д.Ф. Мезенцев является членом Совета Федерации Федерального Собрания РФ от Сахалинской области.

Выступившие на заседании Центрального правления ОРКД заместители Председателя и члены Центрального правления академик РАН В.С. Мясников, директор I Департамента Азии МИД РФ А.Б. Кулик, временно исполняющий обязанности директора Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянин, заместитель директора ИДВ РАН А.В. Островский, декан факультета политологии МГИМО МИД РФ А.Д. Вознесенский, президент Международного союза юристов А.А. Требков, Чрезвычайный и Полномочный Посол В.И. Трифонов и другие, знавшие Д.Ф. Мезенцева по совместной работе как в России, так и в Китае, подчеркивали его инициативное и ответственное отношение к делу, большие организаторские способности, знание российских регионов, умение общаться с коллегами. А главное — его большой интерес и уважение к Китаю, желание активно участвовать в развитии российско-китайских отношений.

В результате голосования член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол Д.Ф. Мезенцев был единогласно избран Председателем Общества российско-китайской дружбы.

Д.Ф. Мезенцев поблагодарил участников заседания за оказанное ему доверие и подтвердил, что Общество российско-китайской дружбы будет формулировать свои задачи «с учетом того уникального уровня стратегического партнерства, авторами которого являются Президент России Владимир Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин». Д.Ф. Мезенцев отметил также, что ОРКД будет делать все возможное, «чтобы не просто система отношений между миллионами граждан наших стран становилась более понятной и прозрачной», но и находить «те формы взаимодействия, которые будут подробно и предметно рассказывать жителям Китая о России, содействовать развитию практических отношений в формате “регион-регион”, поддерживать отношения профессиональных и общественных организаций, представителей различных уровней бизнеса». «Мы должны работать во благо мира и дружбы, в поддержку стратегического партнерства, обозначенного Договором, подписанным Президентом РФ и Председателем КНР еще в 2001 году», — подчеркнул он.

Вновь избранный Председатель Общества российско-китайской дружбы Д.Ф. Мезенцев посетил Почетного Председателя Общества российско-китайской дружбы академика РАН С.Л. Тихвинского, который вручил ему удостоверение Председателя Общества российско-китайской дружбы.

Юбилей ученого

Сергею Геннадьевичу Лузянину — 60 лет

23 июля 2016 года исполнилось 60 лет известному российскому востоковеду, доктору исторических наук, профессору, автору более 300 научных, публицистических и учебно-методических работ и публикаций, директору Института Дальнего Востока РАН Лузянину Сергею Геннадьевичу.

Окончив с отличием в 1977 г. Иркутский государственный педагогический институт (Университет), в 1980-е — 1990-е годы он преподавал в российских вузах, пройдя большой путь от учителя истории сельской школы Иркутской области до профессора МГИМО (У) МИД РФ (кафедра востоковедения) и со-директора магистратуры по «Регионоведению. Азиатские исследования» Университета МГИМО. 18 мая 2005 г. в стенах этого славного учебного заведения ему было присвоено ученое звание профессора и вручен квалификационный аттестат.

Научный поиск С.Г. Лузянин начал в Иркутском университете, защитив кандидатскую (1984 г.), а затем в Институте востоковедения РАН в Москве (1997 г.) докторскую диссертацию по проблемам взаимоотношений России, Монголии и Китая. Проработав в ИВ РАН до 1997 года, С.Г. Лузянин был переведен на должность ведущего научного сотрудника и заместителя руководителя Центра «Россия — Китай» Института Дальнего Востока РАН, которым в тот период руководил академик В.С. Мясников. С 1997 года основными направлениями исследований С.Г. Лузянина становятся современные двусторонние российско-китайские стратегические отношения и вопросы развития ШОС.

В академических структурах С.Г. Лузянин проявил себя как прекрасный ученый, специалист в сфере внешней и внутренней политики КНР, проблем ШОС, БРИКС, РИК, Экономического пояса Шелкового пути, истории, региональной безопасности и современной Монголии. В российском и зарубежном научном, экспертном сообществе он пользуется заслуженным авторитетом. Имеет высокие рейтинги цитируемости (РИНЦ — 1015, Хирш — 12).

Одновременно С.Г. Лузянин (как совместитель) продолжает преподавать в Университете МГИМО МИД РФ и НИУ ВШЭ. Его лекции вызывают повышенный интерес,

поскольку несут чрезвычайно важную экспертно-аналитическую информацию, методически грамотно и умело доводятся до студентов.

12 октября 2015 г. приказом руководителя ФАНО М.М. Котюкова он был назначен ВРИО директора ИДВ РАН. На этой должности, как и на всех предыдущих, С.Г. Лузянин проявил себя как отличный руководитель и организатор. Он умело подбирает кадры, ведет большую работу по оптимизации системы управления ИДВ РАН, повышению профессионализма работников, исполнительской дисциплины. Идет постоянное привлечение в Институт молодых ученых (до 35 лет), а также высококлассных специалистов — практиков, работавших в профильных для Института странах и организациях.

Исполняя обязанности директора ИДВ в условиях реформирования РАН и появления новых руководящих структур (ФАНО), С.Г. Лузянин сумел сохранить преемственность и все базовые направления научных исследований, заложенные бывшим директором, академиком М.Л. Титаренко. Институт успешно развивается как ведущий мировой центр китаеведения. 8 июля 2016 г. на собрании трудового коллектива ИДВ РАН по выборам директора кандидатура С.Г. Лузянина получила подавляющую поддержку сотрудников Института. 27 июля приказом ФАНО он утвержден в должности директора ИДВ РАН.

Лузянин С.Г. — член редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока», заместитель главного редактора журнала «Москва — Пекин», был руководителем и участником 7 российских (коллективных) исследовательских проектов (РГНФ, Фонд Горчакова и др.) и 8 международных проектов по проблематике глобального управления, АТР, ШОС и РИК. Награжден правительственной наградой — медалью Совета Безопасности Российской Федерации (указ Секретаря СБ РФ Н.П. Патрушева от 20. XII. 2011 г. № 95 «За заслуги в обеспечении национальной безопасности»); медалью Совета министров иностранных дел ШОС от 2011 г. «За развитие ШОС». Является постоянным членом Научного Совета СБ РФ.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» сердечно поздравляют юбиляра и желают ему здоровья и новых творческих успехов.

85 лет Вадиму Ивановичу Шабалину

25 июня 2016 года исполнилось 85 лет Вадиму Ивановичу Шабалину.

Известный российский китаевед, доктор экономических наук, дипломат в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла, главный научный сотрудник ИДВ РАН и один из «отцов-основателей» Института Дальнего Востока Российской академии наук — он прошел славный трудовой путь, а его биография по охвату событий и географии трудовой деятельности поражает воображение.

Окончив в 1954 г. экономический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, уже в 1959 г. Вадим Иванович защитил кандидатскую, а в 1976 г. — докторскую диссертации. Основным направлением его глубоких и оригинальных исследований стала социально-экономическая политика КНР, а результатом — 11 монографий и более 60 научных

статей, участие в крупных международных форумах по вопросам мировой экономики в разных странах. Более того, плодотворная научная работа сочетается у Вадима Ивановича с исключительным талантом редактора: трудно перечислить монографии, сборники научных трудов и статей, в которых В.И. Шабалин выступал как научный или ответственный редактор.

Никогда не оставляя научную деятельность, В.И. Шабалин на протяжении всей своей насыщенной трудовой биографии удачно сочетал ее с деятельностью практической. Приведем лишь основные этапы большого пути юбиляра. На дипломатическом поприще В.И. Шабалин представлял нашу страну в Китае, Республике Филиппины, Союзе Мьянма. Многие годы посвятил работе в международных отделах ЦК КПСС, руководил Отделом межпарламентских связей Верховного Совета СССР, преподавал в Московском государственном университете. И не раз волею судьбы оказывался в гуще драматических событий: осада советского посольства во время «культурной революции» в Китае, государственный переворот в Маниле (по сути, первая «цветная революция» в мире), присутствие в осажденном Белом доме в Москве в октябре 1993 года...

Богатый жизненный опыт и несомненный литературный дар, разнообразие творческих интересов позволили Вадиму Ивановичу создать и опубликовать множество публицистических и художественных очерков, несколько монографий, в частности книги воспоминаний «Завтра будет дуть завтрашний ветер... Размышления о Времени» (2011) и «О времени и о себе» (2008), о которой тепло отозвался академик М.Л. Титаренко:

«Эту книгу я назвал бы лирическим образом истории в глазах дипломата, общественного деятеля и ученого. Одновременно это — живая история семьи... История достаточно драматична и трагична. Книга написана в лучших традициях мемуарной литера-

туры и представляет большую ценность... потому что многие события окрашены личным впечатлением и взглядами участника, внимательного аналитика. Это очень ценная работа, поскольку содержит оценки человека, который внес большой вклад в развитие российско-китайских отношений. Это мудрая книга о нашей дипломатии, общественной политике, нашем китаеведении».

Особое место в деятельности Вадима Ивановича занимает его «малая Родина»: он часто встречается с земляками — жителями Кировской области (места, где он родился, где прошло его детство, где жили его предки — вятские крестьяне) — интеллигенцией, преподавателями и учащимися, сотрудничает с местными музеями, оказывает помощь в издании краеведческой литературы, сам публикует очерки в местной прессе. «Без подъема провинции Россия не встанет на ноги», убежден Вадим Иванович.

Ветеран трех организаций — Министерства иностранных дел, Российской академии наук, Ракетно-космического агентства — В.И. Шабалин награжден тремя орденами СССР и восемью медалями, почетными знаками и медалями МИД РФ, СЭВ, РАН, ОРКД, Ракетно-космического агентства, погранвойск. Общий стаж трудовой деятельности Вадима Ивановича составляет более 60 лет. Его окружает прекрасная семья: жена Надежда Григорьевна — профессор, преподаватель политэкономии в университете, дочь Ольга — кандидат экономических наук, сын Сергей — экономист-международник, три внука и семеро правнуков. Он по-прежнему полон творческих замыслов, продолжает активную научную и редакторскую деятельность, готовит новые публикации, в частности в «Сборниках воспоминаний ветеранов дипломатической службы» МИД РФ, делится богатым опытом с коллегами.

Руководство и сотрудники ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» горячо поздравляют юбиляра и от всей души желают Вадиму Ивановичу Шабалину — ученому, дипломату, патриоту России и прекрасному человеку — здоровья и многих лет радостного творчества в кругу родных, близких и коллег.

Contents

Note by the Editor

ROUND TABLE AT THE IFES RAS

Russian-Chinese Relations at Present Stage: the 15th Anniversary of Signing the Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between RF and PRC

POLITICS

A. Zhebin. The VII Congress of the Workers' Party of Korea: Preliminary Results

K. Voda. International Development Assistance and Security Interests in Japan's Policy

ECONOMY

A. Afonasiyeva. The Role of Overseas Chinese in the Development of the Northern Branch of the Silk Road Economic Belt

N. Koledenkova. Ferrous Metallurgy of China in the 12th Five-Year Plan Period and International Cooperation in the Industrial Sector

ENVIRONMENT

I. Ushakov. Environmental Pollution in China

STATE AND SOCIETY

N. Tolmachev. The Fight against Corruption in Indonesia at Present Stage

HISTORY

The 50th Anniversary of the "Cultural Revolution" in China (Round Table in FEA)

A. Sizova. Information and Analytical Activities of Russian Consulates in Mongolia at the Beginning of XX Century

PHILOSOPHY

L. Yangutov. Spiritual Origins of the Political Strategy of "Soft Power" in China

SCIENTIFIC EVENTS

40 Years to the Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch of RAS

XX Scientific Conference of Korean Studies in Russia and the CIS Countries

Contents of the Journal *Dunbei Ya Longtan* (Forum of North-East Asia) (PRC) for the Second Half of 2015

BOOK REVIEW

Contemporary Vietnam: Reference Book

IN THE RUSSIAN-CHINESE FRIENDSHIP SOCIETY

Dmitry Mezentsev — Chairman of the Russian-Chinese Friendship Society

SCHOLAR JUBILEE

Sergey Louzyanin — 60 years

Vadim Ivanovich Shabalina — 85 years

Contents

Summary

Summary

A. Zhebin. The VII Congress of the Workers' Party of Korea: Preliminary Results

The article analyzes the work and the political results of the VII Congress of the DPRK ruling Workers' Party of Korea (WPK) held in May 2016 in Pyongyang. The author comes to the conclusion that the congress has not introduced any fundamental changes in internal and external policy of the WPK conducted over the last decades. The congress confirmed the policy of building socialism, expressed the intention to strengthen nuclear deterrent, to achieve the status of de facto nuclear power.

Keywords: DPRK, Workers' Party of Korea, congress, internal and foreign policy.

K. Voda. International Development Assistance and Security Interests in Japan's Policy

The article analyses Japan's policy in the field of Official Development Assistance (ODA) in the context of the task to ensure national security. It considers the basic national documents governing ODA. Special attention is paid to the changes in the concept of ODA in relation to the course of "normalization" of Japan's defense and foreign policy with the aim of increasing the country's role in international relations.

Keywords: Japan, Official Development Assistance (ODA), the Charter of cooperation development, defence reform, security interests.

A. Afonasiyeva. The Role of Overseas Chinese in the Development of the Northern Branch of the Silk Road Economic Belt

The article discusses the problems of economic influence of the overseas Chinese in major regions of China, Kazakhstan and Russia through which it is proposed to lay the Northern branch of the Silk Road Economic Belt. The author analyses the territorial structure of investment and industry structure of enterprises of overseas Chinese in the economic area of the ring of the Bohai Gulf, in some localities of the Central and Western regions of the PRC. The sectoral structure of China's large public and private companies in Kazakhstan and Russia, the possibilities of the business communities of overseas Chinese to participate in the promotion of the Silk Road Economic Belt are evaluated.

Keywords: overseas Chinese (Huaqiao), Chinese migrants, the Silk Road Economic Belt (SREB), China, Kazakhstan, Russia.

N. Koledenkova. Ferrous Metallurgy of China in the 12th Five-Year Plan Period and International Cooperation in the Industrial Sector

The article considers the problem of development of ferrous metallurgy in China. Because the industry creates the conditions for economic growth and largely contributes to improve the competitiveness of domestic producers in world markets, the modernization of the metallurgical complex is one of the priority tasks.

Keywords: China, ferrous metallurgy, the Asian infrastructure investment bank, the Belt and the Road.

I. Ushakov. Environmental Pollution in China

The article considers the problem of environmental pollution in China, evaluates the results of work on environmental protection according to the 12th five-year plan (2011–2015) and projections for the 13th five-year plan (2016–2020). It analyzes the challenges facing China on its way to improve the environmental situation in the country.

Keywords: China, four main types of pollutants, standards of environmental quality, air pollution, urbanization.

N. Tolmachev. The Fight against Corruption in Indonesia at Present Stage

The article discusses the current situation of corruption in Indonesia and the leadership measures to combat its development. The efficiency of these operations, and significant progress in reducing the level of corruption are also confirmed by Transparency International. Author indicates the presence of a persistent distrust of the Indonesian society to law enforcement and to the current judicial system, gives characteristic of the new anti-corruption legislation, shows the work of the Corruption Eradication Commission.

Keywords: Indonesia, corruption, index of perception of corruption (CPI), Corruption Eradication Commission, anti-corruption legislation.

A. Sizova. Information and Analytical Activities of Russian Consulates in Mongolia at the Beginning of XX Century

The article discusses the features of the activities of consular institutions of the Russian Empire in Mongolia in the field of analysis of the political and military situation there in early XX Century. It examines the work of foreign establishments of the Ministry of Foreign Affairs for monitoring the implementation of China's policy in Outer Mongolia and the neighboring regions, highlights the participation of Russian diplomats in limiting the spread of Japanese influence in Mongolia, and explains their mediation role in resolving the "Tibet issue".

Keywords: diplomacy of Russia, Consulate, information and analytical work, China, Mongolia, Tibet, Japan.

L. Yangutov. Spiritual Origins of the Political Strategy of "Soft Power" in China

The article analyzes the philosophical origins of formation of the strategy of "soft power" as an essential component of the political orientation of modern China that demonstrates progress in economic, political, social and cultural fields. The doctrines of Taoism, Confucianism and Buddhism which have exerted a great influence on formation of the principles of the "soft power" political concept are considered alongside with the use of these doctrines for rendering political influence on neighboring countries.

Keywords: soft power, hard power, harmony, unity, Taoism, Confucianism, Buddhism.

Прощание с коллегой

18 июля ушел из жизни один из старейших сотрудников Института Дальнего Востока, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН Павел Михайлович Кожин. Не прошло и двух лет с тех пор, как он отметил 80-летие, работал над продолжением своей монографии «Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии» (М., 2011), которое предварительно было названо «История Нового времени». В творческих планах Павла Михайловича числился большой список разнообразных тем, касающихся и древности, и современности. Он был полон творческих сил и замыслов...

Вся жизнь Павла Михайловича Кожина была посвящена избранной им еще в юности стезе — служению науке. Получив классическое образование (истфак МГУ) по специальности «археология» и защитив кандидатскую (1967) и докторскую (1990) диссертации, он благодаря своей уникальной трудоспособности стал признанным специалистом в самых разных областях гуманитарных наук: история, археология, сравнительное языкознание, филология, история философии, культурология, демография, историческая и социальная антропология, этнология, религиоведение. Большая часть его исследований была связана с Китаем, но публикации затрагивали и проблемы Евразии, Северной Америки.

П.М. Кожиным было написано и опубликовано свыше 400 научных работ (в том числе 4 монографии, статьи, обзоры, рецензии, заметки). Еще одна грань творческой личности Павла Михайловича — работа в Центре информации и документации ИДВ. Им было отредактировано в качестве ответственного или научного редактора (единолично и в коллективах) около 300 изданий, он являлся одним из основных научных редакторов, при участии которого были подготовлены основные труды ведущих ученых Института. Будучи в течение нескольких последних лет сотрудником Отдела научных изданий ИДВ РАН, он также занимал ведущие позиции в редактировании монографий и сборников, издаваемых Институтом

Много лет Павел Михайлович Кожин преподавал в РГГУ как признанный специалист в целом ряде гуманитарных наук, многократно был рецензентом и экспертом по кандидатским и докторским диссертациям, по различным проектам, подаваемым на гранты РФФИ и Министерства образования. Его живой интерес к широчайшему кругу тем помог многим, в том числе молодым исследователям в их научных исканиях. У него всегда можно было получить бескорыстную помощь и поддержку.

Как отметил руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, доктор политических наук А.В. Виноградов: «Павел Михайлович Кожин — один из последних представителей поколения ученых, в котором легко угадывались традиции русской науки первой половины XX века — блестяще образованный, с ясным критическим умом, энциклопедическими знаниями мировой истории и культуры, понимавший смысл фундаментальной науки и поэтому имевший собственный мотивированный взгляд на все главные проблемы современной России. Он одинаково хорошо знал как европейскую научную литературу XIX и XX вв., читал ее на языке оригинала, так и современную отечественную и зарубежную литературу по истории, философии и культуре. П.М. Кожин одним из первых в ИДВ более 20 лет назад стал публиковаться в ведущих

американских археологических журналах. Археолог по образованию и профессии, в ИДВ он стал специалистом по культуре и традициям Китая, общественной мысли и религии. Последней его крупной работой стал 1-й том десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века», изданный в июне 2016 г., где он был автором целого ряда ключевых разделов и заместителем председателя редакционной коллегии. В Институте знали и ценили независимость взглядов, принципиальность и интеллигентность Павла Михайловича, на протяжении длительного времени он входил в состав выборных органов общественных организаций».

Ушел из жизни большой ученый, интеллигент, человек чести, отзывчивый товарищ, который всегда был готов бескорыстно помочь словом и делом. Но его труды, его дела и память о нем сохранятся в сердцах тех, кому выпало быть его коллегами, друзьями, спутниками в жизни.

Коллектив Института Дальнего Востока РАН выражает глубокое соболезнование родным и близким Павла Михайловича Кожина.

Светлая память о Павле Михайловиче навсегда останется в наших сердцах.

*Дирекция, общественные организации и сотрудники ИДВ РАН
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
<http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

В соответствии с требованиями ФГУП «Академиздатцентр «Наука» авторы должны вместе с текстом статьи присылать в редакцию заполненный бланк «Договора о передаче авторского права» (для журналов, издающихся на русском и английском языках). Бланк договора можно найти на сайте ФГУП «Академиздатцентр «Наука»:
<http://www.naukaran.ru>.

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

Подписано к печати 29.07.2016 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 5,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 423 экз. Зак. 379. Цена свободная.

Издатель: ФГУП «Академиздатцентр «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2016 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ФГУП «Академиздатцентр «Наука» (Типография «Наука») 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги : [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.